

АЛЕКСАНДР ЯКУБОВИЧ

ПРОЕКТ ОКО

Аннотация

«Око» — литературный проект, работа над которым начата автором в мае 2015 года и завершена 28 июня 2016 года. Из небольшой зарисовки он перерос в научно-фантастическое произведение, главы которого выкладывались на geektimes.ru по мере написания.

Этот файл не является официальной версией книги, все главы с Geektimes собраны в один документ сообществом фанатов. Александр собирает средства на печать тиража. Подробности в группе ВКонтакте или Telegram.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Эпилог](#)
  - [От автора](#)
-

Глава 1

Он был в лесу. Обычном лесу средней полосы, в котором обитает вполне привычная живность, а встретить что-то опаснее ужа проблематично. Вдыхая свежий воздух с запахом хвои и мха, он двинулся дальше, прочь с опушки, вглубь лесного массива. Чувствуя единение с лесом, его не хотелось покидать, не хотелось оставлять это огромное, живое, дышащее существо.

Вот тут, казалось, именно за этим деревом, он делал первые шаги. Чуть дальше — школа, а после кадетская академия. Пройдя дальше тропами памяти леса можно было встретить все памятные моменты собственной жизни. Вот первые свидания, тут — уходы в самоволку и шуточный трибунал в кабинете ректора. Первая работа, первая настоящая любовь, первая серьезная покупка. Лес — олицетворение всей его жизни, сжатый в тугую спираль маленькой опушки, сейчас раскручивался с умопомрачительной скоростью, вскрывая все новые и новые подробности и детали жизни, которые хранились на задворках памяти.

Он коснулся рукой одного из старых сосновых стволов. Это его боевой товарищ. Следующий — старый пес. Он улыбался, идя от дерева к дереву и, соприкасаясь со своим прошлым, чаще радовался встрече, чем хмурился. Не было тяжести тревог, не было уже привычного, гнетущего состояния неизбежно наступающей беды. Только покой.

Чем дальше от продвигался в чащу леса, тем сильнее на него накатывали воспоминания. Вот старая,

корявая сосна, уходящая в небо выше других, казалось, презирая все законы физики, грозно возвышалась над прочими деревьями.

Сухой, мертвый ствол.

— Привет, отец. Давно не виделись. — Дерево ему не ответило.

Он коснулся лбом гладкой древесины, с которой уже давно отвалилась кора. Замерев в такой позе на некоторое время, он погрузился в воспоминания о своем старике. Разбитые трудом руки, сухая фигура, всегда прямая, но усталая осанка, характер, под стать внешности — жесткий и сухой. И яркий, светящийся умом, но от этого еще более тяжелый взгляд. Станный человек с заурядной судьбой, как и многие до него. Как и многие после.

Он почувствовал резь в глазах и вытер рукавом вырвавшуюся слезу. Но это было не эмоции, не тоска по прошлому.

Это горел лес.

Пожар будто поглощал его воспоминания, то, что составляло его личность. Огонь был уже повсюду, взяв его в плотное кольцо, отрезал все пути к отступлению. Жар стал обжигать кожу и легкие, было нечем дышать. Он слышал крик леса сквозь свой собственный, крик живого существа.

— Пульс? — голос шел из ниоткуда.

— Сто двадцать.

— А что с давлением?

— Сто сорок на сто.

— Хорошо. Приготовить стерильный инструмент, только сердце не остановите и, кто-нибудь, приведите его уже в сознание. И так слишком много материала

запороли.

— Пульс сто два.

Он не понимал, откуда идут голоса. Казалось, источник звука находится прямо за его спиной, но оглянувшись, он увидел только горящий лес, но даже через рев огня и собственную агонию он их слышал у себя за спиной.

— Образец 84 пришел в себя.

«Образец?» — вопросы множились, ответов не было.

— Продолжаем, — сказал Главный.

Он открыл глаза. Старый кафель, несколько пар ног в бахилах в зоне видимости и полная неспособность двигаться.

И тут к нему вернулись чувства.

Боль. Он чувствовал ее каждой клеткой своего тела, каждым нервом. Боль сводила с ума, но все что он мог — это пошевелить глазами. Даже мигнуть не получалось. Вот что было тем пожаром. Боль.

«Пожалуйста, дайте мне умереть! Дайте умереть! Дайте умереть!» — только эта мысль сейчас билась в голове Образца 84. «Умереть! Пожалуйста! Дайте умереть! Не надо, хватит!» Нет боли сильнее душевной, говорили люди, но то, что сейчас испытывал он, было не просто болью. Это была ее высшая степень, ее квинтэссенция, ее абсолют. Боль стала им, а он стал ею, ничтожный кусок мяса на столе, который молил о смерти. Но судя по разговорам его палачей, обрывки которых долетали до его агонизирующего сознания, убийство в их планы перед ужином не входило. Жаль.

Невероятным усилием воли он снова попытался ускользнуть в чащу, созданную его мозгом, в надежде сохранить остатки рассудка.

— Теряет сознание. — сказал еще кто-то.

— Давление? — «а это опять главный», подумал он и провалился в небытие.

* * *

Пытка на столе продолжалась еще целую вечность. Секунды растягивались в дни, и Образцу 84 казалось, что он вот-вот умрет. Еще четыре раза он был на грани, трижды пульс выходил за отметку 200, грозя разорвать сердце на части, дважды он возвращался в чащу леса в моменты клинической смерти. Но каждый раз его возвращали назад, в объятия боли.

Боль стала его заклятым другом, спутником, и наказанием. Боль поглотила все прочие чувства, стала основой его существования. Боль. Боль. Боль. Спустя время он стал различать ее оттенки. Он не помнил откуда, но был уверен, что однажды уже прошел через ад. Это — боль сломанных ног. Это — вырванные ногти. А вот и перелом позвоночника.

Почему его держат в сознании? Почему он не может двигаться, но все чувствует? Зачем?

— Подключайте последнюю контактную площадку и прозванивайте, — сказал голос главного палача.

Самих мучителей видно не было, только их ноги, снующие вокруг стола, на котором лежал Объект 84.

— Готово. — отчитался кто-то.

— Начинайте прозвон и выходим на финишную прямую, — голос главного казался довольным, насколько об эмоциях можно было судить через адскую боль.

— Запускаю проверку.

Щелчок.

От очередной вспышки он ослеп. Он видел только белый свет, иначе мозг передать то, что происходило с телом, был не в состоянии. Просто белый свет как олицетворение всех оттенков боли в одном.

— Пульс сто пятьдесят и давление растёт.

— Стабилизируйте!

Очередная вспышка — с ним что-то делали. А потом он погрузился во тьму, освещаемую редкими цветными пятнами. Мозг не мог справиться с нагрузкой и обработать хотя бы часть того, что сообщала ему нервная система организма.

— Синхронизация завершена с результатом 97,3%. — Это был кто-то новый.

— А вот и наш чемпион. Астрея будет удивлена новым статусом введомой, — голос главного выражал просто безграничную радость.

— Подключайте Око и зашивайте, мы закончили. — Объект 84 увидел, как одна из пар ног отошла от стола, на котором он лежал, и скрылась из поля зрения.

* * *

— Доброе утро, Объект 84. — голос звучал будто бы издали, но был знаком. Главный. — Меня зовут Доктор Ивор, рад, что вы живы.

Он попытался что-нибудь сказать в ответ, что-нибудь колкое, едкое, но получились только хрипы.

— Спокойнее, — сказал Ивор, — Вы подключены к аппарату искусственной вентиляции легких. К

сожалению, вы пока не можете даже дышать самостоятельно, о движении или разговоре даже речи не идет. Давайте вы полежите спокойно, а я частично введу вас в курс дела.

Объект 84 внимательно посмотрел на человека, который представился как Доктор Ивор. Широкие плечи, массивные руки, небольшая лысина, которую Ивор старательно прятал за стрижкой под ноль. Внимательные, близко посаженные глаза наблюдали за ним, но враждебности во взгляде не было. Любопытство, спокойствие и немного отвращения. Учитывая тот факт, что он командовал процедурой, которая теперь приковала его к постели, увидеть последнее было странно, но от этих размышлений отвращение никуда не делось. Ивор, где-то в глубине души, презирал то, что создал.

— Вы находитесь в закрытом исследовательском институте, Объект 84. Спектр наших исследований весьма широк и вам посчастливилось стать участником одного из них. Попрошу заметить, мы не принуждали Вас к чему-либо и на все вы пошли почти добровольно, завещав свое тело после смерти или при получении травм, несовместимых с жизнью, науке. Поэтому вы здесь. — Ивор отошел от края кровати к стене и сел на стоявший там стул, — Вам выпал уникальный шанс, Объект 84. — продолжил доктор.

Человек или то, что от него осталось и то, что все упорно называли не именем, а «Объектом 84», попытался опять заговорить с Ивором. У него было много вопросов, но издать опять получилось только слабый хрип.

— Тише, тише, я же говорил, вы на искусственной

вентиляции, пока не научитесь заново дышать, а так же ходить, говорить и связно думать. — Сказал Ивор.

Происходящее казалось либо плохой шуткой, либо очень хорошим розыгрышем, но Ивор был подозрительно для розыгрыша или шуток серьезен. Объект 84 попытался встать с кровати для того, чтобы схватить этого типа за горло и, если уж он не мог говорить, пояснить ему свою позицию касательно происходящего при помощи языка жестов. В основной своей массе, при помощи жестов не самых приличных и с элементами насилия.

— Я понимаю ваше негодование, однако, поверьте, я желаю вам только самого лучшего. Вы обязательно поправитесь и вернетесь к полноценному функционированию и даже больше, этого хотят все в этом здании и многие за его пределами, — сказал он.

Ивор сложил руки на груди крест-накрест, внимательно наблюдая за реакцией подопечного.

— С вами проведут интенсивный курс специальной терапии и процедур, чтобы вы как можно быстрее встали на ноги, — продолжил он и встал со стула, — пока же не смею нарушать ваш покой, отдыхайте.

Объект 84 попытался встать с кровати, но тело не слушалось. Руки беспорядочно бились из стороны в сторону, сдерживаемые ремнями на запястьях. Та же ситуация была и с ногами.

Ивор посмотрел на Объект 84, нахмурился и, думая о чем-то, открыл дверь.

— Сестра! У Объекта 84 начались судороги. Дозу успокоительного и проследите, чтобы до завтрашнего вечера его не беспокоили, — доктор был очень серьезен, — ему необходимо смириться с

произошедшим.

После того, как сестра скрылась за пределами дверного проема, Ивор развернулся к своему детищу, которое все так же билось в судорогах на кровати, и сказал:

— Мы обязательно подружимся, вот увидите.

После этого он вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Через несколько минут пришла медсестра в сопровождении нескольких крепких санитаров.

— Держите его, а то сломаю иглу. — сказала она.

Объект 84 не хотел отключаться, единственное, что двигало им сейчас — ярость. Он хотел встать с этой кровати, хотел, чтобы его тело вновь принадлежало ему. Он хотел вырвать глотку этому ублюдку, Ивору, который пытал его на операционном столе, держа в сознании, пока он не мог двинуть даже пальцем. Объект 84 жаждал крови.

Успокоительное подействовало быстро. Последнее, что он запомнил перед тем, как отправиться в сгоревший лес — матовый свет ламп, которые занимали весь потолок.

* * *

Он снова мог ходить. Попад в чертоги своего выжженного разума, после погружения в наркотический сон успокоительного, он вновь мог управлять своим телом, пусть и вымышленным.

Насколько хватало глаз, вокруг была выжженная огнем пустошь. Обгоревшие стволы деревьев, будто

гнилые зубы, торчали из земли, а солнце закрывала дымка, оставшаяся после пожара. Кое-где еще тлели угли, но в целом огненный шторм, который предшествовал его первому воспоминанию, когда он очнулся прикованный к операционному столу, стих. Не осталось ничего.

Он двинулся по пустыне своей памяти, бессердечно выжженной в ходе операции. Одно из деревьев показалось ему знакомым. Старое, кривое, оно возвышалось позорным столбом посреди пустоши и, будто бы, хотело ему что-то сказать. Объект 84, пусть его теперь зовут так, подошел и коснулся старого обгоревшего ствола, с которого, судя по всему, еще до пожара слезла кора.

Ничего. Мертвое дерево молчало и все так же оставалось просто деревом.

Он что-то услышал. Обернувшись, Объект 84 нос в нос столкнулся с трупом. Он стоял прямо перед ним, против всех законов природы и здравого смысла, обгоревший, местами до костей. Труп. Черты разобрать было невозможно, глаза от жара лопнули и вытекли, от губ и щек ничего не осталось. На том месте, где у этого бедолаги было лицо, будто застыла вечная улыбка. Так могла бы улыбаться смерть, имей она физическое воплощение.

Объект 84 пошатнулся и упал, запнувшись о корень старого дерева за его спиной, в попытке сделать шаг назад.

— Чего тебе?! — тут он мог говорить, — Кто ты такой?! Что тебе нужно?!

— Что мне нужно? — Обгоревшая челюсть трупа пришла в движение, имитируя речь, что было

невозможно, потому что на месте гортани просвечивал позвоночный столб, — да вроде ничего такого.

Объект 84 все так же сидел на земле и пялился на плод своего воспаленного сознания.

— Тогда зачем ты пришел? — спросил он.

— Зачем? — повторил следом труп, делая шаг в его сторону, — Я пришел сказать, что тебе, куску дерьма, пора просыпаться.

Как только он закончил говорить, Объект 84 получил мощный удар ногой в челюсть.

* * *

Его встретил все тот же потолок и матовый, мягкий свет ламп. Он все так же не чувствовал своего тела, хотя его руки иногда непроизвольно дергались, а пальцы рук сжимались в кулаки и снова разжимались.

«К сожалению, это не сон», — подумал Объект 84, — «а было бы неплохо проснуться еще разок».

Пока парализованный и неспособный двигаться подопытный изучал взглядом потолок, двое в соседней комнате жарко спорили.

— Вы вообще понимаете, что значит 97,3% синхронизации с базой Ока? Чем вы вообще думали, когда утвердили подобную цифру во время операции? — сказала женщина лет тридцати, которая нервно ходила по комнате пока говорила и изредка, будто вспоминая, что участвует в театральной постановке, размахивала руками, — 97,3%! Надо было опустить хотя бы до уровня в 80,4%, чтобы Астрея могла уверенно остаться на позиции ведущей. А что

теперь? — женщина резко остановилась и повернулась на носках к своему собеседнику лицом, а копна вьющихся каштановых волос взмыла над плечами тяжелой волной.

— Тише, Анна, тише, — сказал доктор Ивор.

Он наблюдал этот ритуал метания по кабинету уже не первую сотню раз. После каждой неудачной операции, когда мозг или сердце очередного Объекта не выдерживали, или при любой заминке в подготовке Астреи и Адикии, Анна начинала метаться перед ним, словно пойманный в клетку зверь. И каждый раз все заканчивалось одинаково. Она останавливалась прямо перед ним, резко разворачивалась на носках черных туфелек и обдавала Ивора цветочным ароматом своих волос.

Он внимательно посмотрел Анне в глаза. Слегка раскосые, серые, они смотрели на Ивора пристально снизу вверх; всего пяток сантиметров каблука не меняло того, что Ивор, хирург в своей основной профессии, а после уже — ученый-нейробиолог, был почти на две головы выше и в несколько раз крупнее миниатюрной шатенки. Слегка пухловатые губы поджаты, дыхание глубокое, а тонкие пальчики сжаты в маленькие грозные кулачки. Кому-то могло показаться это очень милым и даже весьма сексуальным, но Ивор знал — Анна в бешенстве.

— Милая моя, я не мог допустить, чтобы столь высокие показатели были искусственно занижены. Это уникальный экземпляр, лучшее, что мы когда-либо делали, — сказал Ивор.

— То есть вы хотите сказать, что искусственно занижать показатели Адикии — это нормально, а с

Объектом 84 допустить такого вы не могли? — Ответила Анна.

Ивор, закрыв глаза, устало потер переносицу. Анна никуда не делась и все так же стояла перед ним в своей самой воинственной позе, на которую была способна.

— Пойми, для Адикии и Астреи были predetermined их роли. Я не мог допустить, чтобы в этом тандеме Адикия была ведущей, она не способна принимать нужные нам решения в стрессовых ситуациях, — сказал Ивор.

— Ты считаешь, — Анна злилась на него все сильнее и сильнее с каждой секундой, — ты считаешь, что психопат с выжженными мозгами будет способен принимать правильные решения за троих?

— Ты говоришь о понижении уровня синхронизации на 17%! — повысил голос Ивор, — ты сама делала расчеты эффективного уровня для нашего проекта! Сколько сотен часов я отстоял за хирургическим столом, чтобы после отправить в операторы плоды своего труда, только потому что эти «Объекты» не дотянули пары процентов, а то и десятых до порога в 76,4%! — Ивор начал закипать, — Или напомнить тебе об Объекте 43? Помнишь, как я умолял тебя дать нам шанс испытать его? Помнишь, сколько ему не хватило? Напомнить?

Анна отошла на шаг отседающего на нее хирурга. Лицо Ивора полыхало, а на лысине выступили пару капелек пота. Анна добилась совершенно не того эффекта, которого ожидала. Загнать старого ученого в угол не получилось, она только разозлила его.

— Одной десятой. Сорок третьему не хватило одной десятой. Я все помню, Майк. — ответила Анна, не дожидаясь, пока Ивор сам огласил эту цифру.

Анна использовала последний, ранее безотказный козырь по успокоению коллеги — назвала его по имени. Немногие в здании лаборатории осмеливались это делать, но у нее была подобная привилегия, которой она иногда пользовалась в подобных ситуациях. Помогло и на этот раз. Ивор еще раз окинул ее тяжелым взглядом, а после закрыл лицо ладонями и упал в огромное кресло, стоявшее у него за спиной.

— Пойми, Анна, такой удачи больше может и не быть, — Устало сказал Ивор, — Всего пятнадцать подопытных мужского пола доходило до стадии синхронизации живыми и, потенциально, в будущем полностью функциональными. И только двое пересекли отметку отметку в 50%, а сорок третий почти достиг необходимого значения. А тут 97,3%! Я не мог позволить понизить уровень синхронизации, просто не имел права.

Хирург потер виски, посмотрел уже не на такую воинственную, как пять минут назад коллегу и продолжил:

— Астрейя тоже не была предназначена для ведущей позиции, ты это прекрасно понимаешь, но не хочешь признавать, потому что это ты ее нашла, — Анна не выдержала тяжелого взгляда хирурга и отвела глаза. Он же, тем временем, продолжил: — Астрейя и Адикия задумывались как равноправный тандем, а не как пара ведущая-ведомая. Справедливость и несправедливость должны идти рука об руку, но сейчас верховенствует вторая. Анна, Объект 84 — это отличный шанс сбалансировать их, вернуть программу в былое русло. — Ивор встал со стула и взял маленькую шатенку за плечи, наклонившись так, чтобы его глаза были на

одном уровне с ее.

— Ты понимаешь, Анна? 97,3%! При должном уровне подготовки и первоначальной поддержке со стороны Адикии, восемьдесят четвертый уже через год будет задвигать Астрею легким шевелением мизинца на ноге, — Ивор старался поймать взгляд Анны, но она до последнего отводила глаза.

— А если не сможет? Два лидера — это катастрофа. Мы потратим уйму средств и времени на адаптацию восемьдесят четвертого и его обучение. — ответила она. — Если что-то пойдет не так, его придется отбраковать в операторы, как и сорок третьего. — Анна повела плечами, будто поежилась от холода. — Что тогда, Майк?

Доктор Ивор отпустил плечи Анны, выпрямился в полный рост и повернулся к стеклу, за которым была палата восемьдесят четвертого.

— Под мою ответственность, — после долгой паузы сказал хирург.

— Но... — пыталась возразить Анна.

— Разговор окончен, можешь идти, — отрезал Ивор.

Анна знала эту кодовую фразу. Как только Майк говорил «Разговор окончен» дальнейшие дебаты не имели смысла, своего решения он не изменит.

Она попрощалась со старым хирургом и вышла в пустынный, ярко освещенный коридор лаборатории и направилась в свой кабинет. Приближался вечер и сейчас, на глубине сотни метров под землей можно было встретить только охрану и обслуживающий персонал: большинство сотрудников уже разбрелись по своим комнатам или залам отдыха. Анна прошла до поворота, бодро цокая каблуками по бетонному полу,

свернула налево и направилась к своему рабочему кабинету. По пути ей встретились только одна из десяти пар охранников, постоянно курсирующих по уровню.

— Доброго вечера, доктор Прайс, — поприветствовал Анну один из охранников.

— И тебе, Джеймс, — Анна немного замедлила шаг, — все в порядке?

— Конечно, доктор, — ответил он и улыбнулся настолько широко, насколько вообще способен широко улыбаться человек, — вы под надежной защитой.

Анна тоже улыбнулась охраннику, но ничего не ответила и пошла дальше, чувствуя на своей спине и всём, что ниже ее, два мечтательных взгляда. Дойдя до двери своего кабинета, она приложила ладонь к датчику и через секунду услышала щелчок замка. Можно входить.

«Господи, какое счастье, что нам больше не нужны эти тупые ключ-карты», подумала Анна, зайдя внутрь и включая в кабинете свет. Будучи ребенком, она их постоянно теряла, чем вызывала гнев отца и упреки со стороны матери. С ранних лет Анна ненавидела вездесущие двери. Когда она клала рабочий планшет в полку стола, ее мысли вернулись к разговору с доктором Ивором. «Под мою ответственность». Как же часто она слышала эту фразу от старого ученого.

— Не слишком ли много ответственности для одного старика? — сказала она в пустоту.

Впереди был долгий вечер. С показателями синхронизации выше 90% они даже не думали столкнуться, а тут 97,3%. Надо перепроверить все расчеты еще раз.

Прошло пять циклов тяжелого, черного сна. Он проваливался в эту пустоту буквально через несколько часов после пробуждения. Выжженный мозг восстанавливал нарушенную в ходе операции работу. После третьего цикла он уже мог подолгу фокусироваться на одной точке, после пятого — более-менее связно мыслить. Объект 84 не понимал, сколько прошло времен, какое сейчас время суток — в его комнате не было окон. Пытаясь хоть как-то себя развлечь, он считал в сотый раз количество ламп на потолке, закрытых квадратами матового пластика. Он уже, не без усилий, дошел до пятнадцати, когда дверь в его комнату открылась.

— Доброго утра! — На пороге стоял доктор Ивор вместе с санитарам и какой-то маленькой женщиной, — Готовы немного развлечься?

«Убил бы за такую возможность» — подумал Объект 84, но ничего не сказал. Аппарат искусственной вентиляции легких отключили еще после первого цикла сна, но контролировать голосовые связки он все еще не мог.

— Парни, катите его в седьмую лабораторию, — сказал Ивор, — и аккуратно, слабый еще.

Два санитар подошли к его койке, сняли тормоза и развернули к двери. «Не пройдет» — подумал восемьдесят четвертый.

На удивление, койка прошла в, казалось, недостаточно широкий дверной проем, с запасом в несколько сантиметров по краям. Так Объект 84 оказался впервые за пределами своей палаты.

Коридор не радовал буйством красок. Белые стены, все тоже матовое освещение и, насколько он мог увидеть краем глаза, серый бетонный пол. Такое себе развлечение. Санитары без приключений доставили его в указанную лабораторию и медленно подняли спинку койки при помощи пульта управления, предварительно ровно зафиксировав голову восемьдесят четвертого.

Видимо, доктор Ивор его обманул. Перед собой Объект 84 видел только белую стену, даже глазу зацепиться не за что.

— Раз, раз, это я, доктор Ивор. Рад вам сообщить, что через час вы избавитесь от своего нынешнего имени — Объект 84. — восемьдесят четвертый не мог понять, откуда исходит звук, но голос хирурга узнал.

— Пожалуйста, внимательно смотрите на экран, вам в течение часа с перерывами будет демонстрироваться видеоряд. Результаты активности вашего мозга проанализирует сеть операторов и подберет наиболее подходящий вам профиль и имя в рамках нашей программы. — голос доктора звучал так, будто он читает лекцию, а не сообщает человеку, что через час он получит нормальное имя вместо порядкового номера.

— Сразу предупреждаю вас, что вам необходимо добровольно сфокусироваться на экране. Конечно, мы можем насильно держать ваши глаза открытыми, но тогда результаты теста будут смазаны. — сказал Ивор.

Восемьдесят четвертый для себя решил, что лучше иметь возможность моргать, чем постоянно пялиться в экран, и приготовился смотреть.

— Отлично, вижу, вы готовы сотрудничать. Начинаем, — после этих слов Ивор отключился.

На белом экране вспыхнула череда кадров,

стремительно меняющих друг друга. Картины, фото, куски видео и, по всей видимости, старых хроник. Какие-то тексты, числа и просто цветные экраны. Восемьдесят четвертый старался не моргать, боясь что-то упустить. Кто его знает, что делают с теми, кто не прошел тест? На этот раз неизвестность взяла верх над эмоциями и заставила его сосредоточиться.

Шесть раз они делали перерыв. Дважды в лабораторию заходила медсестра и закапывала что-то ему в пересохшие и слезящиеся глаза. Спустя час тест был завершен.

— Ну как он? — спросила Ивора Анна.

— Весьма достойно, видимо, ему как минимум страшно. Старался даже не моргать, — ответил ученый.

— Как результаты? — спросила Анна.

Ивор бросил взгляд на пластину своего планшета. — Пока в обработке, — ответил он.

Не успел он договорить, как на экране планшета зажглась синяя точка.

— А вот и они. — сказал он.

Ивор коснулся пальцем точки и получил развернутый отчет операторов. Нетерпеливо пролистывая некоторые места и вчитываясь в другие, доктор все ближе знакомился со своим подопечным. Закончив чтение, он отложил планшет в сторону и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на стоявшую рядом Анну.

— Знаешь, будь у меня этот отчет на руках три дня назад, когда ты вычитывала меня за сохранение уровня синхронизации, я бы — Ивор сделал трагическую паузу, наблюдая за реакцией Анны, — я бы не отказался от своего решения, — закончил он. — Посмотри сама.

Анна взяла в руки планшет хирурга и так же бегло, как и он, ознакомилась с основными пунктами характеристики. И чем дальше она читала, тем больше ее тревожило то, что находилось в соседней комнате за стеклом.

Бросив взгляд на Ивора, она положила планшет на стол и сказала:

— Поздравляю, Майк, ты создал чудовище.

— Я знаю, — с улыбкой ответил Ивор, — и я очень хочу увидеть, на что это чудовище способно.

После этих слов он нажал на панель перед собой и громко сказал, глядя через стекло на застывшего в ожидании восемьдесят четвертого:

— Ну что же, все хорошо. Вы прошли тест и результаты выше всяких похвал. Надеюсь, мы с вами продолжим нашу работу в том же духе, *Деймос*.

Глава 2

Они сидели посреди сгоревшего леса и смотрели друг на друга.

— Значит, Деймос, да? — нарушил молчание труп. — Миленько. Имя определенно тебе подходящее.

Деймос ничего не ответил. Он продолжал всматриваться в куски обгоревшей плоти, которая когда-то была лицом, и не мог понять, что же в его выжженном сознании породило мертвеца.

Хуже всего было то, что он не ощущал контроля над ним, как это иногда бывает в снах. Труп вел себя абсолютно непредсказуемо и казался чем-то посторонним, не принадлежавшим сознанию Деймоса. Он постоянно следовал за ним, не позволяя остаться наедине с собой. Иногда говорил абсолютно непонятные вещи, но чаще просто молчаливой тенью преследовал хозяина сновидения.

— Что тебе от меня нужно? — спросил Деймос.

Труп ничего не ответил. Деймос хотел сказать еще что-то, но почувствовал, что пепелище начало растворяться.

— Поговорим как-нибудь в другой раз, ты еще не готов, — сказал труп перед тем, как исчезнуть вместе с остатками пустоши.

* * *

Учиться ходить заново — занятие мучительное и долгое. Деймос приходил в ярость каждый раз, когда не

мог встать с кровати. Он уже не помнил, сколько раз метал в медсестру костыли, которые она приносила ему каждое утро. Сколько раз он пытался встать с кровати сам и сделать несколько шагов без этих унижительных для его эго помощников! Из раза в раз все заканчивалось одинаково. Падение на пол, ползком обратно на койку.

Еще хуже дела обстояли с едой. Тонкая работа рук была для него пока недоступна, и Деймосу приходилось питаться с ложечки, которую, после бросков в нее костылей, с некоторой опаской подносила медсестра.

С ним обращались как с маленьким ребенком, ничего не смыслящим и ничего не понимающим. Деймосу казалось, что тот первый и единственный пока разговор с Ивором был, по мнению хирурга, скорее монологом. Его принимали за дебила, клинического и не способного на мыслительную деятельность. Деймос же подыгрывал своим тюремщикам и всячески изображал большого младенца.

Сложнее всего было имитировать пустоту во взгляде. Откуда именно, он не помнил, но знал, что глаза — это первое, что выдает в человеке интеллект. Глаза — зеркало души и, как бы жалко человек не выглядел, движение мысли всегда будет отражаться в них. Он усердно отводил взгляд, не позволял себе подолгу фокусироваться на одном объекте и старался не реагировать на обращения к нему и осмысленную речь. Подобное поведение со временем стало приносить свои плоды. На первых порах, пока он был намертво прикован к кровати и старательно изображал большой овощ, персонал места, в которое он попал, не сдерживался во время бесед. Так он узнал, что они

находятся под землей, что, как минимум, объясняло отсутствие окон во всех помещениях, где ему пришлось побывать. Также ему удалось подслушать, что доктор Ивор является главой проводимых исследований, а ту маленькую женщину, что была рядом с ним, когда Деймосу дали имя, зовут Анна, доктор Анна Прайс.

Но комедию слишком долго ломать тоже не стоило. Видимо, его тюремщики рассчитывают на то, что он скоро опять начнет ходить. Деймос пришел к этому выводу, когда в его комнате появилось кресло-каталка, а после и костыли.

Учиться ходить заново — занятие мучительное и долгое... Он не знал, как долго пролежал без движения в этой комнате с матовым потолком, но тело успело его предать. Мышцы атрофировались и любое движение, любая попытка сесть, встать или сделать хотя бы несколько шагов вызывала тяжелую одышку.

Через несколько недель он уже мог пройти на костылях несколько метров до двери комнаты, но сил вернуться на койку самостоятельно не хватало.

— Отлично, дорогой, давай, вот так, — сказала Пенни, его сиделка. — Давай, милый, еще шажок, я посажу тебя в кресло и мы вернемся в постель, давай, постарайся.

Ее щебет приводил Деймоса в бешенство. Но что поделать, если начал косить под дебила, то отступать уже некуда. Уставившись в пол, он сделал шаг левой ногой и постарался максимально аккуратно переместить на нее вес своего тела. В этот момент прорезиненная ножка левого костыля соскользнула, и он потерял равновесие. Тело без надежной опоры резко ушло вбок, и Деймос приложился головой о подлокотник стоявшего

рядом кресла-каталки.

Боль в шее после падения была настолько сильной, что из глаз брызнули слезы. Стараясь понять, что происходит, он попытался пошевелить головой, но новая вспышка боли ослепила его и заставила заскулить.

«Тупица, помоги мне!» — подумал Деймос, глядя на Пенни сквозь слезы. Сиделка замерла над ним с раскрытым ртом, в ее глазах читалась паника. Ей доверили уход за ним как самой ответственной и внимательной медсестре во всем центре. Но она не справилась, ее подопечный упал и ударился головой. Пенни не могла сдвинуться с места, все стояла как истукан и пялилась на кровь, проступающую на воротнике больничной рубашки Деймоса. «Швы разошлись, — подумала она, — доктор Ивор меня убьет».

Пенни никогда не отличалась большим умом. С ранних лет она отставала в интеллектуальном развитии от сверстников, но мать твердила ей: «Пенни, не важно, умная ты или нет. Важно, сколько усилий ты прикладываешь». И Пенни старалась, старалась всю свою жизнь. Сначала в училище, потом в госпитале. Когда старшая медсестра, уходя на работу в лабораторию, позвала с собой и Пенни, счастью ее не было предела. Серьезное место, красивые врачи, лучшая аппаратура и лекарства. Что еще надо было для счастья? Она много лет тянула лямку, не претендуя на руководящие позиции старшей медсестры, так как понимала — в политике и общении с людьми она полный ноль. Но она не смогла бы продержаться так долго на хорошем счету, если бы не ее звериная

изворотливость. Ради собственного блага простушка Пенни могла солгать о чем угодно и кому угодно, подставить невиновного и утаить правду, даже если по ее вине кто-то умер.

— Ну что же ты, Деймос, аккуратнее надо быть! — она заговорила с ним тоном, которым общаются к нашкодившим детям. — Давай, поднимайся, хватит валять дурака.

В это время Деймос, парализованный болью в шее и голове, мог только мычать и желать смерти тупой сиделке.

— Давай я помогу, а потом приведем тебя в порядок, да, милый? — сказала она. В голове Пенни уже созрел план, как повернуть все так, чтобы никто ни о чем не узнал.

Она схватила Деймоса под мышки и, будучи женщиной немаленькой, без особых усилий подняла и усадила в кресло-каталку исхудавшего после операции мужчину. Пенни сделала шаг назад и посмотрела на него, будто пытаясь понять, насколько все плохо. По лицу Деймоса стекали капли пота, он сидел в кресле без движения и тихо стонал. Пенни еще раз окинула взглядом подопечного и отошла к тумбе с лекарствами и инструментом. Немного покопавшись в ящике, она извлекла небольшой пузырек и шприц с иглой.

— Ну-ну, тише, а то нас кто-нибудь услышит, — сказала она себе под нос. — Сейчас я сделаю тебе укольчик и все пройдет, потерпи.

Пока она пыталась успокоить Деймоса, руки привычным, ловким движением отмеряли дозу обезболивающего. После Пенни подошла к подопечному и сделала укол. Через несколько минут Деймос затих и

погрузился в наркотический сон: сиделка вколола ему конскую дозу, потому что через час должен был зайти доктор Ивор.

Пенни была уверена, что Ивор ничего не заподозрит. Пациент всегда крепко спал после физических нагрузок, а старый хирург целиком доверял ей в плане ухода за ним. Все обойдется. Она взяла тампоны из другого ящика тумбы и аккуратно отодвинула край воротника больничной рубашки, которая была надета на Деймоса. Проведя дезинфекцию, она дождалась, пока остановится кровь и уложила мужчину на койку. Ей повезло, швы просто слегка кровоточили и уже через пару дней никто ничего не заметит.

Она немного постояла рядом с койкой Деймоса, пока не убедилась, что он полностью отключился. После закрыла иглу колпачком, аккуратно положила шприц и окровавленный тампон в карман халата и вышла за дверь.

Все должно выглядеть так, будто он просто спит.

* * *

Анна тихо зашла в кабинет Ивора. Она застала хирурга за своим рабочим столом, ведущим с кем-то беседу в режиме видеоконференции.

— Да, господин советник, да, я Вас понял. — сказал Ивор. По его лицу было ясно, что разговор не из простых. — Да, я все понимаю, наши исследования крайне важны, но хочу заметить... — Ивор осекся на полуслове.

Доктор Прайс никогда не видела старого хирурга таким потерянным и беспомощным. Он напоминал ей кролика перед змеей, которая находилась по другую сторону экрана. Она уже подумывала тихо выйти за дверь и заглянуть позже, но в этот момент Ивор опять заговорил:

— Да, будет выполнено, господин советник.

После этого ученый коснулся экрана планшета, установленного в специальный паз на столе, отключаясь от конференции, и закрыл лицо руками.

— Останься, Анна. — Сказал Ивор, не опуская ладоней. — Ты как раз вовремя, нам нужно поговорить.

Анна была не в восторге от тона Ивора. Исходя из того, что она слышала, у их исследований проблемы, причем серьезные. Если они попали в поле зрения одного из советников, то все очень плохо.

— Да, доктор Ивор. — сказала Анна.

— Майк. — сказал ей Ивор.

— Простите, что? — ответила она. Анна была крайне удивлена, так как ученый не любил, когда его называют по имени. Ивор помолчал несколько очень долгих для нее секунд и вновь заговорил:

— Сейчас для тебя просто Майк. Я сыт этим официальным дерьмом по горло.

Это была еще одна неожиданность. Ивор никогда не использовал крепких выражений, почти всегда оставаясь невозмутимым. Максимум — иногда ребячился, как и любой мужчина в хорошем расположении духа.

— Хорошо... Майк...q — Ей было трудно назвать старого хирурга по имени в спокойной беседе. — Что произошло? О чем ты хочешь со мной поговорить?

Ивор предложил жестом Анне присесть, а потом очень медленно и тихо заговорил:

— Мы должны ускорить наши исследования, — сказал он, глядя на свои руки. — Советник требует вывести Око на полную мощность уже через три месяца.

— Но как, Майк?! — воскликнула Анна. — Деймос еще даже говорить не может! Если мы подключим его к сети без должной психической и физической подготовки...

— Я знаю, — перебил Ивор. — Но у нас нет выбора, милая. Если это сделаем не мы, то кто-то другой. На двадцать шестом уровне достаточно желающих занять твое и мое место, вместо того, чтобы возиться с операторами.

Их загнали в угол. Первое подключение Деймоса планировалось только через пять-шесть месяцев. Вывод проекта на полные мощности — через год. Анна и Ивор молчали, каждый думал о своем.

— А последствия? — нарушила молчание Прайс. — Они в курсе возможных последствий?

— Моя дорогая Анна, никого это уже не волнует. Обстановка на поверхности накалена настолько, что обычное оружие уже никого не пугает. — ответил ученый. — Если они не задействуют Око, страна полыхнет, как пропитанная маслом тряпка.

Анна внимательно слушала Ивора, но не могла верить в то, что он говорит. Три месяца? Они смеются? У них есть такой прекрасный экземпляр как Деймос, а вышестоящее руководство приказывает им окончательно выжечь ему мозги спешкой.

— Им недостаточно Астреи и Адикии? — спросила Анна.

— Нет, недостаточно. Им нужен Деймос, полностью готовый к работе уже через три месяца. — ответил Ивор.

Анна на минуту задумалась, а потом сказала очевидную для них обоих вещь:

— Нам придется быть очень осторожными, Майк.

— Я знаю.

* * *

День 3

Я понимаю, что ведение дневника для потомков — это нарциссизм, но ничего поделать не могу. Я обязан записать все, что отныне происходит в моем НИИ.

Два дня назад я получил официальный ответ на свой, наверное, тысячный запрос в Министерство Обороны. Но на этот раз судьба улыбнулась мне! В свете последних событий тюрьмы переполнены и поэтому в мое распоряжение поступают заключенные-смертники. По документам им форсировано приводят приговор в исполнение, а после этапируют ко мне. Не самый лучший материал для работы, но лучше, чем ничего. Вместо возни с обезьянами, мне, наконец-то, дают возможность заняться настоящими исследованиями.

Пока не ясно, когда поступят первые испытуемые, но надеюсь, что это произойдет как можно раньше. Пока же я отдал распоряжения подготовить для них камеры на цокольном этаже.

Эти долбанные вечно пьяные слесари из поселка

задрали такую цену, будто я попросил их слепить из говна и палок танк с использованием технологий Аненербе, а не установить десяток готовых стальных дверей, но что поделать. Сейчас они мне нужнее, чем я им.

День 5

Слесари взяли задаток наличными, но так и не явились. Пока Ваня, мой ассистент, обрывает им телефоны, мне приходится отбиваться от главбуха, которая грозит налоговой и зоной. Старая карга в бешенстве, но я уверен, что как только мы дождем этих синяков она успокоится. Из Министерства пока ни звука, оно и к лучшему.

День 11

Наконец-то явились слесари. Хотелось дать главному по морде, но договорились о скидке. Главбух даже немного отошла, после того, как я пообещал ей «компенсацию». Мелочные, тупые люди. С какими же идиотами мне приходится работать!

Сегодня пришла весточка от моего знакомого из Министерства. Формируется первый конвой. Уже через полторы-две недели я получу пять подопытных, о которых никто никогда не вспомнит. По документам их уже расстреляли.

День 20

Слесари закончили установку дверей в камерах. За дополнительную оплату в последний день они даже оборудовали две из них для содержания особо буйных. Все же их работа стоила заплаченных денег, сделано на совесть. Есть мнение, что эти двери удержат хоть черта лысого.

Ждем прибытия материала.

День 22

Сегодня ночью прибыл конвой. Меня выдернули из постели, но оно того стоило. Наконец-то я смогу продвинуться в своих изысканиях! Я не сказал бы, что материал прибыл отменный, но мне не на олимпиаду их отправлять. Один болен туберкулезом, все истощены этапом, но это не страшно и на результаты исследований не повлияет. Я надеюсь, что не повлияет.

День 23

С прибытием заключенных сразу же начались проблемы. Персонал НИИ не был готов к подобным соседям, среди сотрудников поползли разного толка разговоры. Мне, простите меня, потомки, насрать. Не они потратили тридцать два года на исследования, а Я! Пусть закроют рты и делают свою работу.

Другой вопрос — безопасность и секретность. Конечно, все проходили собеседование с чекистами, но, мне кажется, стоит пригласить их еще раз. Пока же повременю с экспериментами. Да и подопытных зеков стоит привести в порядок, как минимум, откормить.

День 26

Отправил запрос в СБ на проведение повторной проверки на профпригодность персонала НИИ, ожидаю ответа.

День 44

Ответа от СБ все еще нет, но это утро было омрачено инцидентом. Один из заключенных схватил повариху, которая разносила утренний паек, через окошко в двери, и сломал ей руку в двух местах. И надо же было этому случиться! По НИИ опять поползли слухи и разговоры, которые я так усердно пресекал последние недели. Поварихе выписал премию и отправил

лечиться. По моему указанию еду помогают разносить лаборанты покрепче.

День 50

Больному зеку стало хуже — жизнь на цокольном этаже не способствует лечению туберкулеза. Но есть и хорошие новости: в ближайшие дни прилетят чекисты. Я уже составил для них список к отбраковке, уверен, к моему мнению они прислушаются.

День 54

Прибыл какой-то сопливый капитанишка в сопровождении двух экспертов-психологов. И кого они ко мне отправили?! За кого принимают?! От моих рекомендаций он просто отмахнулся, сказал, сами справятся. Этого юнца хочется придушить голыми руками.

День 57

Проверки закончились. Честно сказать, работой капитана Филиппова я удивлен, первоклассный специалист! Мало того, что отбраковал всех, кто был в моем списке, так нашел еще и парочку, кого я пропустил. Даже уборщиц проверил. Молодец парень, далеко пойдет! Уверен, касательно подконтрольного мне НИИ он получил особые распоряжения, но работу выполнил на пять с плюсом. К сожалению, пришлось расстаться с рядом ведущих специалистов и моим ассистентом, но они были не готовы к тому, чем мы будем тут заниматься, я в этом уверен, как и капитан. Да и потери не столь велики, все равно, все, что мы имеем, по большей части, было разработано мной.

Очень душевно посидели с капитаном перед отъездом. Конечно, я гожусь парню в деды, но у него удивительно цепкий ум. Очень проницательный и очень

интересный молодой человек. Хотелось бы, чтобы подобные люди выступали добровольцами в моих исследованиях, но нет нынче людей, готовых пожертвовать собой ради науки.

Капитан заверил меня, что его начальство всячески поддерживает мои изыскания и готово предоставить любую необходимую помощь. Приятно слышать.

День 60

Сегодня я определился с новым ассистентом. Сергей был на седьмом небе от счастья. Конечно, ведь он будет работать рука об руку, не побоюсь этого слова, с одним из лучших умов современности в нейробиологии! Конечно, я не претендую на решение основных проблем своей сферы, но мои исследования помогут продвинуться человечеству в поиске ответов.

День 78

О, Боги! Как же много времени было потрачено на всякие бюрократические проволочки! Конечно, не все идет гладко, один из зеков опять пытался напасть на кухарку, но лаборант успел ей помочь. Теперь добавилась еще одна головная боль: женщины с блока питания отказываются спускаться на цоколь, чтобы покормить наших гостей. Пришлось опять идти к главбуху и выбивать повышение жалования паре лаборантов, так как и эти ослы «за бесплатно» работать не хотят. Они не осознают, к чему становятся причастны. Осознавали — ползали бы передо мной на коленях. Но ничего, прорвемся.

День 91

Наконец-то первый день настоящей работы, я начинаю исследования на людях! Первично составленные психологические профили испытуемых не

радуют. Конечно, ведь у меня трое убийц, насильник и один маньяк. Последний беспокоит меня больше всего — именно он сломал руку кухарке и воспринимает все происходящее как забавную игру. Этот ублюдок поистине безумен, я уже начинаю сомневаться в правильности выбора материала. Возможно, стоило искать смертельно больных, а не приговоренный к расстрелу мусор. Но я так долго ждал этой возможности! Да и пути назад нет. Пока же нас ожидает классическая рутина, если произойдет что-то важное, то обязательно напишу.

День 134

Если бы не органайзер, то и не знаю, какой бы день по счету я указал.

Это ужасно. Никаких значительных подвижек, мне кажется, что я где-то ошибся. Одному из убийц, подопытному №2 (я считаю, что называть по именам тех, кто уже не числится живыми смысла не имеет) стало еще хуже. Туберкулез, который он подхватил на зоне, его скоро доконает.

День 150

Подопытный №2 отправился в крематорий. Остальные пока в строю.

Выборка слишком не репрезентативна, мне нужно больше материала. Дал указания оборудовать новые камеры в подвале, а так же отправил весточку друзьям в Министерстве и СБ.

Подвижек в исследованиях нет.

День 167

Строительство и оборудование камер идет полным ходом. Больше всего проблем возникло с устройством сан. узлов, но ничего не попишешь — необходимость.

Конечно, это встало в серьезную копейку НИИ. Старая карга, эта ведьма, главбух, вот уже две недели летает вокруг меня на своей метле, но скоро успокоится. Пока же, в ожидании нового конвоя, я решил сосредоточиться на подопытном №5, маньяке-психопате. На последних тестах его мозг показал любопытную активность, нам почти удалось получить хоть какие-то результаты. Возможно, это как-то связано с его безумием, но я пока не уверен.

День 180

Начали медикаментозную стимуляцию подопытных № 1 и 3. Четвертый и пятый получают плацебо и выступают в роли «контрольной группы». М-да, контрольная группа из двух человек. Сильно, нечего сказать. Препараты, которые мы им даем — моя личная гордость, мое детище. Они неплохо показали себя на обезьянах, но я не знаю, как на нее отреагирует человеческий организм.

Остается только наблюдать.

День 186

Прибыл второй конвой с новой партией материала. Мои друзья из министерства узнали об инциденте с нападением на кухарку и выделили мне два десятка бойцов под руководством лейтенанта Щукина. Никакой показухи и огромных «шкафов». С виду — два десятка поджарых студентов, но зная, как нынче готовят в специальных войсках, я бы с ними связываться не стал.

С прибытием солдат мне стало как-то спокойнее. Огнестрельное оружие имеет при себе только лейтенант, остальные, видимо, справляются голыми руками. Оно и к лучшему, вид автоматов только нервировал бы сотрудников. Еще ребята взяли на себя

все функции по обеспечению заключенных. По всей видимости, начальство обязало их беречь покой работников НИИ и свести все контакты персонала института с подопытными до необходимого минимума.

День 195

Два дня назад подопытный №1 начал буянить и один из лаборантов без моего ведома вколол ему успокоительного. Я так и не смог добиться от него, чем именно он его накачал, но он склоняется к версии морфия.

Это не очень хорошо. Я не знаю, к каким последствиям приведет использования подобных медикаментов в смеси экспериментальными препаратами, опасными сами по себе. Пока состояние подопытного №1 можно трактовать как угнетенное. Он слабо реагирует на внешние раздражители, не говорит. Хотя действие успокоительного уже должно было закончиться.

Но самое важное, у нас опять наметились подвижки, на этот раз с подопытным №3. Как это ни удивительно, его показатели мозговой активности стали отдаленно напоминать показатели №5, нашего психопата.

В тоже время мы занимаемся обработкой подопытных второй волны. Надеюсь, скоро мы сможем включить их в состав исследования. Министерство, правда, поняло мою просьбу о предоставлении материала «более высокого качества» весьма своеобразно: убийцы — самые милые из них.

День 196

Подопытный №1 повесился в своей камере этой ночью. Зная, как асоциальные элементы дорожат своей шкурой и помня его агрессию в это сложно поверить. Но

факт остается фактом. Ночью он тихо соорудил из своей рубы петлю и повесился на дверной ручке. Тело после вскрытия отправится в крематорий, благо, лейтенант меня заверил, что поможет в этом мероприятии.

Кстати, о лейтенанте. Имени его я до сих пор не знаю, только фамилию. Чем-то он мне не нравится. Кажется, что мои покровители больше мне не доверяют, но выводы делать пока рано.

День 197

Я не могу выбросить из головы результаты, которые показал подопытный №1 после дозы успокоительного. При внешней абстрагированности и отсутствии реакции на внешние раздражители, его данные активности головного мозга приближались к результатам №5, что без внешнего вмешательства невозможно. Думаю, стоит взять морфий на карандаш.

День 199

Я дал распоряжения сделать контрольные замеры для второй группы из семи заключенных и начать стимуляцию нашими препаратами. Пока же в роли первопроходца выступит подопытный первой волны, №5. Ему начали колоть еще и морфий.

День 204

Кажется, мы на грани прорыва! Показатели №5 растут как на дрожжах, но сам подопытный также впал в прострацию. Думаю, это побочный эффект наркотиков вкупе с препаратами.

Сегодня приходил лейтенант и поделился со мной опасениями. Некоторые из бойцов проявляют беспокойство, что для них не свойственно. В последние дни двоих мучают кошмары. Просил связаться с вышестоящим руководством в министерстве и выбить

сменщиков. Слабаки.

День 209

Вторая волна особыми результатами не радует, хотя в министерстве неплохо угадали — чем асоциальнее подопытный, тем более высокие результаты он показывает в ходе испытаний с течением времени. Но бесспорным лидером остается №5. Мы увеличили дозировки, надо найти его предел.

День 211

Подопытный №5 окончательно свихнулся. Он мечется по камере и постоянно орет, видимо, побочный эффект от увеличения доз. Пришлось скрутить его и упаковать в смирительную рубашку, но заткнуть не получается. Накачка же успокоительным еще больше приведет только к смазыванию результатов. Нужно ждать.

День 219

Опять приходил лейтенант Щукин, говорит, у бойцов, которые дежурят на цоколе, сдают нервы. Многие из отряда мучаются кошмарами, один даже кричал во сне. И кого теперь набирают в спец. войска? Хотя, я могу их понять. Иногда мне кажется, что я слышу крики подопытного №5 в другом крыле института, хотя это невозможно. Персонал тоже нервничает, но в отличие от вояк они понимают, насколько важна наша работа.

День 230

Сегодня ночью подопытный №5 смог освободить одну руку из смирительной рубашки — кто-то плохо затянул ремни после очередного осмотра. Виновного искать смысла уже не имеет, пятый перегрыз вены на запястье. Кровью была залита вся камера. Очень жаль,

это был отличный экземпляр.

День 232

Сегодня подходил к Щукину по поводу его просьбы. Как ни странно, лейтенант заверил меня, что после того, как подопытный №5 отправился в крематорий, и на цоколе все стихло, состояние его бойцов нормализовалось. Оно и к лучшему, попытки получить новых охранников могли привлечь нежелательное внимание в министерстве, к которому мы пока не готовы.

Пока же будем продолжать исследования.

* * *

Советник Ли опаздывал на заседание. Он бодро шагал по длинным коридорам здания Совета, в котором ему была знакома каждая каморка, и размышлял о том, как повернуть сложившуюся ситуацию себе на пользу. Волнения нарастали и Ли понимал, что рано или поздно они выльются на улицы. Он прошел мимо памятника Отцу Нации в холле и направился к дверям в Зал Совета.

За дверями Ли ожидало роскошно обставленное светлое помещение с огромным овальным столом по середине. Поздоровавшись с прочими членами совета, Ли оставил планшет на своем месте и подошел к мини-бару в углу. Дебаты обещали быть жаркими, и он предпочел бы перед ними промочить горло. Советник взял стакан, бросил в него пару охлаждённых камней вместо льда (он не любил разбавленный виски), сделал

глоток и, развернувшись лицом к залу, нос в нос столкнулся с одним из членов совета.

— Доброго дня, советник Харрис. — сказал Ли.

— Доброго дня, советник Ли. — ответил Харрис.

Наслаждение виски было безнадежно испорчено. Ли поставил стакан обратно на стойку минибара и развернулся к Харрису, в глубине души надеясь, что пока он осуществлял эти простые манипуляции, тот провалится сквозь землю. К разочарованию Ли, Харрис никуда не делся. Тощий, с острыми чертами лица, он стоял перед Ли и всматривался в его лицо, будто умел читать мысли. Это привычка Харриса всегда раздражала окружающих, Ли в особенности. В ответ на его пытливый взгляд, Ли слегка приподнял бровь, всем своим видом показывая, что ему крайне любопытна причина, по которой Харрис обратил на него свое внимание.

— Советник Ли, — растягивая слова, будто что-то мешало ему говорить, начал Харрис. — я слышал, вы сформировали общему мнению некую «оппозицию» на прошлом заседании? Мне так жаль, но мне пришлось отсутствовать по делам государственной важности, поэтому и спрашиваю Вас лично. — сказал Харрис и опять уставился на Ли.

— Да, советник Харрис, мое мнение не совпало с мнением прочих членов Совета. — ответил Ли. — Вы и сами должны понимать, что при решении дел государственной важности необходимо искать оптимальные пути.

— Конечно-конечно! — Харрис подался чуть назад, поднимая руки в жесте примирения. — Просто это так для вас необычно, советник. Вы, и перечите мнению

большинства...

Ли был рад тому, что поставил свой стакан с виски обратно на стойку. Пей он в этот момент, то, скорее всего, подавился бы. Харрис в наглую копал под него, о чем сейчас, фактически, открытым текстом и сообщал. Его спас Глава Совета, который вошел в этот момент в зал.

— Доброго дня, господа. — Глава окинул комнату взглядом, отмечая для себя, кто присутствует на заседании. Он на секунду задержался на Ли и Харрисе, так как видеть вместе этих двоих было удивительным зрелищем, но не подал виду. Удовлетворенно кивнув самому себе, Глава подошел к столу и занял свое место, жестом предлагая последовать его примеру. Пока члены Совета рассаживались, он уже начал просматривать сводку за последнюю неделю.

— Итак, господа, начнем. — сказал он после того, как все уселись. Первым поднял руку Харрис, изъявляя желание высказаться.

— Советник Харрис? — сказал Глава. — Вам есть что сказать совету, пока мы не начали обсуждение по повестке дня?

Это было традицией. Каждое собрание один из советников мог поднять тему, которая, по его мнению, требовала первоочередного внимания. И Харрис воспользовался этим правом.

— Да, Глава, мне есть что сообщить совету. — ответил Харрис. Казалось, он светится изнутри в предвкушении триумфа, и это беспокоило Ли.

— Тогда Вам слово. — сказал Глава.

— Спасибо, Глава. — ответил Харрис, вставая со своего места. — Господа, рад сообщить вам, что один из

исследовательских центров, находящихся в моем ведении, сообщил о возможности вывода на расчетные мощности нашей новой системы гражданского контроля. — продолжил он. — Ученые называют ее «проект Око». Могу заверить Вас, что уже через три месяца наши проблемы будут решены. Информация по проекту сейчас будет на Ваших планшетах.

Харрис несколько раз коснулся экрана своего устройства, а потом опять сел на свое место.

— Готов ответить на все ваши вопросы. — сказал он.

Зал Совета погрузился в тишину. Эта новость была как гром среди ясного неба. Ли слышал о каком-то исследовательском центре недалеко от столицы, который находился под землей, но не более. Разузнать что-либо при помощи сети своих доносчиков ему так и не удалось, Харрис умело охранял свои секреты.

— Только не говорите, Харрис, что это очередная ваш система видеонаблюдения или что-то в этом духе. — сказал один из членов Совета.

— Нет-нет, что Вы! — ответил Харрис. — Это новое слово в технологиях, смею Вас уверить. Пожалуйста, ознакомьтесь с документами, что я предоставил, и вы все поймете.

Ли коснулся экрана планшета, открыл присланный Харрисом файл и прошелся взглядом по основным позициям. Он чувствовал, что по мере чтения у него начинают шевелиться волосы на голове, и не у него одного. Зал Совета погрузился в тяжелое молчание, многие не могли поверить в то, что прочитали.

Наконец, тишину прервал Глава.

— Хм. Харрис, вы уверены, что это вообще возможно? — сказал он.

— Да, господин Глава, уверен. Исследования велись долгие годы в условиях строжайшей секретности и в последний месяц вышли на финишную прямую. У нас имеются два прототипа, которые я уже применял в полевых условиях, а через три месяца в строй вступит полноценная версия. К тому же, была подготовлена вся необходимая инфраструктура. — Ответил Харрис.

Он очень старался это скрыть, но по его лицу было видно, что он ликует. Введение в строй проекта Око таким, как он описан в документации, автоматически делало Харриса вторым человеком государства, если не первым.

После нескольких секунд тишины Зал взорвался. Каждый из советников пытался что-то возразить Харрису, понимая, какое влияние он получит, если Глава одобрит внедрение Ока. Ли молчал.

Это совещание обещало быть очень долгим.

Глава 3

Старый город — не лучшее место для прогулок. Возведенные еще до гражданской войны постройки стояли настолько плотно друг к другу, что в некоторых переулках двое не могли разминуться. Местные уже давно продолбили сточные канавы в когда-то чистых и ухоженных тротуарных дорожках центральных улиц, и сливали в них экскременты. Тут доживали свой век отбросы и потомки тех, кто когда-то взял в руки оружие, в надежде изменить ситуацию в стране к лучшему. У них не получилось.

Если выглянуть из окна высотного дома на углу центральной улицы, то можно увидеть далекие огни новой Столицы, которые когда-то принадлежали окраинам. Магазины, бутики, мясные лавки и булочные на первых этажах зданий давно пустовали и стали прибежищем для бездомных. Если сильно не повезет, то можно нарваться на стаю бродячих собак, давно одичавших и нападающих на людей ради пропитания. Никто не любит объедки.

После революции власти пытались восстановить старый город, но как оказалось, проще отстроить новый, что и было сделано. В чистом поле к северу от этого места, бывшего когда-то крупным торговым и промышленным центром, отстроили город, ставший впоследствии Столицей. А развалины, еще кое-как первые десятилетия поддерживаемые коммунальщиками, стали называть «окраиной», или просто Гетто.

Оливер шагал посередине улицы, стараясь

держаться подальше от стен зданий. Через окна некоторых из них был виден свет от костров, но ему не хотелось встречаться с теми, кто искал у огня тепла. Человеку непосвященному, но достаточно долго наблюдающему за маршрутом Оливера могло бы показаться, что он бесцельно нарезал круги. Это было не так. Он стремился обойти стороной наиболее беспокойные районы, те, в которых, по местным меркам, ключом била жизнь, районы в которых можно получить удар ножом из-за своих ботинок или куртки.

Наконец, он дошел до конечной точки своего маршрута. Свернув с центральной улицы в одну из подворотен и аккуратно переступая через мусор и обломки осыпавшейся стены, Оливер подошел к покосившейся металлической двери.

Рядом с дверью, в луже собственной блевоты и мочи лежал очередной житель Гетто. За годами не стриженной бородой и волосами было сложно понять, жив ли он вообще. Оливер посмотрел на мужчину, потом оглянулся проверить, нет ли еще кого в переулке. Не заметив посторонних, он присел и тихо сказал:

— Я ищу приключений.

Один глаз бездомного открылся. Он внимательно посмотрел на Оливера, а после, на удивление четко и ясно ответил:

— Два удара ногой. В левый угол.

Оливер кивнул в ответ и подошел к двери.

Старая, еще довоенная, эта дверь внушала уважение. Кое-где виднелись вмятины от пуль, а по краям старую заводскую сталь разъела ржавчина. Всю дверь покрывал слой грязи и мха, как и стены здания, в которое она вела, но если присмотреться, можно было

заметить, что поставили ее сюда уже после. Грубый скол кирпича, будто кто-то молотком и зубилом расширял проем, чтобы втиснуть сюда этого стального монстра, и слегка косо стоящая дверная коробка только подтверждали эти догадки.

Но Оливер не рассматривал дверь, она была ему хорошо знакома. Ударив два раза носком ботинка в левый угол двери, он замер в ожидании. Спустя несколько секунд она бесшумно приоткрылась, впуская ночного гостя. За дверью Оливера ожидала крутая и узкая лестница, освещаемая всего одной тусклой лампой в самом ее конце. Стараясь не задеть головой бетонный потолок, он протиснулся вниз и столкнулся с огромным детиной, ожидавшим его с допотопным металлоискателем в руках.

— Оружие, колюще-режущее, кастеты и прочее запрещено, — пробасил он. — Выкладывай все сам или проваливай.

— Ничего такого, — ответил Оливер.

— Руки, — бросил охранник.

Оливер поднял руки, давая детине обшарить его металлоискателем, а после и вручную. Та же процедура была проведена и с его ногами, а в конце пришлось снять ботинки.

— Проходи.

Впереди был еще одна узкая лестница, уходящая круто вниз. Оливер старался спускаться максимально аккуратно, держась руками за стены. После лестницы его встретил тускло освещенный коридор и первые посетители заведения. Аккуратно переступая через тела тех, кто успел перебрать спиртного и наркотиков, Оливер продвигался все ближе к залу. Он понял это по

ощущению давящего на уши баса и участвовавшим телам людей, вышвырнутых охраной в коридор и лежащих без сознания. Он старался не всматриваться в лица потасканных малолеток под ногами и местных забулдыг, сливающих последние деньги на дешевую выпивку. Чуть дальше происходила какая-то возня: двое местных завсегдатаев оприходовали дурочку из столицы, не знающую меры в употреблении «пыли». Один из них уже стягивал с нее штаны, когда Оливер поравнялся с ними и пошел дальше, в зал. Не его проблемы, будет для малолетки уроком на будущее, если за пару месяцев не отдаст концы от передоза. Однажды попробовав «пыли», уже сложно остановиться.

Пройдя последний поворот, он погрузился в вакханалию подпольного заведения. Хмурая и молчаливая охрана, не менее хмурые завсегдатаи, местные криминальные авторитеты, мажорные детишки из столицы, наркоманки, готовые на все ради дозы. Музыка, наркотики, алкоголь. Все как и всегда.

Оливер подошел к барной стойке и не найдя свободного места, просто столкнулся со ближайшим стулом паренька, отключившегося после очередного стакана дешевого пойла. Пока он усаживался, пара быков из охраны уже волокла тело в коридор, отсыпаться.

— Что будешь пить? — прокричал бармен. Действия Оливера ничуть его не смутили, подобное «отвоевывание» мест давно стало нормой.

— Есть что-нибудь приличное? — Оливер попытался перекричать музыку, молотом бьющую по барабанным перепонкам.

— Бурбон! — прокричал в ответ бармен.

Оливер просто кивнул и уже через несколько секунд

перед ним стоял стакан, заполненный на треть янтарной жидкостью с двумя кубиками льда. Несколько смятых купюр из кармана, которые он положил перед собой на стойку, в мгновение ока исчезли в руках бармена.

Оливер слегка пригубил янтарной жидкости. Бурбон был препаршивым, но далеко не тем пойлом, которым накачивалось большинство посетителей клуба. Он покрутил в руках стакан, а после залпом осушил его и жестом попросил бармена повторить. Вечер будет долгим и выпьет Оливер столько, на сколько хватит денег.

Когда он допивал пятую порцию бурбона, который казался уже не таким и плохим, к нему подсел Мелкий.

— Э, братишка, не угостишь старого друга, а? — Мелкий как обычно вел себя нагло, но дёрганно, постоянно оглядываясь.

— Вали отсюда, не обломится, — угощать кого-то Оливер сегодня не планировал.

— Да ладно те, че ты начинаешь! — прокричал Мелкий на ухо Оливеру, — Поставь стакашку корешу, по-братски! Рассчитаемся.

Оливер бросил взгляд на Мелкого, а потом вернулся к своему бурбону. Понятное дело, Мелкий долгов не возвращал.

— Да ладно те, Олли, че ты ломаешься как телка! — он попытался закинуть ему руку на плечо, но Оливер ее перехватил и сбросил. — Мож соску подгоню? — Мелкий не унимался. — Есть у меня пара на примете, свежие еще, за дозу пыли делай че хош.

Оливер поморщился и посмотрел на Мелкого, вздохнул, жестом попросил бармена налить еще один стакан и прокричал в ответ:

— Лучше новостями поделись.

Мелкий радостно кивнул и схватился за стакан бурбона, который поставил перед ним бармен. Осушив его, он хитро зыркнул на Оливера, давая понять, что одной порции для разговорчивости маловато. Оливер был к этому готов и опять жестом попросил бармена повторить, доставая из кармана купюры. Денег оставалось немного, но на разговор с Мелким хватит.

— Ну что? — прокричал Оливер Мелкому.

Тот уже успел пригубить второй стакан, смакуя пойло.

Мелкого нельзя было назвать красавцем. Само собой, первое, что бросалось в глаза — рост, не более метра пятидесяти. Круглое лицо, широко посаженные, маленькие глаза, приплюснутый нос, короткие пальцы-сардельки, всегда ловко обращавшиеся с деньгами и наркотиками. Неподготовленный человек мог погибнуть уже через десять минут после попадания в Гетто, но Мелкий прожил здесь всю свою жизнь и чувствовал себя в этой изнанке мира, как рыба в воде.

Теперь он не торопился. Растягивая удовольствие от недешевого, по местным меркам, бурбона, Мелкий молча наслаждался. В тот момент, когда терпение Оливера стало подходить к концу, он резким движением осушил стакан и заговорил:

— Слышал про большую облаву в том месяце?

— Конечно. — ответил Оливер.

Облавы были бичом Гетто. Стараясь искоренить инакомыслие и вычистить развалины от «асоциальных элементов, нарушающих покой жителей Столицы», нынешнее руководство страны периодически направляло отряды солдат на зачистку беспокойного

пригорода. Понятное дело, не без жертв. Чаще всего погибали старики, дети, женщины, которые не успевали спрятаться от солдат: убежать от пули нелегко.

— Так вот, они неслабо потрепали бригаду Томми, — продолжил Мелкий. — Говорят, два схрона накрыли и половину бойцов посекали. Такая бойня была, что некоторые умом тронулись.

Оливер старался всем своим видом показать, что ничего нового или важного Мелкий ему не рассказал, но новости были шокирующие. Бригада Томми держала Гетто, и с вояками у него был негласный уговор: они не трогают его, а Томми не трогает их. В бригаде было достаточно стволов, чтобы похоронить столичный гарнизон в этих каменных джунглях, а придавать своим действиям широкую огласку власти не желали. Сейчас же случилось столкновение, которое могло привести к полномасштабной войне со Столицей. Конечно, военные всегда могут сравнивать Гетто с землей, но тогда это опять приведет к восстаниям по всей стране. Но, по всей видимости, хрупкое перемирие было нарушено. Прольются реки крови.

Мелкий дал Оливеру немного времени переварить полученную информацию и продолжил:

— Но самое стрёмное, что бойцы бригады почти не давали жопоголовым отпора! Томми обещал яйца оторвать тому, кто будет слухи распускать, но у меня есть кореш, который видел, как два быка из бригады валялись по земле и рыдали как те дети, прикинь, да?

А вот это уже было очень интересно.

— И что же с ними такое случилось, а? — спросил Оливер.

— А хрен его знает, может газ какой распыляли или

зассали просто. Это ж они герои пока стволами своими перед местными трясут, а так дерьмо собачье, а не бойцы. — ответил Мелкий.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что просто крыса у Томми завелась. Да, крыса, жирная такая, наглая крыса. Вот и сдала она схроны бригады, да бойцов подставила. — Мелкий посмотрел на бурбон в стакане Оливера и тяжело вздохнул. — Томми, кста, тож так считает. Я от кореша из бригады слышал, что он паре своих командиров молотком все пальцы переломал, прикинь? Вот так, взял молоток, положил руку на стол и пальцы ломал, расколоть пытался. Там походу от рук ваще ни хрена не осталось, Томми бычара здоровый.

В этом Оливер с Мелким был согласен. Каждый, кто хоть раз видел Томми, согласится, что он просто гигант. Больше двух метров ростом, на вид кило сто тридцать, а может и все сто сорок, настоящий танк. Он и выбился-то в бригадиры за счет своей грубой силы и жестокости, так что рассказ «пальцы и молоток» вполне может быть чистой правдой.

— Но есть и такое, о чем даже Томми, походу, не знает, — опять заговорил Мелкий. — Заходил тут на днях боец бригады один, знаю я его. Так вот, прикинь, почти седой был! Я его видел с месяц назад, обычный мужик был, ну лет тридцать, ну тридцать пять от силы. И никакой седины, ну, сильнее нормы. А тут приперся, как пеплом посыпали. Я вощем подсел к нему, налил пару стаканов и он мне рассказал, что в нычке на блокпосту сидел. — Мелкий заметил, что полностью захватил внимание Оливера и жестами показал ему, что было бы неплохо налить ему еще стаканчик. Получив

добавку от бармена, барыга продолжил:

— Так вот, сидел он значится в нычке. Ну тут вояки в Гетто нагрянули, техника, псы жопоголовых в полном обвесе, все дела. Вроде прошли, говорит. Только из нычки сунулся пацана к Томми отправить, как еще один отряд заходит, только мелкий сильно. Кольцо из десятка бойцов, а внутри кольца бабенка какая-то идет. В броне, но без оружия. Говорил, типа сразу видно, не из псов она. — Мелкий приложился к стакану.

— И что это за бабенка то по-твоему? — Спросил Оливер.

— А хрен его знает. Только сказал тот мужик, что как посмотрел на нее, так чуть себе ствол в рот не засунул. Говорил, что если б задержался хоть на секунду у окна, точно бы пулю себе пустил. — Мелкий одним махом добил стакан и слегка поморщившись выдохнул. — Ох, хорошо пошло! Так вот, забился он обратно в нычку, да так всю облаву там и просидел. А пацана, что у него бегунком был, сам завалил, типа псы перехватили.

Мелкий замолчал, а Оливер на последние деньги взял им еще по стакану бурбона.

— Пей не торопясь, больше не будет, — сказал барыге Оливер.

— Ты думаешь, ты тут один такой добрый? — хитро ответил Мелкий.

— Надеюсь.

— Намек понял. Ладно, пора на хлеб зарабатывать.

Проигнорировав совет Оливера, Мелкий залпом выпил бурбон, встал из-за стойки и растворился в толпе. Оливер еще немного задержался, чтобы добить и свой. После он тоже встал и вышел из зала. Обратный

путь по узкому коридору, заполненному бессознательными телами, и он вновь на свежем воздухе. От гремющей музыки подпольного бара гудела голова, хотелось пройтись и прийти в себя. Оливер засунул руки в карманы куртки, намереваясь прогуляться по пустынным улицам, но вдруг понял, что нащупал какой-то клочок бумаги. Он достал его из кармана, в надежде, что это одна из купюр, но это была записка. Медленно шевеля губами, по буквам, Оливер прочитал послание, написанное кривым почерком Мелкого: «*Командир в городе*». На секунду он задумался, потом быстро затолкал бумагу в рот, проглотил ее и пошел дальше.

* * *

Астрей сидела в процедурном кабинете медблока в ожидании врача, который зашьет рассеченную бровь. Очередной спарринг с Адикией прошел не в пользу старшей сестры. Пытаясь остановить кровь, она зажала рану вымоченным в холодной воде боксерским бинтом, но бровь все равно кровоточила и в добавок распухла. Тренировки по рукопашному бою и физподготовка отнимали много времени и сил, и частенько заканчивались травмами, но доктор Ивор постоянно твердил, что без контроля тела невозможен и контроль разума.

Младшая сестра опять ее, как она сама любит говорить, «ушатала». Хотя тренеры и следят за тем, чтобы они не использовали во время спаррингов свои Ока, Адикия умудрялась каждый раз качнуть чашу

весов немного в свою сторону. Вот и теперь, Астрея опустила локоть, чтобы защитить бок от несуществующего удара ногой и пропустила реальный удар в голову. Один единственный раз «Око» сестры проскреблось через защиту Астреи, но этого хватило, чтобы опять проиграть.

Через несколько минут ожидания в процедурную вошел врач, который осмотрел Астрею, обработал и зашил бровь и проверил состояние импланта — обязательная процедура после каждой тренировки. Все тот же Ивор твердил, чтобы сестры не били друг друга по шее и в основание черепа, во избежание повреждения модуля Ока, но в тоже время допускал полный контакт с минимумом защиты.

За дверью процедурной она нос к носу столкнулась с сестрой. Адикия выглядела чуть виноватой, но от этого не менее довольной собой.

— Что, радуешься тому, что у тебя опять получилось использовать Око и тренер не заметил? — Астрея была очень зла на сестру — бровь болела нещадно.

— Успокойся! У тебя тоже рыльце в пушку, — парировала Адикия.

В этом она была права. Старшая из сестер тоже постоянно пыталась во время спарринга вторгнуться в разум младшей, но у нее ничего не выходило. Во всяком случае так, чтобы этого не засекли датчики. Со стороны это выглядело, будто она вместо отмычки пыталась использовать кузнечный молот.

— Нежнее надо, нежнее, — продолжила Адикия, — тем более, ты сама отчасти виновата. Ты ждала удара ногой, а я просто немного помогла тебе поверить в это.

Тут она тоже была права. Удар левой ноги Адикии

мог поспорить по силе с пушечным выстрелом и Астрей всегда опасалась ее нижних атак. Но, как выяснилось, левой рукой она тоже бьет неплохо и доказательством тому служила аккуратно зашитая врачом бровь Астреи.

— Ты идешь со мной к доктору Прайс? — вместо ответа спросила она.

— Да, конечно. Проще прийти к ней сразу, чем потом полчаса выслушивать нотации о важности исследований для мира. — ответила Адикия и недовольно поджала губы. — Прайс постоянно занудствует, а Ивор ей в этом потакает. Не понимаю, в комплексе столько крутых спецов, а возится с нами в основном Анна.

— Что поделать. — ответила ей старшая сестра, уже идя по коридору в сторону лифтов.

Спустившись на нужный уровень, сестры двинулись к кабинету доктора Прайс. Вокруг сновал обслуживающий персонал и сотрудники лаборатории, но из-за того, что их модули были переведены в спящий режим, они чувствовали только отголоски их мыслей и эмоций. Но и этого хватало. Как любила повторять Адикия Ивору, который постоянно расспрашивал их о том, что они чувствуют во время использования Ока в различных режимах, это подобно далекому гулу толпы, в котором невозможно разобрать ни слова.

— Что-то сегодня все какие-то нервные. — тихо сказала сестре Адикия.

— Да нет, вроде как обычно.

— У тебя чувствительность просто как у бревна!

— Заткнись. — в этот момент они уже стояли у дверей в кабинет Анны.

Астрей постучалась и, не дожидаясь ответа, вошла

внутри. За ней в кабинет Прайс вошла и Адикия, аккуратно прикрыв за собой дверь. Внутри их ждали двое: сама доктор Прайс и какой-то тощий мужчина в кресле-каталке. Одет он был в больничную рубашку на голое тело и тапочки. Сестры удивились присутствию постороннего, тем более не-врача, но виду не подали.

— А, девочки, проходите. — поприветствовала сестер Анна и жестом предложила им занять два свободных кресла. — Вас-то мы и ждали.

Пока сестры занимали привычные им места в просторных антикварных креслах с обивкой из кожзаменителя, Анна рылась в каких-то бумагах на своем столе.

— А черт с ними, потом заполню. — сказала Анна сама себе и подняла глаза на гостей своего кабинета, откинувшись на спинку стула.

— Ну-с, перед тем как мы начнем, я бы хотела познакомить вас с кое-кем. — Сказала Прайс. — Астрей, Адикия, это Деймос. Доктор Ивор утвердил его третьим в вашу группу, прошу любить и жаловать.

Девушки уставились на Деймоса в попытках переварить услышанное.

— Что-то он ужаса не внушает, — с нотками язвительности заметила Астрей. — только жалость и...

Она осеклась когда заметила, как напряглись скулы Деймоса и сжались кулаки от ее слов. Хорошее начало для длительной и продуктивной работы.

— Астрей, выбирай слова. Деймосу пока сложно говорить и ходить, но мы почти полностью закончили программу восстановления. Через пару недель он будет уже полностью дееспособен. — сказала Анна и неодобрительно посмотрела на старшую из сестер. —

Тем более, по предварительным расчетам, у него огромный потенциал.

В кабинете повисла тишина. Деймос с интересом рассматривал сестер, двух невысоких и хрупких на вид брюнеток, у одной из которых была разбита бровь, сестры изучали Деймоса, а Анна наблюдала за всем этим. Если бы в этот момент в кабинете оказался фанат вестернов, то он бы заметил, что для полноты картины этой четверке не хватает шляп, стола для покера, револьверов, направленных в лицо друг другу и перекасти-поля за окном. Первой «опустила ствол» Адикия:

— Рада познакомиться, Деймос. Меня зовут Адикия, а вот эта раненая — моя сестра, Астрея.

Деймос юмор оценил и слегка улыбнулся, но взгляд оставался тяжелым и внимательным.

— Вот и славно, — сказала Анна. — надеюсь, вы сработаетесь.

Все трое молча кивнули в знак согласия со словами доктора Прайс.

— Ладно, девочки. Я пока пообщаюсь с Деймосом, зайдите где-то через час.

Сестры встали со своих мест, попрощались с Анной и вышли за дверь. Уже отойдя от кабинета на приличное расстояние, Адикия спросила у сестры:

— Ты не заметила ничего необычного?

— Может быть. — ответила ей Астрея.

— Я его не слышала, ну, ты понимаешь. Вообще, тишина.

— Да.

— Обычно я знаю, сколько людей в помещении, я слышу отголоски их мыслей, ну или хотя бы эмоций, а

тут... С этим Деймосом... — Адикия не закончила мысль, но это и не было нужно.

— Да, — повторила Астрея. — Очень странно, что мы его не слышим.

* * *

Время слилось для Деймоса в один очень и очень долгий день. Память о каких-то бытовых и обыденных вещах восстановилась, но на месте знаний о том, кто он такой, все так же зияла брешь. Деймос очень надеялся, что и этот пробел его мозг сможет восполнить. Еще его внезапно начали накачивать какими-то препаратами, от которых болело абсолютно все тело. Доктор Ивор сказал, что это одна из разработок его команды, ускоряющая метаболизм и рост мышечной массы, так необходимой сейчас Деймосу. Обычно эту дрянь использовали в специальных армейских подразделениях, но, по всей видимости, ученые решили поставить его на ноги как можно быстрее. Деймос был этому рад. Уже через неделю он смог пройти на костылях по своей палате из одного конца в другой, а еще через полторы и вовсе передвигаться без них.

С сестрами Астреей и Адикией он виделся все чаще. Не сказать, что они были рады общению с ним, но, по словам доктора Прайс, им нужно было познакомиться поближе. Поведение девушек иногда обескураживало Деймоса: Астрея была всегда груба с ним, хотя по словам той же доктора Прайс, именно она отличалась стальной выдержкой. Адикия же наоборот, замыкалась в себе и всячески его игнорировала, если была

возможность. Будь Деймос немного проницательнее, то смог бы понять, что в его присутствии сестры начинали нервничать.

Но сегодняшний день был, по словам доктора Ивора, особенным. В предвкушении новой порции информации, Деймосу даже начало казаться, что мышцы болят меньше обычного, хотя прием лекарств он не пропускал. Кто по доброй воле пропустит то, что делает тебя сильнее, пока ты спишь?

Пока он рассматривал себя в зеркало, удивляясь, как умудрился за столь короткий срок набрать не меньше пятнадцати кило мышечной массы лежа в постели, фактически, без движения, час «Икс» приближался. Скоро должен был прийти доктор Ивор. Проведя еще некоторое время в созерцании себя, хоть лицо человека, отражавшееся в зеркале, все еще было ему незнакомо, Деймос начал одеваться.

Сбросив больничную рубашку, он натянул на себя белье, штаны, черную армейскую футболку и надел ботинки, тоже, по всей видимости, армейские, плотно фиксирующие лодыжку. Все это принесла утром его сиделка, Пенни. Толком рассказать Деймосу она ничего не смогла, только то, что ему нужно быть одетым и готовым к выходу к полудню. Также она попробовала предложить ему воспользоваться креслом-каталкой, но оно настолько опостылело Деймосу, что он тотчас отказался. Во время сборов, которые его слегка вымотали, он успел несколько раз пожалеть об этом своем решении, так как не был уверен, как далеко нужно будет идти на своих двоих и справится ли он с этим небольшим путешествием по коридорам лаборатории. Меньше всего ему хотелось рухнуть на

землю в присутствии Ивора или, того хуже, Анны Прайс.

Доктор Прайс. Анна. Странное имя. Деймос успел познакомиться со многими работниками уровня, на котором обитал, но людей хотя бы с отдаленно похожим именем он еще не встречал. Майк, Пенни, Джеймс, Джонни, Рик, Стефани, но не Анна. Видимо, Прайс была уникальна и в этом. Деймосу, после тупоголовой сиделки, доставляло истинное удовольствие беседовать с Анной. Чистая, грамотная речь, умный взгляд, наличие манер. Все это делало утонченную шатенку еще привлекательнее. Но понимал Деймос и другое: он — подопытная крыса. Умная, говорящая, но подопытная крыса. А Анна — тот человек, который над этой крысой ставит опыты. Как говорится, ничего личного. Если бы кто-то другой смог пережить вживление импланта раньше него, то доктор Прайс возилась бы с ним, а не с Деймосом.

Наличие инородного тела в своей шее он заметил сразу же, как смог эту шею ощупать. Во время одного из обходов, доктор Ивор объяснил ему, что в шею вживлено специальное устройство, которое между собой ученые называют модулем «Ока». Сам модуль прикрыт эластичными прочными пластинами, покрывающими его как чешуя, так что тереть шею можно без опаски. Еще Ивор сказал, что пластины могут выдержать даже пистолетный выстрел в упор, но проверять это в реальной обстановке не стоит. К слову, Деймос и не рвался так рисковать.

В назначенное время дверь в палату открылась и вошел доктор Ивор. Он удовлетворенно хмыкнул, когда увидел, как бодро встал с койки его подопечный. Хирург предложил Деймосу следовать за ним, и они

отправились в путь к кабинету ученого по коридорам лаборатории.

Когда они вошли внутрь, Ивор предложил Деймосу присесть, а сам занялся поисками чего-то на рабочем столе. Через некоторое время Ивор извлек из бумажных завалов синюю папку, заглянул внутрь, полистал содержимое и, внезапно, протянул ее Деймосу.

— Держи, ознакомишься на досуге.

— Что это? — Спросил Деймос ученого.

— Документация по проекту «Око» для участников программы, то есть для тебя. — Ивор слегка подался вперед внимательно наблюдая за реакцией Деймоса. — Там, в этой папке, ты найдешь ответы на многие вопросы.

— Хорошо, — сказал Деймос. — Астрейя и Адикия тоже участники проекта, так?

— Именно. А еще твои напарницы, схема вашего взаимодействия в общих чертах описана в документации. — ответил Ивор.

— А если мне не понравится то, что я там прочитаю?

— Поверь мне, понравится. — с улыбкой ответил старый ученый.

— Это тот самый «важный момент», о котором мне говорили, да?

— Да, это он. — Ивор откинулся на спинку кресла, устраиваясь поудобнее. — Понимание того, кем и чем ты сейчас являешься, придет с прочтением этих документов, а это очень важно. Если хочешь, можешь приступить прямо сейчас, остаток дня я свободен и готов ответить на все твои вопросы.

Деймос уставился на пухлую папку у себя в руках. Он ждал этого момента почти два месяца, с тех пор, как

очнулся в своей палате, но теперь не был уверен, что хочет знать, что написано внутри. Собравшись с духом, он ответил Ивору:

— Да, было бы просто супер. Я начну?

Не дожидаясь ответа хирурга, Деймос открыл папку и погрузился в чтение.

Глава 4

Оливер опять шел по ночным улицам Гетто. То, что рассказал ему Мелкий, не требовало долгого осмысления. Оливер торопился оказаться подальше от опасных улиц столичного пригорода. Пройдя с десятков кварталов, он вышел к своему району, где, с переменным успехом, жил последние пару лет. Добрался он до пункта назначения, только когда уже светало. Свернув в одну из подворотен, Оливер вошел в многоэтажное здание, поднялся на второй этаж и наконец-то оказался в квартире, которую называл своей.

Первое, что было необходимо сделать — извлечь запасы, оружие и вообще собрать нехитрый скарб. Из Гетто пора было валить, потому что появление Командира сулило только одно — ему придется вернуться в строй.

Оливер взял обломок трубы, который стоял у изголовья матраса, и несколькими короткими, но сильными ударами, выбил часть кирпичей из стены. В свое время он дорого заплатил старому каменщику за то, чтобы она выглядел так, будто бы еще со времен революции эту стену никто не трогал. Еще больше пришлось вывалить за его молчание, потому что потихому придушить старика было нельзя, слишком заметный человек с множеством клиентов. Рано или поздно его хозяева-бригадники сложили бы два и два и нашли незадачливого убийцу.

Сбросив остатки кирпича концом трубы на пол, Оливер извлек из схрона старый, но крепкий армейский

рюкзак, берцы, походный набор одежды, плечевые кобуры и два допотопных, но аккуратно промасленных и завернутых в ветошь Глока. Как показала практика, девятимиллиметровые патроны все еще проще купить или выменять, чем высокотехнологичные магазины современных пистолетов-пулеметов, а полная броня или, хотя бы, каски, у оборванцев из числа свободных банд встречаются редко. Да и с простреленной ногой, а, тем паче, головой, сложно кого-то догнать и ограбить.

Оливер аккуратно положил свои пожитки на матрац, сбросил растоптанные и местами порванные ботинки на пол и сел наматывать чистые портянки, извлеченные из недр рюкзака. Когда он уже дошнуровывал берцы, дверь в комнату резко и со скрипом открылась. На пороге стоял Мелкий на пару с каким-то верзилой. Глаза барыги бегали и, как только дверь окончательно распахнулась, он поспешил юркнуть за спину здоровяку, держащему в руках обрез.

— Здорова, Олли! — Из-за спины мужика сразу же заговорил Мелкий. — Ты звиняй, но Томми платит больше пары стакашек.

— С бригадником приперся? — Оливер бросил взгляд на уже заряженные и аккуратно лежащие на ветоши глоки, еще пару минут назад готовые отправиться в кобуры. Слишком далеко. И даже если он успеет до них дотянуться, обрез в руках здоровяка не оставлял ему шансов, а умирать настолько глупо Оливеру не хотелось.

— Ты эт, не дергайся. — Мелкий провел параллель между взглядом и глоками и оценил сложившуюся ситуацию. — Эт парень хоть и молчаливый, но нервный слегонца, не усугубляй. И эт, слуш, Томми, того,

перетереть хочет.

— Чего от меня Бригадиру надо то? — Оливер вполне удачно изобразил на лице изумление.

— Да ты и сам знаешь. — Мелкий потер нос и продолжил, — Олли, давай, вставай. Пожитки твои я заберу и потопаем потиху, без приключений. Мне, это, не надо приключений, ок? Перетрешь с Томми и там уж сами решайте, ок?

Выхода не было. Если бы в дверях стоял только Мелкий, то Оливер попробовал бы взять его на реакцию и рвануть через матрас к глоку, а там уже посмотрели бы, кто точнее. Но в дверях стоял один из цепных псов бригады с обрезом в руках. На дистанции в пять метров дробовик не оставлял Оливеру шансов: зона поражения была слишком велика и спрятаться от выстрела ему было банально негде.

— Окей, только обуться дай. — Оливер аккуратно дошнуровал берц и потянулся за курткой.

— Э, стоять. — Впервые подал голос здоровяк. — В угол отошел. Мелкий карманы проверит, потом оденешь.

Оливер, пятясь по дулом обреза, отошел в противоположный угол комнаты. Мелкий юркнул под стволом здоровяка и прохлопал куртку на наличие оружия, извлек из левого кармана самодельный свинцовый кастет и, не найдя больше ничего опасного, сказал:

— Норм все. Эй, Олли, я шмотки твои в сумку твою закину, потом вернут, ок? — Не дожидаясь ответа, он начал забрасывать пожитки Оливера в рюкзак.

— Здоровяк, — обратился к бригаднику Оливер, — да, ты. Слушай, смотри, чтобы этот, — он кивнул на

Мелкого, — не умыкнул у меня чего. Я так понял, твой босс не мочить меня собирается.

— Рот закрой и лапы повыше подними. — Ответил Оливеру здоровяк.

— Тише-тише. Мое дело предупредить. Если упрет чего, я его сам завалю. — Оливера все это уже начало порядком бесить.

Мелкий достаточно быстро закончил сборы и вроде даже ничего не присвоил себе. Затянув горловину рюкзака, он с трудом закинул его себе на плечо и бросил Оливеру его куртку.

— После Вас, Сэээр. — протянул Мелкий, указывая рукой на дверь, а другой доставая, больше для уверенности, чем готовый стрелять, револьвер. — Не будем заставлять Томми ждать, Сэээр.

На протяжении всего пути в штаб бригады верзила держал его на мушке, что полностью исключало возможность побега. Когда они проходили мимо ближайшего КПП, к ним присоединилось еще двое конвоиров: один шел рядом со здоровяком, а второй перед Оливером. Дойдя до самого центра охраняемой территории, Оливер и компания вошли в невзрачное четырехэтажное здание и начали спускаться вниз — Томми предпочитал держать штаб под землей, что было, местами, глупо и самоуверенно: прорвись войска к бункеру и он, вместе со своими приближенными, превратился бы в загнанных в угол крыс. Загнанных и обреченных подвальных крыс.

Оливера провели узкими коридорами в одну из комнат, по всей видимости, в зал для совещаний или кабинет Бригадира. Там его уже ждал Томми и его права рука — Сиплый Джо.

Сиплый Джо разительно отличался от своего патрона. Природа не наделила его физической мощью, присущей Томми, но наградила острым умом. В тощем, костлявом теле уже немолодого бригадника скрывалась весьма опасная личность и талантливый стратег. Джо своим видом не внушал животного страха и, наверное, по этой причине предпочитал оставаться правой рукой своего бригадира и действовать от его лица — никто не хотел сердить Томми.

Оливера усадили на сколоченный кое-как табурет и весь конвой, кроме Мелкого, вышел за дверь.

Томми окинул взглядом своего «гостя». Поиграв огромными мышцами на руках, он встал со стула, подошел к Оливеру и резко замахнулся. Тот ожидал, что его будут бить, но только удивился, что так быстро и без разговоров. Томми в последний момент остановил удар и поправил ворот куртки Оливера, похлопав того по плечу своей ручищей.

— Смотри, с яйцами. Точно он. — Бригадир отвернулся от Оливера. — Мелкий, верни ему рюкзак.

— Э, босс, там это, стволы внутри... — начал было Мелкий.

— Я кому сказал верни! И вали давай, расчет у старшего смены получишь. — Рыкнул на Мелкого Томми.

Сиплый Джо пока не встречал и только наблюдал за происходящим из угла комнаты. Томми проконтролировал взглядом уход Мелкого, а потом повернулся к Оливеру и спросил в лоб:

— Пить будешь?

— Да. — Не растерялся Оливер.

— Виски, само собой?

— Если есть.

Томми хмыкнул себе под нос и подошел к шкафу у стены. Открыв его, он взял два стакана, извлек пыльную бутылку и, удовлетворившись надписью на этикетке, одним движением открутил пробку.

— Односолодовый, еще довоенный. Предпоследняя, если что. — Томми плеснул по полстакана и вернулся к Оливеру и протянул ему виски. — Сиплый не пьет, трезвенник. А ты на, держи, воды сам дольешь, вон посуда. — Томми кивнул головой в сторону стола на котором стоял пошарпанный походный котелок.

Оливер, осознавая, что отказываться и брыкаться смысла уже нет, решил насладиться напитком. Он понюхал содержимое стакана и понял, что, даже если это и последний его день, то он далеко не самый худший в его жизни. Пригубив и посмаковав виски, он залпом выпил полстакана и почувствовал, как мягкий горячий шар опускается в желудок. В другой ситуации можно было бы и сказать, что вот теперь, де, можно и умереть, но сейчас это выглядело бы слишком буквально. Подождав, пока первая порция уляжется, он поднялся с табурета, подошел со стаканом к столу и плеснул немного воды. В это время Томми с долей одобрения во взгляде наблюдал за его действиями.

— И правда стальные яйца. Как у себя дома. — Томми громко засмеялся. — Как вискарь?

— Хорош.

— Ну что же, Оливер Стил, поговорим?

— Легко.

Ему было уже все равно. Оливер понял, что давно был под колпаком Томми, возможно, с того самого дня, как его, «Стального Генерала» нога ступила на землю Гетто. Он ненавидел это прозвище, оно казалось ему

глупым и неуместным, но ничего с этим поделать не мог.

— Тебя же за выдержку Стальным прозвали, да? — спросил бригадир.

— За фамилию.

— Хорошая шутка.

— А может и не шутка. — С усмешкой ответил Оливер. — Но лучше зови меня по имени. Я в отставке.

— Которую ты сам себе и устроил.

— Именно.

— Из сопротивления не уходят по собственному желанию. А такие как ты — только ногами вперед. — Ответил Томми.

— Как видишь, уходят и на своих двоих.

— Командир искал тебя, Оливер. По всей стране клич бросил.

— Я знаю.

— И он в городе.

Оливер молча отхлебнул из стакана. Букет виски был настолько изумителен, что даже этот разговор не мог его испортить.

— Так Мелкий не врал?

— Мелкий та еще шкура, но барыжит честно, что пылью, что шлюхами, что инфой. — Томми поудобнее устроился на стуле. — Иначе не прожил бы так долго.

— Так чего вам от меня нужно, парни?

В этот момент Сиплый Джо зашевелился в своем углу и впервые заговорил:

— Все просто. Мы тут ситуацию тебе пояснить хотим, Стальной. — Оливер поморщился от упоминания своего тупого прозвища, а Джо встал со своего стула и начал медленно вышагивать по комнате. — Смотри. Ты у нас два года под носом сидел, а раздуплились мы

только в последние месяцы. Просекли бы раньше — были бы в почете у Командира, а так — за нами косяк. Конечно, за тобой, пришлым, присматривали, но что к нам сам Оливер Стил нагрязнул даже и не думали. Вот кто будет прятаться на виду?

— Тот, кто не хочет, чтобы его нашли. — Ответил Оливер.

— Ну вот, я так тоже подумал. И отправил тебе весточку с Мелким. Реакция была поразительная, как подарок прям. Вкусная была записка? — Джо остановился у одной из стен и резко повернулся к Оливеру. — За нами косяк, Оливер, но и ты в говне по самые уши. Поэтому будь добр, сделай, что от тебя хочет Командир и мы все останемся целы. Ты сам должен понимать, что пути у тебя только два. Один из них ведет в могилу.

— Когда я с ним увижусь?

— Ты не будешь брыкаться? Если будешь, то нам проще снести тебе голову из обреза прямо сейчас, сказать что обознались и авось пронесет. Но мы надеемся, что у тебя есть мозги. — Джо внимательно смотрел на Оливера. — Это я уговорил Томми не мочить тебя сразу, а поговорить сперва. Ты не последний человек в сопротивлении, во всяком случае, был не последним. Идиоты так высоко не забираются. И тут пахнет жареным, для всех.

— И на том спасибо, что без рукоприкладства. — Оливер потянулся на табурете и хлебнул еще немного виски. — Я жить хочу, так что ты правильно рассудил.

— Хорошо. Допивай и пойдем.

— Можно хоть не торопиться?

— С довоенным виски Томми и торопиться? Он нам

головы открутит. — Усмехнулся Джо и посмотрел на своего патрона. — Да, Томми?

— Само собой. — Ответил Бригадир. — Посидим немного и пойдем. Заодно подумай, что Главному скажешь.

Покончив с алкоголем спустя минут десять, Оливер встал, взял лежащий на земле рюкзак и протянул его подошедшему Джо:

— Можешь присмотреть? Не думаю, что вы пустите меня к Командиру с оружием, пусть и в сумке.

— Правильно думаешь. Ладно, цела будет твоя котомка, пошли. — Ответил Джо.

Втроем они вышли из комнаты, сначала Томми, следом за ним Оливер и замыкал процессию Джо. Последний, как и обещал, сам нес в руках пожитки беглеца, не доверяя груз кому-то еще.

«Смотрите, какие обходительные. Значит, мы все реально в дерьме». — Подумал Оливер. Немного поплутав по коридорам подвала, они вышли к еще одной двери. Томми сам открыл ее и жестом предложил Оливеру войти.

— А, Томми. Привели голубчика? — Голос принадлежал Командиру, крупному, уже полностью седому старику, сидящему за небольшим письменным столом в полутемной канцелярской комнатухе. Возможно, когда-то он и был красив, но время и тяготы партизанской жизни наложили на него свой отпечаток. Обветренную, морщинистую кожу лица пересекали на левой щеке пара шрамов. Острый, длинный, но когда-то сломанный и неправильно сросшийся нос, тусклые, глубоко посаженные серые глаза. — Здравствуй, Оливер. Томми, иди, дальше я сам.

Оливер остановился сразу за дверью, которую закрыл за его спиной Бригадир Гетто. Он смотрел на старика в кресле и пытался понять, что тот задумал. Командир сопротивления, лидер партизан, вождь революционных сил (как только его не называли!) тоже молчал. Спустя очень долгие для Оливера двадцать-тридцать секунд он вновь заговорил:

— Присаживайся, друг мой, присаживайся. Нам много о чем есть поговорить. — Командир не сводил глаз с Оливера. — А ты выглядишь еще моложе, чем раньше, даже тридцать пять не дашь. Спокойная жизнь пошла на пользу, да?

— Жизнь в столичном Гетто сложно назвать спокойной.

— Все же проще, чем на передовой?

— Само собой. Сравнил.

— Почему, Оливер? Женщина? Жажда свободы? Почему?

Старик выглядел расстроенным. Оливер ожидал от него любой реакции. Гнева, презрения, ненависти, но не огорчения.

— Я устал, Мэтт. — Ответил он старику.

— Устал? Что значит устал? Я бы мог понять женщину и семью, Оливер, желание умереть от передоза пылью или спиться, но усталость? — Командир оживился и говорил с каждым словом все громче. — Устал, Оливер? Скольких парней ты вел за собой, скольких отправил на самоубийственные задания? Оливер! Как смеешь ты говорить об усталости? — Он сделал короткую паузу и продолжил:

— Мы посвятили свою жизнь борьбе и, если ты забыл, ты мне должен.

— А мне кажется, что со всеми долгами тебе я уже расплатился. Годами своей жизни расплатился. — Парировал Оливер.

Старик, услышав его слова, сжал зубы и полушипя сказал:

— Я создал тебя, Оливер. Уже в двадцать пять ты стал членом штаба, самым молодым. Многие в твоём возрасте тогда гнили с оружием в руках на передовой, а ты трахал девок и изредка выезжал в рейды.

— Ты прекрасно знаешь, насколько сложно отправлять людей на смерть! — Оливер не сдержался и сорвался на крик. — Знаешь сколько умерло по моей вине? Из-за моих ошибок и решений? Я перестал считать на третьей тысяче, Мэтт! И если ты можешь спать по ночам, отправляя молодых мальчишек с древними карабинами в руках на смерть, то я не могу! Больше не могу! У нас нет ничего против солдат в полной амуниции! Их даже не всегда крупнокалиберные пулеметы берут, а после восстановления производства боевых дронов мы оказались в полной жопе! Нет, Мэтт, спасибо!

— То есть, ты, когда прижало, решил сбежать, да, Оливер? Бросить этих неопытных мальчишек, бросить боевых товарищей, отказаться от всего, во что верил и закончить свою жизнь с пером в боку в этом Гетто? Да? — Командир тоже начал кричать в ответ. — ДА?

— Я не хочу быть больше убийцей, Мэтт.

— Убийцей?! Ты маньяк! Оливер, ты грёбанный маньяк! Напомнить, что ты сделал с обозом, идущим под конвоем в новую Столицу лет двадцать назад? Когда только был принят в штаб? Сколько там было женщин и детей, Оливер?! — Орал командир.

Повисла тишина.

— Три сотни человек плюс две дюжины бойцов сопровождения. — Тихо ответил тот.

— Да, именно. И ты, именно ты, не я, приказал экономить патроны после того, как сопровождение было перебито. Ты и твой отряд зарезали и забили прикладами три сотни человек! Половина твоего отряда тронулась умом после этого, а тебе хоть бы что! А теперь ты говоришь, что устал?!

— Ты не прав, Мэтт.

— В чем же?!

— Не хоть бы что.

Командир вскочил со своего кресла и подошел к Оливеру, со злобой глядя на него:

— Ах, совесть мучает? Так вот, мой Стальной Генерал, то, что происходит сейчас, по сравнению с тем обозом — детский лепет.

Оливер не знал, что ответить старику. Он сложил руки в замок и уставился на свои пальцы.

— Что ты имеешь ввиду? — не поднимая головы спросил он Мэтта.

Командир мгновенно растерял все свою воинственность и устало провел ладонью по лицу.

— Грядет война, Оливер, полномасштабная война. Именно поэтому я искал тебя последний год, но не для того, чтобы казнить как дезертира. Хотя и стоило бы подвесить тебя на столбе за яйца и вспороть брюхо. Столица получила тотальное преимущество. Оружие. Оружие, Оливер, с которым мы не можем справиться стандартными методами.

Мэтт вернулся в свое кресло продолжил:

— У меня только один вопрос: ты готов спасти в

десятки раз больше людей, чем убил?

Оливер был в растерянности. Уходя из сопротивления, он досконально знал, что происходит на континенте. Патовая ситуация. Никто не мог взять верх и был объявлен негласный мир, хотя сопротивление изо всех сил подогревало недовольство простых людей.

— Я не понимаю... — начал было он.

— Просто скажи, — перебил его Мэтт, — ты готов спасти больше, чем убил?

Он не знал что ответить своему старому другу и командиру. Внутри Оливера велась борьба. Почти три десятка лет войны, насилия, убийств надломили что-то внутри. Ему предлагают искупление? Как? Как можно искупить то, что он делал своими руками или на что отдавал приказы? Как?

— Хорошо. Рассказывай.

— Ты уверен, Оливер?

— Как минимум, я хочу жить. А без согласия я тебе не нужен. — Ответил Оливер.

— Поверь мне, друг мой, когда ты узнаешь, в чем дело, ты сам захочешь вернуться.

— Хорошо. — Повторил Оливер.

Мэтт внимательно посмотрел на своего друга и ученика, а после нырнул куда-то под стол. Спустя несколько секунд в его руках оказалась походная сумка, из которой он извлек несколько пухлых папок и правительственный планшет.

— Держи. — Сказал Мэтт протягивая стопку Оливеру.

— Что тут? — Спросил он.

— Трофейная документация. Наши перехватили одного из посыльных в Столице и добыли это.

Настолько важное, что даже цифровых копий, по всей видимости, нет, или их не отправляют по сети.

— И что в той документации?

Мэтт ничего не ответил. Он смотрел то на Оливера, то на папки с планшетом в его руках и, будто, не решался ответить на его вопрос.

— Это материалы по секретным разработкам одного из исследовательских центров на восточной окраине столицы. Если кратко — эксперименты над людьми и создание карательного отряда.

— Карательный отряд? Мэтт, никто не сунется в леса и горы Канады даже с целой армией. У нас там тотальное преимущество. — Говоря «мы» Оливер показывал, что смирился с тем, что вернулся в сопротивление. — Это самоубийство.

— Именно. Вот только от этого отряда не спрятаться. — Мэтт говорил отрывисто, делая паузы между словами. — Ты не сможешь спрятаться от тех, кто залез тебе в башку.

Оливер рассмеялся.

— Ты сейчас серьезно? Вот эта кipa макулатуры, — он потряс папками, — история о том, как власти создали зондеркоманду из суперсолдат убивающих взглядом? — Он бросил документы на стол перед собой. — Это все дерьмо собачье, ты головой тронулся уже со своим сопротивлением, Мэтт.

Командир поерзал в кресле и только вздохнул в ответ на тираду Оливера, будто был готов к подобной реакции.

— Оливер, когда мне принесли эти файлы, я сказал тоже самое. Как и все члены штаба. — Мэтт говорил спокойно и уверенно. — А потом, друг мой, мы взломали

защиту планшета и, в довершение, нам пришло донесение об одном из последних рейдов на это Гетто. Ты же о нем слышал, да?

— Ты мне дерьмо то в уши не лей, старик! — Оливер начал злиться. — Вы там совсем поплавились со своей борьбой за свободу. Какие, в жопу, телепаты, старый ты маразматик? Бригада Томми — сборище трусов и наркоманов. — Он протянул руку и отодвинул документы еще дальше от себя. — Мелкий, местный барыга, затирает мне эту чушь в кабаке буквально вчера, мол, ему один из бойцов рассказал. Эти ублюдки за стакан бурбона что угодно тебе наплетут. А Томми такой отчет прислал, потому что зассал признавать, что его серьезно потрепали бойцы регулярки, потому что вместо тренировок они тут барыжат наркотой и пьют малолетних шлюх из столицы. Вот тебе и все телепаты, Мэтт!

— Включи планшет и посмотри видео. — Спокойно ответил ему Командир. — А потом уже кричи.

Оливер недоверчиво посмотрел на Мэтта, но планшет в руки взял. Включив его, он нашел папку с видео — там лежал один единственный файл. Коснувшись иконки, он запустил воспроизведение с начала и приступил к просмотру.

— Не думаю, что это что-то поменяет. — Сказал он Мэтту.

— Посмотрим.

На экране планшета появилась картинка. На ней была комната, посреди которой стоял мужчина, по всей видимости, житель Гетто, если судить по исхудавшей фигуре, длинным волосам и бороде. «Скорее всего бездомный. Бригадники выглядят более

откормленными» — подумал Оливер. Мужчина стоял и смотрел в камеру, но тут за кадром начали говорить:

— Г-хм. Запись включена. И так. Это демонстрационное видео. В нем мы покажем, чего достигли за последние годы исследований и чего добились за счет полученного финансирования. — послышался какой-то шум и возня. — Так. Перед нами подопытный, г-хм, преступник, захваченный нашими военными в ходе одного из рейдов в Гетто. С его помощью мы продемонстрируем, чего добились в рамках работы над проектом «Око». В демонстрации участвует оператор — рядовой участник программы. — Голос за кадром прокашлялся. — При помощи процедур, описанных в приложенной к видео документации, ну, мы приложим документацию к видео, мы разработали оружие нового поколения. Но лучше посмотрите. — В этот момент голос стал чуть более приглушенным. — Оператор восемнадцать, приступайте. Инструмент на ваш выбор.

Взгляд пленника оторвался от камеры и сместился куда-то в сторону, за кадр. Если до этого пленник переминался с ноги на ногу, чего-то ожидая, то теперь замер и, казалось, даже не дышал. В этот момент закадровый голос вернулся.

— Один из основных инстинктов любого живого существа — избежать вреда для своего организма и, соответственно, боли. Главная цель, определенная для нас эволюцией — выживание. Но мы продвинулись настолько далеко, что теперь можем подавлять даже эти инстинкты и заставлять людей делать противоестественные для них вещи. Оператор?

В этот момент пленник резко повернулся и вышел из

кадра. Менее, чем через минуту он вернулся с ножом в руках.

— Еще один из базовых инстинктов — это размножение. — Продолжил голос. — Как видите, у подопытного в руках нож. Сейчас он самостоятельно нанесет себе увечье. Начинаем!

Как голос замолк, секунд десять ничего не происходило. Потом пленник дернулся и начал спускать штаны. После он схватил себя за пенис и, внезапно, несколькими резкими движениями отрезал его ножом, который держал в руках. Хлынула кровь, быстро заливая ноги бедняги, пропитывая спущенные штаны и собираясь в лужу перед ним. Он не двигался, так и стоял: в одной руке нож, в другой отрезанный им же член.

— Продолжайте, пока не сказалась потеря крови. — Сказал голос.

Пленник вновь дернулся, и разжал руку, в которой держал отрезанный пенис. Тот ошметком упал на пол, а сам подопытный, тем временем, уже отрезал себе мошонку. Через несколько минут у его ног уже собралась большая лужа крови, беднягу стало шатать и он рухнул на пол, так и не разжав выпустив из окровавленных пальцев то, что делало его мужчиной.

— Подопытный потерял сознание из-за значительной кровопотери. Как видите, все приказы, данные ему участником нашей программы, он выполнял беспрекословно. — продолжал тем временем человек за кадром.

Оливер быстро пролистал остаток видео и увидел еще несколько извращенных казней. В одной мужчина отрезал себе пилой руку, в другой — вогнал спицу в

глаз. Пленники калечили сами себя, выбивали зубы молотком, вскрывали сами себе животы. Все это сопровождалось хладнокровными комментариями закадрового голоса. Но одно во всем этом было неизменно — полная отрешенность несчастных и никаких колебаний. Дойдя почти до конца, он опять услышал уже знакомый голос:

— При всех преимуществах проекта «Око», у него есть один недостаток: рядовые участники программы, операторы, способны взять под полный контроль человека только при прямом визуальном контакте, либо, если таковой отсутствует, но местоположение объекта примерно известно — группой в 5-7 человек на расстоянии не более сотни метров. Однако, у нас есть два экземпляра, полевые испытания которых намечены на ближайшее время — в составе армейских рейдов в Гетто. Надеемся, с ними мы выйдем на качественно новый уровень.

Видео закончилось. В комнате воцарилась тишина. Мэтт наблюдал за реакцией Оливера и не вступал, позволяя ему осмыслить происходящее.

— Сколько у нас времени? — Наконец-то спросил Оливер Мэтта.

— Они уже провели испытания своих «экземпляров», о них тебе рассказал Мелкий в баре. — Сказал Мэтт. — Насколько нам известно — это две девушки в сопровождении конвоя в полной амуниции. Ближе чем на 200 метров к местам столкновений они не подходили, но и этого хватило, чтобы по Гетто прокатилась волна убийств и самоубийств. Оливер, парни просто поднимали стволы и сносили себе головы или стреляли в спины товарищей. Потери бригады

Томми чудовищны. А их было всего две.

Оливер замолк. Обдумывая что-то, он смотрел на папки с документами, а после спросил у Мэтта:

— А там что?

— О, друг мой, там есть форменные записки старины Менгеле.

— Кого? — не понял Оливер.

Мэтт тяжело вздохнул и ответил:

— Йозеф Менгеле... Ай, не важно. Твое поколение уже этого не знает, да и мои ровесники мало что помнят. Был врач один, лет сто назад, точно не помню. Не важно. Возьми, почитай, вторая папка.

Он немного подумал, взял предложенную Мэттом самую пухлую папку из стопки и открыл на первой странице.

— Начало можешь пролистать, сейчас важнее, чтобы ты вникнул в суть. — Сказал Мэтт. — Начни где-то с восьмой страницы, ближе к тысячному дню, там конец перевода записей.

Оливер пролистал до указанного места — оно оказалось чуть дальше, на одиннадцатой странице, и начал читать.

День 975

Сегодня покончил с собой еще один сотрудник НИИ, из тех, кто рискнул остаться. Еще одно тело отправилось в крематорий. Я не смею их винить, тех, кто сбежал, бросив коллег бороться с тем, что мы все вместе создали, они все сделали правильно. Лейтенант Щукин, как я упоминал ранее, застрелился из табельного пистолета еще два месяца назад. Его бойцы в раздрае, большая часть дезертировала. Из

Министерства пришла весточка, что скоро прибудет замена с внутренней проверкой, но спустя неделю ожидания ничего не изменилось.

Мне самому постоянно снятся кошмары, но я стараюсь держать себя в руках. Надо было позволить лейтенанту пристрелить подопытного сорок семь, когда он об этом просил. Я планирую с несколькими сотрудниками забаррикадировать дверь в подвал, на всякий случай. Сил сорок седьмого недостаточно, чтобы сломать стену или вынести дверь, но он может попробовать вскрыть замок изнутри — отмычки ему не нужны.

День 984

Еще один суицид, дело уже привычное. Тело мы оставили в морге — ни у кого нет сил вывезти его в крематорий. Тяжелый сон сменяется еще более тяжелыми периодами бодрствования. Я дезориентирован. Постоянно мерещится какая-то чушь. Мне кажется, он с нами играет и чем дольше он проводит времени взаперти, там, в подвале, тем безумнее и сильнее становится.

День 990

Замены бойцам и проверки все нет и нет. По всей видимости, на большой земле что-то началось, иначе нас бы не бросили вот так вот на произвол судьбы.

Любое перемещение превратилось в ночной кошмар. Я уже несколько дней не видел никого из коллег, так как с трудом выхожу из своего кабинета — преследуют галлюцинации, все является не тем, чем кажется. Иногда до меня доносятся крики, но я не уверен, кричат это реальные люди или это очередная атака сорок седьмого на наши разумы. Мы в западне.

День 1000 0100 1001

Дверь следит за мной но я нее подаю вида. Проклетая дверь непускает мена ружу но ничего яее обману Даобману. Онзоветменя и мне надо ити но дверь непускает меня Непускает МЕЕНЯ дверь. ННОО Онзовет меня.

...

онидетонидетонидетОнидетонИдЕтОнИдетИдетзамно
ОН ИДЕТСЮДА

Оливер закрыл папку. Он понял, что хотел донести до него Командир и почему его не пристрелили как бешеную собаку, еще там, в квартире.

— И что ты предлагаешь, Мэтт?

План старого командира был прост. Пока Оливер отсутствовал, они смогли развернуть хорошо оснащенный тренировочный лагерь к северо-востоку от Миннеаполиса, вблизи озера Верхнее. Вместе с минимальным сопровождением они перемещаются туда и Оливер займется тем, что делал лучше всего — подготовкой бойцов, готовых умереть, которых сам и возглавит.

— Это обязательно? — спросил Оливер Мэтта, когда тот закончил.

— Да, обязательно. Отряду придется засунуть голову в самую глубокую задницу из возможных, и ты пойдешь с ними. — Ответил старик. — И не потому, что я хочу, чтобы ты кровью искупил дезертирство, а потому что без тебя им крышка. Вам придется подойти, по всей видимости, к самой охраняемой лаборатории, напичканной убийцами-телепатами и сделать так, чтобы они больше никогда не смогли подняться на

поверхность. Как два пальца же. — Усмехнулся Мэтт. — Или ты считаешь, что это невозможно?

— Возможно все. — Спокойно ответил Оливер. — Вопрос только в том, скольким людям придется ради этого погибнуть.

Глава 5

— Э, привет, принцесса! — Труп оскалился в жуткой ухмылке. — Поспать вздумал? Хрена! Будем веселиться, принцесса!

— Ну ты и мудак. — Ответил ему Деймос, сидя на поваленном, но не очень сильно обгоревшем стволе дерева.

Спустя несколько месяцев труп в его снах стал выглядеть лучше. У него появились глаза, обгоревшие, но все же губы, затянулась дыра в горле и даже, местами, появились волосы на голове. Изменения произошли и в одежде. Сейчас на нем была чистая рубашка цвета хаки с подвернутыми рукавами, такие же штаны и черные ботинки. Теперь он был больше похож на человека с обширными ожогами тела, но на человека, а не на живого мертвеца. Плод воображения Деймоса похорошел, но и стал теперь более активным и разговорчивым.

— Я и так не высыпаюсь, а ты тут концерты устраиваешь.

— Ну же, принцесса! — Труп, все так же ухмыляясь, пританцовывал, стоя на месте. — Мы будем вместе навсегда! Навсегда! Навсегда! Мы станем лучшими друзьями, моя принцесса!

— Заткнись.

—

ПРИИНЦЕЕЕЕССАААА!!!

ПРИИИИНЦЕЕЕССАААААААА!!! — Как ни в чем не бывало, продолжил завывать труп. — МЫЫЫ БУДЕЕЕМ ВМЕСТЕ НАААААВСЕГДААА! ПРИНЦЕЕЕЕЕССАААА! МОЯ МИИИЛАААААЯЯЯ ПРИНЦЕЕЕЕЕССАААА!!!

Деймос устало потер виски и с недоумением посмотрел на труп. И как это понимать? Единственное, что приходит на ум: со временем его начало плавить, ведь этот вой — его собственное сознание.

— Может, ты заткнешься?

— Неа.

— Уверен?

— Ага, уверен.

— И почему это я резко стал принцессой?

— Потому что ты тряпка, Деймос, — внезапно серьезно ответил труп и так же внезапно опять взвыл, — ПРИИИНЦЕЕЕСССААА, ПОРА ВСТААААВААААТЬ!

В этот момент Деймос проснулся и резко сел на постели. Эти ночные встречи его изрядно выматывали. В последние недели, где бы он ни прикорнул, настырный покойник преследовал его. Ему редко удавалось поспать без сновидений, в основном, в те дни, когда у него был спарринг с одной из сестер.

— Доброе утро, Деймос.

— Доброе... — В этот момент он повернулся посмотреть на человека, обращавшегося к нему, чтобы поприветствовать по имени. От увиденного Деймос потерял дар речи.

— Что такое? — оскалился труп, — Ты не рад мне?

— Твою-то...

— Нет, твою. — Труп сидел на стуле у стены и лениво рассматривал обгоревшие пальцы на правой руке, будто бы у него там были ногти. — Знаешь, принцесса, мне стало скучно, вот я и подумал, что мы сможем отлично повеселиться тут, в реальности.

Деймос был в шоке. Одно дело, когда он

сталкивается с собственным подсознанием во сне, но совершенно другое — когда подсознание материализуется в реальности. А реально ли вообще все это? Может, он до сих пор спит? Деймос вlepил себе ощутимую пощечину и несколько раз ущипнул за руку. Ощущения, к сожалению, были вполне реальными, челюсть ныла, как и места щипков. Труп никуда не делся.

— Не старайся, мужик, не выйдет ничего. — Труп лениво зевнул. — Ты не спишь, я тут и никуда уходить не собираюсь. И не забывай: все, что ты думаешь, я знаю. Я же часть тебя, моя милая принцесса.

— Да, хреново быть мной. — Ответил Деймос.

— И не говори. А знаешь, что будет самым забавным? Самым забавным будет наблюдать, как ты будешь пытаться не спалиться, что у тебя окончательно поехала крыша. — Труп наклонил голову сначала в одну сторону, потом в другую, разглядывая Деймоса, будто собака. — Оптические галлюцинации, старик! Да твоя кровля дала конкретную течь! Ох, а как огорчится этот старый пердун Ивор, если узнает! А что скажет милашка Анна? Ммм?

Покойник был прав. Если это не сон и у Деймоса начались галлюцинации, то он в полном дерьме. Если он «спалится», то будет, без сомнений, списан в «брак», тут даже на позицию оператора надеяться не стоит. А что последует за списанием и что именно это самое списание подразумевает, Деймос даже думать не хотел.

— Ой, ну ладно, озвучу за тебя, моя милая принцесса. — Весело продолжил труп, пока его «создатель» сидел в ступоре на кровати. — Тебя усыпят, как бешеную собаку. Или пристрелят. Или

извлекают модуль «Ока» и выжгут мозги электрошоком. Но дешевле, все же, пристрелить. — В этот момент труп исчез и через секунду появился прямо перед Деймосом. На нем была одета форма охранника центра, а в руках он держал пистолет. Труп навел ствол на него, уперев ствол промеж глаз.

— БАМ! — Заорал труп, а в следующий момент в комнате прогремел выстрел.

Деймос дернулся назад и чувствительно приложился затылком об стену. Он мог поклясться, что почувствовал острую боль в том месте, куда был прислонен пистолет, почувствовал запах пороховых газов и слышал выстрел. Рефлекторно схватившись за голову, он начал ощупывать место «ранения». С ужасом для себя, Деймос пальцами ощутил липкую, горячую кровь, струйками стекающую вниз и заливающую глаза. Труп хохотал.

— Да, детка! Да! Каково быть списанным в утиль, принцесса?! Как ощущения?! — Он продолжал истерично хохотать, размахивая пистолетом перед лицом Деймоса. — Клянусь всеми богами, это был бы для тебя лучший исход, мразь! Но я не могу тебя убить. — Теперь он говорил тихо и спокойно. — Но я поразвлекусь с тобой вволю, принцесса. Теперь ты моя сучка, понял?

Кровь внезапно пропала, как и боль. На месте аккуратного отверстия в черепе была гладкая кожа. Деймос закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул и ответил:

— Пошел в жопу. Ты лишь часть моего сознания.

Когда он открыл глаза, в комнате уже никого не было.

Это было очень плохо. Появление галлюцинаций,

тем более таких агрессивных, не сулило ничего хорошего. Теперь Деймосу придется быть максимально внимательным к тому, что происходит вокруг. Если хоть кто-то узнает о его проблеме, ему крышка.

— Ты думал, что так легко от меня отделался? — Голова трупа появилась из под кровати, а на его лице была все та же мерзкая ухмылка. — Хрена тебе, принцесса! Теперь мы вместе навсегда.

Этот и все последующие дни обещали быть для Деймоса очень и очень долгими.

* * *

Настало утро. Гетто, которое никогда толком и не засыпало, оживилось. Караульные на КПП бригады сдавали свои посты сменщикам, ночные патрули возвращались на базу. Еще перед приездом Мэтта, после последнего рейда, Томми перевел Гетто на военное положение. Его бригада потеряла огромное количество бойцов, но все еще была способна контролировать столичный пригород. Старик ввел бригадира в курс дела и пообещал выслать подкрепление из нескольких городов, находящихся под контролем сопротивления. Пока же им придется справляться собственными силами.

Оливер встал рано. Многолетняя выучка не позволяла ему валяться в кровати после восхода солнца и он, с первыми лучами, уже был на тренировочной площадке, разминаясь перед маршем. Накануне они еще долго сидели с Мэттом, обсуждая детали перехода и, временами, предаваясь воспоминаниям. Все же, как

не противился Оливер, сопротивление было частью его жизни. Так просто все не забыть.

От старика он узнал, что к ним, за время его отсутствия, перешла калифорния, целиком, и почти весь север. У нового правительства не хватало ресурсов для контроля всей территории страны, и даже если бы им и удалось выбить сопротивление в канадские леса, на освобожденных территориях все равно было бы некому жить. Гражданская война выкосила девять из десяти жителей континента. Он вздрогнул, вспомнив о революции и последующей затяжной войне. В то время государства мира одно за другим исчезали в горниле войн. Его отец, каждый раз смотря новости, только тяжело вздыхал и говорил: «Нам повезло, Олли, тут войны не было почти три сотни лет! Все тут будет спокойно». Отец ошибался и погиб, глупо, стоя в очереди за крупой. «Полкило в руки по рабочей карте!», Оливер как сейчас помнил эти выкрики солдат, держащих толпу на прицеле. Каждый раз отец возвращался, иногда ни с чем, но живой. Кроме последнего. Подобный случай на тот момент был уже далеко не первым. Кто-то ломанулся без очереди, началась давка, паника, солдаты открыли огонь на поражение. Будучи тогда еще ребенком, он и решил, что с подобной властью не хочет иметь ничего общего. Дальше было хуже. Он наблюдал, как люди гибнут от болезней, выпущенных то ли случайно, то ли намеренно из закрытых лабораторий. Чума, штаммы гриппа, на фоне которых «испанка» казалась легкой простудой, эбола, малярия, адаптированная к умеренному климату и местным насекомым и еще черт знает что, сжигающее людей изнутри за считанные дни и часы. И люди гибнут

миллионами. Единственное, что спасло континент от превращения в безлюдную пустыню — утилизация ядерного вооружения, еще до войны, тогда уже морально устаревшего и слишком дорогостоящего в обслуживании. Хотя что-то вояки сумели сделать правильно. Но тогда Оливера это мало заботило. Вскоре после гибели отца от дизентерии умерла и его мать. Спустя лет шесть после начала войны его, уже взрослого по военным меркам, шестнадцатилетнего озлобленного бандита, завербовал Мэтт.

Вспоминая то, как он вообще попал в сопротивление, Оливер подошел к самодельному турнику и начал подтягиваться. Иногда ему казалось, что годы не властны над ним, потому что в свои почти сорок семь он мог дать фору любому двадцатипятилетнему. Да, он уже не был так быстр, как раньше, но постоянные тренировки помогли сохранить силу и здоровье. Еще он был благодарен предкам, среди которых не было ни лысых, ни рано седеющих. Конечно, шевелюра была уже не та, но выглядел и чувствовал себя Стальной Генерал как и десять-пятнадцать лет назад. Достаточно молодо для борьбы. Иногда, в пасмурную погоду, ныли старые раны и переломы, но в целом все было хорошо.

— Что, сила привычки покоя не дает? — К турнику в одних штанах и ботинках подошел Мэтт. — Оно, наверное, и правильно. А то у меня в штабе половина народу жиром на усиленных пайках заплыла.

— Да и ты брюшко нагулял. — Ответил Оливер, не прекращая подтягиваться и стараясь не сбить дыхание. — Стареешь, Мэтт.

— Ну мне то уже за шестьдесят, парень.

— Парнем я был лет двадцать назад.

— Для меня ты им всегда и останешься, хорошо сохранился.

Оливер через силу подтянулся в последний, пятидесятый раз и спрыгнул на землю.

— Лапы поддержишь? — Спросил он Мэтта.

— Давай, попробую.

Еще двадцать минут прошли в молчании. Оливер закрутил руки бинтами и колотил по старым, в нескольких местах порванным лапам, а Мэтт старался сдерживать его удары, иногда проседая под их напором. Особенно тяжело приходилось старику, когда Оливер вкладывал в них не только мышечную силу, но и свой вес.

— Бьешь как любитель. — Сказал старик. — Если от такого удара увернутся, то тебе крышка.

— А если попаду, то больше не встанут. — Огрызнулся Оливер и еще раз ушел всем весом в удар левой рукой.

— Ты хоть молодняк такому не учи, ты-то в рубашке родился.

— Ага, особенно когда мне чуть руку не ампутировали. — Оливер продолжал колотить лапы на руках своего наставника.

— Это давно было.

— Давай меняться.

Мэтт стянул лапы и бросил их Оливеру.

— Поделись бинтом.

Его удары были не такими мощными и быстрыми, как у Оливера, но более точными. Было заметно, что Командир знает, как закончить драку максимально быстро, но на долгое противостояние его уже не хватит.

Через десять минут Мэтт опустил руки и предложил сделать перерыв. Оливер подхватил лежащую на земле флягу, и они оба пошли присесть на обломки стены одного из зданий.

— Знаешь, Оливер, — начал Мэтт, — все не так уж и гладко в сопротивлении.

— Оно никогда и не было гладко.

— Нет, я про последние пару лет.

— Серьезно? — Усмехнулся Оливер. — Все стало еще хуже?

— Дисциплина всегда хромала. Участилось мародерство. — Мэтт наклонился вперед и положил локти на колени. — Мы уподобляемся тем, с кем воюем.

— На войне не бывает правых.

— Знаешь, Оливер, — повторил Мэтт, — если бы не это донесение про новое оружие правительства, я бы, наверное, последовал твоему примеру. Я то уже на самом деле стар. Нашел бы тебя, рванули бы в Канаду, в самую глушь.

— Два мужика в лесу. Как-то гомосятиной отдает, не находишь?

— Ну, нашли бы себе по женщине, проблема.

Оливер посмотрел на своего наставника, не веря в то, что слышит.

— Ты меня пугаешь, старый лис.

— Я сам себя иногда пугаю. — Все так же меланхолично ответил Мэтт.

Они еще немного посидели, перевели дух и обсудили, когда будут выдвигаться к озеру Верхнее. Мэтт предложил не тянуть и выйти из Гетто с заходом солнца, обогнуть новую столицу с запада, там на семидесятое шоссе и двинуть в сторону Мидл Тауна.

Сначала пешком, пока не пройдут Фредерик, а дальше на машине.

— Топливо найти непросто. — Заметил Оливер.

— Солнце светит всегда, друг мой. — Улыбнулся старик ему в ответ. — Мы перевели почти всю инфраструктуру и автопарк на солнечную энергетику, благо, пара беглых инженеров смогла добраться до нас живыми. Ну а дальше дело техники.

Оливер присвистнул.

— Да неужели, свершилось! А сколько людей ты привел с собой в Гетто?

— Двое, но мои парни ждут меня возле машины в точке сбора. Одинокий старик привлекает меньше внимание, чем вооруженная троица. — Сказал Мэтт.

— А ты рисковый.

— А то.

— Не боялся, что Томми тебя по-тихому пристрелит?

— Томми может и бык, но не дурак, во всяком случае, не настолько. Слишком много припасов, оружия и людей приходит к нему с севера. Тут передовая, Оливер, а Томми — хороший солдат, а не интриган.

— У него есть Сиплый Джо.

— Этот бы тем более не пошел бы на такое. Форменное самоубийство. Без поддержки штаба Гетто сомнут за год. А с новыми разработками — за два рейда. — Мэтт нехотя встал. — Ладно, пошли, поедим и в арсенал. На днях как раз пришли поставки новых игрушек для Гетто, думаю, Томми разрешит нам прихватить парочку.

— Опять беглые инженеры? — Многозначительно спросил Оливер.

— Именно мой друг, именно.

Сборы были не слишком долгими. После завтрака мужчины зашли к Томми, чтобы Мэтт мог дать ему последние указания. Все сводилось к минимизации потерь и уклонению от прямых столкновений. Если будет необходимо, Мэтт разрешил Томми покинуть позиции в Гетто и отступить с бригадой на запад, в район Аппервилла.

— Будьте осторожны, — сказал Мэтт Томми, — они могут перебросить часть столичного гарнизона по шестьдесят шестому шоссе и зайти с западной стороны, через Парис, поэтому надолго там задерживаться не стоит.

— Понял, шеф. — Ответил Томми.

— Окей, вечером мы со Стилом уходим.

— Командир, — это заговорил Сиплый Джо, — мы тут подумали, что вас с Генералом было бы неплохо проводить. Я пойду с вами и возьму своего помощника.

— Томми? — Мэтт удивленно поднял бровь, выражая свое недовольство.

— Пожалуйста, Командир Мэтью, времена сейчас беспокойные, говорят, в пригороде Дамаскуса банда появилась новая, мародеров. — Прогудел Томми. — Джо отличный следопыт и стрелок, а не какая-то штабная крыса... — Томми осекся, так как понял, что сболтнул лишнего. — Ну, это, я хотел сказать, что боец и командир он хороший, а это, посылать шушеру какую... Ну это, обычных бойцов. — С каждой фразой гигант-Томми становился все краснее, а Мэтт все так же с иронией смотрел на одного из своих главных бригадиров. — Ну это, Командир Мэтью, мы это... Кароч, важный вы человек, да и Стальной Генерал тоже. Проводит вас Джо куда надо, ок?

— Хорошо, Томми, ты это, успокойся, вон красный какой, — Засмеялся Мэтт. В какой-то момент ему стало казаться, что Бригадир вовсе перестал дышать. — Я, в первую очередь человек и уже не молодой, всякое слышал, — продолжил он, — если ты думаешь, что Джо будет нам полезен, то пусть проводит, это твоя территория.

На лице Томми появилось облегчение. В какой-то момент ему показалось, что Командир примет фразу про штабных крыс на свой счет и прикажет вздернуть его на ближайшем столбе, но старик только посмеялся и принял его предложение. Они, уже вчетвером: Оливер, Мэтт, Джо и Томми, обсудили их новый маршрут и проложили его на карте. Джо и вправду хорошо знал местность и предложил в нескольких местах срезать по бездорожью, сверился со своими записями о пригородных патрулях и в целом довел маршрут почти до идеального состояния, насколько это было возможно.

После уже втроем они отправились в арсенал, а Томми остался на созванное им же совещание — оповестить старших смен о приказе Мэтта. Арсенал представлял из себя обширное подвальное помещение, бывшее когда-то, по всей видимости, подземной парковкой. Вдоль стен стояли ящики с оружием, патронами и амуницией. В старых законсервированных бочках, наполненных оружейным маслом, хранились карабины, еще не бывшие в употреблении. Команда оружейников периодически вскрывала их для проверки, часть отправляла в бригаду, а остальное разбирала, чистила и опять консервировала в бочках, до лучших времен. Джо направился к дежурному, а Мэтт и Оливер остались у входа, ожидая его.

— И что за игрушки ты отправил Томми? — Спросил Оливер.

— Хех. Сейчас увидишь, друг мой, сейчас увидишь. — Загадочно ответил Мэтт.

Через пару минут Джо вернулся в сопровождении немолодого дежурного по арсеналу и все четверо двинули вглубь помещения. Дойдя до ничем не отличающихся от прочих ящиков, оружейник что-то сказал Джо и удалился на свой пост.

— Какой-то неразговорчивый. — Заметил Оливер.

— Работа у него такая. — Ответил Джо. — Бойцы постоянно норовят «потерять» лишний магазин, а то и пистолет, а потом выясняется, что они неплохо бухнули и порезвились со шлюхами. Стараемся пресекать.

— Что тут у нас?

Джо перехватил фомку, которую ему выдал дежурный, и вскрыл один из ящиков. В тусклом свете потолочной лампы, предательски мерцающей и готовой вот-вот перегореть, Оливер увидел несколько темно-серых комбинезонов, аккуратно уложенных один на один.

— Да ты шутишь. — Только и смог он сказать, глядя на Мэтта. — Это твои гостинцы Томми?

— Ага.

— И как вы заставили их работать?

— Беглые инженеры, Оливер, беглые инженеры.

— Ты гонишь.

— Неа.

— К вам что, весь инженерный состав государственного ВПК свалил? — Не унимался Оливер.

— Нет. — Коротко ответил Мэтт. — Хватило трех.

— Мать божья.

Джо молчал. Все трое слишком хорошо знали то, что лежало в ящиках. Армейский боевой костюм для специальных операций. Черный — для обычных солдат, серый — для офицеров и спецназа. В нем можно было без опаски засыпать на снегу, выйти под очередь автомата, а про пистолеты даже речи не шло. Вскрыть эти консервные банки можно было, только если высадить весь магазин в упор и переломать носителю половину костей, уже после выковыривая его из брони чем-нибудь острым. Или при помощи крупнокалиберного пулемета, в крайнем случае — забросать гранатами, но не меньше трех.

— Сколько их тут?

— Дюжина. И они полностью функциональны. С режимами усиления и интеллектуальной защиты.

— Беглые инженеры... — гнусаво протянул Оливер.

— Ага.

— Но все равно не густо, дюжиной бойцов армию не победить.

— Гетто не единственные, кому они нужны, Оливер, фронт растянут по всей стране. — В голосе Мэтта слышались нотки раздражительности.

Джо достал три костюма и аккуратно закрыл ящик. Оливер помог опустить его на пол и добраться, по указанию Мэтта, до третьего в стопке, с пометкой, «G». Внутри их ждали четыре универсальных армейских карабина — этому Оливер уже не удивлялся — три из которых так же были извлечены наружу. Также мужчины взяли с собой несколько запасных магазинов, композитные ножи и по паре гранат. Когда выбор амуниции был окончен, Мэтт предложил разойтись по своим комнатам, собрать вещи и передохнуть.

— Встретимся в семь, возле столовой. Возьмем припасы и двинемся в путь, а пока стоит поспать.

Его спутники не возражали, и после того, как все трое вышли из арсенала, каждый пошел в свою комнату.

Оливеру не спалось, сказала утренняя тренировка. Он аккуратно пересобрал свой рюкзак, чтобы освободить максимум места для припасов, с тяжелым сердцем выложил кобуры, теперь уже неактуальные Глоки, смену одежды. За час до времени сбора, он начал одевать броню, на голое тело, как рассказывали бывшие солдаты. Костюм казался слишком большим, но после того, как Оливер полностью влез в него и коснулся панели активации на плече, разрез на спине, идущий вдоль позвоночного столба, стал стягиваться наподобие молнии. Два небольших горба аккумуляторов на лопатках слегка сковывали движения, но, по мнению Оливера, это была не слишком высокая плата за использование подобной игрушки.

Он слышал много рассказов о полной армейской броне от перебежчиков, но никогда не пользовался ею сам. Все костюмы закреплялись за бойцом, и даже если удавалось взять солдата живым, броня на другом человеке работать отказывалась.

— Беглые инженеры... — Процедил сквозь зубы Оливер. — Где же вы были десять лет назад, когда эти игрушки только появились?

В пустой комнате ответить на этот вопрос было некому. Слегка поерзав в стремительно сжимающемся костюме, Оливер бросил взгляд на панель на левом плече. Надо бы размерчик подогнать, а то хозяйство жмет. Он перевел броню в предлагаемый режим

калибровки и начал, согласно появившемуся на экранчике сообщению, вышагивать по комнате, размахивая при этом руками, прыгать, приседать и даже отжиматься. Со стороны все это выглядело более чем забавно, но он понимал, что чем лучше костюм сядет, тем меньше будет вероятность того, что он что-то натрет себе по дороге. Только до Мидл Тауна, согласно их маршруту, было почти шестьдесят миль — по пересеченной местности не меньше четырех дней пути.

Окончив калибровку, Оливер перевел костюм в режим энергосбережения с пассивной поддержкой. Пока он не на марше, не стоило высаживать аккумуляторы, а там костюм будет сам заряжаться в дороге.

В военном плане технологии ушли далеко. Когда он впервые увидел карабин нового поколения, то удивлению его не было предела. Интеллектуальный коллиматорный прицел с тепловизором и дальномером, технология свой-чужой, защита от использования посторонними, универсальные переключаемые магазины повышенной емкости. Последние модели можно было разобрать до состояния легкого пистолета-пулемета, помещающегося в кармане, когда в полном сборе они весили не меньше шести-семи кило. Потом появились вот такие костюмы, а теперь, как он узнал от Мэтта, было восстановлено производство военных дронов под управлением ИИ. Многие же в сопротивлении до сих пор воевали со столетними автоматами в руках, что, с учетом распространения боевой брони в правительственной армии, было больше похоже на конную атаку на танки. Шашки наши острые, но броне сделать хоть что-то они не могут. Единственное уязвимое место нового оружия — наличие

большого количества электроники, но этот недостаток с лихвой компенсировался возможностями продукции государственного ВПК на фоне вооружения, доступного сопротивлению.

Дождавшись шести часов сорока минут, Оливер начал одеваться. Не стоило светить полной броней на все Гетто. Он натянул штаны, обувь, набросил и застегнул куртку. Надеясь, что аккумуляторы не слишком сильно выпирают из под нее, Оливер закинул на плечо похудевший рюкзак, вышел из комнаты и направился в сторону здания пищеблока в расположении бригады. У входа его уже ждали что-то обсуждающие между собой Джо и Мэтт, а чуть поодаль стоял паренек лет восемнадцати. Мужчины, как и он сам, натянули поверх брони обычную одежду, чтобы не привлекать лишнего внимания. Единственное, что выдавало всех троих — горловина брони, выглядывающая их под курток и плотно облегающая шею до самого основания черепа

— Твой помощник? — Спросил Оливер Джо, подойдя поближе и указав головой на паренька.

— Да. — С улыбкой ответил Сиплый Джо. — Сначала был бегунком у меня, вот, теперь повисил. Его Джон зовут, тезка. — Продолжал улыбаться Сиплый Джо. — Славный малый, смысленый.

— Почему он без оружия?

— У него есть пистолет и нож, а больше и не надо. — Ответил за Джо Мэтт. — Он будет нашими глазами, пойдет впереди, околицей. Так что его долю пайка придется нести нам. — Смеясь, добавил старик.

Оливер посмотрел на юношу. На голову ниже Оливера, тощее телосложение, короткая прическа.

Видимо, время от времени бреет голову наголо. Оно и правильно. Чем короче в драке волосы, тем дольше проживешь.

— Я так понял, провизию вы получили без меня?

— Да, сходи только наполни флягу, в следующий раз набрать воды сможем, только когда до Гошен Бранч дойдем. — Предупредил Сиплый Джо.

— Окей, я мигом. — Ответил Оливер.

Уже через час все четверо вышли за пределы Гетто. Они бы управились и быстрее, но Джо вел их переулками, чтобы как можно меньше попадаться на глаза местным обитателям. Выйдя за пределы городской черты, они двинулись на северо-запад, огибая новую столицу, как и планировали ранее. В пути говорили мало. Мэтт что-то рассеяно насвистывал себе под нос, Джо сосредоточенно молчал, высматривая сигналы от своего юного разведчика, время от времени появлявшегося перед ними на дистанции в метров двести-триста, а иногда и пятьсот, и дающего знать, что впереди все чисто. Оливер погрузился в размышления о том, во что его втянул старик.

«Солдаты-телепаты, способные брать под контроль сознание противника. Твою-то, Олли, твою-то! Во что ты ввязался на этот раз?» — Говорил ему его внутренний голос. «Они не справятся без меня», — парировал Оливер самому себе, — «я нужен сопротивлению как никогда». — «И что? Других кандидатов не нашлось на роль самоубийцы? Ты вряд ли выйдешь целым из этой мясорубки, старик», — продолжал наседать голос.

После того, как совсем стемнело, а луну затянуло облаками, все четверо расположились на ночлег в небольшой лесополосе. Джо достал из своего рюкзака

термоодеяло для парня, а мужчины просто легли на землю. Броня отлично держала тепло или поглощала его излишки, заряжая аккумуляторы. Все трое, по совету Мэтта, перевели бронекастюмы в режим пассивного жизнеобеспечения.

— Я первый подежурю. — Вызвался Мэтт. — Все равно не спится. Потом Джо, а ты, Оливер, последний. Пацану дадим поспать нормально, он двойной путь нарезает.

Не услышав возражений, Мэтт поднялся и отправился к опушке, пока остальные устраивались поудобнее.

— Эй, малыш Джон. — Обратился к пареньку Оливер. — Возьми рюкзак старика, будет что под голову положить.

Он еще с минуту понаблюдал за парнем, пока тот укладывался спать. Оливеру показалось, что юноша отключился еще до того, как его голова коснулась рюкзака Мэтта. Когда-то и он, Оливер, засыпал так же. Крепко и без сновидений.

— Убегался пацан. — Сказал очевидное Сиплый Джо. — Но ничего, дам ему отгулов как вернемся, да денег. Пусть девок сходит потискает.

— Смотри, еще нос отвалится у твоего бегунка. — Сказал Оливер, причем, вполне серьезно.

— Да не, я же его не к шлюхам отправлю. Есть у нас на пищеблоке да в медпункте девушки нормальные. — Ответил Джо. — Кто дочери бойцов, работают на бригаду да живут на довольствие отцов, кто так прибились сами по себе, но собой торговать не приходится. Купит им пацан безделушку какую, или вина домашнего у поварих, а дальше уже как-нибудь

сам. — Правая рука Томми лег, положил голову на свой рюкзак и устало вытянул ноги. — Вроде даже любовь там с кем-то крутит, но я в это особо не лезу.

Оливер ничего ему не ответил.

— Сам знаю, что неправильно это. — Продолжил Джо. — Жизнь в Гетто, все эти рейды да облавы, но что ты ему объяснишь, молодой еще.

— Да ты как отец говоришь прям. — Усмехнулся Оливер.

— А что? Я его совсем мелким подобрал, лет десять было. Грязный весь, злой, как тот черт, ей богу! — Ответил Джо. — Но ловкий и юркий был до жути. Он всегда такой щуплый был, может это и спасало его, ноги его быстрые. Я его отмыл, покормил, предложил бегунком у меня быть. Ну а ему-то что, в десять-то лет? Главное, чтобы кормили. Вот, живой остался, вырос. Да и с головой дружит.

Оливер внимательно смотрел на обычно молчаливого и сухого Джо, который внезапно так разоткровенничался. Мужчина и вправду считал своего мелкого тезку сыном, только никому в этом не признавался, даже, возможно, самому себе.

— Что, планы на пацана есть? — Спросил он Джо.

— А чего же и нет? Бычьей силы как у Томми ему не видать, поэтому башка с малых лет и варит нормально. Если выживет в ближайшие лет пять-шесть, буду у Томми за него просить в наш штаб взять, хоть помощником каким, а там и до руководящего поста недалеко. — Джо поерзал на земле, устраиваясь поудобнее. — А пока в разведку ходит иногда, да на КПП сидит время от времени.

— Ясно. — Ответил Оливер.

Он тоже улегся, положив рюкзак под голову, и уже через десять минут крепко спал.

Сиплый Джо растолкал его засветло. Просыпаться было тяжело, но Оливер принял караул и двинулся к опушке, сторожить покой своих товарищей. Ближе к рассвету он достал четыре пайка, растолкал спутников и, не дожидаясь, пока они поднимутся, принялся за еду. Затолкав в рот остаток плитки черного шоколада и запив его водой, Оливер направился в кусты по самому важному из возможных дел и, возможно, самому сложному в нынешнем походе — справить нужду.

Отключив броню, он стащил эластичный костюм до колен и присел под кустом. За неполные сутки Оливер настолько привык к броне, что сейчас ему казалось, что с него сняли кожу. Хотя он и потел, изнутри броня была абсолютно сухая, но неприятный запахок оставался. Как только они дойдут до Гошен Бранч, всем троим надо будет ополоснуться в реке, не хватало подхватить еще какую инфекцию.

Подтерев зад парой листьев лопуха, он обратно натянул и включил костюм. С облегчением почувствовав, как броня по последней калибровке уже привычно облегает тело, Оливер двинулся к месту стоянки. Там его ждал только Джон-младший, как про себя окрестил парня Оливер после вечернего разговора с Джо. Мужчины же после еды тоже удалились в лес, видимо, с теми же намерениями, что и Оливер. В это время парень аккуратно ножом выкапывал небольшую ямку, чтобы похоронить в ней упаковки из под сухого пайка, дабы скрыть следы их пребывания. «И вправду голова варит» — подумал Оливер.

Спустя минут десять ожидания, мужчины вернулись

и все четверо продолжили свой путь: Джон впереди всех, на удалении в метров пятьсот-семьсот, изредка появляясь в прямой видимости и давая знать, что все чисто, а за ним следом, гуськом, Джо, Мэтт и замыкающий их маленькую колонну Оливер.

Ближе к полудню Мэтт решил устроить привал. Они остановились за небольшой насыпью возле просеки, скрывающей их от любопытных глаз. Джо отправил парня осмотреться, но не слишком далеко, и быстро назад. На отдых было выделено около часа.

— Как броня? — Спросил старик.

— Неплохо.

— Можешь увеличить уровень поддержки, сейчас жарко, костюму хватает энергии без высадки аккумуляторов, а рюкзак и ствол вообще чувствовать перестанешь.

— Ок.

Оливер положил карабин себе на колени и сел под деревом. Можно и прикорнуть минут двадцать, по старой бойцовой привычке. Ведь солдат спит всегда, когда может. Из полудремы его вырвал шепот Джо:

— Эй. У нас проблемы.

— Что такое? — тихо спросил Оливер.

— Джонни не вернулся.

Дрему как рукой сняло. Оливер быстро встал на ноги и подошел к Мэтту, высматривающего в это время что-то за насыпью. По просеке шло двое бойцов в такой же, как у них, серой броне.

— Твою мать! — Просипел подошедший к ним Джо. — Откуда!?

— Откуда не важно, важно то, что они идут сюда и я уверен, что насыпь они проверят. — Ответил Мэтт.

— Что будем делать?

— Они в броне. — Заметил Оливер.

— Сам вижу. — Огрызнулся Джо.

— Так, — по голосу Мэтта было слышно, что он полностью принял командование на себя, — у кого что есть, о чем я не в курсе?

— У меня в рюкзаке лежит Глок и, может, глушитель. — Ответил Джо.

— Мужик, ты куда вообще шел?! — Спросил Оливер.

— Разные дела делаются в Гетто, Стальной, разные. — Нехотя ответил на вопрос Джо. — Поэтому этот малыш всегда со мной.

— Ладно. — Мэтт о чем-то усиленно думал глядя на Оливера.

— Еще кусок пластида... — Продолжил Джо.

Оливеру на это сказать было уже совсем нечего.

— Предлагаешь подорвать их? — Спросил Оливер. — Я не вижу другого варианта вскрыть их броню. Тем более, они в шлемах, в отличие от нас... А может, гранаты?

— Не пойдет. — Перебил его Мэтт. — Много шума.

— А что тогда? — Спросил Оливер.

— Джо, доставай и пистолет и взрывчатку, — сказал Мэтт, — А ты, Оливер, слушай сюда.

Двое бойцов столичного гарнизона двигались к насыпи у края просеки. Не дойдя до нее десяти метров, они услышали в кустах слева от себя какой-то шум, но тут из-за насыпи появился мужчина. Он держал руки над головой, крепко сжимая кулаки и сказал:

— Эй, парни, спокойнее, свои.

На нем и вправду была активированная армейская броня и бойцы слегка опустили уже поднятые было

стволы карабинов.

— Э, ты кто такой? Из какого подразделения? — Спросил старший в паре.

— Да я свой, мужики, вы это, не стреляйте только. — Пришелец спускался по насыпи и направлялся к ним, дистанция сократилась до метров семи.

Двое переглянулись и молча направили оружие на Оливера.

— Стоять там, сами разберемся.

— Мужики, ну вы че, отошел посрать, отбилсь от своих. — Продолжал заговаривать зубы солдатам Оливер, медленно подходя все ближе и при этом не опуская руки. — Меня от этих сухпайков аж на изнанку выворачивает, думал кишки высру, ей богу.

Пять метров.

Сделав последний шаг, Оливер разжал левый кулак, снимая пальцы с рычага задержки. На солнце блеснул цилиндр ЭМИ-гранаты. Спустя мгновение мониторы всех трех костюмов замерцали и потухли. Оливер почувствовал, как броня, еще секунду назад плотно облегавшая все его тело, начала сползать с плеч. Не теряя ни секунды, он забросил правую руку за спину и ухватился за рукоять пистолета, приклеенного на аккумуляторный блок пластидом. Оливер от чего-то боялся, что из-за действия ЭМИ-гранаты взрывчатка может и рвануть, но, по всей видимости, ему было не суждено умереть настолько тупой смертью.

Рванув пистолет он, почти не целясь, всадил две пули в грудь ближайшего солдата. Тот захрипел и начал оседать на землю. Пока его напарник пытался понять, что происходит, и поднимал свой карабин, Оливер

перевел пистолет на него. Солдат успел нажать на курок первым. Ничего не произошло. Импульс гранаты перегрузил всю электронику в радиусе шести метров, в том числе и блок управления винтовкой.

Оливер недобро улыбнулся и тоже нажал на курок, ожидая услышать третий тихий хлопок, который разрешит эту ситуацию, но вместо пули в грудь солдата, древний Глок сумел выдать только щелчок.

Осечка.

Дистанция между ними была угрожающе мала и, приняв одинаковое решение, оба схватились за ножи. Не давая противнику времени, боец выхватил свой клинок первым, пока Оливер отбрасывал ставшим бесполезным пистолет, и бросился вперед. В отличие от солдата, Оливер прекрасно понимал, что именно произошло. Быстро двигаться в отключенной броне еще то приключение. Вопреки ожиданиям Стального Генерала, боец не запнулся и в один прыжок добрался до него, чуть не насадив на шестидюймовое лезвие. В ответ Оливер пнул его ногой в живот и вложил весь свой вес в удар левой рукой.

И на этот раз удача улыбнулась ему. Удар пришелся в незащищенную шлемом челюсть, солдат потерял равновесие и упал на землю. Выхватив из закрепленных на бедре ножен клинок, Оливер навалился на солдата, стараясь как можно быстрее закончить бой. По словам Мэтта, у него не более десяти-пятнадцати секунд до включения брони и за это время он должен успеть расправиться с противником, иначе у них будут серьезные проблемы.

Отпустив свой нож, солдат схватился за руки нападающего на него Оливера, стараясь удержать

клинок подальше. Видимо, он тоже понял, что произошло, и старался выиграть время, дотянуть до перезагрузки контроллера брони. Уперев локоть правой руки, в которой Оливер держал нож, в противника, и, переводя на нее весь свой вес, он замахнулся кулаком левой и с силой ударил, но не по голове солдата, а по навершию рукояти ножа. Лезвие вошло в грудь по самую пята. Выдернув клинок, Оливер ударил своего противника еще несколько раз. После того, как все было кончено, броня Оливера и солдата перезагрузились. Пробитые лезвием места костюма, где клинок вошел в грудь, затянулись, но это уже было не важно. Оливер успел покончить с противником.

Вытерев кровь солдата какой-то тряпкой, которую бросил ему Сиплый Джо, Оливер двинулся следом за товарищами, туда, откуда пришли военные. Дойдя до небольшого поворота, все трое увидели лежащее в траве тело. Первым к нему бросился Джо, бросив на землю винтовку и рюкзак.

— Джонни! Джонни! — Его голос дрожал. — Парень! Как ты?!

Для Мэтта и Оливера все было ясно, но Джо не терял надежды. Только подбежав к телу вплотную, он тоже понял, что все кончено. Парень лежал в луже крови, медленно вытекающей из перерезанного горла. По всей видимости, юноша расслабился, и нос к носу столкнулся за поворотом с солдатами, за что и поплатился жизнью.

— Мальчик мой...

Оливер видел, как, казалось, в мгновение постарел Джо, который молча упал рядом с телом на колени.

— Надо было его на КПП оставить... — Прошептал

Джо и затих.

Спустя минуту молчание нарушил Мэтт:

— Джо. — Старик сделал паузу, подбирая слова. — Это война, Джо. Но благодаря Джонни мы сможем жить дальше.

— Это неправильно, командир Мэтью, он совсем пацан.

— Я знаю. — Ответил ему старик. — Но давай уберем его с дороги. Вставай, Джо. — Мэтт подошел к убитому горем мужчине и поднял его на ноги, придерживая за руку. — Нам надо идти. Мы не можем задерживаться, теперь они знают, что мы где-то здесь.

Глава 6

Деймос брился. Пока его вечный спутник ерничал за дверь, он думал, как теперь себя вести. Место, в которое, как показалось Деймосу, угодила пуля, выпущенная трупом из воображаемого пистолета, весьма реально ныло. «Это просто проделки моего сознания», — подумал он. — «Я справлюсь с этим дерьмом, я в этом уверен».

Во время бритья он услышал стук в дверь ванной комнаты.

— Любовь моя, открой мне! — это был труп.

— Нет.

— Ну мы же оба знаем, что я могу просто материализоваться рядом с тобой, — продолжил покойник, — но боязно мне, что ты себе, ненароком, горло бритвой перережешь.

Деймос тяжело вздохнул и подошел открыть дверь. Прямо за ней, выпучив глаза и надув щеки, стоял плод его воспаленного, в этом он уже не сомневался, сознания.

— Умница моя, моя принцесска. Хочешь, за ушком почешу? — Труп попытался изобразить умиление, но на обожженном лице это было больше похоже на злобную гримасу. — Ну давай! Я вижу, что ты уже смирился и начинаешь выполнять мои команды, — он ввалился в ванную и уселся на опущенную крышку унитаза, — глядишь, человека из тебя сделаю.

— Заткнись, — Деймос вернулся к прерванному бритью, — а лучше исчезни.

— Много хочешь, — оскалился в ответ труп, — мы

же сейчас к милашке Анне идем в гости? Я такое просто не смею пропустить!

— Не мог бы ты хотя бы в присутствии других людей не показываться на глаза? — спросил Деймос.

— Щас.

Деймос ожидал услышать подобный ответ, он мог бы поспорить, фактически, с самим собой о том, как части его сознания стоит себя вести, но времени оставалось катастрофически мало — уже через десять минут его ждала доктор Прайс. Быстро одевшись, он вышел в коридор жилого блока. Тут было пусто. Уровень, на котором Деймосу выделили комнату, был целиком отдан под проживание участников проекта. Он все еще толком ни с кем не познакомился и даже не знал, кто живет за стенкой, а о расположении комнат сестер только догадывался: они, судя по всему, квартировались где-то в другом крыле, потому что в коридоре он с ними не сталкивался, только у лифтов.

Бодрой, торопливой походкой Деймос направился к этим самым лифтам. Труп следовал за ним, иногда обгоняя, приплясывая на ходу, но чаще держась немного позади.

— Хочешь, песню спою? — спросил он Деймоса уже, наверное, в пятый раз за пару минут.

«Вселенная, дай мне сил пережить это все», — подумал Деймос. Говорить с самим собой было бы, как минимум, подозрительно для любого вышедшего из многочисленных дверей по обе стороны коридора. — «Главное — держать себя в руках во время беседы с Анной. Помни, Деймос: молчание — золото!»

— Ты скучный, принцесса, — в голосе трупа слышалась поддельная обида, — песня-то хорошая.

«Да хоть лучшая из написанных, мне все равно, только заткнись», — подумал в ответ Деймос. Это было удобно. Он не сразу понял, что скрыть от самого себя мысли невозможно, но теперь использовал это для того, чтобы не показывать на людях, насколько сильно у него поехала крыша.

— Ну и ладно, — подозрительно легко согласилась галлюцинация, — давай тогда поговорим о том, как ты до такой жизни докатился и с кем дело имеешь в этом подвале, — Труп остановился вместе с Деймосом у лифтов и оперся плечом на стену, — надеюсь, ты понимаешь, что друзей у тебя тут нет, да, принцесса?

«С какой стати?» — слова трупа стали нервировать Деймоса. В этот момент лифт пришел на их этаж и он, труп и женщина-оператор из соседнего крыла вошли внутрь.

— Ну сам рассуди, принцесса, — продолжил труп, попутно разглядывая женщину и тыкая ей пальцем в щеку, будто проверяя, настоящая ли она. Галлюцинации Деймоса были настолько реалистичными, что он видел, как проседает кожа на щеке оператора под пальцем трупа, но какого либо возмущения женщина не выказывала, — откуда у тебя тут, в этом подвале, друзья? Даже если начать с малого — та хрень, которую тебе в шею зашили. Ты даже толком не знаешь, где она сидит. Никаких швов, проводов или контактов, но операцию ты помнишь, да? — Труп перестал исследовать лицо оператора и повернулся к своему создателю. — И это только один из многих волнующих меня, а, значит и тебя, вопросов.

Лифт прибыл на двадцать шестой уровень, где находились кабинеты Ивора и Анны. Они с трупом

молчали. Деймос пытался осмыслить то, что сказала ему галлюцинация, а последняя, на удивление, ему не мешала.

— Ты не чувствуешь себя на коротком поводке, цепной пес Деймос? — Труп внезапно стал серьезным и больше не прыгал и пританцовывал вокруг Деймоса, а просто шел рядом, по правую руку от него и, совсем как живой человек, уворачивался от людей, идущих по коридору ему навстречу. — Каждый день ты выпиваешь кучу препаратов. Когда-нибудь задумывался над тем, как долго ты протянешь без них? Ведь, скорее всего, это все для того, чтобы остановить отторжение модуля твоим организмом. Я хоть тебя и ненавижу, но подыхать не собираюсь, так что будем пить витаминки как по часам, — кабинет Прайс был все ближе и мертвец ускорился в своих размышлениях, — а еще помнишь дневник старины Никитинского? Ну, в той папке что тебе Ивор всучил, о том, какой ты теперь особенный. Так вот, к сожалению, мы оба не читаем по-русски, но слишком там все гладко расписано. Они подсунули тебе шило — полуправду, так удобнее врать. Нужно найти правильный перевод, полный, жопой чую, там что-то пошло не так, — труп ухмыльнулся, — ведь я-то тут.

— Все, завязывай, мы пришли, — едва шевеля губами сказал Деймос.

— Что, тяжело еще телепатически со мной общаться? — Взгоготнул труп, — ну ничего, привыкнешь. Ладно, поговорим серьезно попозже, ты прав, — в этот момент Деймос уже открывал дверь в кабинет Анны, — а сейчас время веселья!

Деймос мысленно выругался, потому что «время веселья» не предвещало для него ничего хорошего.

Доктор Анна Прайс сидела за своим столом и что-то читала на своем планшете. Когда она увидела в дверях Деймоса, Анна улыбнулась и сказала:

— Присаживайся, Деймос, я сейчас закончу и пойдем в лабораторию.

— Лабораторию?

— Да, минуточку.

Деймос устроился в одном из кресел, которое обычно занимала Астрея, прямо напротив Анны, а доктор Прайс продолжила чтение. Галлюцинация прохаживалась по кабинету, рассматривала книги на полках и документы на столе.

«Ты же все равно ничего там не видишь, пока этого не увижу я», — подумал Деймос.

— И что? — ответил труп. Деймос вздрогнул. Ему показалось, что сейчас Анна прекратит работу и посмотрит на плод его воображения и спросит, кто это такой и что тут делает. Но слышал и видел покойника только Деймос. Пока он до конца не осознавал, что может общаться с трупом мысленно, при этом никак не выдавая его существования. В это время галлюцинация уже потеряла интерес к обстановке и стояла за спиной доктора Прайс.

— Эх, принцесса-принцесса, а у тебя губа не дура, — труп наклонился к сидящей Анне и понюхал ее волосы, — ты же даже сидя там чувствуешь этот запах? Приятные духи, да? Даже мне нравится. — В этот момент он провел обожженными пальцами по волосам Анны. — ты бы хотел их потрогать, да, извращенец? Тебя даже не так сильно интересуется ее грудь или то, что между ног, как ее волосы. Да?

Деймосу было не по себе. Как ни тяжело было в

этом признаться, его влекло к миниатюрной ученой, а от лежащих каштановой волной волос он не мог отвести глаз. Труп это знал и сейчас издевался над ним. Деймос поерзал в кресле, стараясь найти позу, в которой сможет скрыть свое возбуждение, но в этот момент Прайс оторвала взгляд от экрана планшета, посмотрела на своего подопечного и спросила:

— Что-то не так, Деймос?

— Нет, что Вы, — ответил тот, — все в порядке.

— Мне кажется, ты нервничаешь, — Анна, как и любая женщина, частенько была неудобно проницательна, — тебя что-то беспокоит?

— Нет, все в порядке, — ответил Деймос.

Она задержала на нем взгляд на полсекунды дольше необходимого и вернулась к своим делам. Труп стоял у стены за ней и неестественно широко улыбался.

— У кого-то давление повысилось? — спросил он Деймоса, — да ладно тебе, я же только начал.

В этот момент труп присел на корточки рядом с Анной и провел пальцами по ее щеке.

— Эх, жаль, я не знаю, насколько у нее бархатистая кожа, ведь ты ее не касался, принцесса. Но уверен, она следит за собой, — труп посмотрел на сконфуженного Деймоса, — полноте, ведешь себя как ханжа.

Внезапно труп одной рукой схватил Анну за грудь и провёл языком по ее щеке, оставляя блестящую дорожку слюны. Это выглядело абсолютно реально и в тоже время противоестественно, потому что доктор Прайс никак не реагировала на его действия. Деймос чуть было не заговорил с ним вслух, но в последний момент смог остановиться и подумать:

«Да хватит тебе уже! Это все не реально! И чего ты

добиваешься? Пусть в расход меня — тебе тоже крышка».

— Ладно, уговорил, — Деймос только успел моргнуть, а труп уже сидел в кресле рядом с ним, где обычно располагалась Адикия, — не думал, что это тебя так травмирует, моя принцесса. Но в одном ты прав, — он лениво вытянул ноги и сложил руки на животе, — мы с тобой в одной клетке под названием твоя голова.

«Да неужели ты это понял?», — подумал Деймос.

— Я понимаю в происходящем намного больше тебя, моя глупая принцесса, намного больше.

«Поделишься?»

— Как минимум, не сейчас. Кстати, — труп усмехнулся, — тебя наша милашка уже третий раз зовет.

После этих слов Деймос и сам понял, что Анна уже два раза обращалась к нему, а он в это время сидел и пялился на пустое кресло.

— Деймос? — опять позвала его Анна, — эй, Деймос! Он повернулся к Анне и только и смог выдавить:

— Простите, доктор Прайс, задумался.

Анна неодобрительно посмотрела на него, но ничего не сказала, делая вид, что ничего странного не произошло, хотя то, что он впал в ступор и пялился на пустое кресло рядом с собой, было, как минимум, подозрительно.

— Как ты знаешь, — Анна начала говорить тем своим тоном, которым рассказывает что-то касательно проекта «Око» и роли Деймоса в нем, — нам пришлось форсировать твое введение в строй из-за указаний сверху.

— Да, доктор Ивор говорил это, — ответил

Деймос, — поэтому вы и пичкали меня тонной препаратов, — он пощупал вполне реальные мышцы на руке, хотя еще около двух месяцев назад там была только кожа и кости, — хотя, не сказать, что я не доволен. Ходить все же приятнее, — усмехнулся он.

— Хорошо, что ты так позитивно к этому относишься, — сказала Анна, — сегодня у нас будет еще одна тренировка с сестрами, но на этот раз мы активируем твой модуль Ока.

Деймос покосился на покойника, который, сидя в соседнем кресле, строил ему рожи, и ответил Анне:

— В документации по проекту все было достаточно подробно описано, но... — он замялся, но продолжил, — как глубоко сестры залезут ко мне в голову?

Анна быстро отложила в сторону планшет, который все еще держала в руках, встала со своего места и подошла к Деймосу. Его окатила волна запахов, сопровождающая молодую ученую: волосы, одежда, духи.

— У-хууу! Воскликнул труп, вскакивая со своего места, — какой цветок, а занимается такими мерзкими вещами, да, принцесса?

«Заткнись», — только подумал Деймос.

Пока он препирался с трупом, Анна заняла место галлюцинации в кресле и продолжила:

— Сестрам даны четкие указания, — она закинула ногу на ногу, и Деймос с большим трудом удержал взгляд на её лице, — в первое включение ты будешь тренироваться ставить ментальный блок. Атакующие действия будут отрабатываться по мере того, как ты научишься контролировать модуль, — сказала Прайс, — тебе не о чем волноваться.

Деймос в ответ только кивнул. Анна слегка улыбнулась ему, похлопала по руке и, встав, пошла к своему креслу за халатом; комплекс хорошо вентилировался, и в коридорах было прохладно.

— Мужик, — труп впервые назвал его как-то не оскорбительно, — а ты в курсе, что ведешь себя как спермотоксикозный юнец? — на время разговора Анны и Деймоса он занял позицию в углу комнаты, скрестив руки на груди и внимательно наблюдая за происходящим, — так старательно не пялился на ее ноги, что тут даже слепому понятно, что ты хотел на них пялиться.

«Думаю, это какая-нибудь побочка от лекарств», — подумал Деймос, потому что, по факту, труп был прав.

— А я думаю, что ты просто хочешь потискать и еще кое-чего поделать с этой маленькой ученой, — все так же спокойно ответил ему труп, — нет, ну губа-то у тебя не дура, согласен, но Деймос, достань голову из жопы! Ты не ее рыцарь в сияющих доспехах, ты ее подопытная крыска. И если хочешь остаться живой крыской, — в этот момент галлюцинация отлипла от стены и подошла к накидывающей халат Анне, показывая на нее обеими руками, будто это какой-то экспонат, — то вот эта вкусняшка не для тебя.

«Сам знаю».

— Деймос, пойдем? — Анна взяла свой планшет и уже стояла у двери, ожидая его.

— Да, конечно.

На посту охраны Анна попросила вызвать сестер в лабораторию на тридцать девятый, тренировочный уровень. На лифте все трое: Деймос, его галлюцинация и Анна, спустились почти в самый низ комплекса —

дальше шли уже технические уровни, куда заглядывал только обслуживающий персонал. Ехали, по ощущениям, довольно долго, что было для Деймоса не совсем комфортно. Анна заняла позицию у дверей, оставив подопечного и его мертвую проблему за своей спиной.

— Зацени задницу, принцесса, — опять начал труп, — как орех, даже под халатом! Небось приседает по утрам.

Деймос, как это не было печально для него, на этот раз был согласен с ним, посмотреть было на что. Добравшись до тренировочного уровня, все трое вышли из лифта и пошли по гулким скудно освещенными коридорами куда-то вглубь.

— Экономят энергию, тут почти никогда никого не бывает, — пояснила Анна, — оно и правильно, толку тут от света.

К их общему удивлению, добравшись до нужной им лаборатории, они застали там скучающих сестер.

— Привет, девочки, — поздоровалась с ними Анна, — это вы как так быстро?

— Были в тире, — ответила за двоих Адикия, — Астрей питает слабость к дробовикам и тамошнему дежурному, знаете...

— Только к дробовикам, — сконфуженно перебила старшая сестра.

Анна усмехнулась. Более прямолинейная и честная Астрей постоянно попадала впросак по вине младшей сестры, а Адикия не упускала момента поддеть старшую. Из них двоих именно Астрей обладала огромной силой духа. Это проявлялось во всем, что она делала: от рукопашного боя, до предпочтения

дробовика винтовке и использования модуля Ока. Адикия же добивалась своего хитростью, не брезгуя, например, отпускать подобные последней колкости. Эту их персональную войну старшая сестра проигрывала.

— Слушай, принцесса, а чего ты глаз вон на старшую не положил? — труп никуда не делся и пока женщины общались, точнее, пока подключившаяся к травле Анна расспрашивала Астрею о том дежурном по тире, он решил пообщаться с Деймосом, — смотри какая ничего. Хороша собой, вроде честная, ровня тебе, как-никак. А судя по разговорам, тут все ради душевного спокойствия подопечных, типа вы тоже люди, хотя я в этом не особо уверен, — труп пнул Деймоса локтем в бок, — так вот, может лучше на старшенькую глаз положишь? А там, глядишь, и младшую зацепишь...

«Ты мог бы поговорить со мной о чем-нибудь кроме баб?», — раздраженно подумал Деймос.

— Воу, воу! Мужик, ты не забывай, что я — часть твоего сознания, ты у нас тут запевала в хоре, а не я, — сказал труп отойдя от Деймоса и поднял руки, будто показывая, что он тут совершенно не причем, — это твой гормональный фон штормит, а не мой, так что на зеркало то не пеняй, да.

«Что? Какое еще зеркало?»

— А, я забыл, что ты знаешь об окружающем мире чуть больше хомяка. Забей, — отмахнулся от вопроса Деймоса труп, — Так вот, задница-то у старшенькой еще получше будет! Правда, эта и вломить может, да?

«Младшая больнее бьет», — подумал Деймос.

Он уже достаточно провел времени на ринге с каждой из сестер, чтобы понимать, что при правильной обороне Астрея не так опасна как ее сестра: младшая,

казалось, могла одним ударом ноги переломать половину ребер.

— Ну да, ты пока для них так, груша для битья, — подытожил труп размышления Деймоса, который как раз вспоминал, как пропустил удар левой ногой от Адикии и как в этот момент зажмурилась Астрея, — но тот факт, что я бы приударил за старшенькой, это не отменяет.

«Все, хорош, достал уже».

Пока Деймос вел мысленную перепалку с самим собой, Анна и Адикия закончили гнобить Астрею и все трое были готовы начать работу с ним. Примерно полчаса ушло на брифинг, перед которым Деймосу опять дали какие-то лекарства. По словам Анны, они немного его расслабят и снизят шок от включения модуля Ока. Еще десять минут Анна ковырялась за стеклом с аппаратурой: задавала значения и уровни синхронизации участников, включала запись.

— Помни, Деймос, что бы ни случилось, не поддавайся панике. Если я замечу скачок на датчиках, мне придется аварийно тебя отключить — голова потом дня два болеть будет дико, так что ты соберись, хорошо? Конечно, лучше бы все это делал Ивор, но он в отъезде, так что не подведи меня, — напоследок сказала Деймосу Анна.

— Да, я понял, я постараюсь, — ответил Деймос уже лежа в одном из трех кресел в центре зала. В двух других расположились сестры и все вместе они образовывали подобие круга.

— Астрея и Адикия тебя подстрахуют если что, понял? — сказала Анна и, не дождавшись ответа, продолжила, — включаю.

Парой движений по панели перед собой она активировала сначала модули Астреи и Адикии, а потом, с заданными ограничениями первого пуска, модуль Ока Деймоса. Он лежал на кресле абсолютно неподвижно и, как и просила его Анна, медленно и глубоко дышал. Несколько секунд ничего не происходило, но тут, как показалось Анне, не только по помещению лаборатории, а по всему центру, прокатился синхронный, нечеловеческий, полный боли и ужаса крик сестер.

Глава 7

Пока Джо приходил в себя, сидя над телом убитого парня, Мэтт внимательно осматривал пространство за поворотом.

— Что скажешь? — спросил подошедший к нему Оливер.

— Скажу, — Мэтт сплюнул сквозь зубы, — что что-то тут нечисто.

Оливер не стал возражать. Паренек на открытых пространствах всегда заходил по широкой дуге, чтобы иметь максимальный обзор, и то, что он умер именно так, от ножа, да еще и не успел дать знать о солдатах, им, его товарищам, было весьма подозрительно.

— Нам надо двигаться дальше. Поднимай Джо и проверь на сюрпризы тело, — продолжил после нескольких секунд молчания Мэтт.

Стальной Генерал молча кивнул, поправил карабин на плече и пошел обратно к их спутнику.

— Джо, поднимайся, мы не можем задерживаться тут надолго.

— Тело уберем? — спросил Джо. Внешне он уже был спокоен: смерть — частая гостья в Гетто.

— Да, только давай проверим на подарки.

Мужчина кивнул в ответ и аккуратно приподнял тело убитого юноши. В это время Оливер запустил руки под труп, и, постепенно приподнимая тело, ощупывал землю под ним. Проверкой они занялись не зря. Буквально сразу же Оливер нащупал два цилиндра оборонительных гранат, аккуратно уложенных спусковыми скобами вверх. Стараясь не делать резких

движений, он взял одну из них в руки и, зажимая скобу, вытащил из-под тела.

— Там еще одна, аккуратно.

Им повезло: гранаты были старого, довоенного образца, и извлечь их не составило труда.

Когда они уже достали вторую, вернулся Мэтт. Было видно, что старый командир напряжен: в руках карабин, сумка брошена на землю, броня переведена в боевой режим.

— Кончайте возиться тут, парня придется оставить как есть.

— Мэтт?

Оливер опасался, что Джо может сорваться, но правая рука Томми уже более-менее пришел в себя и внимательно слушал приказы старика.

— Положите одну гранату обратно под парня, а вторую под рюкзаки. Оставим вещи тут.

— Думаешь? — спросил Оливер.

— Тут должен быть кто-то еще, — проигнорировав вопрос Оливера, продолжил Мэтт, — где двое солдат, там еще десяток.

Мужчины кивнули в ответ и стали выполнять указания Мэтта, пока тот, щурясь, осматривал окрестности. Они положили одну из гранат под тело Джонни так, чтобы она взорвалась при сдвиге, вторую — как и сказал Мэтт — под один из рюкзаков. При себе у мужчин остались только фляги, висевшие закрепленными на поясе, и оружие. Оливер забрал себе пистолет убитого, старую Беретту.

— Только лишний вес, — заметил Мэтт.

— Если к нам под ноги прикатится ЭМИ-граната, то ты будешь очень рад этому лишнему весу, старик, —

парировал Оливер, засовывая пистолет за ремень поясного обвеса.

— Смотри сам, — ответил Мэтт. — Ладно, все, пошли.

Троица свернула с просеки в лес и скрылась из виду стоявшего дальше, за деревьями, на другой стороне просеки, оператора.

— Какие будут приказы, мэм? — спросил подошедший к ней солдат.

— Держите дрона как можно дальше, они не должны ни о чем догадываться, — ответила Мелисса.

— Мы бы могли их перебить прямо сейчас, всех до одного. И войне конец, — заметил солдат.

— Ты умнее советника Харриса? — Мелисса бросила взгляд на солдата. Тот поежился, будто от холода, и промямлил:

— Нет, мэм.

Удовлетворенная услышанным, Мелисса отвернулась и пошла к остальному отряду, напоследок сказав солдату:

— Вот и славно. И еще. Возьми кого-нибудь и сходи за жетонами провинившихся. И тела надо будет убрать.

Солдат пару секунд переминался с ноги на ногу, но быстро опомнился, вытянулся по струнке, дрогнувшим голосом ответил «Есть!» и, обогнав при этом Мелиссу, бросился искать себе помощника.

«Все идет по плану, — подумала она, глядя в спину убегающего от нее бойца, — советник будет доволен». В начале спектакля Мелисса на секунду потеряла контроль над одним бойцом, когда Оливер застрелил его товарища, но благодаря этому все выглядело еще натуральнее, чем она планировала.

— Все идет по плану, — прошептала она.

* * *

Это была бойня.

Бригада Томми уже несколько дней вела ожесточенные бои по всем направлениям, зажатая в кольцо в центре Гетто.

Томми сидел на втором этаже полуразрушенного здания, куда перебралась ставка бригады, и изучал карту города, передвигая камни, обозначающие силы сторон. Он пытался найти выход. Ему сейчас ужасно не хватало Джо, который ушел с командиром Мэтью почти две недели назад. И за две недели никаких вестей. Абсолютно. Видимо, что-то пошло не так, потому что за это время можно было трижды дойти до точки сбора и вернуться обратно, но Джо все не было и не было. Доверять принятие стратегических решений его второму заму, Брайану он не мог — слишком мало у него было опыта, но без Сиплого Джо Томми не справлялся.

После начала атаки стало ясно, что окраинным патрулям промыли мозги. Они вернулись в полном составе в распоряжение бригады, но многие из них двигались как заведенные куклы, а другие и вовсе не помнили, что были в патруле той ночью. И теперь вся бригада превратилась в загнанных в угол крыс.

Вдали обрушилось очередное здание. Довоенная постройка не выдержала натиск правительственной бронетехники и рассыпалась будто карточный домик, хороня под своими обломками немногочисленных оставшихся в живых бойцов сопротивления.

— Добраться бы до этих!.. — Томми ударил кулаком по столу перед собой. Камешки, обозначающие силы сторон, подпрыгнули, некоторые сместились к центру, будто обновляя информацию о положении дел.

Регулярная армия — а участие в атаке на Гетто принимала именно она — не была главной проблемой Томми. А вот мелкие мобильные отряды во главе обычно с женщинами (хотя попадались и мужчины-телепаты) — были. Эти отряды проходили через бреши в обороне, как нож сквозь масло. Невозможно противостоять противнику, который досконально знает каждый твой ход и отводит бойцам глаза. У бригадира складывалось впечатление, что он играет в покер. Вот только карт противника не видно, а его, Томми, карты в открытую лежали на столе.

— Шеф, — это был Брайан, — кольцо опять сжалось. Они в шести кварталах. Что будем делать, шеф?

Томми устало подвинул камешки на карте еще ближе к тому месту, где была отмечена ставка, находящаяся в самом центре окруженной войсками территории. «Джо, где тебя носит?» — подумал он, а потом ответил своему помощнику:

— Собирай людей. Вот тут, — Томми указал пальцем на место на карте. — Это через улицу.

У него еще осталось пять бойцов в костюмах (на Томми армейская броня не налезала, слишком он был велик), армейские карабины, взрывчатка и, вроде как, еще достаточно людей, чтобы хотя бы попытаться прорвать окружение. Он отошел от стола и выглянул в оконный проем.

Город горел.

«Командиру Мэтью стоит поторопиться. Враг начал

действовать. И эти их новые бойцы... Просто невероятно, насколько серьезно меняется расстановка сил, если в бою появляется хотя бы один из них», — от размышлений Томми оторвал очередной взрыв. «Уже в кварталах пяти, не дальше», — прикинул он. Со второго этажа было отлично видно, как внизу суетятся бойцы, получившие его приказ через Брайана. Времени на сборы оставалось все меньше. А потом — это было понятно всем — Томми поведет остатки бригады на смерть.

* * *

Деймос потянулся и встал с кресла. Модуль Ока работал просто превосходно. Он был благодарен милашке Анне за ее ошибку в калибровке аппаратуры, а так же своей тупоголовой сиделке Пенни за тот укол обезболивающего. Все это позволило его сознанию собраться воедино. Деймос чувствовал, как снимается блок с его памяти, насильно подсаженные учеными сопливые воспоминания о правительственной академии и старике-отце уходят прочь. Он опять становится самим собой.

Одна из сестер зашевелилась. Астрейя. Когда она открыла глаза, Деймос уже стоял рядом с ней и мило улыбался. Старшая примерно секунду не могла сфокусировать взгляд, а когда увидела над собой Деймоса, вжалась в кресло. На ее лице отчетливо читался страх.

— Ну-ну, Астрейя, что ты так? — ласково сказал Деймос. — Ну да, немного жестко встретил, бывает. Не

обижу я тебя.

Он разглядывал старшую сестру. Астрея почти никогда не теряла самообладания и только теперь, когда она испытывала, животный ужас только от одного его вида, Деймос смог оценить, насколько она была молода. «Двадцать, ну двадцать два, не больше», — подумал он.

Пока он молча рассматривал Астрею, в себя пришла и младшая из сестер. Адикия сориентировалась быстрее, уже прыгнула с кресла и стояла за спиной Деймоса.

— Младшенькая, ну не стоит, — лениво протянул тот, — от тебя так и разит яростью и желанием сломать мне шею.

В этот момент он почувствовал движение воздуха за спиной и одновременную атаку обеих сестер при помощи их модулей. Судя по всему, в свой удар Астрея вложила весь свой страх и ужас, который почувствовала во время их контакта, тогда как младшая пыталась незаметно просочиться в его разум, который, по ее мнению, должен был быть перегружен атакой сестры, и затормозить движения Деймоса. А потом сломать ему шею ударом ноги.

Почувствовав все это, Деймос закрыл глаза и разочарованно вздохнул.

Сначала он разобрался со старшей. Его ответ по сравнению с атакой Астреи был непропорционально силен. Астрея выгнулась дугой на кресле и забилась в судороге, глаза закатились, а из носа пошла кровь. «Упс, переборщил», — подумал Деймос, ослабляя напор и поворачиваясь лицом к Адикии. Та уже была совсем рядом, готовая нанести удар в голову.

Деймос, особо не церемонясь, ворвался в ее сознание и заставил остановиться. Вообще участники проекта были слабо подвержены влиянию модулей друг друга, а о полном захвате контроля двигательной функции не могло быть и речи. Но Адикия замерла и Деймос, теперь уже стараясь действовать аккуратнее, отвел ее на несколько шагов назад.

— Девочки, спокойнее, — сказал он, подойдя к Адикии в плотную, — я не хочу вам навредить.

Астрейя, которая лежала в кресле за его спиной, тихонько всхлипывала после пережитого. Деймос был слишком силен, и она это почувствовала на собственной шкуре.

— Еще раз такое выкинете — и в следующий раз я могу силу не рассчитать, — продолжил Деймос, — а мы же не хотим, чтобы вы из двух прекрасных юных леди превратились в овощи, пускающих слюни?

Он зашел за спину Адикии, обнял ее за плечи и, положив голову ей на плечо, продолжил:

— Астрейя, как ты?

Старшая ничего не ответила. Ей было тяжело прийти в себя и окончательно осознать произошедшее, а то, что они испытали с Адикией и что узнали о своем компаньоне во время включения модулей, только усугубляло ее состояние. Не сводя взгляда с Деймоса, она спрыгнула с кресла.

— Она не дышит.

— Что? — спросил Деймос.

— Ты не даешь моей сестре дышать... — уже быстрее сказала Астрейя. — Ослабь давление.

Деймос улыбнулся девушке и заглянул в ничего не выражающее лицо Адикии, с которой стоял в обнимку.

— А мне что с этого? — спросил он.

— Деймос, ты убьешь ее! — Астрея сорвалась на крик и попыталась подойти ближе.

Он погрозил ей пальцем и отвесил легкий, по его меркам, ментальный шлепок при помощи модуля. Астрея запнулась и чуть не упала, но намек поняла.

— Ладно, ладно, чего ты так? — сказал он. — Адикия, зайка, ты же будешь хорошо себя вести? — спросил он девушку. Ответа, понятное дело, не последовало, и он просто снял контроль над младшей из сестер.

Адикия быстро, с хрипом вдохнула полной грудью и закашлялась. Деймос все так же, с какой-то извращенной нежностью обнимал ее, наблюдая за выражением лица своей пленницы. Как только она более-менее отдышалась, а Астрея поднялась на ноги, Деймос продолжил:

— Итак, мои красавицы, план простой. Как только включили модуль, я отправил Анну в отключку, чтобы она нам не помешала. Когда доктор Прайс очнется, вы будете милы, вежливы и не будете пытаться рассказать ей о том, что увидели. Вам понятно? — Он слегка прижал Адикию к себе, давая так понять, что будет ждать их в случае неповиновения. — Ни слова Анне, Ивору, вообще кому-либо. Ничего не было, я просто немного испугался во время запуска, а вы на секунду не смогли меня удержать. Но потом все стало хорошо. Ясно? — повторил Деймос.

Астрея посмотрела на свою сестру, а после молча кивнула в ответ.

— Адикия? — спросил Деймос.

— Что?

— Что произошло во время активации моего модуля?

— Мы на секунду не смогли тебя удержать, а ты нервничал, но теперь все отлично, — спокойно сказала младшая сестра глядя перед собой.

— Вот и славно.

Он отпустил Адикию, которая сразу же бросилась помочь своей сестре: после двух атак Деймоса та с трудом стояла на ногах. Деймос же прогуливался по лаборатории, рассматривая кресла и стены.

— Анна сейчас очнется, — сказал он, — полезайте обратно в кресла и расслабьтесь. И помните, — продолжил Деймос с улыбкой забираясь на свое место, — теперь мы с вами лучшие друзья. И это, Астрейя, у тебя кровь из носа пошла, не размажь. Ты же без сознания, помнишь? — добавил он напоследок.

Сестры ничего ему не ответили. Провоцировать Деймоса было смертельно опасно.

* * *

Очнувшись, Анна обнаружила, что лежит на полу. Дико болела голова и слегка мутило. Она, опираясь на приборную панель, поднялась на ноги и бросила взгляд в лабораторию, находящуюся за стеклом. Все трое ее подопечных лежали на своих местах, по всей видимости, без сознания. Она подождала минут-другую, вызвала через пульт охраны бригаду медиков и двинулась в зал, к Деймосу и сестрам.

Что именно произошло, Анна помнила смутно, но что-то в абсолютно будничной и формальной процедуре, которую они проводили уже добрые полсотни раз,

пошло не так. В памяти отпечаталось только то, что она, по всей видимости, неверно выставила параметры модуля Деймоса, переводя его сразу же в боевой режим. Потом был крик сестер и все, она отключилась.

Войдя в зал, Анна увидела, что Астрея уже сидела на своем кресле и вытирала тыльной стороной ладони кровь из носа, а Адикия только приходила в себя. Деймос все еще лежал без сознания, но дышал ровно и глубоко.

— Астрея? — обратилась к старшей из сестер Прайс. — Как ты?

Девушка прыгнула со своего места и неуверенно двинулась в сторону Адикии, отвечая Анне на ходу:

— Все нормально, просто мы были не готовы к подобной мощи, — сказала она, глядя на свою окровавленную руку, а затем, убедившись в том, что Адикия в сознании и открыла глаза, продолжила, — да и Деймос, по всей видимости, запаниковал в последний момент.

Это было странно. Анна теперь уже в подробностях вспомнила, что происходило перед самым включением, хоть и мысли ее все еще немного путались. Никаких эмоциональных всплесков Деймоса аппаратура не зафиксировала, он был спокоен. Возможно, даже слишком спокоен.

— А я почему отключилась? — спросила она сестер.

Астрея хотела было что-то сказать в этот момент, но замялась, отведя взгляд. В тот момент, когда Анна уже собиралась повторить свой вопрос, в разговор включилась Адикия:

— Это я, Доктор Прайс. Простите, — младшая прыгнула на пол, опираясь о плечо Астреи, — я

боялась, что мы вас зацепим.

— Могла бы и нежнее, — ответила Анна. Ее все еще мутило, плюс ко всему в голову лезли мысли о том, что скажет ей Ивор, когда узнает, как она напортачила с настройками. Если бы Анна сейчас была одна, она бы крепко выругалась, но терять лицо перед подопечными было нельзя. В это время и Деймос стал подавать признаки жизни.

Выглядел он откровенно плохо. Неизвестно откуда появившиеся темные круги под глазами, бледность, рассеянный взгляд и очень медленные, осторожные движения. Деймос попытался встать со своего места, но сумел он только завалиться на бок. Его вырвало.

Анна бросилась к нему, но он поднял руку в останавливающем жесте и, отдышавшись и несколько раз сплюнув в лужу блевоты рядом с креслом, сказал:

— Все нормально, доктор Прайс, со мной все хорошо, просто мутило, — он вытер рот тыльной стороной ладони и высморкался двумя пальцами. — Мне намного лучше после всего этого, — сказал Деймос и кивнул на лужу, бывшую еще минуту назад содержимым его желудка.

— Как модуль? — спросила Анна. — Он уже должен был переключиться в пассивный режим.

Деймос на секунду замер и прислушался к своим ощущениям.

— Ну, я чувствую вашу тревогу и какие-то отдаленные голоса, а так вроде все нормально.

— Голоса?

— Да, — ответил Деймос, — это бригада медиков, да?

Он был прав. Через несколько секунд дверь в

лабораторию распахнулась, и в нее вошли три врача в сопровождении санитаров и медсестер. Анна была приятно удивлена. Такая точность и осознанность после первого запуска модуля, пусть он и не прошел гладко! Поистине, Деймос — уникальный экземпляр.

Когда осмотр закончился, все разбрелись по своим комнатам: Деймос и сестры отсыпаться, а Анна придумывать, как будет оправдываться перед Ивором.

Вернувшись в жилой блок, сестры пошли напрямик в комнату Астреи. Им нужно было поговорить. Зачем-то убедившись, что внутри никого кроме них нет, они сели на кровать и молча уставились в стену. Первой прервала молчание Астрея:

— Может, рассказать все доктору Ивору? — спросила она у своей сестры.

— Нет. У него, — по интонации Адикии было понятно, что она имеет в виду Деймоса, — пассивный режим сильнее, чем наш боевой, он размажет нас по стенке. Меня больше беспокоит другое. Ты помнишь рисунок его сознания после того, как мы очнулись?

Астрея поежилась. Эти мощные волны ярости и гнева она вряд ли когда-нибудь забудет. Иногда ей казалось, что Деймос может пробить ее защиту, даже не задумываясь об этом, без всякой концентрации внимания.

— И что дальше? — спросила Астрея.

— Так вот, после того, как мы опять легли в кресла, он будто отключился, — ответила Адикия сестре. — Я опять перестала его слышать, будто его сознание вышло на прогулку, оставив тело пустым.

Сестры задумались.

— Так может мы его, того... Пока ОН «спит»... —

начала Астрея.

— А если ОН вернется во время атаки? Что тогда?

Астрея промолчала. Что-что, а с *настоящим Деймосом* сестрам больше встречаться не хотелось.

Глава 8

С тех пор как погиб Джонни они были в пути уже несколько дней. Первые сутки мужчины двигались без привалов, стараясь огибать довоенные постройки, в которых все же кто-то мог и жить. Уже к середине второго дня возраст стал брать свое: Мэтт предложил остановиться на привал, хотя все они были в опасности. Оливер был рад этой передышке. В какой бы хорошей форме он ни был в свои пятьдесят, он всё-таки не юнец и бессонная ночь вкупе с марш-броском по пересеченной местности его вымотали. Устал и Джо. После привала они продолжили путь и, пройдя еще часа три, решили расположиться на ночлег. Джо предлагал занять один из пустующих домов неподалеку, однако Мэтт настоял на том, чтобы они остались в лесополосе. Костра не разводили, в армейской броне он был больше данью традиции или инструментом для приготовления теплой пищи, чем необходимостью. Так как все припасы они оставили на месте, где убили Джонни, и шли налегке, готовить им было нечего.

— Сколько осталось идти? — спросил Мэтт у Джо.

Джо помолчал несколько секунд, что-то прикинул в уме и ответил:

— Если я правильно помню эти места, то уже завтра к полудню выйдем на шоссе.

— Хорошо, — Мэтт удовлетворенно кивнул, — тогда всем отбой, я подежурю первый.

Старик отошел от места привала ближе к краю лесополосы, а Джо и Оливер тем временем устраивались поудобнее, насколько это вообще было возможно. Джо

облюбовал себе место под одним из деревьев и уже через несколько минут задышал ровно и глубоко — он спал.

Оливер же уснуть не мог. Ворочаясь на жесткой, уже остывающей по осени земле, он вспоминал прошлое. Прошлое преследовало Оливера, шло с ним рука об руку, висело за плечами как рюкзак, который невозможно снять, оттягивая плечи своей тяжестью и впиваясь в кожу жесткими лямками деталей произошедшего где-то и когда-то.

* * *

— Командир! — Меган вскочила со своего места у костра, чтобы поприветствовать вернувшегося к ним Оливера, — Командир Оливер!

— Привет, Мэг, — Оливер подошел к девушке вплотную и потрепал ее по плечу, — как вы тут?

— Все хорошо, — глаза Меган светились от обожания, хотя, возможно, она сама этого и не осознавала, — мы вам супа оставили. Майки подстрелил зайца.

— Отлично, — улыбнулся в ответ Оливер, — от супа на свежем мясе я бы сейчас не отказался. Поможешь?

— Конечно!

Девушка подхватила походный рюкзак Оливера и поволокла к тому месту, которое они оставили для него на стоянке; чуть поодаль, в тени старого, но невысокого каштана, откуда открывался хороший обзор на всех участников их рейда. Оливер не любил посиделки у костра, предпочитая предаваться размышлениям и

чистке вещей и оружия перед сном.

Он смотрел на хрупкую, тонкую фигуру молодой женщины, еще пару лет назад бывшей ребенком, доверие которой он безбожно эксплуатировал. Он давно понял, что проще дать этому рыжему комку энергии тайно, как она сама думала, любить его, чем разбивать девушке сердце.

Может, причина была в том, что за Оливером ходила слава заговоренного: из всех мясорубок он выходил живым. Может поэтому Меган, хоть и неосознанно, и выбрала его целью своих чувств. По мнению Оливера, неразделенная любовь менее болезненна, чем похороны предмета любви.

Похороны, а чаще простое прикапывание или закладывание трупа камнями, были для Меган, как и всех них, тогда делом привычным. Родилась она уже после засухи, десятилетия, которое низвергнуло континент, да и, наверное, весь мир, в хаос. Не зная нормальной, в общем понимании, жизни, Меган все же сумела вырасти человеком, а не зверем, как многие ее сверстники.

Оливер еще раз перевернулся с бока на бок, в надежде, что это поможет ему уснуть, но память, не спрашивая мнения его сознания, подсовывала все новые и новые сцены из прошлого. Вот неудачная атака на обоз, вот шальная очередь, одна из пуль которой повредила девчонке позвоночник, вот пара гранат и пистолет, которые он вкладывает в ее холодеющие от потери крови руки. Он помнил, как тихо плакала Меган, как, на удивление крепко для тяжело раненой, она в последний раз схватила его за рукав. Оливер и еще трое выживших бойцов ушли вглубь леса, оставив ее

прикрывать отход.

Через минут пять они услышали несколько далеких выстрелов, взрыв, а после еще один. Он-то и возвестил о том, что все, их стало на еще одного бойца меньше.

«Все хорошо».

Может, стоило сказать ей что-нибудь другое? Оливер не знал. Уже почти двадцать лет он задавался этим вопросом, но не мог найти ответа. Потому что эту ситуацию было уже не переиграть. В его жизни было много женщин. Где-то на Западе, он уверен, у него есть несколько детей, но конкретно Меган не шла у него из головы уже третье десятилетие. Возможно, потому что он видел в глазах этой рыжей девочки то, что люди называют любовью? Все прочие были с ним из выгоды: член штаба, видный, статный мужчина, к тому же, живучий, как таракан. А Меган стала смотреть на него этим своим особым взглядом, будучи еще подростком, когда он сам еще был никем, когда Мэтт еще не возвысил его в иерархии сопротивления до уровня бригадного, а после штабного командира. Так может, стоило сказать что-нибудь другое умирающей влюбленной девушке вместо «Все хорошо»?

Оливер и в этот раз не смог найти правильный ответ.

Он так и не сумел уснуть, поднялся, отряхивая налипшие на броню сырые хвойные иголки и мелкие листья, подхватил оружие и отправился в ту сторону, где, по его мнению, сейчас должен был находиться Мэтт. Старика он нашел довольно быстро. Тот стоял неподвижно в тени одного из деревьев и наблюдал за открытой местностью, откуда они пришли. Еще не стемнело до конца, и Оливер мог различить крыши

полуразрушенных домов некогда благополучного пригорода, которые уже скрывались за кронами молодых деревьев, да иногда где-то подвывала дикая собака.

— Топочешь как слон, — бросил Мэтт.

— Не хотел получить от тебя пулю в голову, — тихо ответил Оливер, — неловко бы вышло.

— Да, неловко.

Голос Мэтта звучал так, будто мыслями он был где-то далеко, там, куда не ведет ни одна дорога. Его, как и Оливера, с наступлением ночи посещали призраки прошлого.

— Покурить бы сейчас.

— Ты курил в последний раз лет двадцать назад, — старик наконец-то повернулся к Оливеру и посмотрел на старого друга, — с чего бы?

— А поэтому и захотелось. Давно было, — ответил тот.

Мужчины замолчали. Мэтт поудобнее перехватил карабин, на мгновение замер, а после кряхтя опустился на землю, опираясь на оружие как на посох.

— Разваливаешься ты уже, Мэтью.

— Заткнись. Сам вон уже старческой бессонницей страдать начинаешь, хоть и не спали столько времени, — Мэтт сплюнул на землю, — а дальше будет хуже, поверь мне.

Оливер также опустился на землю. Неудачно схватившись за ствол карабина, он слегка потянул правую руку. Тотчас заныла старая рана, закрытая огромным шрамом, который будто змея тянулся от кисти до самого локтевого сгиба. Мэтт заметил, как сморщился от боли Оливер, но ничего не сказал. Он прекрасно знал

об этой ране, из-за которой Стальной Генерал чуть не потерял когда-то руку. Благо, обошлись без ампутации. Он подождал, пока Оливер устроится поудобнее и заговорил, глядя перед собой:

— Я часто думаю о том, как бы сложилась моя жизнь, не доведи мы планету до ручки, — Мэтт устало потер ладонью лицо, — не начнись тогда голод, кем бы я стал? Уж точно не кровавым команданте, которым пугают детей на ночь.

— Сколько тебе тогда было? Двадцать?

— Да, около того, я уже не помню точно. Знаешь, когда мир постепенно умирает, ты не замечаешь этого. Сотню лет назад люди в панике строили бункеры, опасаясь ядерной атаки русских. Как же это смешно сейчас выглядит, эта паранойя. Целым поколениям промывали мозги на тему того, что все вокруг идиоты, что вокруг одни враги. А знаешь, как оказалось, как прижало, никому до нас и дела особого не было.

Глаза Мэтта опустели. Он опять был далеко.

— Все началось с выдува почв. Пока знающие, как мне казалось, люди били тревогу, власть имущие качали бабки из земли. В новостях все крутили, что запасы зерна уменьшаются, засуха уничтожает посевы, пылевые бури и так далее. Еда дорожала, недовольство росло. А потом, в один из годов, я еще в школе учился, фермеры Канзаса во время пахоты докопались до глины. Вот тут и началось. Внезапно вспомнили об ученых, запрещенном ГМО, черт его помнит что такое, что-то с генетикой и экспериментами по скрещиванию связанное, много о чем вспомнили тогда. А тут еще и азиаты что-то с торговлей там решили, в общем, отказались от нашего великого и могучего доллара. И

все. Еще пяток лет мы протянули, а население то ого-го, миллионов семьсот уже было, да только никто спасать нас не спешил. Ну а дальше ты и сам помнишь. Карточки, урезанные пайки, голод. Знаешь, что я думаю на счет всего этого? Нам все твердили, что планета гибнет. Но оглянись вокруг, Оливер. Достаточно было выкосить девяносто пять процентов жителей этого участка суши, и спустя сорок лет все пришло в относительную норму. Мы же как-то выращиваем хлеб и кукурузу, скот разводим. И это на севере, где зима 5 месяцев в году. Вот, планируем пару сталелитейных заводов запустить сверх того, что уже работает. Парни, что к нам переметнулись, молодняк инженерному делу учат, собирают по крупицам знания, из тех, что сохранились. А мы все воюем.

— Да, — ответил Оливер. Он далеко не в первый раз слышал этот монолог от Мэтта, но все так же, из раза в раз не перебивал. Старику надо было выговориться.

— Да, — повторил следом за ним Мэтт, — мы воюем и воюем. За непонятную власть над непонятно кем. И знаешь что? Это будет вечная война. Нас давно могли прихлопнуть, но мы — бугимэны, нами пугают непослушных детей и их родителей, чтобы не поднимали головы и были рады тому, что имеют. Потому что иначе придет бугимэн и утащит их. Тем, кто сидит в новой столице, точно так же, как и многим другим правителям в истории, нужен враг, внешний или внутренний, не важно, которым они будут пугать непослушных детей. Русские теперь далеко, а вот мы — близко, — Мэтт опять сплюнул на землю, — устал я от всей этой возни уже порядком, Оливер.

Оливеру было нечего ответить Мэтту: он сам все

прекрасно осознавал. Поэтому и пытался сбежать от этой жизни, хоть куда, хоть в столичное Гетто, наполненное нищими и бандитами.

Они еще немного помолчали. Когда Оливер, уже в который раз, собирался поделиться и своей историей, историей о том, что он помнил о засухах, голоде, гражданской войне, вдали послышался крик, а следом выстрел. Мужчины резко повернули головы в сторону, откуда исходил звук. Не говоря друг другу ни слова, они поднялись с холодной земли, перехватили поудобнее карабины и сняли их с предохранителей.

— Пойду, разбужу Джо.

— Давай быстрее, — кивнул Мэтт, — видишь здание? — Он указал рукой на дом, видневшийся за деревьями в метрах ста, — подтягивайтесь туда.

Оливер молча развернулся и отправился к месту, где остался спать их проводник. Застал он Джо уже на ногах и, как и он сам, с оружием в руках. Заметив Оливера, он сначала направил на него карабин, но после, услышав от него тихое «Джо, свои!», опустил оружие.

— Черт побери! — Оливер на секунду подумал, что Джо его спросонья прикончит, — хорошо, что ты не выстрелил.

Джо усмехнулся в ответ:

— Ну, я же не слепой, тебя-то на своем месте не было, мало ли, может отлить пошел.

— Твоя правда. Пойдем, Мэтт ждет нас.

— Что за выстрел? — спросил уже на ходу Джо.

— Если бы мы знали, — ответил Оливер, — но проверить надо.

Бессонная ночь давала о себе знать. Окружающий

мир иногда причудливо искажался на границе зрения, сужая обзор и туннелируя его, но стрельбе, как знал по своему опыту Оливер, это не мешает. А вот заметить опасность и среагировать — вполне может. Зря он не поспал хоть тот час, что они просидели с Мэттом.

Двигались осторожно и старались не шуметь. Кое-где в траве они натыкались на мусор и обломки, неведь как попавшие сюда, пару раз Джо серьезно споткнулся обо что-то, тихо при этом ругаясь себе под нос. Добравшись до здания, указанного Оливеру Мэттом, они нашли старика за одним из углов.

— Вам только оркестра сопровождения не хватало.

— На поле не прибрано, — отшутился Оливер.

— Ага, — подтвердил Джо, — я бы даже сказал, что очень не прибрано.

— Что там? — спросил Оливер.

Мэтт молча выглянул из-за угла еще раз.

— Видишь вон там дома? — Он указал рукой на кучку полуразрушенных двухэтажных строений через дорогу, слева по диагонали от того места, где стояли они.

— Ну?

— Там какая-то возня. Но могу поклясться, что там бродит, как минимум, один солдат, хоть и ни зги не видно, — Мэтт посмотрел на товарищей, — ваши предложения?

В этот момент из здания, на которое указывал Мэтт, опять закричали, судя по всему, женщина.

— Ну, ясно, солдатня развлекается, — заметил Оливер, — может это, по-тихому обратно спать?

Он понимал, что предложение глупое, но кто-то должен был его озвучить.

— А если это те, кто убил Джонни? — заговорил Джо, — Значит, они по нашу душу здесь шатаются.

Это было наиболее очевидным, хотя и неприятным для мужчин фактом: если это их потенциальные преследователи, значит, они заигрались в пятнашки в попытках запутать следы и потеряли слишком много времени.

— Что будем делать? — продолжил Джо.

Оливер и Мэтт переглянулись. Старик выразительно посмотрел на пистолет и нож на поясе у своего товарища, а после в глаза Оливеру. Тот тяжело вздохнул, уже прислоняя карабин к стене:

— Вышли бы и посекали их, делов-то.

— Чтобы выйти и посечь, как ты выразился, хватит и двух стволов, — ответил ему Мэтт, — а вот у тебя есть шанс все сделать более-менее тихо.

— С этой твоей любовью к тишине я когда-нибудь в землю лягу, — продолжал ныть Оливер, но уже, скорее, для вида. Старик был прав: оглашать окрестности звуками ожесточенной перестрелки из автоматического оружия не стоило. Плюс ко всему, эти новые модели армейских карабинов сложно было назвать тихими. Функциональными — да, тихими — нет.

Он перевел броню в полный боевой режим, проверил магазин Беретты, снял с предохранителя, достал нож и, в последний раз переглянувшись с Мэттом и Джо, сказал:

— Помочь вы мне не сможете. Услышите пистолетные выстрелы — не дергайтесь. Сам выйду и позову. А если не выйду, то значит либо попался, либо самого зарезали.

— Подожди, — Джо подошел к Оливеру, доставая

при этом свой нож.

В темноте тускло блеснула сталь изогнутого двадцатисантиметрового клинка. Внешне нож Джо был похож на керамбит, но минимум в два раза больше самого крупного, что Оливер видел в своей жизни. Рукоять была оплетена какой-то тонкой веревкой, а на конце рукояти разместилось огромное кольцо под указательный палец.

— Держи, а то я видел, как ты своим ножом дрова на привале рубил, — сказал Джо, протягивая Оливеру клинок рукоятью вперед, — это бладау. Дрова таким не порубить, он годится только на то, чтобы убивать. Осторожно, обоюдоострый.

Оливер взял нож в руки и почувствовал, что весит он немало. Серповидное лезвие не позволит эффективно метнуть его в случае чего, но для того, чтобы тихо убрать часового он подходил как нельзя лучше: основная и единственная задача подобных клинков, как и сказал Джо, — убийство людей.

— Постараюсь вернуть в целости, — Оливер перебросил нож из руки в руку, принаравливаясь к его весу, забрал у Мэтта Беретту и молча скрылся в темноте.

Маршрут он выбрал обходной. Отойдя от того места, где они слышали крики и, как утверждал Мэтт, квартировались солдаты, Оливер перешел на другую сторону заброшенной улицы и двинулся задними дворами, отсчитывая здания. Передвигаться было непросто. Кое-где был разбросан мусор, покосившиеся и, местами, осыпавшиеся заборы добавляли проблем. Один раз он чуть не угодил в дыру бассейна, фактически невидимую в ночной темноте.

За три дома от места, где были солдаты, Оливер остановился, лег на землю и начал слушать. Несколько минут ничего не происходило. Он уже подумал, что Мэтт ошибся, но тут услышал, как кто-то обо что-то, по всей видимости, споткнулся и громко выругался.

Оливер поднялся и продолжил максимально осторожно двигаться к указанному Мэттом зданию. Подкравшись ползком к полуразрушенному забору, не более метра в высоту, он увидел солдата, удаляющегося от него в сторону улицы. Оливер решил подождать, пока тот вернется и опять повернется к нему спиной.

По всем повадкам часового было видно, что дежурить оставили младшего: руки расхлябано лежат на карабине, висящем на ремне через плечо и спину на уровне груди, шлем снят и лежит на крыльце. Видимо, парень воспринимает дежурство как ненужную формальность. Опять раздался крик и звуки какой-то не то борьбы, не то возни. Часовой повернул голову в сторону дома, и на ходу процедил:

— Зараза, мне там вместо бабы кусок отбивной останется.

Он прошел в нескольких метрах от того места, где за стеной прятался Оливер, повернул за угол и пошел на очередной круг. Оливер тихо встал, аккуратно перешагнул через стену и покрался за часовым. Это было несложно: парень был салагой и шуму создавал на целую роту, иногда шаркая ногами или пиная камни, в обилии валявшиеся под ногами и бывшие когда-то частью стены дома.

Оливер перехватил бладау в правую руку, в два широких шага, почти прыжка, достиг парня, схватил за голову и перерезал ему горло. Джо не зря сказал, что

этот нож годится только чтобы убивать: приложи Оливер большее усилие, как ему показалось, он бы мог обезглавить бедолагу. Часовой захрипел, начал хвататься за шею и дергаться, кровь била фонтаном из перерезанных артерий. Борьба продолжалась недолго. Оливер аккуратно опустил тело на землю, снял с часового, от греха подальше, карабин и двинулся в сторону дома.

Уже в упор, через грязные стекла и забитые досками оконные проемы можно было различить тусклый свет и движение теней. Понять где именно находится костер или фонарь Оливер не смог и решил, что отряд расположился во внутренней комнате, бывшей когда-то прихожей.

Он тихо поднялся по крыльцу. Конечно, лучшим решением было бы распахнуть дверь, забросить пару гранат и отрыть огонь из карабина, но Мэтт просил сделать все тихо. Оливер не знал, сколько еще солдат было внутри, поэтому спустился вниз, вышел к краю улицы и помахал рукой, давая своим товарищам понять, что нужна их помощь. Через несколько секунд из-за угла одного из зданий вынырнули две согнутые фигуры Джо и Мэтта, бегом пересекшие улицу. Оливер ждал их сидя на корточках у одного из окон и вслушиваясь в происходящее внутри.

— Ну что? — шепотом спросил Мэтт.

— Всего один часовой и тот щенок, — ответил Оливер.

— Что будем делать? — так же шепотом поинтересовался Джо.

— Я думал о паре гранат в дверь и бодрой стрельбе, но мы же не собираемся шуметь, так?

— Именно, — подтвердил Мэтт.

Оливер задумался, кусая при этом нижнюю губу.

— Тогда давайте я с заднего хода или через какое окно, если не заколочено, а вы с парада. Как я понял, они какую-то дикую, — так называли тех, кто не хотел жить в правительственных городах, но и не примкнул к сопротивлению, — поймали и развлекаются. И я не помню, чтобы в броне были ширинки. Тебе вернуть клинок, Джо?

— Не, оставь пока себе, — ответил мужчина, — как я понимаю, главный палач у нас ты.

Стальной Генерал только кивнул, поднялся на ноги и двинулся к заднему двору, где он убил часового.

— Дайте мне минуту и заходите, только тихо.

Не дожидаясь каких-то дополнительных наставлений от Мэтта, которые тот так любил, Оливер скрылся за поворотом, отсчитывая в уме секунды до того момента, как его товарищи войдут в дом.

Задняя дверь была заколочена, чего он и опасался, поэтому лезть пришлось через одно из разбитых окон. Аккуратно, стараясь не шуметь и не наступать на осколки и прочий мусор под ногами, он оказался в кухне дома когда-то благополучного семейства.

Голоса было слышно отчетливо. Оливер на слух насчитал пятерых, но, возможно, их было больше. Тихо двигаясь в сторону гостиной, он поднял Беретту, нож перехватил в кольцо под палец, серповидным когтем вперед. Рукоять ножа с таким хватом была катастрофически велика для него, и в этот момент он вспомнил Томми: под его лапу этот нож был в самый раз. «Значит, скорее всего, подарок бригадира своей правой руке», — подумал Оливер.

Он дошел до дверного проема и аккуратно заглянул в комнату. Как и думал Оливер, в ней находилось пять мужчин, что-то активно обсуждающих между собой. Броню все либо сняли, либо отключили, вольготно развалившись по углам на полу. Тут разговор прервался взрывом смеха и один из солдат, настоящий здоровяк, поднялся со своего места, подошел к лестнице, недалеко от которой стоял Оливер и крикнул:

— Эй! Давай живее там с девкой, не один тут! На третий круг пускать пора!

В этот момент хлопнула входная дверь. Оливер понял: Мэтт дает ему шанс быстро покончить с главным, судя по приказному тону, в этой группе. На размышления времени не было. Он бросился на солдата, стоявшего сейчас к нему боком и одним мощным, размашистым ударом всадил лезвие бладау ему в шею, почти отрубив голову. Боевой режим брони давал о себе знать. Оставшиеся четверо все еще смотрели в сторону коридора, за которым была входная дверь, и только один из бойцов обратил внимание на хрип, издаваемый их командиром. Медлить было нельзя. Оливер выпустил по одной пуле в грудь тех двух, кто держал карабины при себе, а с оставшимися расправились выскочившие из-за угла Джо и Мэтт. Сопротивляться мужчинам в армейских костюмах, переведенных в боевой режим, было невозможно. Оливер подошел к лежащему на спине и еще дергающемуся в предсмертных конвульсиях командиру и, уперев ногу тому в грудь, выдернул застрявший в позвоночном столбе солдата серповидный клинок.

— Еще один наверху, — сказал Оливер и начал подниматься на второй этаж.

Солдат выскочил на него из-за угла с ножом в руках, не ожидая встретить противника в армейской броне. Лезвие бесполезно полоснуло по груди Оливера и соскочило в сторону. В ответ Стальной Генерал нанес противнику мощный удар в челюсть, который повалил солдата на землю и, когда тот встал на четвереньки, пытаясь подняться на ноги, Стальной Генерал одним ударом бладау отделил голову противника от тела.

Посмотрев секунду на дело своих рук, Оливер пошел осматривать комнату в поисках женщины: ей стоило помочь, к тому же она может рассказать что-нибудь полезное. Обнаружил «солдатскую игрушку» Оливер в дальней от лестницы, глухой комнате без окон, откуда хуже всего были слышны крики жертвы. Женщина сидела в углу и держалась за окровавленную ногу. «Подстрелили, когда убежать пыталась», — подумал Оливер.

— Тише, тише, — Оливер поднял руки с пистолетом и клинком вверх, стараясь показать женщине, что ей ничего больше не угрожает, — я из сопротивления, солдаты мертвы.

Войдя в комнату, он смог лучше разглядеть изнасилованную. Длинные, грязные, спутанные рыжеватые волосы, несколько кровоподтеков и ссадин на лице, замотанная какими-то лохмотьями рана. Худощавая, на вид лет тридцать-тридцать пять, но Оливер не был в этом уверен, так как очень плохо определял возраст людей на глаз, о росте судить было невозможно.

— Все нормально, дай посмотрю, что с ногой.

Он предусмотрительно отложил бладау и пистолет, хотя был уверен, что причинить ему вреда, даже если

бы на нем не было брони, женщина не в состоянии, и присел рядом с ней на корточки.

Рана была легкая: пуля прошла навылет, не зацепив артерию или кость, но сильно кровоточила. Оливер коснулся блока медкомплекта на поясе и из открывшейся коробочки достал одноразовые походные шприцы с антибиотиком и обезболивающим. Увидев короткие острые иглы, женщина дернулась, но после уверений Оливера в том, что это лекарство, позволила сделать укол антибиотика. От обезболивающего она отказалась, что-то нечленораздельно мыча.

Через некоторое время жертва насильников расслабилась, руки, которые судорожно сжимали лохмотья, ранее бывшие ее рубашкой, и которыми она пыталась прикрыться, слегка опустились. Оливер заметил следы укусов и кровоподтеков на ее груди и отвел взгляд: хоть за долгие годы войны он и казнил сотни женщин, а иногда и детей, причем казнил собственноручно, он придерживался мнения, что секс должен проходить по обоюдному согласию, а тем более насилие в сексе.

Женщина впервые, хотя все это время она прятала взгляд и вздрагивала от прикосновений, посмотрела ему прямо в глаза. В них все еще читался страх, но теперь вперемешку с благодарностью. Оливер потрепал ее по плечу, стараясь выглядеть как можно приветливее.

— Все нормально, не тронем мы тебя, нам других забот хватает, — попытался пошутить он, — как тебя зовут?

Женщина подтянула остатки рубашки повыше, еще раз посмотрела на Оливера, как бы решая, стоит ли говорить с ним.

— Мелисса, сэр. Но вы можете звать меня просто Мелли, — тихо сказала она и робко улыбнулась.

Глава 9

Ивор шагал по одной из столичных улиц, приближаясь все ближе и ближе к центру города. Не так далеко за собой он оставил ворота блок-поста, солдаты которого проверяли уровень доступа граждан, желающих попасть в центр. Один из них, хмурый детина, взял личную карточку Ивора, сверился с фото и мужчиной, стоявшим перед ним, и пропустил старого хирурга дальше: статус гражданина уровня В+ давал тому возможность пешком перемещаться по всей территории города и выходить за его пределы в сопровождении солдат.

И вот сейчас, пройдя пост контроля, Майк двигался к точке своего назначения. В центральном секторе редкий общественный транспорт, которым пользовался обслуживающий персонал и рабочие, в основной своей массе имевшие уровни не выше С-, не ходил, а право на личный автомобиль имели только командиры армейских подразделений и граждане не ниже уровня А- — элита.

По проезжей части изредка проносились электромобили и армейские багги, а на отгороженной высоким стальным забором пешеходной зоне было вовсе пусто. Ивора несколько раз останавливали патрули в городе, пытаясь арестовать за то, что он находился не на работе в это время дня — на дворе стоял полдень — но его спасало письмо с официальным вызовом в Совет.

Чем ближе старый врач приближался к центру города, где размещалось здание Совета с резиденциями его членов, тем больше увеселительных заведений

встречалось на его пути. Сейчас неоновые вывески не горели, но в субботу вечером, когда армия снимала блокаду и ограничения на перемещения внутри Столицы, улицы заполнялись толпами простых работяг и веселых девиц. Первые искали выпивки и возможности спустить накопления в казино, другие же — легких денег за одну ночь или просто развлечений, если платежеспособного «самца» не найдется.

Ивор никогда не понимал этой еженедельной вакханалии, в которую из раза в раз погружались все города, подконтрольные Совету. Масла в огонь добавляли разгул наркотиков и венерических заболеваний. И если со вторым в армии, которая выступала покровителем происходящего, было строго, то на пыль и прочую химическую дрянь, расплавляющую мозги и сжигающую людей изнутри, командование закрывало глаза. Те, кто не мог позволить себе столичные казино и выпивку отправлялись в Гетто, ныне стоящее в руинах: где-то с месяц-полтора назад войска сравняли его с землей, перебив всех членов банды, сотрудничавшей, как оказалось, с сопротивлением.

Пройдя еще два блок-поста, Майк уперся в ворота ограждения правительственного квартала, доступ куда имели только солдаты гарнизона, закрепленного за ним, и клерки разных мастей, живущие, в основной своей массе, неподалеку, во внутреннем кольце города. Неразговорчивый лейтенант средних лет приказал Ивору сдать свою идентификационную карту гражданина, письмо с вызовом в Совет и ожидать.

На улице уже было прохладно. Пытаясь поплотнее закутаться в казенный плащ и переминаясь с ноги на

ногу в растоптанных, но опрятных и вычищенных ботинках, хирург под присмотром двух бойцов ожидал, когда же его проводят внутрь.

Вызывал Ивора лично советник Харрис, и врач опасался той беседы, на которую его пригласили. В целом, дела у центра шли неплохо: Деймос пережил операцию, блокировка памяти прошла успешно, показатели сестер росли, а отряды под руководством операторов показали запредельную эффективность во время глобальной зачистки Гетто. Но Ивор опасался. Пусть Харрис и был его покровителем, но, в тоже время, ему, Ивору, не хватало природной изворотливости, чутья, для безопасного общения с подобными людьми. При всем своем опыте и ценности для государства, перед Харрисом он чувствовал себя недалеким мальчишкой, который лезет во взрослые дела, смертельно опасные дела.

Спустя примерно пятнадцать минут хмурый лейтенант вышел к нему, молча вернул письмо и карту и предложил пройти внутрь в сопровождении одного из бойцов. Еще пять минут пути по правительственному кварталу, и они вышли к зданию Совета, обогнули его слева, минуя главный вход, и направились к одной из дверей для охраны и персонала. Пройдя узкими коридорами, они вынырнули из двери с надписью «служебный вход» и направились к лифтам, находящимся прямо перед ними.

Солдат молчал всю дорогу. Изредка хмуро поглядывая на Ивора, как бы не понимая, что этот бедно одетый старик забыл в здании Совета, и почему советник хочет его видеть, он, все же, подчинялся приказу и вел хирурга в кабинет Харриса, минуя

главный вход — подальше от любопытных глаз.

Они поднялись на третий этаж и прошли длинным коридором с мраморными полами и антикварными светильниками под потолком. Дойдя до массивной двери из темного дерева — Ивор не смог на глаз определить его породу — солдат аккуратно постучался, выдержал паузу и, открыв дверь, сделал шаг внутрь.

— Советник Харрис, — поприветствовал чиновника солдат, — Майкл Ивор здесь, как и приказывали.

— Спасибо, — Харрис сидел за небольшим письменным столом справа от двери, спиной к стене, — возвращайся на пост, боец.

Сохраняя хмурое выражение лица, Харрис проводил солдата взглядом до двери и после того, как тот вышел в коридор, поднялся со своего места и запер кабинет на ключ. После он предложил Ивору повесить пальто на спинку кресла, а сам подошел к панели управления помещением и открыл музыкальный каталог. После нескольких движений пальцев из встроенных в стену динамиков полилась мелодия двадцать третьего концерта Моцарта. Харрис замер у стены и наслаждался первыми секундами записи, а после обратился к Ивору:

— Вот теперь можно и поздороваться! — коллеги Харриса по совету сказали бы, что в этот момент перед ними предстал другой человек, — Здравствуй, Михаил! — сказал он на корявом русском.

Михаил Николаевич Иверенев, а последние три десятилетия Доктор Майкл Ивор, только улыбнулся этим попыткам советника поприветствовать его на родном для него языке и молча обнялся со старым другом.

— Джеймс, ты бы мог и машину за мной прислать, — саркастично заметил он уже на английском, — пешие

прогулки конечно полезны, но уже не в моем возрасте.

— Ну, извини, конспирация, — ответил с улыбкой Харрис, — конечно, рано или поздно до армейского командования дойдет информация, что ты был у меня. А может и не дойдет. Чаю?

— Да, было бы неплохо.

Пока Харрис колдовал у буфета, Ивор расположился в кресле за журнальным столиком и смотрел на хмурые бетонные столбы столицы. Огромный, по нынешним меркам, город, казался мертвым. Кое-где поднимался дым из труб фабрик, оборудование которых еще не перевели на использование солнечной и ветряной энергии, но общую картину это не спасало.

— Застой.

— Что? — Харрис как раз поставил завариваться чай из трав и сейчас подходил к столику с пиалой печенья и карамелек, — ты что-то сказал?

— Застой, Джеймс, вот что я сказал, — хирург бросил взгляд на пиалу, но решил дождаться чая, — та же картина, что и пятнадцать лет назад, что и двадцать, когда город только отстроили. Мы все надеялись на возвращение к нормальной жизни, а получили лишь ее подобие. Суррогатный, отраженный в кривом зеркале мир.

Харрис посмотрел на старого друга и молча вернулся к буфету за чашками и чайником с заваркой. Устроившись в кресле напротив Ивора, он разлил горячий напиток и, стараясь не обжечься, сделал небольшой шумный глоток.

— Пойми, Михаил...

— Я уже много лет Майкл, не надо тревожить старые раны, — перебил его Ивор.

— Хорошо. Пойми, Майк, мы делали все что могли. Ты в том числе.

— Иногда мне кажется, что стоило остаться дома, — Ивор был мыслями сейчас где-то далеко, на другой стороне земного шара, — и будь что будет. Не такого будущего я ожидал, ей богу, не такого.

Он взял печенье, откусил кусок и сделал глоток чая. Харрис дал Ивору немного времени насладиться напитком и сладостями и сказал:

— Ладно, поговорим о делах.

Заиграл Шостакович.

— Но для начала, — продолжил Харрис, — извини, что так говорил с тобой несколько месяцев назад по видеосвязи, понятное дело, что нас слушали.

— Да ничего, я понимаю, — ответил Ивор.

— Видел бы ты свое лицо, — засмеялся Харрис, — не думал по молодости стать актером?

— Никогда.

— У тебя талант.

— Отнюдь, — отпирался Ивор.

— Ладно, забыли. Как дела у капитана?

— Деймос стабилен, — Ивор сделал еще глоток чая. Теперь он немного остыл и врач мог в полной мере насладиться его вкусом, — все показатели в норме, если честно, даже удивительно. Блокировка личности тоже прошла успешно. Мы, правда, ради этого чуть не убили его во время операции, но он оказался крепким засранцем.

— Хорошо, я рад, — ответил Харрис, — что на счет его лояльности? Деймосу уготована не последняя роль в нашем предприятии.

— Все отлично, от того цепного пса, которым он был

до операции, не осталось и следа, а потенциал колоссальный. Меня, правда, беспокоит, что вояки могут начать задавать вопросы о том, куда пропал капитан Генри Джонсон.

— Не беспокойся, — Харрис тоже взял печенья, — его давно списали как погибшего в бою. У меня есть пара друзей в штабе. Не сильно важные шишки, но пару подписей поставить могут. О нем никто не вспомнит. Плюс я позаботился о том, чтобы его подчиненные были на острие атаки в Гетто. Почти никто не выжил.

— Опять Моцарт, — заметил Ивор, — не очень люблю Моцарта.

— Почему же?

— Он кажется мне каким-то слишком радостным, поверхностным, ненастоящим. Во всяком случае, в контексте современности.

— А мне нравится, — возразил Харрис.

— Каждому свое.

— Твоя правда. Еще чаю?

— Если можно.

Харрис разлил остатки из чайничка по чашкам. Напиток уже ощутимо остыл, но вкуса пока не потерял. Мужчины взяли еще сладостей: Харрис печенья, а Ивор карамельку.

— Джеймс, я не до конца уверен в том, что мы делаем. Да, мы выходим на финишную прямую, но я все еще не уверен в правильности нашего предприятия, — Ивор волновался: его речь окрасилась чуть слышимым акцентом, различить который могли только те, кто знал о его истинном происхождении. Из ныне живущих это мог сделать только Харрис.

— Друг мой, мы это уже не раз обсуждали. Посмотри

за окно. Что ты там видишь?

Ивор подчинился, скорее для вида, так как предложение было метафоричным, бросив взгляд на серые высотки Столицы:

— Застой.

— Именно, друг мой. Застой. Знаешь, — Харрис одним махом допил свой уже чуть теплый чай и продолжил, — как-то раз, во время войны, я сидел в очередной засаде в одном из домов. Там мне на глаза попалась книга. Линия фронта отодвинулась, заняться мне было катастрофически нечем и я стал читать. Это был старый, потрепанный и пожелтевший от времени томик какого-то фантаста двадцатого века, имени я уже не вспомню, а вот название в память врезалось: «День триффидов». Так вот, Миша, — Харрис не удержался и назвал Ивора его настоящим именем, — там была прекрасная мысль. И суть этой мысли сводилась к следующему: если нам после падения цивилизации придется постоянно работать, не разгибая спины пахать, чтобы прокормить себя, то следующее поколение вырастет батраками, а наши внуки уже будут дикарями. Потому что некому будет учить их, заниматься наукой, двигать машину прогресса вперед. Даже наши ультрасовременные армейские костюмы, эта фантастическая броня — лишь логическое завершение разработок, начатых еще до Засухи. За последние три десятилетия мы не создали ничего принципиально нового, паразитируя на трупe старого мира.

— Я это понимаю, но...

— Что «но», Майк? Ты давно видел молодежь, тех, кому около двадцати? Я понимаю, что каждое поколение называет следующее потеряннм, но все

намного печальнее. Они уже батраки, Майк. Большинство не умеет читать и толком считать. Образование нынче — прерогатива отпрысков элиты: высокопоставленных военных, инженеров, врачей, части клерков. И самое печальное заключается в том, что доступ к знаниям ограничиваются искусственно. Вместо повсеместного образования запускаются дополнительные телешоу, развлекающие толпу, открываются новые бордели и казино. И все это делается с молчаливого одобрения и при поддержке двух паразитов: армии и Совета. Да, я понимаю, что Америка не смогла заменить тебе родину, но раз уж ты не смог уберечь свою, то помоги хотя бы мне уберечь мою.

Ивор поднял бровь:

— Мы же вроде не на собрании Совета, чтобы ты так распинался. Родина... Помоги уберечь... Джеймс, это точно ты? — засмеялся он.

— Нет, я — еще одна говорящая голова из числа участников Совета, — оскалился в ответ Харрис, — ты сам все прекрасно видишь, Майк.

— Да, вижу. При нынешнем положении дел у населения этой части суши нет будущего.

— Именно. И мы оба знаем, кто в этом виноват.

— Слишком громкое заявление, Джейми. Я предпочитаю думать об этом, как об адаптации существующего режима.

— То есть для выживания режиму надо травить и превращать в идиотов собственное население?

— Идиотами проще управлять.

— Некоторым пока хватает ума выражать недовольство. Храни их Господь, Майк, ведь

потенциальной угрозы в лице сопротивления было бы недостаточно для столь мощного финансирования проекта «Око». Меня бы разорвали на части, узнай Совет, куда ушло столько сил и денег.

Ивор взял еще одну карамельку и с наслаждением отправил в рот.

— Боже, как мне не хватает сладостей временами. Кстати, о сопротивлении. Есть вести от Тройки? Насколько я помню, пока мы с ними не договоримся, начинать зачистку смысла не имеет.

— Зачистка? — Харрис рассмеялся, — мы тут собираемся новую гражданскую войну развязать, а не уборкой заняться.

— На мой взгляд, избавление от паразитов — скорее уборка, чем война, — ответил Ивор, — так что с Тройкой?

— Пока тихо, нет от Мелиссы вестей, но я уверен, что она справится. Мэтью всегда отличался здравомыслием, в отличие от наших генералов. Пока нам нужно сосредоточиться на Деймосе и сестрах. Мы потеряли большинство операторов после их распределения среди армейских подразделений, а вернуть их в наши ряды смогут только эти трое. Или уничтожить, если возникнет необходимость.

От этих слов Харриса Ивор вздрогнул. Столько часов работы, столько часов оперировать, чтобы потом уничтожить созданных им бойцов. Но никто не обещал, что будет легко.

— Кстати, ты в курсе, что я считаюсь самой мерзкой личностью среди членов Совета? — улыбнулся Харрис.

— Серьезно? Ты?

— Ага.

— Это как это так у тебя получается? — Ивор был заинтригован.

— Все очень просто, друг мой, — было видно, что Харрис доволен собой, — мерзкая улыбка, нарушение личного пространства и всегда смотреть в глаза. Это очень нервирует людей, даже самых толстокожих, со временем, прониимает.

— Ты чудовище, — засмеялся хирург, — серьезно? Ходишь и всех сверлишь взглядом?

— Ну, да.

— И благодаря этому ты стал считаться самым неприятным человеком в совете?

— Именно. А за одно и самым рьяным борцом за сохранение нынешнего порядка вещей.

— Как иронично, — Ивор был поражен.

— Да. Учитывая, что я, наверное, последний член Совета, кому армия не запустила руку в задницу. Некоторым руку она, кстати, запустила ее настолько глубоко, что может даже губами шевелить в любой удобный момент времени.

Мелодия вновь сменилась.

— Бетховен.

— Он самый, — подтвердил Харрис.

— Мы же видимся в последний раз?

— Скорее всего, Майк.

— Ты не веришь в успех?

— Я реалист, но попытаться стоит.

— Так или иначе, прольется много крови, Джеймс.

— Я знаю.

Ивор встал со своего места.

— Пойдешь уже? — спросил Харрис.

— Да, у меня еще есть дела в городе, точнее, хочу

перевести дух, думаю, эту неделю Анна справится и без меня.

— Хорошо. Знаешь, — Харрис встал со своего места и помог Ивору надеть пальто, — я сейчас распоряжусь, чтобы подогнали машину, ты неважно выглядишь.

— А как же конспирация?

— Когда меня спросят, кто приезжал, я скажу, что ты мой личный проктолог, а у меня разыгрался геморрой. Нет, не то. Лучше пусть будут проблемы с хождением по нужде.

— Ты сейчас серьезно? — от удивления у Ивора поднялись брови, — личный проктолог?

— Ну, ходит же про меня слава, что я предпочитаю мальчиков девочкам, так почему бы и не личный проктолог? — Харрис заговорщицки подмигнул.

— Фе, мерзость.

— Ты крайне неполиткорректен, Майк, — шутливо упрекнул его Харрис.

— Политкорректность осталась в другом мире и умерла во время этнических чисток перед засухой.

— Да, согласен. Ладно, давай прощаться, собственно, ради этого ты и приезжал.

Ивор согласно кивнул. Они пожали друг другу руки и обнялись.

— Береги себя, Джеймс.

— Ты тоже береги себя, Михаил.

— Ладно, увидимся.

— Да.

Оба знали, что шансов на новую встречу у них мало.

— Ой, спасибо вам, доктор Ивор! — Харрис выключил музыку, а вместе с ней и глушилку прослушивающих жучков в его кабинете и уже

открывал дверь, — надеюсь, мне станет намного лучше!

— Доброго вам дня, советник Харрис, доброго дня, — подыграл ему Ивор.

— Машина будет ждать вас у парадного входа, доктор Ивор! И еще раз спасибо вам!

«Перегибаете», — подумал Ивор, но вслух ответил следующее:

— Огромное спасибо, советник, всего доброго!

— До свидания, — попрощался Харрис.

Ивор попросил отвезти его на окраину столицы, в его старую квартиру. Старый хирург принял решение провести пару дней на поверхности, может, даже, удастся поймать один из последних солнечных деньков. Долгие месяцы, проведенные под землей, угнетали. Ивору катастрофически не хватало солнечного света, он чувствовал это. «Ладно. Пару дней, а потом обратно, в центр, за работу», — подумал он. «Скоро. Скоро, Майк, начнется мясорубка, в которой ты вряд ли выживешь. Ну и пусть, я свое уже прожил. Правда, выдержит ли Джеймс бремя власти, если у нас все получится?»

Глава 10

— ...Жизнь — это благо, твердят люди вокруг. Жизнь — наивысшая ценность. Наивысшей ценностью называют бесконечную борьбу за существование, первобытную, бессмысленную борьбу. Если рассматривать каждого отдельно взятого индивидуума, отбросив моральные устои, ценности, опыт предыдущих поколений, рьяно навязываемый нам, то ты поймешь, что так же, как и любая собака, ты просто борешься за жизнь. Да, правила этой борьбы, в чем есть суть самой жизни, изменились. Вот только финал всегда один. Какой? Смерть, мой друг. Единственный приз, уготованный всем нам — смерть.

Кто-то говорит, что человек продолжает жить в своих делах и потомках, но это не так. Дела — лишь сиюминутная смена расстановки фигур на шахматной доске Жизни. Кто-то теряет все свои фигуры в самом начале, кто-то выводит пешку в ферзи. Но суть от этого не меняется. Как бы хорошо ты не играл, сколько бы новых игроков ты не наплодил, конец один — смерть. Ты можешь оградить себя девятью ферзями, возвести вокруг себя километровые стены, но конец неизбежен. Твой оппонент своим скрюченным ногтем подсаживает край доски и резким взмахом руки отправляет ее к твоей голове. Фигуры взмывают в своем первом и последнем полете, король, олицетворяющий игрока, больно бьет по лбу. И ты умираешь, так или иначе.

Но я не считаю смерть чем-то плохим. Смерть — своего рода избавление, искупление всех тех ошибок, которые допустил человек, двигая фигурки своей

судьбы по шахматной доске Жизни. Искупление всего того, что он натворил, оттягивая неминуемый мат или полет доски себе в лицо. Чтобы не сделал человек, высшую цену, которую он может заплатить — это прекратить играть со Смертью и принять свою судьбу — умереть.

Кто-то романтизирует смерть. Говорит о нежном, холодном поцелуе, об объятиях, о том, что смерть — это не страшно. Еще как страшно. Не может быть единоразовая выплата всех твоих долгов приятным событием. Она как вышибала при конторе ростовщика, беспощадна к мольбам и невероятно сильна. Ты можешь попытаться обмануть ее, ты можешь попытаться «убить» ее, ты можешь попытаться убежать от нее, но долги придется возвращать.

Кто-то говорит, что если у тебя остались дети, то ты будешь жить вечно. Ты будешь жить в них, в их детях и в детях их детей. Но нет. У каждого своя партия, единственное, что ты можешь сделать для потомков — удачно расставить фигуры, не заставляя их делать мучительный, обреченный ход E2-E4.

Жизнь — это борьба, борьба за право продолжать игру. Вот и все. Иногда ты можешь вмешаться в партию соседа, пока идет твоя, но скольких бы ты не убил, скольких бы не принес в жертву Смерти, твой долг от этого меньше не станет и не станет больше. Так вот, ценность представляет не сама жизнь, друг мой, а возможность жить. И ценность она представляет только для тебя самого. Любое проявление уважения к твоей жизни со стороны других — есть послабление, упрощение правил игры для всех, кто находится в стенах этого бескрайнего шахматного клуба под

названием мир. Отрицать это — значит быть лживым лицемером, который пытается обмануть не только себя, но и окружающих.

Так что же может человек? Он может воспользоваться своим правом выбора, свободой воли. Ничего кроме смерти не предрешено, ты сам творишь ситуацию на своей доске, ты, по желанию, вмешиваешься в партии соседей и очень не любишь, когда кто-то пытается умыкнуть твоего коня с доски, пока ты обдумываешь следующий ход. Так вот, Деймос, у нас не только умыкнули коня, у нас украли все фигуры до единой, вручив взамен Золотого Короля, фигуру, способную захватывать доски других. И мы должны воспользоваться этим Королем так, как посчитаем нужным.

Деймос, в прошлой жизни капитан Генри Джонсон, втянул носом воздух. На него накатили воспоминания о том, кем он был и кто он такой есть, о том, как попал на стол к Ивору и чем занимался до операции.

— Пусть будет Деймос, — сказал он сам себе, — теперь я уж точно не Генри.

Фигура трупа, сопровождавшая его во снах и немного в реальности все эти недели, стояла рядом, чуть прозрачная, готовая вот-вот раствориться в воздухе.

— Помни, Деймос, — добавил мертвец, — мы должны грамотно распорядиться нашим Золотым Королем, — после чего окончательно исчез.

«Распорядиться Королем», — подумал Деймос и усмехнулся. Теперь, когда его сознание составляет единое целое, он распорядится им более чем грамотно.

В помещении пахло мерзко. Астрея изрядно вымоталась за последние дни: старший смены не давал никому из работников спуска и, временами, поведением был больше похож на сторожевую псину, чем на человека. Атмосферу накаляли и снующие вокруг солдаты с карабинами наперевес. Их вид только нервировал ее, но, проработав в лаборатории уже три дня, Астрея поняла, что так и осталась неузнанной. Неся очередную банку с реагентами, которые в дальнейшем станут кило пыли, девушка размышляла о том, что ей делать дальше.

С того момента как она вырвалась из исследовательского центра на поверхность и растворилась в окраинах столицы, среди рабочих и просто столичного сброда, прошла неделя.

— Пошевеливайся! — крикнул ей старший смены, невысокий мужчина в военной форме без знаков отличия, — не выступишь норму — попру в шею!

Вздрагнув от крика мужчины, Астрея поудобнее перехватила банку и ускоренным шагом направилась в сторону главного помещения подпольной лаборатории: именно там невинные, на первый взгляд, вещества превращались в то, что убьет не один десяток людей в ближайшее время. Стараясь как можно меньше попадаться на глаза охране и выполнять свою работу быстро и качественно, мыслями она, все же, была далеко, далеко и глубоко под землей.

То, что произошло неделю назад в центре, не давало Астрее покоя.

— А что если ОН вернется во время атаки? Что тогда?

Астрея промолчала. Она, точно так же как и Адикия, прекрасно осознавала мощь их нового, неожиданного противника. Создание Деймоса рассматривалось как многократное усиление их тандема, создание лидера с последующим формированием корпуса операторов. С приходом человека, который смог бы перенести операцию и при этом обладал бы большим, чем у них самих, уровнем синхронизации с модулем Ока, они должны были стать непобедимым трио, которое бы стало на острие атаки и положило бы конец вялотекущей гражданской войне. Теперь же было не ясно, что Деймос предпримет дальше, но с очевидным фактом спорить было глупо: он крайне опасен для всех без исключения.

— Нужно предупредить доктора Прайс и охрану, — сказала она младшей сестре.

Адикия на секунду задумалась, закусив пухлую нижнюю губу, а после ответила:

— Хорошо, иди, а я попробую что-нибудь еще придумать.

Девушка только кивнула в ответ, встала со своего места и вышла в коридор. Снаружи было подозрительно тихо. Астрея не видела снующего вокруг обслуживающего персонала и обитателей жилого уровня. Не было слышно разговоров, звуков открывающихся и закрывающихся дверей. Только гул вентиляционной системы и ровный, матовый свет ламп под потолком были ее соседями. Ей стало не по себе, но

вспомнив то, что произошло буквально полчаса назад в лаборатории, Астрея только мотнула головой, набрала в грудь побольше воздуха, выдохнула и широким, размашистым шагом, больше подходящим мужчине, чем молодой девушке, двинулась в сторону лифтов, а оттуда уже напрямик в кабинет доктора Прайс. Да, именно так она и планировала поступить.

Астрея подошла к лифтам, нажала кнопку вызова. На панели над ее головой зажглась стрелка и циферблат, плавно отсчитывающий этажи. Двери лифта открылись, и Астрея увидела перед собой двух техников: на лицах отсутствующее выражение, пустой взгляд в слезящихся глазах. Рука одного из них замерла на полпути к голове с зажатой в пальцах кепкой, а на подбородке свисала тонкая струйка слюны, вытекающей из полураскрытого рта.

Представшая перед Астреей картина была настолько сюрреалистична, что девушка на секунду подумала, что спит или ее разыгрывают. Но нет. Техники были вполне себе настоящими и живыми, но замерли, будто кто-то превратил лифт в музей живых скульптур.

Пытаясь не смотреть на мужчин, девушка вошла в кабину и нажала кнопку нужного ей этажа, понимая, что они с Адикией опоздали — Деймос нанес удар первым.

Спустившись на нужный этаж и уже зная, что ее ожидает, но не желая до конца в это верить и надеясь на чудо, Астрея почти бегом направилась к кабинету доктора Прайс. В коридоре, как и в лифте, она натыкалась на замершие фигуры людей, будто они повстречались лицом к лицу с Горгоной, но только замерли, не превратившись при этом в камень.

Астрейя рывком открыла дверь кабинета Анны, без стука, в данной ситуации уже неуместного, и увидела то, чего боялась больше всего. Доктор Прайс, как и прочие обитатели центра, замерла в своем кресле над рабочим планшетом. Девушка выглянула в коридор, чтобы убедиться, что никого движущегося поблизости нет, аккуратно прикрыла за собой дверь и направилась в сторону ученой. Она взяла Анну за плечи и попыталась привести в чувство: трясла, щипала, дала несколько легких и одну увесистую пощечину. Никакой реакции не последовало. В тот момент, когда она замахнулась в последний раз, рука доктора Прайс внезапно взметнулась вверх и схватила девушку за запястье с поразительной для хрупкой женщины силой.

Черты лица Анны поплыли. Астрейя в ужасе наблюдала, как доктор Прайс, еще секунду назад болванчиком сидевшая перед ней в своем кресле, превращалась в кого-то другого. Ее плечи раздались вширь минимум вдвое, руки увеличились и удлиннились, изменился цвет глаз, стала больше голова. Через несколько секунд отвратительных метаморфоз перед ней сидел Деймос.

— Привет, Астрейя, — сказал он голосом доктора Прайс, который, впрочем, тоже со скрежетом изменился и уже конец ее имени был произнесен голосом мужским, — а что ты тут забыла? Я разве не предупреждал о том, что вы должны быть хорошими девочками?

Она попыталась вырваться, но Деймос крепко держал ее.

— Не дергайся, только хуже будет.

Астрейя не придумала ничего лучше как ударить его

в лицо свободной рукой. Коротко, без замаха, она нанесла Деймосу довольно мощный удар в челюсть. Спустя секунду он исчез, а на полу перед ней лежала Анна Прайс. Девушка посмотрела на своего начальника, не до конца понимая, что же произошло. Дверь в кабинет открылась, на пороге опять стоял Деймос.

— Зачем же бить слабых женщин? — с издевкой в голосе спросил он Астрею, — ты же ей челюсть сломала, дурила.

Астрея хотела что-то ответить, но в этот момент Деймос оказался прямо перед ней. Девушка могла поклясться, что он преодолел несколько метров кабинета мгновенно, будто телепортировался.

— Ты не можешь мне противостоять, девочка, — сказал он, — никто не может.

Она опять попыталась ударить его, но Деймос так же мгновенно переместился ей за спину и пнул под зад.

— Я же сказал, — каждое слово Деймос чеканил, — ты не можешь противостоять мне, девочка.

Он еще раз пнул ее, теперь по ноге, и вновь мгновенно оказался в дверном проеме.

— Я бы хотел поговорить с тобой, приходи в комнату охраны на третьем уровне, мне не совсем комфортно беседовать так.

Черты лица Деймоса опять поплыли и через секунду перед ней стоял один из научных сотрудников центра.

Астрея не знала, как поступить. То, что вытворял Деймос, было за гранью ее понимания, не поддавалось никакому объяснению. Контролирует ли она сейчас свои действия? Или он незримой рукой подталкивает ее в нужном направлении?

Девушка тряхнула головой, несколько раз глубоко

вдохнула и выдохнула, подошла к двери, отодвинула несчастного, стоявшего в проеме, и вышла в коридор. Ситуация не изменилась. Все, кто находился там все так же стояли на месте, иногда в весьма нелепых позах.

Астрея было подумала поискать какое-нибудь оружие, но как только она отвернулась от лифтов, перед ней возник Деймос и влепил пощечину.

— Я же сказал, — в его голосе слышались нотки раздражения, — третий уровень, комната охраны.

Девушке ничего не оставалось, как подчиниться.

Путь через коридор стал похож для нее на практикуемое когда-то прохождение провинившегося солдата через строй. В каждом встречном она видела Деймоса. Иногда он хмурился, иногда улыбался. Но одно оставалось неизменным — шепот. Каждый в коридоре шептал ее имя или указания.

«Иди...»

«Третий уровень...»

«Иди, Астрея...»

«Поторопись...»

Некоторые смеялись. Чем ближе Астрея подходила к лифтам, тем больше голосов она слышала. Слова сливались в единый, жуткий, потусторонний гул толпы.

«Иди...»

«Шевелись...»

«Быстрее...»

Девушка нажала на кнопку вызова лифта. Гул смолк. Предчувствуя что-то недоброе, она обернулась и чуть не вскрикнула. Все, кто неподвижно стоял до этого в коридоре, столпились вокруг нее.

Дверь лифта открылась за ее спиной, но она не могла двинуться от сковавшего ее ужаса. Астрее

казалось, что стоит ей только сделать шаг, а тем более отвернуться, толпа набросится на нее и разорвет на части.

— ИДИ! — прокатился по этажу рев нескольких десятков глоток, и толпа двинулась к ней, сделав один широкий синхронный шаг.

Это еще больше шокировало девушку, но шаг толпы вывел ее из ступора. Астрея в один прыжок оказалась в кабине лифта и нажала кнопку третьего уровня.

— Умница, — зазвучал из динамиков под потолком голос Деймоса, — а то я уже заскучал.

Та же картина ожидала ее и наверху. Полтора десятка людей, замерших в коридоре, и мерзкий шепот, переходящий в гул, подгоняющий ее вперед, в комнату охраны.

Деймос сидел в кресле перед пультом управления системой видеонаблюдения. Охранник, ранее занимавший это место, лежал на полу перед ним, лицом вниз. Когда Астрея вошла внутрь, Деймос уже сидел лицом к ней и одобрительно похлопывал в ладоши:

— Молодец, девочка, — сказал он, — видишь, можешь же, когда захочешь.

Астрея ничего ему не ответила.

— Знаешь, — продолжил он, — я разочарован тем, что вы так быстро бросились сдавать меня милашке Анне, честно, — Деймос встал со своего места и сделал несколько шагов в сторону девушки, — мы же, фактически, товарищи по несчастью, лабораторные крысы, но вы предпочли сдать меня за добавку к своему пайку.

Пока Деймос говорил, Астрея лихорадочно пыталась придумать, что же ей делать. О прямом столкновении с

этим чудовищем не могло идти и речи. Деймос был в разы сильнее. Но как ему удалось опять включить модуль Ока?

— Ты сейчас, наверное, думаешь, как мне удалось активировать модуль? — Спросил он.

Астрейя была поражена. Она даже не почувствовала, как он залез ей в голову, а значит, она себя не контролирует. Буря эмоций отразилась на ее лице и Деймос засмеялся:

— Господи! Да не лез я тебе в голову, тупица, — он начал лениво прохаживаться взад-вперед перед ней, иногда бросая косые взгляды в ее сторону, — это же очевидно, Астрейя! О чем еще ты можешь думать? — Деймос повернулся к ней спиной и посмотрел на мониторы системы видеонаблюдения.

— О чем еще может думать маленькая, напуганная девчушка, которая так привыкла быть сильнее всех, но которая столкнулась с противником на несколько порядков сильнее ее? Я думаю, сейчас ты уже достаешь пистолет из кобуры охранника сидящего у входа, так?

Астрейя не успела на долю секунды. Как только Деймос отвернулся к ней спиной, она тот час же сделала тихий, широкий шаг к охраннику, как он и сказал, и уже поднимала пистолет, готовая снести этому психопату голову. Она не успела.

— Твой силуэт отразился в мониторах, извини, — сказал Деймос.

Астрейя замерла с поднятым на вытянутой руке пистолетом. Вот только рука больше ей не принадлежала. С ужасом наблюдая за тем, как она сама подносит пистолет к собственной голове, девушка, наконец, заговорила:

— Не надо.

— Что ты сказала?

— Пожалуйста, не надо, — холодная сталь ствола коснулась ее головы над ухом.

— А, вот как ты теперь заговорила. Знаешь, Астрейя, я придерживаюсь мнения, что непослушных детей, а для меня ты именно ребенок, нужно наказывать, — Деймос стоял перед ней, сложив руки на груди, — а знаешь, я уже придумал тебе наказание. Ты ведь убивала в Гетто, когда вы проводили тотальную зачистку, так ведь? Мне почему-то кажется, что всю грязную работу делали за тебя солдаты, а ты просто давала им ценную информацию о позиции противника, так? Не любишь мараться?

В этот момент Деймос убрал пистолет от головы девушки и направил его в ее руке на охранника рядом.

— Пора замараться, девочка моя.

В комнате прогремел выстрел, брызнула кровь. На глазах Астрейи появились слезы.

— Зачем ты делаешь это? — голос девушки дрожал.

— Зачем? Я же сказал, тебя надо наказать, — шутливо ответил Деймос, — а теперь раунд номер два!

Астрейя почувствовала, что снова может контролировать свое тело.

— Даже не пытайся направить эту игрушку на меня, хуже будет, — сказал Деймос. Астрейя от чего-то была абсолютно уверена, что он не блефует. Он успеет среагировать, — Так вот, — продолжил он, — раунд номер два! Я показал тебе, что нужно делать, а теперь выбери кого-нибудь сама. Убей или умри, — Деймос хлопнул в ладоши перед собой, — все просто, Астрейя! Убей или умри!

Она колебалась не долго. Постояв несколько секунд в ступоре, Астрея тряхнула головой, сделала несколько шагов вперед и пустила пулю в затылок сидящему в следующем кресле охраннику.

Деймос хохотал.

— Умни...

Он не успел закончить. Астрея попыталась резко развернуться и всадить столько пуль ему в грудь, сколько успеет, но Деймос и в самом деле не блефовал. Девушка замерла в нелепой позе, даже не успев до конца развернуться к своему противнику. Дуло пистолета замерло на полпути, направленное куда-то вверх.

— Я. Тебя. Предупреждал, — с каждым словом Деймос приближался к ней на шаг ближе и, заканчивая «предупреждал», с силой ударил Астрею кулаком в живот. Девушка, которая не ожидала удара, согнулась пополам.

— Знаешь, что делают с непослушными девочками? Их наказывают, — продолжил Деймос и нанес еще один удар коленом в лицо.

Астрея почувствовала во рту вкус крови из разбитых губ. Голова гудела, она была дезориентирована. Это не были удары спарринга, когда проявляется какое-никакое уважение к партнеру. Деймос банально не позволял ей среагировать, перехватывая контроль над ее телом, и избивал.

— Знаешь, что меня удивляет? — Пока Астрея пыталась отползти подальше, он продолжил говорить, активно при этом жестикулируя и глядя на спину девушки сверху вниз, — Меня удивляет то, насколько близорук этот мир, насколько слабы люди.

Деймос схватил Астрею за волосы и поволок в сторону главного пульта управления охранной системой центра. Там он немного нехотя отпустил ее и начал прогуливаться вдоль панели, на которой стояло несколько стаканов с кофе. Он присмотрел себе новое кресло, сбросил тело охранника на пол и устроился на его месте, по-хозяйски закинув ногу за ногу. Крутанувшись несколько раз из стороны в сторону, как бы оценивая окружающую кровавую картину, он продолжил:

— Смотри. Знаешь, почему этот мир погиб? Знаешь? В отличие от тебя, мне дали образование в свое время. Не лучшее, конечно, но на уровне. Так вот, мир погиб под гнетом двух вещей: идеалистов-лицемеров и безвольных слабаков. Первые твердили своим детям, что они могут стать кем угодно и когда угодно, для этого достаточно лишь постараться, приложить усилия, — он хлопнул перед собой в ладоши, — постараться, понимаешь? Ты можешь быть тупым увальнем, но ты так же «достойн», — тут была слышна насмешка, — представь, «достойн» иметь доступ ко всем благам цивилизации, как и любой другой. Болезнь тогдашнего «золотого миллиарда» — пустая надежда.

Деймос взял в руки один из стаканов с еще теплым кофе и сделал глоток.

— Но ты не можешь, понимаешь? Ты не можешь изменить свою жизнь, если у тебя нет потенциала для этого. Общество потребления выжидало себя изнутри: уничтожало природу, истощало ресурсы, гадило, фактически, под себя. И все только для того, чтобы поддержать и эксплуатировать эту пустую надежду наших ничтожных предшественников. А знаешь, что

самое ужасное? Самое ужасное то, что этот старик, Ивор, или партизаны, ради уничтожения которых нам дали наши силы, являются все такими же идеалистами. Хотя, не все они такие. Я уверен, что верхушка командования, эта их «Тройка», прекрасно понимает расклад, но кто пойдет за убийцами, за маньяками? Как это ни парадоксально, между ними и нашими «хозяевами» нет различий. Они похожи как братья-близнецы.

И второе. Право Сильного, Астрей! Та основа своей природы, которую человечество попирало веками! Именно отказ от нее уничтожил цивилизацию. Гуманизм! Какое слово! И сколько чуши оно в себе несет. Поводок для хаоса? Да. Гуманизм? Нет. И вот тут на арену истории и вышли слабаки. Прямо сейчас я должен подойти к тебе, поднять за локоть и извиниться за свое поведение. А ты подумаешь, прощать ли меня. Ведь так принято было в культурном обществе?

Он резко встал с кресла и в несколько шагов подошел к лежащей на полу девушке.

— Прямо сейчас я должен раскаиваться из-за того, что я сделал. Но знаешь что? — На долю секунды Деймос замер, а после опять ударил Астрею ногой в живот, — Нет. Я не раскаиваюсь. Я пользуюсь своим правом Сильного. Здесь и сейчас. Для этого нужна воля и смелость, Астрей.

Он сел рядом, прямо на пол и, пока девушка пыталась оправиться от полученного удара, продолжил:

— Смелость отринуть замшелые установки мертвого и уже несуществующего общества. Те, те парни наверху, наши «хозяева», смогли это сделать. А еще раньше смог Никитинский, которому мы, кстати, и

обязаны своим существованием. Нам дана Сила, моя милая, Сила, способная изменить ход истории! Они даже не поняли, что вложили в наши руки, они слишком заняты своей подковойной возней, чтобы оторвать морды от корыта власти и оглядеться. И высшие силы, если они существуют, будут мне свидетелями: я утоплю этот мир в крови! В крови захлебнутся все: мужчины, женщины, дети. Но из этой крови и из этого страдания появится новый мир, Астрея. Мир изначально первобытный в своей логике, в своих поступках, но способный к выживанию. Мир, где род человеческий не пресечется, а продолжит свой путь к вершинам и, быть может, спустя сотни лет потомки вышедших из крови скажут: «Мы стали лучше, чем были наши предки. Мы создали новый мир и установили новый порядок и имя тому порядку: Справедливость». Но для этого нужно утопить мир в крови, потому что ныне живущие — потомки слабаков, лицемеров, подкаблучников. Потомки «гуманистов». Они не способны что-то изменить. Они пытаются вернуться к модели старого общества, которое себя уже скомпрометировало. Я хочу стать тем, кто заложит фундамент качественно лучшей цивилизации на костях предыдущей. Вот чего я хочу, Астрея.

Девушка наконец-то смогла подняться на ноги.

— Ты понимаешь, что ты безумен?

— Безумен? — усмехнулся Деймос, — Нет, милая моя, безумен этот мир, а не я. Я-то, как раз, смотрю на вещи вполне здраво. Ладно. Давай перейдем к заключительной части нашего разговора, к главной части. Я дам тебе выбор, Астрея. Ты либо присоединяешься ко мне вместе с сестрой, либо я даю тебе возможность уйти и найти такую глубокую нору,

где я тебя не найду.

Девушка была шокирована. Что? Он ее отпускает? В чем подвох?

— А как же моя сестра?

— Адикия? Она останется со мной. Я уверен, что мы отлично проведем время, — Деймос недобро улыбнулся, — решай, Астрейя. Бежать или стать рядом со мной? Обещаю, что сохраню тебе свободу воли, если ты будешь предана мне.

— А если я откажусь?

— Я тебя отпущу.

— Так просто?

— Да.

— В чем подвох, Деймос?

— Считай это прихотью безумца, раз уж ты такого обо мне мнения.

— Я... — Астрейя сомневалась.

В этот момент Деймос расхохотался и захлопал в ладоши.

— Вот! Вот она — истинная природа человека! В тебе идет борьба, Астрейя. Ты боишься меня, ты хочешь сбежать, но не хочешь оставлять сестру, да? Ей я такого предложения делать не буду, поверь. Она станет моим послушным компаньоном, захочет она того или нет. Ну, так что, Астрейя? Решай!

К горлу девушки подступил комок. Она не могла бросить сестру, но была абсолютно уверена в том, что если останется, то они обе обречены.

— Я ухожу, — дрожащим голосом ответила она, пятясь при этом к двери.

Деймос запрокинул голову и поднял руки вверх, будто обращался к кому-то:

— Да будет так! Беги, Астрейя!

Он подошел к лежащему на полу труп, сорвал с его шеи ключ-карту и достал из кобуры пистолет.

— Беги, девочка, — сказал Деймос и выстрелил.

Пуля пролетела слева, оставила скол в бетонной стене и срикошетила в панель управления охранной системы.

— Следующая встретится с твоей милой головкой, родная, так что проваливай, не испытывай мое терпение, — в этот момент лицо Деймоса было больше похоже на звериный оскал, — БЕГИ! — прокричал он и бросил Астрейю ключ охранника, не спуская с нее дула пистолета.

Девушка не стала испытывать судьбу. Держась за живот, она выскочила в коридор и закрыла за собой дверь. Наверх, наружу, прочь отсюда.

Ключ ей пригодился. Она не имела доступа на верхние этажи, так что без него выйти ей бы не удалось. Спустя десять минут она уже прошла через КПП с замершими солдатами и оказалась на поверхности.

Перед ней лежала промзона столичной окраины, вдали виднелись высотки центра новой столицы, а в ушах все звенели последние слова Деймоса: «БЕГИ!».

* * *

— Что это было, старик? И почему я вообще тут?

Труп сидел на кровати, сложив руки на груди, пока Деймос брился в ванной.

— Мне не с кем поговорить, — ответил Деймос.

- Это не повод насильно дробить сознание.
- Ты всего лишь проекция, все под контролем.
- Ты сходишь с ума, ты в курсе? Добровольно общаешься с галлюцинациями, — ответил на это труп.
- Будем считать тебя моим воображаемым другом.
- Так что за представление ты устроил? — опять спросил труп.
- Понравилось?
- Это было немного странно.
- Ну, да. И в самом деле, не стал бы я устраивать такую бойню. Астрей ждала каких-то ужасов, я лишь подтолкнул ее фантазию в нужном направлении.
- Но ты все же заставил всех в центре остановиться.
- Не более того.
- Зачем ты прогнал ее? Ради сестры она готова была остаться. Но эти псевдо-расправы над охраной, пламенные речи человека, мечтающего о геноциде... Зачем?
- Деймос сполоснул лицо, плеснул на ладонь лосьона и с силой втер его в идеально выбритый подбородок, после чего ответил:
  - Я уверен, что она сыграет еще свою роль, там, на поверхности. Астрея — идеалистка, — Деймос еще раз посмотрелся в зеркало и удовлетворенно кивнул сам себе, — на таких людях строились государства, Генри. Тем более, я не могу быть в нескольких местах одновременно, а в своем желании спасти сестру Астрея только поможет нам, хоть сама того не знает.
  - Я бы сказал, что в таком случае, она поможет всем, — поправил его труп.
  - Да, в чем-то ты прав, — согласился Деймос, —

пытаясь убить меня, она поможет всем нам.

Глава 11

— Мелисса, значит, — ответил Оливер, — Хорошо. Ранение у тебя легкое, сейчас перевяжу и сможешь идти, — он внимательно посмотрел на женщину, — и как тебя угораздило тут оказаться, Мелли?

— Я живу неподалеку, сэр, — ответила она, — попалась на глаза солдатам перед закатом. Сначала они говорили, что им нужен проводник, чтобы срезать путь, а потом... — ее голос задрожал, — ну, вы понимаете.

— Да, понимаю, — Оливер кивнул в ответ, — посиди тут, скоро вернусь.

Он спустился вниз, где его товарищи осматривали припасы убитых и выбирали себе рюкзаки. Мэтт снимал батареи с брони одного из солдат, по всей видимости, чтобы заменить свои, если те имеют меньше заряда, Джо раскладывал еду по трем походным сумкам.

— С этим снаряжением нас вообще от солдат столичного гарнизона будет не отличить, — пошутил помощник бригадира, сортируя и перекладывая припасы, — что там? Мы слышали, что ты с кем-то говорил.

— Да, говорил, — ответил Оливер, — там женщина, лет тридцати, ранена в ногу.

Он тихо подошел к Мэтту, снял с его пояса вторую и последнюю ЭМИ-гранату.

— Что-то я проголодался. Разведи-ка костер, никто не заметит, — сказал он командиру.

Мэтт кивнул в ответ, подхватил карабин, дал знак Джо следовать за ним и тихо вышел за дверь. «Разведи-ка костер, никто не заметит» — старая шутка, понятная

только ему и Оливеру. Когда-то из-за этого самого костра им пришлось бежать почти сутки наперегонки с отрядом солдат. С тех пор эта фраза стала означать между ними только одно — надо валить.

Оливер глубоко вдохнул, достал пистолет, зажал кнопку и, поудобнее перехватив ЭМИ-гранату, двинулся на второй этаж.

Мелисса все так же сидела в той комнате, где он ее оставил. Войдя внутрь, Оливер бросил серебристый цилиндр гранаты ей под ноги. Спустя мгновение фонарь, лежавший в углу и освещавший все это время помещение, моргнул и погас. Комната погрузилась во тьму. Оливер в несколько шагов преодолел расстояние, которое разделяло его и женщину, и направил пистолет ей в лицо.

— Тридцать секунд на объяснения, — быстро сказал он.

Мелисса посмотрела в дуло направленного на нее пистолета, на серебристый корпус ЭМИ-гранаты, а только потом на Оливера.

— Двадцать пять секунд.

Женщина лениво зевнула и тяжело вздохнув, стала подниматься на ноги. Оливер сделал шаг назад.

— Оливер Стил, ты и вправду так умен, как о тебе говорят, — протянула Мелисса, — убьешь меня?

Мужчина на секунду замер, поражаясь наглости женщины, а после ответил:

— Меня больше интересует, почему ты не убила нас.

Мелисса попыталась потянуться, но поморщилась от боли в ноге.

— Как ты понял?

— Рана обожжена, стреляли в упор. Спереди. Если

бы убегала, входное отверстие было бы сзади.

— Черт, не подумала.

Она сделала несколько шагов по направлению к Оливеру и уперлась лбом в ствол пистолета, глядя мужчине в глаза снизу вверх:

— Можешь стрелять, если ты идиот, все равно долго не проживу. Но лучше пораскинь мозгами и убери пистолет.

Таймер в голове Оливера отсчитывал последние секунды до того момента, пока у женщины перед ним должен был снова включиться модуль Ока, вырубившийся после созданной гранатой перегрузки. Он должен решать: выслушать странно ведущего себя врага или вышибить ей мозги.

Он снял взвод курка и опустил пистолет. Мелисса только улыбнулась:

— Ты и вправду умен. Секунду, — она ненадолго закрыла глаза, а затем опять обратилась к Стальному Генералу, — Твои друзья не так далеко и ушли, это хорошо, быстро идти я сейчас не могу.

Она протиснулась мимо Оливера и подняла брюки, лежащие у двери за его спиной. Натягивая одежду и морщась при этом от боли, Мелисса продолжила:

— Попытка была хороша, но модуль экранирован и защищен от подобного рода воздействий, знай на будущее.

Оливер опешил.

— Тогда почему я был точно уверен в том, что мог выстрелить?

— Потому что ты мог.

— А ты не опасалась, что я без затей просто брошу в комнату боевую гранату через окно?

— Опасалась.

— Тогда почему?

— Потому что мы должны стать друзьями, Стальной Генерал.

— Не называй меня так, — автоматически попросил Оливер, — странная мотивация, хочу заметить.

— Я вообще со странностями, — Мелисса застегнула ремень брюк и стала надевать рубашку, — сама в себя стреляю, ищу знакомства с командирами сопротивления, пускаю в расход целый отряд солдат. Роковая женщина, — она улыбнулась Оливеру, а после спросила, — как ты понял, что я оператор?

Оливер потер кончиками пальцев виски. Пистолет неприятно упирался в голову, но сейчас мужчина этого даже не заметил.

— Мелисса — твое настоящее имя?

— Можно сказать и так.

— Ясно, — сказал Оливер, — много нестыковок, Мелисса. Вы как ниндзя убиваете Джонни. Идете по нашему следу, хотя мы никого не заметили, а потом устраиваете пальбу и оставляете зеленого новичка в карауле. Слишком тупо. Плюс ко всему, изнасилование — главная ошибка, все стало ясно, как только я увидел солдат внутри.

— Что? — Мелисса не понимала, о чем он говорит.

— Почти все, кто находился в помещении, были на армейских стероидах. От них быстро лысеют, как те, в комнате снизу. Да и пока сидишь на этой дряни, хозяйство отказывает, не до баб, в общем.

— Ты очень наблюдателен, Оливер Стил.

— Спасибо.

— Но вы все равно пришли сюда, — заметила

Мелисса. Очень опрометчиво с вашей стороны.

— У меня были мысли о том, что это ловушка, но если я знаю, где противник, то почему бы не прийти?

— Это не ловушка, Оливер.

— А что же?

— Демонстрация добрых намерений.

— Кстати, о добрых намерениях. На меня ты впечатление произвела, но Джо тебя зарежет, как ты приказала зарезать парня.

Мелисса закончила одеваться. Сейчас перед Оливером стояла женщина среднего роста. На ее лице не осталось и следа от маски испуганной овечки. Острый подбородок, высокие скулы, сосредоточенный, внимательный взгляд опытного бойца. Мелисса излучала волны силы и уверенности, которые, казалось, нет-нет да и можно будет почувствовать физически. Прямая осанка женщины говорила о сильной, независимой натуре — другая не смогла бы ужиться в армии. Мелисса подняла с пола тряпку, которой прикрывалась, когда Оливер вошел в комнату в первый раз, и оторвала лоскут — собрать волосы в хвост.

— У нас не оставалось выбора. Парень нас заметил, а мы были слишком близко к столице, чтобы я могла раскрыться. Пришлось импровизировать, — ответила она, — пойми, Стальной Генерал, либо один парень, либо вы все, все четверо. А вам двоим, тебе и командору Мэтью умирать нельзя. Категорически нельзя.

— Тогда предлагаю тебе соврать ему что-нибудь.

— Хорошо.

— Ладно, пойдем вниз.

Мелисса, совершенно не опасаясь Оливера,

развернулась и вышла из комнаты, а мужчина подошел в окно и призывно махнул рукой. Он знал, что Мэтт вместе Джо где-то рядом и наблюдают за домом, в ожидании сигнала.

Встреча внизу прошла напряженно. Первым в дом зашел Мэтт. В неверном свете фонарей, освещающих главную комнату, командир сопротивления чуть было не пристрелил Мелиссу — ему показалась что женщина вооружена. Заметив это, Оливер схватился за его карабин и опустил ствол в землю.

— Спокойно, Мэтт, — сказал он старому другу, — я не до конца понимаю, что тут происходит, но будь ее воля, мы бы давно были мертвы. Так что нам стоит сесть и выслушать, что эта женщина нам скажет.

Мелисса даже не шелохнулась, все так же хозяйски снаряжая себе четвертый рюкзак. Следом вошедший Джо за оружие не хватался, но занял позицию в проходе на кухню, если произойдет что-то непредвиденное и их новая знакомая решит рвануть через заднюю дверь: он был не в курсе, что та заколочена и Оливер лез через окно.

Мелисса окинула взглядом происходящее в комнате, хмыкнула себе под нос и продолжила копаться в рюкзаке. Не найдя желаемого, она молча поднялась и стала потрошить походную сумку одного из мертвецов. Выудив брикет саморазогревающегося пайка и флягу, она вскрыла упаковку, залила содержимое водой и стала ждать, пока еда будет готова. Мужчины все так же стояли и наблюдали за ее действиями.

— Я так понимаю, вам нужен от меня рассказ, кто я такая и зачем здесь? — Спросила Мелисса, — хорошо, садитесь, в ногах правды нет. Будет вам рассказ.

Оливер с Мэттом переглянулись и последовали совету женщины. Оливер сел возле выхода из комнаты, а Мэтт на ступеньки лестницы. Оба держали оружие при себе, но командир сопротивления, в отличие от своего друга, карабин положил на колени. Он еще не знал, что Мелисса не даст им воспользоваться, если у него возникнет такое желание.

Женщина тем временем покопалась в сумке и добыла складную ложку, отпихнула труп одного из бойцов подальше от себя и устроилась у противоположной стены, под окном, так, чтобы видеть всех сразу. Мэтт был прямо перед ней, на лестнице, рядом стоял в дверном проеме Джо, а Оливер сидел справа от нее, у входа в коридор. Окинув всех взглядом еще раз, Мелисса съела пару ложек безвкусной, но горячей и питательной гущи, по консистенции похожей на овсянку, с некоторым сожалением оторвалась от еды и заметила:

— Простите, я тоже давно не ела. Рекомендую и вам чего сообразить или шоколада хоть пожевать, время у нас есть.

— Не тяни, — Оливер стал медленно терять терпение, — рассказывай.

— Тише-тише, гроза обозов с женщинами и детьми, — уколола его Мелисса, — Ладно. Прости. Так вот. Я тут по приказу.

Мэтт слегка напрягся, его рука двинулась к рукояти карабина, но Оливер легким жестом правой ладони остановил его.

— По какому еще приказу?

— Доставить вас в столицу, ясное дело.

Оливер ничего не понимал.

— Доставить в столицу? И зачем же ты тогда дала нам перебить весь твой отряд?

— Дала? — Мелисса рассмеялась, — ох, Оливер Стил, ты мне в отцы годишься, а наивен, как ребенок! Дала перебить! Оливер, я сама его, фактически, и перебила для вас!

Слова Мелиссы заставили Стила крепко задуматься.

— Подожди, то есть вся эта пальба, этот часовой...

— Да. Всех их я контролировала, сидя в комнате наверху.

— Так, стоп, — вмешался в разговор Мэтт, — в смысле, контролировала? Отдала приказ дать себя убить? Или что?

Женщина взглянула на старого командира с ироничной улыбкой:

— Не совсем. Командир Мэттью, я первый встреченный вами и, наверное, единственный участник проекта Око, который не желает вам смерти.

— Проект Око это который... — начал было Мэтт.

— Да, тот самый проект Око, — перебила его Мелисса, — и бога ради, не надо хвататься за оружие.

Мелисса еще не успела закончить, а старый командир уже положил палец на спусковой крючок и готовился дать по противоположному концу комнаты длинную очередь.

— Мэтт, я думаю, что если мы все еще живы, то убивать она нас не будет, слишком много возни получается, — сказал Оливер, — да и кажется мне, она слышит все, о чем мы думаем, судя по тому, что ты показал мне в Гетто. Ведь так, Мелисса? — спросил он.

— Меня удивляют эти твои проблески проницательности, Оливер Стил.

— Стараюсь, — ответил тот, — окей, ты сказала, что должна доставить нас в столицу и, по всей видимости, не в качестве заключенных. Почему же?

Мелисса в это время опять налегла на уже остывающий паек, но после вопроса Оливера ей пришлось нехотя прервать еду.

— Потому что вы нужны именно там, назревает большая заварушка.

— У нас вообще-то были другие планы, — заметил Оливер.

— Ага, — Мелисса в это время отправила последнюю ложку кашеобразной массы пайка в рот и сейчас выскребала стенки упаковки, — я в курсе. На север, в новый лагерь, да, господа? А этот мужчина в дверях, — она кивнула на Джо, — ваш добровольный проводник.

Мужчины переглянулись. Даже для телепата Мелисса была чересчур осведомлена.

— Нет, я не настолько сильна, чтобы копаться в ваших воспоминаниях, — сказала она, поймав на себе два вопросительных взгляда, — во всяком случае, копаться без вреда для вас. Все намного банальнее, господа, — она встала со своего места и, поморщившись, размялась, — у армии длинные руки. Прямо сейчас эти длинные руки уже должны заканчивать зачистку упомянутого лагеря. Тотальную зачистку. А еще у армии соблазнительные условия для стукачей и перебежчиков. Да, Джон?

Джо вздрогнул, посмотрел на уставившихся на него Мэтта и Оливера, а после перешел в наступление:

— Ты что такое имеешь в виду?! На что намекаешь?!

Мелисса улыбнулась. «Какая позитивная женщина», — подумал Оливер с долей сарказма.

— Я не намекаю, Джон. Я констатирую факт, — она сделала еще несколько шагов по направлению к замершему в дверях мужчине, — кто, как не правая рука здоровяка Томми мог приставить шпионов к двум главным лицам сопротивления? Кто, как не ты мог слить армии информацию о том, куда держат путь Оливер и Мэтт? Мне пришлось приложить много усилий для того, чтобы ваш маршрут знало как можно меньше людей, Джон. Подробный маршрут, очень подробный. С предполагаемыми привалами и возможными точками для засад, — женщина еще сидя на полу незаметно проникла в разум мужчины, готовая парализовать предателя, чтобы тот не сбежал или не устроил пальбу, — так кто же это мог быть, Сиплый Джо?

Оливер не мог поверить своим ушам. Либо эта особа вела двойную игру, либо они с Мэттом серьезно вляпались и ее им послала сама судьба.

— Не судьба, но почти, — ответила на мысли Оливера Мелисса, — Командор, — теперь она обращалась к Мэтту, — пожалуйста, найдите на поясе вон у того здоровяка навигатор, будьте добры.

Мэтт внимательно выслушал, поднялся со своего места, при этом не выпуская карабин из рук и подошел к телу бойца, которого Оливер убил ударом бодау в самом начале их импровизированного штурма дома.

— Справа на поясе, не ошибетесь.

Мэтт, стараясь не наступать в лужу крови рядом с телом, снял с пояса бойца пластину устройства, о котором говорила Мелисса.

— И что? Это дерьмо не работает уже много лет, спутники потеряны, на нем только карты, — сказал он Мелиссе держа в руках навигатор.

— Но вышки связи вокруг столицы остались. Часть восстановили, часть построили. Он настроен на один единственный, конкретный передатчик, посмотрите внимательно на указанный там маршрут.

Мэтт включил экран устройства и в несколько касаний вызвал историю. Увиденное его поразило — на нем точно отображались все их перемещения, места привалов, где они провели более десяти минут, светились жирными синими точками. Увеличив изображение и наложив в настройках на рельеф местности старые, еще довоенные карты, он увидел, что точка, показывающая отслеживаемый объект, находилась в здании. В доме, где все они сейчас были.

Мэтт протянул навигатор Оливеру, который тоже поднялся на ноги, а Мелисса все также стояла и смотрела в лицо Джо, наблюдая, как на его лбу медленно проступают капли нервного пота.

— Я тебе не верю, — сказал Оливер, у нас не могло остаться передатчика, все вещи мы оставили на том месте, где вы убили Джонни.

— Не все, — не поворачиваясь ответила Мелисса. Да, передатчик слишком велик для того, чтобы носить его под броней. Но есть кое-что еще, да, Джон? — Мелисса подошла к нему вплотную игриво надув губы, — что-то такое, что ты любыми путями старался держать как можно ближе к своим попутчикам. То, что ты дал Оливеру с собой, чтобы он ни в коем разе не исчез из виду, пока вы разделились, — она парализовала тело Джо и вела пальцем по груди, вниз, к животу, а оттуда на бок, пока не нащупала рукоять бладау, который Оливер вернул ему буквально десять минут назад.

Медленно, без резких движений, женщина достала клинок из ножен и покрутила в руках.

— М-м-м, рукоять ручной работы, да, Джон? Большая рукоять, — Оливер и Мэтт, стоя рядом, наблюдали за происходящим, и до них понемногу доходило, к чему вела Мелисса, — Джон, ты не против, если я проверю, нет ли в рукояти тайника? — продолжила женщина, подсаживая ногтем край наворачивающейся рукояти.

Провозившись буквально пару секунд, Мелисса сняла крышку, заглянула внутрь и, удовлетворенно хмыкнув, взяла бладау за клинок и не глядя протянула его Оливеру через плечо.

— Полюбуйся, Стальной Генерал.

Внутри рукояти клинка мигал светодиод питания маяка.

Оливер показал содержимое тайника Мэтту, молча переглянувшись с ним и, не выпуская нож из рук, обратился к женщине:

— Как я понимаю, ты его держишь?

— С того момента, как встала со своего места.

— Отойди.

— Как пожелаете, Стальной Генерал.

Оливер перехватил клинок и подошел вплотную к Джо. Худощавый, он был чуть выше Оливера, но сейчас сверху вниз смотрел как раз последний. Мужчина тяжело вдохнул, посмотрел в глаза проводника и сказал:

— Ты знаешь, как карается предательство в военное время, Джо.

Тот ничего ему не ответил. Скованный ментальными кандалами, которые повесила на него Мелисса, он мог

только потеть и переводить взгляд с Оливера на Мэтта.

Не говоря ничего более, Стальной Генерал коснулся панели управления броней Джо, отключая ее. После Оливер положил правую руку ему на плечо, а левой медленно ввел клинок в живот предателя, глядя при этом ему в глаза.

Лезвие бладау, слегка притупившееся после убийства солдат, с некоторым усилием вошло в тощее тело на две трети. Оливер, наблюдая за ужасом в глазах Сиплого Джо, немного провернул клинок по часовой стрелке и рванул в сторону, разрывая в клочья внутренние органы и бок предателя.

Кровь брызнула из чудовищной раны, заливая все вокруг.

— Покажи ему, как он умер, — приказным тоном сказал Оливер Мелиссе.

Женщина, пораженная жестокой расправой, выполнила указание и наклонила голову Джо, чтобы тот мог увидеть, что с ним сделал Оливер.

Вскоре все было кончено. Предатель зашатался от потери крови и упал замертво.

Оливер же, сразу после того как выдернул клинок, отвернулся и больше на Джо не смотрел. Казненный перестал для него существовать сразу после того, как Стальной Генерал сделал то, что посчитал нужным.

— Знаешь, Оливер Стил, — подала голос Мелисса, — сейчас я по-настоящему рада тому, что оказалась с тобой по одну сторону баррикад.

Оливер ничего не ответил и, выслушав Мелиссу, молча пошел собирать себе рюкзак.

— Да, давайте собираться, поговорим в другом месте, — сказал Мэтт, — войска знают, где мы?

— Да, — ответила Мелисса, — у одного из бойцов был с собой маяк и рация.

— Когда плановый выход на связь с центром?

— На рассвете.

— Значит, у нас еще есть часа четыре, — прикинул Мэтт, — собирайте вещи и уходим, объяснишь все это, — он окинул взглядом комнату, остановившись на секунду на теле Джо, — короче, объяснишь все потом. Когда найдем спокойное место.

Глава 12

Сборы много времени не заняли. Рюкзаки были почти готовы и пока мужчины окончательно решали, что взять с собой, а что оставить, Мелисса переоделась в свою броню. Оливер и Мэтт заменили аккумуляторы — родные уже были порядком разряжены, долили воды во фляги из запасов убитых.

— Как я понимаю, — спросил Мелиссу Мэтт, — пытаться дойти до точки сбора смысла не имеет?

— Нет, там вас уже давно ждут.

— Понятно.

Тяжелый, тошнотворный запах крови ударял в нос, поэтому желающих еще задержаться не нашлось. Вышли уже минут через пятнадцать-двадцать и молча двинув на восток, к побережью.

Вокруг расстилались некогда благополучные места. Кое-где виднелись скелеты одно- и двухэтажных домов среднего класса американского пригорода, сливающиеся в полуразрушенные улицы и небольшие городки. Покосившиеся столбы электросетей, похожие издали на огромные, воткнутые в землю гнилые зубочистки, дополняли картину общего упадка. Оливеру казалось, что если закрыть глаза, то можно услышать отдаленный гул древних моторов на шоссе: автомобилей, которыми пользовались те, кто по каким-то причинам не хотел переходить на электрокары. Собственно, сейчас это кажется глупым — добыча ископаемого топлива мероприятие непростое, а солнце светит всегда.

Но что есть человеческая природа, как не

постоянное противоречие здравому смыслу? Сам факт того, что наш предок слез с дерева и взял в руки палку, как предпочитают утверждать дарвинисты — уже само по себе противоестественно. А потом прямохождение, сельское хозяйство, пирамиды, черт подери, даже святая инквизиция является достижением цивилизации, не говоря уже о печатании, полетах в космос и еженедельных ТВ-шоу. И все это есть противоестественно. Но как и любое шоу, время цивилизации подходило к своему концу, о чем явственно свидетельствовала окружающая картина.

Это был закат мира.

Оливеру казалось, что даже воздух с годами менялся — становился чище, как бы сбрасывая с себя плоды деятельности человека: когда-то кипящие жизнью районы зарастали кустарниками, пробивались через асфальт молодые деревья. Природа вставала в полный рост, как закованный в цепи титан, поставленный на колени человеком. Но она поднялась на ноги и, набрав в грудь побольше воздуха, одним напряжением сил цепи, навешенные на нее, разорвала. И не было в цепях заслуги человека, по большому счету... Титан природы покорен по сути своей, хотя и обладает вздорным, беспощадным нравом. Он позволил поставить себя на колени, обвесить себя цепями и паразитировать человеку на себе. Но когда ему стало невмоготу — ноги затекли, а, может, шея, он поднялся и с присущей только ему, титану природы, безликой, безучастной, но неистовой жестокостью, одним своим движением паразитов попытался уничтожить.

И мы, люди-паразиты, ничего не смогли с этим поделать. Глупо было чувствовать себя в безопасности,

живя на поверхности гигантского, горящего изнутри куска камня, который с огромной скоростью как заведенный вращается в пустоте вокруг огненного ада. Каким бы ни был большим в нашем представлении мир — мы лишь заперты в одной камере с титаном природы и целиком находимся в его власти.

Пока Оливер размышлял об этом, время для него летело незаметно. Уже когда солнечный диск коснулся деревьев вдалеке, его окликнул Мэтт:

— Оливер! Давай устраиваться на ночлег.

После были стандартные, уже такие привычные за десятки лет походной жизни приготовления ко сну, пробуждение, дежурство, а после снова короткий, но уже рваный сон. Им надо было идти.

На третий день пути Оливер заметил, что Мелисса выглядит паршиво: испарина на лице — особенно крупные капли пота собрались над верхней губой, прерывистое, тяжелое дыхание, бледность. Женщина старалась не подавать виду, что ей плохо, продолжая шагать наравне со своими новыми товарищами, но внешний вид выдавал ее с головой. Разговаривала она немного, да и не расспрашивали ее особо — все берегли дыхание, стараясь не сбиваться с маршевого ритма, который осложнялся дичавшей пересеченной местностью и необходимостью избегать дорог. На первом привале Мэтт, было, предложил не ставить ее в караул, опасаясь спать под охраной предателя, но, как резонно заметил Оливер, не доверять Мелиссе теперь, после всего того, что произошло, было бы глупо. Теперь же, даже если бы и возникло желание расспросить ее о чем-либо, то маловероятно Мелисса смогла бы одновременно идти и говорить.

После того, как она уже трижды запнулась и чуть не упала за полчаса, Оливер не выдержал и объявил привал. Его спутница посмотрела на него с немой благодарностью и, сбросив рюкзак под ближайшим деревом, рухнула рядом. Внимательно наблюдая за новым союзником, Оливер заметил, что Мелисса неосознанно держится за место ранения, которое должно было ввести их в заблуждение после подстроенного штурма дома, где они встретились. Теперь же излишняя хитрость сыграла с ней злую шутку.

— Отключи костюм, — сказал подошедший к ней Оливер.

Мелисса взглянула на мужчину и, осознав, что рана стала проблемой, и это было явно видно, молча коснулась панели управления на плече. Плотная облегающая стройную фигуру броня обмякла и стала сползать вниз, обнажив, будто точеные из мрамора, плечи. Теперь, при свете дня, Оливер смог еще раз оценить зрелую красоту своей спутницы: подтянутая, стройная фигура, чистая кожа, правильные, острые черты лица. Кто-нибудь мог бы сказать, что на ней вместо брони было бы уместнее гражданское платье, но пронзительный, холодный взгляд выдавал в ней убийцу — подобных себе Оливер безошибочно определял по глазам.

Сейчас же в них читалась боль и, на секунду Стальному Генералу показалось, что и страх — она не ожидала, что рана воспалится.

Мелисса не стеснялась мужчин. Будучи в первую очередь солдатом, а только потом уже женщиной, она спокойно начала стягивать с себя боевой костюм,

обнажая среднего размера упругую грудь с крупными, розовыми сосками. Раздевшись почти догола, она оставила костюм на уровне колен и стала разматывать окровавленную повязку, которую наложила на рану, чтобы не истечь кровью.

— Я ее вчера меняла, когда мы проходили ручей.

На куске своей рубашки, которую Мелисса без зазрения совести пустила на перевязочный материал, была явственно видна запекшаяся кровь вперемешку с желтым гноем.

— Антибиотики колешь? — спросил Оливер.

— Конечно, дважды в день.

Стальной Генерал встал рядом с ней на колени и, наклонившись пониже, понюхал рану. В ноздри ударил страшный и знакомый запах гниющей плоти. Кожа вокруг входного отверстия покраснела и была воспалена.

— Дело дрянь, занесла инфекцию.

— Спасибо, а то я не заметила, — съязвила измученная болью и жаром женщина.

— Надо прочистить рану и прижечь или, как минимум, потеряешь ногу.

Наблюдавший за всем этим со стороны Мэтт подвел итог:

— Тогда остаемся на ночь тут. Место неплохое, дороги далеко, лес густой, — старый командир огляделся вокруг, а потом посмотрел в небо, — да и закат через часа три уже.

— Вот и решили. Ладно, ты сиди, и это, — Оливер задержался секундой взглядом на груди Мелиссы, — накинь чего. Мы, конечно, немолоды уже, но как-то неловко.

Мелисса устало улыбнулась в ответ и согласно кивнула, потянувшись к своему рюкзаку. Из него она достала остатки рубашки — снизу не хватало уже сантиметров пятнадцати, которые пошли на «бинты» — и накинула на плечи, поежившись от прикосновения холодной ткани — осень вступала в свои права.

Мэтт отправился искать хворост, да и вообще любые ветки, из которых можно было развести костер, Оливер же взял фляги и отправился за водой — в десяти минутах хода они пересекли ручей.

Спустя часа полтора, когда солнце стало клониться к закату и было готово вот-вот коснуться линии горизонта, на жарко горящем костре в одной из фляг уже кипятилась вода — промыть рану.

Мелисса за это время серьезно сдала. Организм женщины, будто почуяв грядущую передышку, тщетно бросил все силы на борьбу: «армия» иммунитета атаковала инфекцию, неся колоссальные потери — самостоятельно тело эту борьбу выиграть не могло. Мелиссу бил озноб. Когда Оливер накинул ей на плечи свою куртку, которую до этого нес в рюкзаке, он почувствовал, что вся она горит. Медлить больше было нельзя.

Приготовив воду, мужчины аккуратно промыли и очистили, как могли, рану. Перед этим Оливер положил их армейские штык-ножи краем лезвий в углы — прижечь входное и выходное отверстие. Конечно, им бы не помешала помощь квалифицированного врача, но в лесу с наличием врачей были некоторые трудности, поэтому пришлось обходиться вот такими вот полевыми, древними методами.

Пока промывали рану, Мелисса держалась, хотя

Оливер и чувствовал как женщина вздрагивала от боли каждый раз, когда они прикасались к воспаленным тканям вокруг раны. Дальше в ход пошли ножи. Мэтт поднял Мелиссу на ноги и поднес ко рту женщины небольшую ветку, предлагая закусить ее, что та, хотя и с некоторой неохотой, но выполнила.

Спустя мгновение после того, как ветка оказалась в зубах, Мелисса взвыла от боли — конец широкого лезвия М9 в руках Оливера коснулся входного отверстия пулевого ранения.

— Держи ее, Мэтт! — воскликнул Оливер.

Старый командир перехватил покрепче женщину, но она и сама уже перестала дергаться, усилием воли подавив моментную слабость. После того как Оливер закончил с входным отверстием, Мелисса развернулась к нему спиной и уперлась лбом в грудь Мэтта. Всю процедуру можно было бы провести и лежа, но тогда промывание и очистка раны не имела бы смысла — вокруг не было ничего достаточно чистого, на что можно было бы лечь.

— Только не пни меня между ног, хорошо? — шутливо сказал «пациентке» Мэтт. Мелисса лишь слабо улыбнулась в ответ, покрепче ухватившись за широкие плечи мужчины.

В это время Оливер достал второй нож из костра и прижег выходное отверстие. В воздух вновь поднялся запах обожженной плоти, но вторую, финальную часть процедуры Мелисса перенесла лучше.

Стальной Генерал отложил в сторону второй клинок и потянулся за предварительно прокипяченным и высушенным куском ткани. Им он перевязал прижженную рану. После того, как была вколота

двойная доза антибиотика из походного медкомплекта Мэтта, процедура была окончена. Все трое расселись у костра: мужчины молча разогревали пайки, а Мелисса пыталась устроиться поудобнее.

— А теперь объясни нам, дорогая, почему ты чуть не выколола мне глаз шприцом с обезболивающим, — обратился к женщине Мэтт.

В это время Мелисса нашла подходящую позу, в которой нога болела меньше всего, поправила куртку и ответила:

— Мне нельзя.

— Ты из этих, любителей боли, или что? — спросил шутливо старый командир.

Мелисса юмор не оценила.

— Я бы и рада, но нельзя.

— Это почему же? — вступил в разговор Оливер.

Женщина насупилась и отвела взгляд. Было видно, что она не хочет рассказывать об этом.

— Мелисса, все просто. Или ты рассказываешь, или мы тебя здесь бросаем, — пригрозил Оливер, — а может что и похуже. Не огорчай меня, пожалуйста. Ты же знаешь, что происходит с теми, кто меня огорчает, — многозначительно добавил он.

Всем было ясно как день, что Оливер блефует, но чем черт не шутит — Мелисса не хотела проверять слова Стального Генерала.

Мэтт хмыкнул под нос.

— Ты пытаешься продать эту дешевую ложку человеку, который сам себе прострелил ногу? — Мэтт взял залитый пять минут назад водой контейнер с сублимированным пайком и зачерпнул кашеобразной массы концом ножа, подул и отправил в рот, — ты

совсем в своем Гетто мозги отпил, старик?

Оливер стушевался. Мэтт был прав. Его угрозы бойцу-телепату выглядели настолько нелепо, насколько это вообще было возможно.

Мэтт продолжил измываться над товарищем, и пока он подтрунивал над Оливером, Мелисса собиралась с мыслями.

— Господа, — начала она.

Шутки Мэтта сразу же смолкли и оба, он и Оливер, превратились в слух.

— Все дело в препарате, который сделал меня оператором. Между собой врачи называют его «истинное зрение», но на колбах я видела надпись ЕР-22 (и-пи-22), через тире. Все дело в ЕР, — женщина на мгновение прервалась из-за пронзившей ногу боли при неловком движении, но, видя интерес товарищей, почти сразу же продолжила:

— Насколько я поняла из отрывков разговоров, ЕР отвечает за стимуляцию нервной системы и активность головного мозга и еще черт знает за что еще. Мне пришлось перенести операцию по вживлению имплантата-ретранслятора, вот тут, — женщина коснулась шеи под затылком. Имплантат усиливает и фокусирует те способности, которые мы получаем в ходе курса инъекций. Но есть и побочный эффект — мозг и нервная система становятся гиперчувствительными к любому типу препаратов, влияющих на нее. Это как если бы я была пороховой бочкой, а доза анестезии — горящей спичкой. Поднеси ее к пороху и получишь взрыв.

— Так, стоп, это тебя убьет или что? — спросил Оливер.

— Как мне говорили, да. Фактически, убьет, — ответила Мелисса.

— Подожди, — вмешался Мэтт, — в отличие от этого товарища, я документацию по вашему этому эксперименту ясновидающих...

— Я не вижу будущее, я мысли читаю, — улыбнулась Мелисса.

— Да черт с ним, ты меня поняла, — продолжил Мэтт, раздраженный тем, что его перебили, — так вот, там говорилось, что в начале исследований, еще до Засухи, в России как раз активно использовались всякие наркотики. Все, от чего можно поймать кайф.

Оливер пошевелил палкой угли в костре.

— Об этом я не в курсе, но точно могу сказать, что без имплантата я мало для чего пригодна. Он как антенна, как очки для слабовидящего. В активированном состоянии я вижу на мили вперед, но когда он выключен — с трудом ощупываю поверхности близ себя. Если вы понимаете такую аналогию, — ответила Мелисса.

— Примерно, — сказал Оливер, — то есть обезболивающее колоть тебе противопоказано, — резюмировал он, — но тогда вопрос. Ты показала, что имплантат находится в шее, у основания черепа, так?

— Да.

— Так как его туда зашили без наркоза?

— На живую.

Мэтт подавился пайком.

— На живую?! Без анестезии?!

— Да, — кивнула Мелисса, — именно так.

Мужчины примолкли и посмотрели на свою спутницу теперь совершенно иначе.

— Тебе вводят что-то, из-за чего ты теряешь контроль над телом, но все чувства остаются на месте, — добавила женщина, — ощущения от операции, ну как сказать. Как побывала в аду.

— Ты хочешь сказать, что реально пережила подобное дерьмо? — спросил Мэтт.

— Как видишь.

— Чушь, — возразил Оливер, — я видел, как люди, здоровые мужики, умирали на столах полевых госпиталей во время ампутации ноги, если им не вкалывали лошадиную дозу морфия, а тут операция на шее, у основания черепа, там же нервных каналов или как они там, больше чем где бы то ни было, как мне кажется.

Мелисса только улыбнулась в ответ.

— Эвляция, — она странно коверкала слово эволюция, не зная, как оно правильно произносится, — смешная штука. Вы, мужики, сильные и большие, но не способные перенести подобную боль. Именно поэтому корпус операторов состоит на 80% из женщин.

— Специально отбирали? — спросил Мэтт.

— Насколько я знаю — нет. Просто мы выживали чаще. Я слышала, что доктор Ивор наоборот отдавал предпочтение мужчинам в ходе отбора, — ответила Мелисса, — слышала, считал вас, мужиков, более психически стабильными.

Оливер тоже принялся за свой паек, а третий, с единственной имевшейся у них ложкой, протянул Мелиссе, сидящей справа от него.

— Держи.

— Спасибо.

— Знаешь, — начал Оливер, дуя при этом на

горячую массу пайка на конце ножа, — теперь я понимаю, как ты сама себе так ювелирно прострелила ногу.

— Как видишь, — усмехнулась женщина, — недостаточно ювелирно.

— И то правда.

— Так, — перебил их беседу Мэтт, — вернемся к этим вашим операторам, — старый командир чувствовал, что именно сейчас, когда Мелисса ослаблена жаром и прижиганием ран, они смогут получить от нее максимум информации, — то есть тебе зашивают эту хрень в шею и все, ты читаешь мысли и заставляешь людей стрелять себе в голову?

Мелисса поморщилась.

— Все намного сложнее, командор Мэтью, — ответила она, — Око — так мы называем модуль, очень сильно зависит от первичных способностей оператора. Я из первой лиги, у меня уровень синхронизации нервной системы с модулем близок к пятидесяти процентам, но есть еще лига высшая.

— Высшая? — удивился Оливер, — ты же полдюжины солдат контролировала одновременно, даже не видя половины из них, и хочешь сказать, что ты еще не самая сильная?

— Нет, не самая, — ответила Мелисса, — есть две девушки, как я слышала, сестры. У них синхронизация около семидесяти процентов. А это разница в силе почти на порядок. В боевом режиме им достаточно подумать о суициде, чтобы в радиусе пятидесяти метров все схватились за стволы и пустили себе пулю в рот.

Оливер задумался.

— Что такое? — спросил Мэтт.

— Да так, — ответил Стальной Генерал, — по всей видимости, я слышал об одной из них, еще в Гетто. Мэтт, может помнишь барыгу, Мелкого?

— Такой скользкий тип с бегающими глазками? На побегушках у Томми? — уточнил Мэтт.

— Да, он самый, — подтвердил догадки друга Оливер, — так вот, он рассказывал мне за стаканом, что в ходе одного из рейдов на Гетто, один боец в нычке при виде какой-то странной барышни чуть себе голову не снес.

— Мало ли что тебе этот мусор наплести мог, — хмыкнул Мэтт, — такие как он за стакан бухла мать родную продадут.

— Суицид? — внезапно спросила Мелисса.

— Да, — ответил Оливер.

— Значит, это он с Адикией повстречался, — резюмировала Мелисса.

— Адикия? Странное имя, — заметил Мэтт.

— Да, сама удивлялась, — согласилась Мелисса, — сестру ее тоже диковинно зовут — Астрея.

— Астрея и Адикия, — задумчиво протянул Мэтт.

В этот момент Мелисса дернулась на своем месте и начала озираться вокруг. Ее способности, подавленные температурой и общим упадком сил позволили ей засечь чужаков только сейчас, когда они подошли вплотную. Спустя секунду, вслед крику «Сдохните, мрази!» из ближайших зарослей кустарника напротив костра прогремел выстрел. Стрелок промахнулся — вместо того, чтобы разворотить грудь Оливеру, заряд дробы разнес кору дерева слева от него. Только неточность стрельбы противника и спасла Стальному Генералу жизнь — броню он отключил сразу же после привала,

оставив режим «поддержания формы» за неимением с собой брюк. В этом случае боевой костюм был не крепче обычной ткани.

Вслед за первым «диким», а это были именно они, со всех сторон, с криками и пальбой, на их стоянку высыпало еще трое оборванцев.

В отличие от Оливера, Мэтт не расслаблялся целиком никогда. Сразу же после первого выстрела он схватил карабин, лежавший у него под рукой и, упав на спину, дал по кустарнику длинную очередь; наличие зарослей, которые должны были убереечь их от чужих глаз, сейчас работали на руку атакующим. Слишком сильно они доверились способностям Мелиссы, которые помогали им последние дни избегать редких армейских патрулей.

Адреналин в крови Оливера зашкаливал, в ушах звенело. Непонятно почему помутневшим взглядом он наблюдал за тем, как Мелисса, прищурившись от напряжения, перехватывает контроль над телами одного за другим нападавших и их же оружием сносит им головы. Спустя десяток очень долгих для них секунд все было кончено. Мэтт, еще на земле активировавший боевой режим брони, бросился в кусты, из которых доносились слабые стоны. Еще несколько выстрелов окончили сумбурный бой.

Оливер еще раз окинул взглядом стоянку, посмотрел на трупы нападавших с разорванными выстрелами в упор черепными коробками, на Мэтта, возвращавшегося из зарослей, на Мелиссу, устало потирающую виски.

— Спасибо, — сказал Оливер Мелиссе и попытался повернуться к женщине, но почему-то потерял равновесие и завалился в бок.

В этот момент фонтан адреналина поутих и левый бок мужчины, мимо которого в ствол дерева ушло смертельное облако дробы, пронзила боль. Часть самопальной шрапнели — железа, обрезков гвоздей и прочего мусора — угодило не в дерево, а в Стального Генерала. Он чувствовал, что быстро истекает кровью: закружилась голова, холодели ладони, веки налились тяжестью — он терял сознание.

— Эй! Не отключайся! Оливер! — Мэтт почти мгновенно восстановил картину произошедшего и понял, что его друга зацепило первым выстрелом, — ОЛИВЕР! Мелли! Помоги! Живо! Подержи тут!

«Дело дрянь», — подумал Оливер пока Мэтт переворачивал его на спину, — «Давно я не слышал, чтобы он так орал».

— Эй, — тихо прошептал он — говорить было больно, — все хреново?

— Тихо! — рявкнул на него Мэтт, — все отлично, старик, выкарабкаешься.

Он увидел, что ладони Мэтта были полностью в крови. Картину дополнял растерянный взгляд Мелиссы, которая склонилась над его левым боком и зажимала раны остатками рубашки, которые должны были пойти на перевязку ноги. Он хотел сказать что-то еще, но веки были настолько тяжелыми, что больше сопротивляться было невозможно. Последнее, что он услышал, теряя сознание, был полный отчаянья крик Мэтта:

— ОЛИВЕР! ОЛИВЕР!

Глава 13

Деймос вошел в пустой зал столовой. За стойкой раздачи сновал обслуживающий персонал, где-то гремели посудой, пахло едой — приближалось время обеда. Взгляд одного работника, как раз в это время протирающего столы, которые, согласно распорядку, должны сиять чистотой, скользнул по мужчине в дверном проеме. На секунду в нем мелькнуло узнавание, но тут же потухло.

— Эй! — окликнул он Деймоса, — еще полчаса минимум, заходите позже!

Деймос только улыбнулся и торопливым шагом, выражая смущение всем своим видом, подошел к работнику столовой:

— Да ладно вам, — начал он, — тренировок нет, да и с подругой тут условились встретиться. Я тихо там посижу, — он кивнул на угловой стол, который уже был прибран.

Мужчина с подозрением посмотрел на оператора, но после прикинул, что вреда, как, собственно, и пользы, он никакого не принесет.

— Ладно, раз уж с подругой пообедать, — уже мягче ответил он Деймосу, — то тогда садитесь.

Еще на мгновение он задумался, стоит ли быть до конца дружелюбным и, приняв положительное решение, добавил:

— У нас там чай остался, будете? Я вас утром в зале не видел, небось завтрак пропустили, да?

Деймос опять улыбнулся мужчине.

— Да, — ответил он, — завтрак пропустил. Вы

будете очень добры ко мне, если принесете чай. Неплохо бы желудок завести перед едой, а то знаете, — он поморщился и приложил ладонь к животу, — потом, бывает, мучаешься, что глаза вылазят.

Окончательно убедившись, что перед ним не какой-то очередной зарвавшийся книжный червь, а «нормальный мужик», уборщик кивнул и пообещал устроить все в лучшем виде.

— Может, еще чего сладкого вашей подруге раздобуду, раз уж такое дело, — уже разворачиваясь, чтобы пойти на кухню добавил он, — в этом склепе человеческое отношение редкость, а так беседа приятнее пойдет, да?

— Поэтому и пришли пораньше, — ответил Деймос.

— Садитесь, сейчас принесу.

Мужчина небрежно бросил тряпку, которую все это время держал в руках, на стол и направился в недра пищеблока. Деймос проводил его задумчивым взглядом, пока тот не скрылся в одной из дверей и двинул к столу, занять который он договорился.

Через несколько минут уборщик вернулся с металлическим подносом, на котором стояло два стакана, чайник литра на два, а в углу лежало с полдюжины кубиков сахара-рафинада.

— Вот, — кивнул он на принесенное, — чай, как и обещал. А это, — указывая взглядом на сахар, — вашей подруге.

— Спасибо, — поблагодарил Деймос.

— Вы тише только, — попросил уборщик, — а то мне от старшего влетит еще, не положено до обеда.

— Без проблем.

Мужчина вернулся к работе: взял оставленную на

столе тряпку, банку с моющим средством, направил ее на поверхность перед собой и, нажав пару раз на рычаг пульверизатора, дождался, пока облачко жидкости осядет на поверхности казенной мебели, продолжил протирать столы.

Деймос понаблюдал немного за работой уборщика, думая о чем-то своем, после взял в руки стакан, поставил ее перед собой и налил чая до половины. Он, было, подумал взять пару кубиков себе, но решил сначала попробовать чай так, чистым. Чай был паршивым и безо всяких сомнений Деймос отправил один из кубиков сахара в стакан и долил горячего напитка до краев — слишком сладкое тоже ни к чему, хотя, казалось, после всего произошедшего накануне его мозг уже должен был развернуть целый транспарант с требованием глюкозы. Ничего, бывали времена и сложнее.

Чай приятно согревал, теплой волной опускаясь в желудок, который, в свою очередь, от такой скудной подачи лишний раз решил напомнить о себе через угрозу, простую, физиологическую угрозу — урчанием. Надо было поесть.

Спустя минут пять и полстакана чая, в дверях столовой появилась Адикия. Одета она была как обычно — в футболку и камуфляжные брюки. Девушка была не лишена определенной грации. Что-то в ней было настолько хорошо, настолько притягательно, что Деймос не в первый раз поймал себя на этой мысли. Заметила она его сразу: угол, в котором расположился мужчина, был слева по диагонали относительно нее. Размашистым мужским шагом Адикия подошла, чуть более шумно, чем это было необходимо, отодвинула

металлический стул и уселась напротив.

Уборщик оглянулся, но ничего не сказал. Деймос же в свою очередь поднял ладонь, показывая, что все в порядке и шуметь они не будут, для убедительности подкрепив свой жест улыбкой.

— Спасибо что пришла, Адикия, — обратился он к сидевшей напротив девушке и улыбнулся теперь ей. Сегодня он много улыбался, — ты быстро.

— Сложно мешкать, когда в голове звучит чей-то голос, — огрызнулась девушка. Она окинула взглядом стол, уделив в процессе второму стакану чуть больше времени, чем всему остальному. На сахар внимания девушка не обратила вовсе или сделала вид, что не обратила, — злоупотребляешь властью над умами? — спросила она.

— Нет, что ты, — усмехнулся Деймос, — чтобы получить стакан чая, достаточно вежливо попросить.

— С твоими навыками логичнее было бы приказывать.

— А ты бы приказывала?

— Естественно.

— А вот я считаю, — возразил ей Деймос, — что иногда проще попросить, чем приказывать.

Он взял стакан и аккуратно сделал несколько небольших глотков. Жидкость уже начала остывать, но была все еще пригодной для питья. Поставив стакан на место, Деймос поднял взгляд на Адикию, стараясь что-то в ней разглядеть. Девушка понимала, что ее собеседник в любой момент может ворваться в ее разум, смять ее, уничтожить. Возможно, даже неосознанно.

Окончательное осознание ситуации угнетало Адикию, она серьезно нервничала с плавным переходом

этого состояния в фазу паники. Каждая частичка ее существа кричала о том, что она должна бежать от этого монстра с внешностью мужчины средних лет, военной выправкой и ленивыми, но точными движениями. Она должна была бежать, бежать и молиться, что успеет выйти из зоны действия его модуля раньше, чем он обратит свой ментальный взор на нее — Адикию.

Уборщик за ее спиной шумно отодвинул стул и начал протирать очередной стол.

— Иногда стоит просто вежливо попросить, — продолжил Деймос, — ты не представляешь, сколько дверей может открыться перед человеком при простом проявлении толики уважения к собеседнику, — он откинулся на жесткую спинку стула и взял в руки свой стакан, — налей себе чаю, да и вон сахар для тебя лежит, специально принесли.

Девушка с недоверием посмотрела на чайник, стоящий на подносе и на сахар, который лежал там же, рядом.

— Выпей чаю, Адикия, не будь идиоткой, — поддел ее собеседник, — говорят, сахар нужен для работы мозга, а работы будет много, — он отхлебнул еще из своего стакана, — так о чем это я? А, об уважении. Многие двери открываются при уважительном отношении к человеку, Адикия, очень многие. И чем реже это самое уважение человеку оказывается, тем большую отдачу ты получишь на каждое свое слово. Банальный пример, — он окинул жестом стол, — этот чай. И сахар, специально для тебя, причем, заметь, не по моей просьбе. Человек, который его принес, сейчас за твоей спиной протирает столы. Если рассматривать наш исследовательский центр как модель современного

общества, то вот этот уборщик находится на дне «социальной пищевой цепи», если выражаться образно. Во всяком случае, по отношению к операторам. Но мы с тобой, Адикия, выбиваемся и из этой когорты локального класса операторов-аристократов. Ты не замечаешь этого социального неравенства. Но для вон того человека, чья работа, чей смысл присутствия в этих стенах заключается в том, чтобы ты села за чистый стол во время завтрака, обеда и ужина, чья работа сводится к тому, чтобы ты не скребла ногтем пятно от вчерашней похлебки, а ела в чистоте, для него эти социальные различия между нами видны невооруженным глазом.

Девушка молчала.

— Отличительной особенностью социального неравенства является ненависть или презрение между социальными группами различного статуса. И чем больше разрыв, тем ярче огонь этой самой ненависти. Но есть и обратная сторона медали, посмотри, — мужчина опять указал на чай перед собой, — все во мне выдает оператора. Конечно, даже если он и знал меня в лицо как Деймоса, чудо-творение Ивора, слухи ходили, я уверен, то сейчас он меня не вспомнит. Не вспомнит как личность, но вот об операторах уборщик в курсе. Так вот, мне было достаточно повести себя с ним как с равным, даже больше, признать его власть на его территории и вуаля — чай в неположенное время. Пусть его власть в этом помещении и условна, а учитывая обстоятельства и мои способности — она условна еще и при принятии и соблюдении мной этой самой условности. Каюсь, желание подтолкнуть ход его мыслей в сторону того, чтобы мне принесли обед, были,

но я принял правила игры и не стал мухлевать. И после принятия этих правил, этой условной власти этого маленького человека, который незаметно для всех остальных протирает столы перед обедом и, возможно, моет посуду, он распорядился своей властью мне во благо. Понимаешь о чем я?

Адикия была дезориентирована и на последний вопрос Деймоса, который откровенно застал ее врасплох, утвердительно ответить могла с очень большой натяжкой.

— Возможно.

— Хорошо, тогда я продолжу, — ответил Деймос, — так вот. Что я хочу до тебя донести, если упрощать: не будь мудаком, и люди помогут тебе по собственной воле, без всякого принуждения.

Он поддался вперед, сел ровно на стуле, положил руки на стол ладонями вниз и посмотрел на девушку перед собой.

— У меня есть к тебе один простой вопрос и от ответа на него зависит, продолжится ли наше с тобой знакомство или нет.

Сердце Адикии пропустило удар, а после застучало с удвоенной силой и скоростью. Девушка почувствовала, как вмиг похолодели руки, а ноги задрожали от прилива энергии и всплеска адреналина. Весь организм Адикии отреагировал на слова ее собеседника единственным доступным и правильным, по его мнению, способом — приготовился к бегству.

— Какой вопрос? — голос девушки дрогнул.

Деймос посмотрел на собеседницу, взял чайник за ручку, налил во второй стакан уже не слишком горячего чая и подвинул его к ней.

— Выпей и успокойся, — сказал Деймос как можно более дружелюбно, — и возьми, наконец, этот треклятый сахар, — с улыбкой добавил он.

Девушка подчинилась, взяла кубик, опустила его краешек в жидкость, чтобы размягчить, отгрызла примерно треть и запила. Деймос наблюдал за тем, как подрагивали ее руки в процессе, но сбрасывать напряжение не спешил.

— Умница, а то мне совесть не позволяла обмануть человека, который принес его для тебя, и съесть самому. Ладно, вернемся к вопросу, ты готова?

— Да, — ответила Адикия.

Деймос окинул взглядом помещение столовой, посмотрел в потолок, будто вспоминая что-то и продолжил:

— Адикия, я хочу попросить тебя о помощи. Ты мне поможешь?

Уборщик шумно отодвинул еще один стул.

— О помощи? — переспросила девушка.

— Да, о помощи, — повторил Деймос, — мне нужна твоя помощь, потому что один я не справлюсь.

— Ты всегда можешь приказать, — заметила Адикия, — так почему же ты просишь?

— Потому что я считаю, что участвовать в подобном ты должна по доброй воле, девочка, — ответил Деймос, — ты — самый сильный телепат в радиусе, — он на секунду замер, прислушиваясь к своему модулю, — в радиусе пяти километров так точно, дальше я чувствую плохо. Возможно, мешает толща земли над головой.

Уборщик закончил протирать столы, задвинул последний стул на свое место и двинулся в подсобку за

шваброй, протянуть пятно на полу, которое он заприметил еще десять минут назад, но решил вытереть позже.

Адикия не знала, что ответить Деймосу. Пытаясь успокоить сердцебиение, она несколько раз глубоко втянула носом воздух, оглянулась, как бы ища у кого-то совета, а потом опять посмотрела на своего собеседника.

— У меня есть выбор?

— Выбор есть всегда, — ответил Деймос, — к сожалению, я не могу выпустить тебя из центра, потому что тогда вся мотивация Астреи к действию сойдет на нет. Но я могу предложить тебе помочь мне, а не сидеть запертой в карцере. Если быть откровенным, ты мне окажешь очень серьезную услугу, если согласишься.

— И в чем суть? — спросила девушка.

— Ты должна дать свое согласие.

— У меня есть время на раздумье?

— Да, — ответил Деймос с улыбкой, — минуты две, может три.

Он слегка поддался вперед и коснулся руки девушки, от чего та вздрогнула.

— Пойми, Адикия, тут нужна смелость, я бы даже сказал, нужна отвага. Способность броситься вперед, к намеченной цели, но в тоже время понимать, что делаешь. Именно поэтому сейчас передо мной сидишь ты, а не твоя сестра. Вы обе смелые девушки, в этом нет сомнений. Но Астрея лишена некоторых качеств, присущих тебе. Например, она больше подвержена стрессу, менее стабильна, хотя и более безрассудна. При всей своей бравade, прямолинейности и мощи помочь сможешь мне именно ты. У твоей сестры есть

понятия морали, чести, долга. Ты же можешь ими поступиться. Ведь так, Адикия?

С каждым словом Деймоса девушка все больше и больше понимала, что мужчина напротив видит ее насквозь. Из них двоих именно она, а не Астрей, обладала врожденной изворотливостью, граничащей с жестокостью и замешанной на холодном расчете.

— Предположим.

— Тебе не интересно, о чем же я хочу тебя попросить?

— Интересно.

Тут Адикия не врала. Она ожидала чего угодно: пыток, жестокой расправы, бойни, мгновенной и тихой смерти, потери себя как личности. Она боялась выйти из своей комнаты после того, как перестала чувствовать сестру. Ее модуль был сейчас неактивен и единственное, что было сейчас в ее распоряжении против Деймоса — ее собственный интеллект, хотя на границе сознания и копошился предательский червячок сомнений на тему того, осталась ли у нее еще свобода выбора или все происходящее — тонкая игра мужчины с ее разумом.

— Ты согласна мне помочь?

Уборщик прошел мимо их стола с ведром и шваброй в руках и направился на кухню. Ему было нужно вытереть еще пару пятен возле плит.

— Да, согласна.

— Хорошо, — Деймос облегченно вздохнул и опять откинулся на спинку стула, — Адикия, я хочу, чтобы ты помогла мне украсть кое-что. Возможно, в процессе кто-то умрет. Например, члены Совета или армейское командование.

Деймос прервался. Пока он говорил, его взгляд был направлен на вход в столовую, мимо Адикии, где уже стали появляться сотрудники центра, как ни в чем не бывало пришедшие на обед.

— А потом, — он перевел взгляд на девушку, — ты должна будешь убить меня.

* * *

— *Первый, как слышно, прием.*

— *Второй, это Первый. Слышу вас хорошо, прием.*

— *Первый, требую подтверждения старта работ по погрузке.*

— *Второй, старт работ разрешаю, как поняли меня, прием.*

— *Понял вас, Первый. Начинаем работы.*

— *Конец связи.*

— *Так точно, конец связи.*

* * *

Майк Ивор устало поднимался по лестнице к своей квартире. В этом доме он прожил более десяти лет, но он так и не стал для него родным. Сейчас, уже приближаясь к глубокой старости, он очень жалел, что квартиру ему выдали не на втором или третьем, а на десятом этаже.

Он старался не оступиться и смотрел себе под ноги, аккуратно и тяжело ступая на каждую следующую ступеньку.

Шаг. Шаг. Шаг.

Пролет.

Поворот.

Шаг...

Следующая площадка совсем близко, пара ступенек. Там он остановится и передохнет. Сказывался долгий поход в центр, но по-другому попасть на беседу к Харрису он не мог.

— *Доктор?* — спросил кто-то, стоявший выше на лестнице.

«Что за черт, тут вроде не знали, кто я такой».

Майк поднял голову, чтобы посмотреть, кто обращается к нему.

— Да? — ответил он незнакомцу невысокого роста в потертой кожаной куртке.

В этот момент он даже не услышал, а скорее почувствовал движение воздуха у себя за спиной, а после легкий укол в шею. Уже теряя сознание, он подумал:

«Вот и все».

Их раскрыли.

* * *

Еда казалась невероятно вкусной, хотя Деймос считал, что виной этому голод, а не мастерство поваров. Вряд ли из армейских пайков и сублимированных продуктов можно было изобразить что-нибудь по-настоящему вкусное. Но сейчас его желудок был рад и этому.

Адикия все также сидела напротив, лениво

ковыряясь ложкой в своей каше. Они молчали. Деймос понимал, что девушке надо осознать и принять то, на что она подписалась, дав свое согласие помочь ему.

Расправившись с кашей, в которой кое-где попадались кусочки размоченного и после протушенного вяленого мяса, Деймос запил все стаканом чая. Он ел слишком быстро, и чувство насыщения еще не успело прийти, но скоро оно наступит вместе с приливом сил.

— Адикия?

— Да? — ответила девушка.

— Я понимаю, что то, что я сказал тебе, немного сбило тебя с толку, но тут нет никакого подвоха. Мне на самом деле нужна твоя помощь, — Деймос встал из-за стола и взял в руки свой поднос с грязной посудой, чтобы занести ее на мойку. Это было не обязательно, можно было оставить ее и на столе, но он считал, что пять секунд погоды не сделают. У них еще было время, хотя не так и много.

Время.

— Что, старик, призадумался о будущем? — труп материализовался за спиной Адикии.

«Да, призадумался», — мысленно ответил ему Деймос.

— Зайди в кабинет Ивора через часок, — обратился он уже к девушке, — я почитал вчера кое-какую документацию по проекту, ты должна это увидеть, чтобы понимать, в каком мы положении. Там я тебе все более подробно и объясню. Хорошо?

— Через час?

— Да.

— Хорошо, я буду.

— Отлично.

Деймос занес посуду на мойку, где ее сортировал уже знакомый ему уборщик. Остатки еды он сбрасывал в бак под ногами, раскладывал приборы по одной посудомоечной машине, а тарелки и подносы — в две другие.

— Еще раз спасибо за чай, — сказал ему Деймос.

— Не за что, — ответил мужчина, — заходите перед ужином, вечером испекут свежий хлеб.

— Обязательно, — ответил Деймос.

— Удачи.

Ничего больше не говоря, Деймос развернулся и вышел из столовой. Опустившись на лифте на жилой этаж, он зашел к себе умыться, так как после еды его стало клонить в сон. Постояв немного у двери в ванную комнату, он принял решение быстро сходить в душ.

«Что пять минут, что пять секунд — погоды не сделают», — подумал он.

— А мне кажется, сделают, — труп стоял у двери, упираясь плечом в стену, — у нас не так много времени, чтобы нежиться в душе.

— Тогда холодный, — уже в слух ответил ему Деймос.

— Тогда холодный, — согласилась проекция сознания.

Тугие струи ударили по спине. Холодная вода приятно освежала, хотя в первую секунду Деймос пожалел о своем решении. Как только он почувствовал, что от былой сонливости не осталось и следа, на что потребовалось около двух минут, он сразу же вышел и обтерся тонким, жестким полотенцем.

— Что ты ей скажешь?

— Не знаю, — ответил трупу Деймос, — наверное, правду.

— Ты понимаешь, что подписал ее расхлебывать собственные ошибки?

— Если с этим не разобраться, то уже мало что будет иметь значение.

— Она в системе, ее это не коснется, — труп наседавал. Его логика была железной, как логика самого Деймоса, частью сознания которого он являлся.

— А вот ее сестра в опасности, сам же знаешь.

— И кого из них ты хотел замотивировать больше ее уходом?

— Пока не знаю.

Труп отошел в сторону, пропуская Деймоса в комнату. Конечно, можно было пройти и сквозь него, но они оба избегали подобных моментов. Деймос считал, что ему будет проще держать свое расколотое сознание относительно цельным, только если на его собеседника будут действовать законы физики. Он хорошо помнил их первую встречу в реальности, когда получил воображаемую пулю в лоб.

— Да, извини, но так было надо, — одна голова на двоих позволяла не говорить, а просто думать.

Удобно.

— Да ничего, — ответил Деймос, — я понимаю. Ты старался вывести меня из состояния равновесия, чтобы я вспомнил, кто я такой.

— Именно.

Он натянул свежую одежду. Грязную оставил на кровати, решив, что занесет ее в прачечную позже. Или уборщица заберет, не важно.

— В том, что вы нашли ее, не было твоей вины. Ты

был солдатом, у тебя был приказ, — сказал труп уже в коридоре на пути к лифтам.

— Но сейчас я не просто солдат. Скорее, вообще не солдат, — возразил Деймос, — а приказ тот мне никогда не нравился.

— Да, не лучшая была затея.

* * *

Двумя годами ранее...

Наушники, подключенные к металлоискателю, уже две минуты упорно издавали отвратительный оглушающий писк.

— Капитан! Тут что-то есть!

Капитан Генри Джонсон бодро перемахнул через кусок осыпавшегося бетонного забора и направился на зов.

— Вольно. Что у вас, капрал?

Боец, вытянувшийся было по струнке, стал в более свободную позу.

— Металл, сэр! — зычно ответил он.

— Шахта?

— Точно не знаю, сэр, но объект большой, метров десять в диаметре.

— Хорошо, — Генри задумался, — начинайте пока копать лопатами и поживее. Если это она, то мне надо будет затемно вызвать из Центра технику и спецов. Приступайте.

— Сэр, есть, сэр!

Он развернулся, двинулся к своей машине, в которой стояла рация.

Адикия пришла на пять минут раньше.

— Возьми себе стул и садись рядом, — сказал Деймос. Сам он расположился в кресле отсутствующего сейчас в центре Ивора, — я хочу тебе кое-что показать.

Девушка молча взяла стул и поставила рядом с офисным креслом, в котором сидел мужчина. От девушки пахло мылом.

«Как и я, сходила в душ. Умница», — подумал Деймос.

— Смотри, — начал он, — это документация по проекту «Око», которую вел Ивор и его команда во время работы тут, в центре. А вот тут, — он коснулся экрана планшета и выбрал один из каталогов, — переведенные копии документов из России. Дневники человека изобретшего препарат, который нам кололи, хотя, как я понял, Ивор смог его улучшить и если не избавиться, то нивелировать ряд побочных эффектов, — Адикия внимательно слушала все, что говорил ей Деймос.

— В одном из документов я нашел служебную инструкцию, — продолжил Деймос, — в первые недели нам кололи этот препарат, *EP-22*, чтобы стимулировать нервную систему и запустить процессы в головном мозге, которые сделали нас телепатами. Но тут написано, что чистый *EP-22* не слишком эффективен, поэтому его использовали вместе с наркотическими препаратами, типа обезболивающих. В этом я не шибко силен, но суть уловил. Понимаешь?

— Да. Нам делали парные уколы, — сказала девушка, — ну, перед операцией. Сначала, видимо, этот

EP-22, а потом что-то, от чего мы засыпали. Мы думали, что это снотворное.

— В какой-то степени да, — согласился Деймос, — но вот тут, дальше, в примечании к дозировкам идет самое интересное. Курс инъекций длился пять суток, всего двадцать пять уколов. Чем ближе к концу, тем меньше наркотиков должно использоваться. Последние сутки их вообще не колют. Потом, через несколько дней, когда тесты на усвоение препарата положительные, устанавливается ретранслятор, — Деймос коснулся шеи девушки, — подключают к нервной системе и зашивают в шее вместе с медицинским модулем, который впрыскивает по часам препарат, предотвращающий отторжение «Ока» организмом.

— Хорошо, так что со всем этим не так?

— Помнишь, на одном из инструктажей нам всем запретили использовать обезболивающее на заданиях, даже если получишь ранение? — вопросом на вопрос ответил Деймос.

— Да, помню. Доктор Прайс говорила, оно нас убьет, — ответила Адикия.

— Это только половина правды. Смотри, вот тут, — Деймос указал пальцем на экран, — тут написано, что при нарушении дозировки или если подопытный получит лишнюю инъекцию, препарат уйдет в неконтролируемую реакцию, так как он не выводится из организма.

— И что тут не так? — девушка не понимала, куда Деймос клонит.

— Я не закончил, — ответил тот, — вот тут, строка «...цепная реакция вызовет необратимые изменения в

работе головного мозга и психике подопытного». То есть, подопытный рано или поздно сойдет с ума, плюс все это будет сопровождаться постоянным усилением его ментальных способностей. Это подтверждают и записки того ученого из России, Никитинского. В свое время это для него закончилось печально.

Пазл в голове Адикии начал складываться в единое целое.

— Ты хочешь сказать... — начала девушка.

— Да. Я получил лишнюю инъекцию, уже после операции, — подтвердил ее догадки Деймос, — Возможно, по ошибке. Я тогда учился заново ходить, мышцы были атрофированы, и очень неудачно упал, — он усмехнулся, вспоминая, каким беспомощным был тогда, — сиделка поставила укол, как она подумала, снотворного, которое почему-то осталось в тумбе после цикла инъекций до операции.

Девушка молча смотрела на него, Деймос тоже ничего не говорил.

— Я ходячий мертвец, Адикия. Препарат Ивора хорош, меньше побочных эффектов, судя по документам. Поэтому свихнусь я не так быстро, как тот парень из России. Но у меня мало времени до того, как я начну убивать все, до чего смогу дотянуться силой мысли. Один из побочных эффектов — повышенная агрессия, отсюда и наши ежедневные тренировки по рукопашному бою. Нас косвенно стабилизировали таким образом. Клин клином.

— Поэтому ты хочешь, чтобы я тебя убила? Потому что станешь опасен? В смысле, опаснее, чем сейчас?

— Да.

Они помолчали.

— Сколько? — тихо спросила Адикия.

— Шесть недель, — Деймос прекрасно понял ее вопрос, — может девять, если буду редко пользоваться модулем.

— А что потом?

— Потом, учитывая то, что модуль Ока пассивно работает всегда, а мой уровень синхронизации с ним близок к сотне, со мной вряд ли смогут справиться. Только если артиллерией, которой у армии нет.

Адикия серьезно посмотрела на Деймоса, пытаясь понять, не манипулирует ли он сейчас ею.

— Так может, — начала она, — решим все прямо сейчас? Ты и сам можешь, арсенал для тебя открыт...

Деймос засмеялся.

— Я слишком труслив для того, чтобы покончить с собой, Адикия. Слишком хочу жить. Я раньше был капитаном, до ранения, из-за которого попал сюда. И сижу я тут только потому, что я всегда очень хотел жить, — он встал из-за стола и подошел к одному из шкафов, — я уверен, что старик прячет где-нибудь здесь нормальный чай или кофе.

Он покопался на полках, но так ничего и не нашел. Адикия молчала.

— Ладно, черт с ним, — он прекратил свои попытки что-либо найти, — мне пока нельзя умирать, Адикия. Есть кое-что, что я должен исправить, а ты мне в этом поможешь. Ты будешь моими глазами, ушами, моим проводником и помощником, чтобы я смог минимизировать использование модуля в будущем. Это позволит мне выиграть время и остаться в здравом уме как можно дольше, чтобы успеть.

— Успеть что? — спросила Адикия.

Деймос вернулся в кресло Ивора, покрутился на нем из стороны в сторону, что-то вспоминая.

— Два года назад у меня был один приказ...

Глава 14

Ему постоянно снился один и тот же сон.

— *Чего ты добиваешься?*

Оливер не знал, что ответить.

— *Чего ты добиваешься?* — повторил свой вопрос неизвестный мужчина в военной форме.

— *Я не знаю.*

А потом вспышка и следом за ней ударная волна.

— *Чего ты добиваешься?*

Они стояли посреди выжженной пустыни.

— *Я не знаю.*

— *Ты должен ответить на этот вопрос,* — каждый раз говорил его загадочный собеседник и, поворачиваясь к нему спиной, делал всего пару шагов и растворялся в воздухе.

— Оливер!

Голос Мэтта. Мелисса опять привела его в сознание.

— Оливер! Старик, тебе надо поесть.

Он окинул взглядом их очередную стоянку. Слева от него, у дерева, стояла пара солдат в форме правительственной армии. Их глаза были также пусты, как и его желудок — Мелисса ни на секунду не ослабляла контроль над его невольными носильщиками. Рядом, склонившись над ним, стоял Мэтт, а за его спиной, у дерева, сидела женщина-телепат.

Выглядела она чуть лучше самого Оливера. От былой опасной и в чем-то дикой красоты не осталось и следа. Мелисса осунулась, похудела, а кожа на лице приняла такой же, как и у Оливера, пепельно-серый оттенок.

Но Оливер не жаловался, ему в очередной раз посчастливилось остаться в живых. Он встретился с Мелиссой взглядом, попытался улыбнуться своей спасительнице, но вышла только не самая приятная на вид гримаса.

— Опять пайки? — в шутку проворчал Стальной генерал.

— Да, опять пайки. Поменяем повязки и снова в путь.

Опять Мелисса его вырубит. Если бы не этот сон, который повторялся уже сотню раз, он бы был ей даже благодарен.

— Мы возвращаемся в Столицу, да, Мэтт?

— Тебе нужен врач, старик.

— Мне нужен покой и нормальная жратва.

Мэтт ничего не ответил и только тяжело вздохнул.

— Тебе нужен нормальный врач, который сможет тебя правильно заштопать. Ты жив только благодаря тому, что Мелисса держит тебя, фактически, в коме круглые сутки, — на лице Мэтта читалась тревога.

— Вы мне колете «боевые»? — так в народе называли препараты, для оказания экстренной помощи при ранениях на поле боя.

— Да.

— Сколько времени прошло?

— Почти четыре недели.

Дело дрянь. От печени, судя по всему, уже мало что осталось.

— Скоро все?

— Мы почти пришли.

— Я чувствую себя чуть лучше, чем обычно.

Мэтт помрачнел. Сколько раз он уже видел это:

солдат приходит в себя на пару часов, говорит, что ему лучше, а потом умирает ночью. Последний рывок организма, Оливер был на грани.

— Это хорошо, — сказал Мэтт. — Давай поедим, — он поднес ко рту друга ложку с дымящимся пайком. Стальной Генерал не был идиотом, и молча открыл рот, снимая с ложки зубами, а после проглатывая безвкусную, но питательную массу. Когда о тебе заботятся не стоит выделяться.

— Мы найдем тебе врача, — рассеяно пробормотал Мэтт.

Четырьмя неделями ранее...

— ОЛИВЕР!

Мэтт заметил, что его друг потерял сознание и отвесил ему пару ощутимых пощечин.

— Мэтт, не надо, это я, — подала голос Мелисса.

— Что ты?!

— Отключила его, так будет проще.

Мэтт с недоверием посмотрел на их с Оливером спутницу, но бить товарища перестал.

— Что будет проще?

— Он сейчас в стадии глубокого сна, я как могла, замедлила сердцебиение и оградила органы чувств. Иначе он истечет кровью или умрет от шока.

— Вот что-то мне подсказывает, что лучше бы было держать его в сознании.

— Кто знает, — ответила женщина, — но кровотечение замедлилось.

В ее словах была доля здравого смысла, хотя Мэтт не был медиком и не мог оценить правильность подобного решения.

— Ладно, тащи остатки своей рубашки, надо его

перевязать.

Мелисса молча кивнула и, сжав зубы от боли в ноге, поднялась и пошла за повязками, которые готовились изначально для нее.

Пока она собирала тряпки на перевязку, Мэтт открыл аптечку на своем костюме, достал антибиотики, медицинский гель и степлер. Уже с помощью Мелиссы он, как мог, промыл раны, залил три рваных входных отверстия гелем и стянул края скобами.

— Наверное, даже лучше, что он без сознания, — признался Мэтт. — Меня как-то раз такой хреновиной штопали прямо на поле боя, ощущения те еще.

— Да, — согласилась Мелисса, — но ты же понимаешь, что если шрапнель задела селезенку или кишечник, то он не жилец?

— Понимаю, — хмуро ответил Мэтт. — Понимаю.

Следующие сутки прошли в тревогах. Как только они подлатали Оливера и дождались, когда гель окончательно застынет, зафиксировав края раны, они погрузили раненного товарища на самодельные носилки и потащили прочь от места бойни. Мелисса уверяла, что в радиусе пятисот метров нет ни души и теперь она точно засечет чье-либо приближение, но Мэтт решил перестраховаться. На следующий вечер они опять прокололи Оливера «боевыми» стимуляторами на пару с антибиотиками и привели в чувство, чтобы покормить.

Мужчина был слаб, но его жизни ничего не угрожало. Мэтт точно знал, что пока у них есть запас походных армейских медикаментов, его друг будет жить. До этого времени им нужно было найти толкового хирурга, чтобы извлечь шрапнель, которая, судя по тому, что Оливер еще дышал, внутренние органы не

задела — дистанция была великовата или ему просто повезло. А на следующий день Мелисса, которая ушла за водой, вернулась в сопровождении пары солдат. Так они получили запасы еды, стимуляторов и тягловую силу для носилок. Так, меняя солдат, когда предыдущие падали от истощения, они прошли несколько недель.

Быстро передвигаться не получалось. Уколы помогали, но трясти носилки было нельзя. Плюс ко всему, Мелиссе было невероятно тяжело управлять сразу двумя людьми, контролировать каждый их шаг, чтобы, не дай бог, они не перевернули носилки с раненым. По этой причине они делали частые остановки, а иногда женщина просто замирала на месте, отпуская их маленький караван на метров двести вперед, а после, тяжелым, усталым шагом догоняла своих спутников.

— Как ты, Мелли? — Спросил как-то Мэтт.

— Голова раскалывается на части, но жить буду, — ответила Мелисса.

— Ты почти не спишь.

— Я знаю, но так проще, проще постоянно держать солдат под контролем.

Раз в трое суток, когда «носильщики» выдыхались настолько, что просто уже были неспособны, даже под ментальным контролем женщины-телепата поднять носилки, Мэтт пускал их в расход, пряча тела в кустах или забрасывая листвой, а Мелисса укладывалась спать. Она спала по шестнадцать, а иногда и по двадцать пять-тридцать часов кряду. Ее мозг требовал отдыха.

А потом все повторялось: поиски очередного патруля, захват контроля над солдатами, тяжелое, мучительное передвижение вперед — к Столице.

— Скажи мне, старый ты черт, — спросил как-то Мэтт у Оливера во время очередного «сеанса» его бодрствования на привале, — ты что, бессмертный?

Мужчина, серый от потери крови и жара — организм протестовал против инородных предметов в его боку — только криво улыбнулся.

— Что, завидно? — прохрипел в ответ Оливер.

— Нет, просто пытаюсь понять, как тебя грохнуть, если понадобится, — пошутил старый командир.

— Сам помру, не бойся.

— Надеюсь, что не скоро, — пробормотал себе под нос Мэтт.

— Ну, это уже как получится, — ответил Оливер.

После того, как мужчина доел свою порцию, которую ему скормил Мэтт, подошла Мелисса.

— А вот и наш жуткий телепат, — опять попытался пошутить Стальной Генерал.

— Да, аж самой страшно, — ответила женщина. — Как ты, Оливер?

— Как кусок собачьего дерьма.

— Странно, что ты вообще еще жив.

— Знаю. Но на «боевых» мне недолго осталось.

— Мы почти пришли. Еще день, может два.

— Ты вообще спишь?

— За всех нас отсыпaeшься ты, — улыбнулась Мелисса.

Оливер внимательно посмотрел на женщину и перевел взгляд на солдат.

— Если эти молодчики выйдут из-под контроля, то вам конец.

— Все будет хорошо, — ответила женщина. — А теперь спи, — Мелисса коснулась рукой лба Оливера, на

котором уже стали проступать капли холодного пота, и погрузила мужчину в сон.

Через пару минут, после того как Оливер отключился, к Мелиссе подошел Мэтт:

— А зачем ты лба касалась? — Спросил он.

— Не знаю, — ответила Мелисса. — Так как-то проще, что ли. Хотя нам и говорили, что наличие физического контакта не имеет значения. Только преграды и их степень экранирования электромагнитных волн.

— Понятно, — ответил Мэтт. — Мелли, а ему снится что-нибудь?

— Не знаю, — опять ответила Мелисса. Она все еще стояла на коленях рядом с раненым товарищем, — возможно, я бы смогла узнать, но сейчас есть вещи поважнее.

Телепат поднялась на ноги, отряхнула пару влажных листьев, прилипших к броне, и отдала мысленную команду солдатам поднять носилки. Спустя два дня они подошли к развалинам Гетто. «Носильщиков» опять пришлось сменить — те, что были, выдохлись без еды и когда их руки уже не могли поднять носилки с немаленьким, по факту, мужчиной, Мелисса приняла решение избавиться от них.

Солдаты аккуратно положили носилки с Оливером, достали ножи и стали рыть холодную землю. Когда три неглубокие могилы были готовы, Мэтт двумя точными ударами ножа позаботился о том, чтобы бойцы никому не смогли рассказать, чем занимались.

Он даже не стал тратить сил на то, чтобы закопать тела — через несколько часов Мелисса вернулась в сопровождении трех человек. Она решила, что

оставаться отсыпаться тут, где плотность патрулей резко возросла, слишком опасно.

Глаза захваченных ею под контроль солдат были пусты, как и глаза дюжины человек до них.

Мэтт, так же, как и с двумя предыдущими, избавился от «лишнего» солдата ударом ножа в грудь, а его товарищи стали молча закапывать тела.

— Пусть еще листвы подбросят сверху, — сказал Мелиссе Мэтт. — Понятное дело, что тела рано или поздно найдут, но это даст нам хоть какую фору.

Женщина согласно кивнула и, когда «носильщики» закончили свою работу, отправила их собирать опавшие листья, чтобы забросать ею ярко выделявшиеся на общем фоне свежие могилы.

— Что по медкомплектам?

— Был только у старшего, да и то, всего три дозы «боевого». Обезболивающего вообще нет, видимо, продал местным торчкам.

— Плохо, — хмуро ответил Мэтт. — Мы больше не можем так фривольно потрошить патрули и блокпосты.

— Да, — устало ответила Мелисса.

— Может, поспишь?

— Нет, давай уже дойдем до Гетто или промзоны, а там отосплюсь.

Мэтт внимательно посмотрел на свою спутницу. Женщина выглядела даже хуже, чем раньше, она тоже была на грани.

— Ладно. Ты потерпи, скоро дойдем. Как нога?

— Нормально. Ваша варварская процедура пошла ей на пользу.

— Точно?

— Да, точно, — с ноткой раздражения ответила

Мелисса. — Я не маленькая девочка, командор Мэтью.

— Смотри мне, — ответил Мэтт, — потому что если ты свалишься, Оливеру конец.

— Я понимаю.

Следующие сутки пути прошли спокойно. Мелисса помогала избегать частых патрулей, точно зная, где и когда они появятся. Сложнее было с беспилотниками, но тут им на руку играло то, что они были одеты в боевые костюмы регулярной армии и двигались, в основном, по лесополосе, избегая открытых пространств.

К столичному Гетто они подошли уже к следующей ночи и встретило оно их руинами, Мелисса не врала. После ухода Оливера и Мэтта, армия начала широкомасштабную операцию по зачистке беспокойного пригорода. Кое-где горели костры, но с первого взгляда было видно, что это была бойня — выжили единицы.

Они внесли Оливера в одно из немногих уцелевших зданий, аккуратно положив раненного товарища в комнате одной из квартир на втором этаже. Мелисса отдала команду «носильщикам» следовать за Мэттом, а сама осталась со Стальным Генералом.

— Только не уводи их дальше сотни метров, я слишком устала.

— Хорошо, — ответил Мэтт.

Все трое вышли из здания и растворились в ночном мраке. Мэтт завел солдат на развалины какого-то здания неподалеку, снял с них броню — свое оружие и припасы они оставили в комнате — и избавился от невольных помощников. Тела Мэтт забросал мусором и камнями, а остальное сделают крысы, в изобилии сновавшие по Гетто еще в те времена, когда тут было

более оживленно.

Когда он вернулся в комнату, Мелисса меняла повязки Оливера.

— Раны все-таки гноятся, — не оборачиваясь, сказала она Мэтту.

— Ясное дело, гноятся. Благодаря «боевым» и гелю он и так протянул на три недели дольше, чем должен был, — ответил ей Мэтт.

Мелисса нахмурилась.

— Если мы хотим, чтобы он выжил, нам срочно нужно найти толкового врача, желательно, хирурга. Время Оливера Стила на исходе.

— Я знаю.

— Знание тут не поможет. Нужен врач, — забыв, с кем разговаривает, вычитывала Мелисса.

— Я займусь этим, — спокойно ответил Мэтт. Он понимал, как много эта, все еще загадочная особа сделала для того, чтобы спасти жизнь его другу. — Прогуляюсь по Гетто утром, а пока поспи, Мелисса, тебе нужно отдохнуть.

Женщина ничего не ответила и молча продолжила обрабатывать раны Оливера. После она сделала ему два укола: один антибиотиков, второй «боевого», и только после того, как закончила, стала готовиться ко сну. Мэтту показалось, что Мелисса отключилась еще до того, как ее голова коснулась рюкзака, который женщина использовала в качестве подушки. Когда он был молодым, он тоже засыпал вот так — мгновенно.

Они были в незавидном положении. Если верить словам их спутницы, они были командирами без армии, капитанами, утратившими свои корабли. От мысли о том, что, возможно, они последние из многотысячной

революционной группы, у Мэтта пробежали мурашки по спине.

«И что теперь? Спасу Оливера и подадимся в Канадские горы?», — подумал Мэтт, — «Жизнь впустую».

На рассвете он разбудил Мелиссу, но только для того, чтобы предупредить о растяжке на лестнице — женщине надо было поспать, а оставлять ее вот так он не мог, слишком опасно.

— Мелли, — Мэтт аккуратно коснулся плеча спящей спутницы, стараясь не испугать ее. Та мгновенно открыла глаза и уставилась на старого командира, — Мелли, я там, на лестнице, растяжку поставил, вход сюда один. Так что если услышишь взрыв, знай, что у тебя гости, — Мэтт пододвинул поближе к женщине снятый с предохранителя карабин и положил пару гранат, — справишься, чуть что?

— Ты же знаешь, — недобро улыбнувшись ответила Мелисса, — мне оружие особо не нужно. Главное, чтобы оно было в руках противника.

Мэтт вспомнил, как дикие на их стоянке, тогда, когда ранили Оливера, один за другим сами себе вышибали мозги.

— А, ну да, — мужчина слегка смутился, — ну, это, на всякий случай помни, что у тебя и у самой есть оружие.

— Хорошо, командор Мэтью, — кивнула Мелисса, — идете на поиски кого-нибудь знакомого?

— Да, может, бригадный врач уцелел.

— Возвращайтесь поскорее.

— Хорошо.

Мелисса, как ни в чем не бывало, повернулась на

бок и закрыла глаза, а Мэтт тихо вышел из квартиры и двинулся на улицу, аккуратно переступив собственную растяжку, закрепленную между перилами лестничного пролета и торчавшей из стены арматурой.

«Главное, если кто-то ломанётся, чтобы дом не рухнул», — подумал старый командир. Гранат на растяжку он не пожалел, повесил две, чтобы наверняка.

Перед тем как выйти наружу, он набросил на плечи куртку одного из диких, перевел броню в полный боевой режим, проверил, как выходит нож из ножен на поясе и положил в карман пистолет — армейский карабин привлечет слишком много внимания. Во втором кармане Мэтт сжимал в руке гранату с выдернутой чекой.

Не сказать, что он опасался нападения, но сейчас на кону была не только его, но и жизнь Оливера. Поэтому нужно быть готовым ко всему. Кроме всего прочего, броня должна выдержать взрыв гранаты в непосредственной близости, а заряда аккумуляторов, нелепо торчавших как горб под курткой, должно хватить еще на пару дней.

От куртки воняло, нет, скорее даже, разило. Дикий, с которого ее снял Мэтт, по всей видимости, не слишком заботился о гигиене. От природы аккуратный и обстоятельный, старый командир еле поборол желание сбросить с себя эти лохмотья, вернуться в дом, взять карабин и так прошествовать по развалинам, оставшимся после зачистки Гетто. Слабость эта была секундной: Мэтт взял себя в руки и, стараясь не дышать слишком глубоко, бодрым шагом двинулся туда, где раньше располагалась база бригады.

В какой-то момент ему показалось, что он

заблудился, хотя старик неплохо знал Гетто и отлично ориентировался на местности. Последняя операция армии чудовищно изменила окружающий «ландшафт» — на месте некоторых кварталов, не говоря уже об отдельных зданиях, высились целые горы бетона и искореженной арматуры.

Та же судьба постигла и место расположения бригады — Мэтта встретили только руины. От командного бункера, столовой и казарм не осталось и следа. Все, что было связано с воинствующей бандой Гетто, сочувствующей партизанам, власти сровняли с землей.

Мэтт вышел на середину площади, оглянулся, в надежде, что увидит где-нибудь костерок или знак для своих, который помог бы ему узнать, куда переместилась ставка бригады. Не обнаружив ничего, что могло бы помочь ему в поисках, мужчина развернулся и двинулся обратно, в дом, где оставил Мелиссу и Оливера. Возможно, если он отправит на поиски их нежданную помощницу, ей удастся что-нибудь нарыть при помощи своих телепатических способностей.

Он успел сделать всего пару шагов, как прогремел выстрел и мощный удар в спину, не иначе, как из винтовки, опрокинул его на землю лицом вперед.

Мэтта уберегла его параноидальная предусмотрительность — броня все еще была активирована и находилась в боевом режиме, пусть и стремительно расходовала заряд аккумуляторов. Стрелок был не слишком метким и целился в спину, а не в голову, по всей видимости, не придав значения странным «штанам» командира сопротивления, которые, даже грязные, до боли были похожи на армейскую

броню, коей и являлись.

Мэтт для виду прополз пару метров, изображая из себя тяжелораненого. Это дало ему возможность незаметно достать из кармана пистолет и зажать в руке под собой. С гранатой все было сложнее. За время его блужданий по развалинам Гетто руку свело, к тому же запал зацепился за край кармана, а времени на возню у Мэтта не было. Удовлетворившись пистолетом он, пару раз дернувшись в «предсмертной конвульсии», обмяк, стараясь не дышать.

Единственные и вполне понятные опасения у него вызывало то, что, возможно, нападавшие решат, на всякий случай, сделать ему контрольный выстрел в затылок, чтобы наверняка. «Нет. Не станут. Это у Оливера маниакальное стремление убеждаться в том, что ему не станут мстить. Эти же поберегут патроны или достанут ножи», — подумал Мэтт.

Время тянулось невероятно медленно. Казалось, прошло полчаса, хотя, на самом деле, старый командир пролежал так не больше пары минут. В какой-то момент Мэтт услышал, как осыпаются камни на одной из куч строительного мусора, бывшей когда-то высотным зданием на краю площади. Мэтт прикинул направление звука, скорость передвижения предполагаемого стрелка и стал отсчитывать секунды: по его расчетам подойти к нему должны были через полторы минуты неспешного шага. Потом он перевернется на спину и удивит противника своей «живучестью». Ну и пистолетом в руке, само собой.

— Эй, Джимми, давай сюда! — услышал Мэтт чей-то сиплый голос у себя за спиной, — ботинки должны тебе подойти!

— Иду! — слышалось уже справа в ответ. Голос был юношеским, почти детским.

«Вот так вот. Ладно, тут все просто. Или они меня, или я их. Но твою-то мать! Почему ребенок? Уж лучше бы баба какая», — пронеслось в голове Мэтта.

Они были совсем рядом. Мэтт отчетливо слышал шаги трех пар ног. Один из нападавших ступал грузно, иногда шаркая. Еще двоих было почти не слышно, но Мэтт точно знал, что их минимум трое.

Кто-то остановился рядом начал стягивать с его правой ноги ботинок. В этот момент Мэтт перевернулся лицом вверх и пнул горе-грабителя, поднимая при этом пистолет. Удар ноги пришелся пареньку — именно он попытался забрать себе ботинки «мертвеца» — в лицо и опрокинул на спину.

Мэтт, пока нападавшие не успели понять, что произошло, подскочил к парню. Одним рывком он поднял того на ноги и, придушив рукой с зажатой гранатой, упер в спину мальчишки пистолет.

Как и предполагал старый командир, нападавших было трое. Оставшиеся двое — грязные, оборванные мужчины в одежде не по размеру, у одного в руках была допотопная винтовка дореволюционного образца. Но хуже всего было то, что на их лицах читалось полное отсутствие мозгов.

— Ку-ку! — Мэтт решил, что лучшая оборона — это нападение и ему стоит говорить на языке, максимально понятном для нападавших. — Совсем берега попутали, мрази?!

Он был в незавидном положении, но деваться было некуда.

От подобного текста мужчины опешили.

— Э, мужик, ты это, отпусти пацана, и, может, на своих двоих уйдешь еще, — прогудел стрелок.

— На своих двоих? — Мэтт оскалился. — Ты, падаль, мне в спину стрелял, а сейчас договориться пытаешься?

— Мы тя прям тут положим, хрен старый! — подал голос второй «разбойник», щуплый и долговязый.

— Я смотрю, вас не учили вежливо разговаривать с людьми у которых граната в руке, жопоголовые, — ответил мужчина нападавшим, — ну ничего, сейчас научу. Чей пацаненок? Вы бы просто так с ним не возились, — спросил старый командир, сильнее сжимая горло мальчишки, которого держал в захвате, да так, что тот захрипел.

— Не твое дело, старик, — прогундосил стрелок.

— Ах, не мое дело? — С издевкой в голосе переспросил Мэтт. На него давно не нападали вот так, в спину, с целью грабежа, и он был в бешенстве. — Ну ладно.

Мэтт опустил руку с пистолетом и выстрелил парню в правую ногу. Тот закричал, пытаюсь вырваться, но командор рванул левой рукой, сильнее сжимая горло заложника, и ударил коленом по ране, добавляя тому мучений.

— Ты че творишь!? — закричал на него стрелок и, было, рванул к Мэтту, но он уже опять упер пистолет в спину парня.

— Еще раз так мне ответишь, дерьма собачьего кусок, и у твоего юного друга будет на еще одну дырку больше. Усек? — В голосе Мэтта звенела сталь. Долгие годы командования научили его говорить с любыми, даже самыми тупыми людьми так, чтобы они понимали его четко и ясно. Иногда слова приходилось

подкреплять действиями, как в этот раз.

— Ты кто такой вообще? Ты вообще понимаешь, что творишь, старый х...

В следующий миг Мэтт прострелил вторую ногу парня.

— Ты меня не понял, мусор? — Спросил старый командир стрелка. — Повторяю еще раз: или вы отвечаете на мои вопросы или всех тут положу!

Мэтт подкрепил свои слова демонстрацией гранаты с выдернутой чекой в левой руке, показав ее мужчинам.

— Запал на полсекунды, уроды, так что лягут все, — Мэтт, волоча парня, сделал несколько шагов вперед, сокращая дистанцию между ним и мужчинами.

— Что тебе надо, старик? Ты кто такой вообще? — Спросил Мэтта уже спокойнее тощий спутник стрелка.

— Повторяю, мразь, — процедил сквозь зубы Мэтт, — вопросы тут задаю я.

Они с заложником сделали еще два шага. Кровь стекала по ногам парня, собираясь в ботинках.

— Судя по ранам, у пацана есть еще минут пять, так что советую не жевать сопли, а отвечать по делу, усекли? — Не дожидаясь ответа, Мэтт продолжил:

— Что с бригадой Томми?

— Так это, — стрелок помялся с ноги на ногу, — нет больше бригады, ну, бригады Томми.

— Ясно, — ответил Мэтт. — А что есть?

— Ты что дерзкий такой? Ты кем себя возомнил, су...

Мэтт принял решение, что ему будет проще разговаривать только со здоровяком. Он рванул обмякшего паренька влево, освобождая пространство перед собой, и всадил две пули в грудь тощего, сразу же обратно прикрывшись заложником.

— Много текста не по делу, — сказал Мэтт здоровяку. — Я так понимаю, ты старшим был в вашем маленьком отряде, а это так, шестерка. Правильно?

Стрелок кивнул.

— Так кто у вас тут за главного?

— Не положено нам говорить со всякими...

— С кем? — Перебил Мэтт.

Стрелок замялся.

— Значит так. Сейчас ты пойдешь со мной, понял? — Спокойно сказал старый командир. — Пацана оставим тут, сам перевяжется, понял?

Стрелок молчал.

— Поворачивайся спиной. И помни, мразь, что я в армейской броне, — продолжил он, — а значит, убежать от меня не получится. Повалить меня на землю и отобрать пистолет не получится. Оглушить меня не получится. Если мне покажется, что ты лишний раз пошевелил пальцем, больше вообще шевелиться не сможешь, уяснил?

Стрелок молча кивнул в ответ.

— Вот и славно, — сказал Мэтт. — Бросай ствол подальше, поворачивайся спиной и на колени.

Мужчина все так же стоял на месте, раздумывая, что делать.

— Быстро я сказал! — Закричал на него Мэтт, — ей богу, пристрелю и тебя, и парня.

Слова Мэтта возымели эффект: мужчина отбросил на десяток метров от себя винтовку, повернулся к командиру спиной и опустился на колени. Мэтт отпустил парня, находившегося уже в полуобморочном состоянии, и подошел к мужчине. Уперев пистолет в спину стрелка, Мэтт прохлопал лохмотья нападавшего

на наличие оружия, достал и выбросил нож и старый, довоенный револьвер. Шансы на то, что он все еще может стрелять, были не велики, но рисковать ему не хотелось.

— Вставай, пошли, — сказал Мэтт.

Паренек лежал на земле, медленно истекая кровью. Перевязать самого себя он вряд ли уже сможет, слишком много крови потерял — по всей видимости, вторым выстрелом зацепило артерию.

Старому командиру было все равно. Не он напал первый.

— Шагай давай, — сказал Мэтт стрелку подтолкнув мужчину в спину рукой, в которой держал гранату. Пистолет он держал, согнув руку в локте и прижимая ее к собственному боку, чтобы мужчина не имел возможности резко повернуться и ухватиться за ствол — с такой дистанции Мэтт не промахнулся бы, даже если бы стрелял из-за головы в прыжке.

Мужчина молча двинулся вперед. Так они прошли через Гетто к дому, где осталась Мелисса с Оливером.

Женщина встретила их у входа в здание.

— Как догадалась? — Спросил Мэтт.

— Ты очень громко думаешь, командор Мэтью, — ответила она.

— Да ладно?

— Ага. А кто это с тобой такой? — спросила Мелисса.

— Наш невольный информатор, но нужна твоя помощь.

— Покопаться?

— Пусть сначала сам скажет, что знает, а ты убедись, что не врет.

— Хорошо, — согласно кивнула женщина.

Мэтт обошел пленника, все еще держа в руке пистолет, и встал рядом со своей спутницей.

— Ну что, горе-стрелок. Рассказывай, кто тут теперь главный.

Мужчина помялся с ноги на ногу, бросил взгляд сначала на Мэтта, потом на Мелиссу, понял, что деваться некуда, и заговорил:

— Ну, это, того, сначала все плохо было. Ну, как это, после того, как армейские собаки... — Он еще раз взглянул на броню, в которую были одеты Мэтт и Мелисса и, вздрогнув, продолжил, — после того, как солдаты тут все разгромили. Большой Томми пропал, Сиплого Джо никто еще до атаки не видел. — Мужчина замолк, раздумывая, что же ему сказать двум незнакомцам в армейских костюмах.

— Давай к сути, — раздраженно сказал Мэтт. — Кто теперь в Гетто главный?

— Ну, это, Босс сейчас главный.

— Босс? Что за Босс? — Спросил Мэтт.

— Ну, это мы так его называем. Ну, а так кличут его Большой Босс, — ответил мужчина. — Мы все так должны его называть. Он теперь заправляет всем в Гетто.

— Понятно, — сказал Мэтт. — Мелли?

— Не врет. И я знаю, куда нам идти.

— Хорошо. С остальным разберешься? — С намеком спросил старый командир.

— Э! — Подал голос «стрелок». — Вы че тут удумали уже? Что значит «разберешься»?

— Да, — ответила Мелисса, — разберусь.

— Хорошо, не уходи далеко, я буду с Оливером, —

сказал Мэтт.

— Окей, скоро вернусь.

«Стрелок» больше ничего не издал ни звука — Мелисса сразу же, как только они с Мэттом подошли к дому, перехватила контроль над его телом.

Мэтт подождал, пока Мелисса и их информатор скроются за поворотом дома, убрал пистолет в карман куртки и достал припасенную чеку — рука, в которой была зажата все это время граната, давно свело судорогой, и болела она так, что, казалось, сейчас отвалится.

Он аккуратно вставил чеку на место, спрятал гранату в другой карман, снял растяжку на лестнице и поднялся в квартиру, где они с Мелиссой оставили Оливера.

Его старый друг выглядел плохо. Даже во сне, после всех уколов, что не так давно сделала ему телепат, он был в холодном поту, а лицо приняло серо-землистый окрас.

Оливер умирал, ему срочно нужен был врач.

Глава 15

— Мелисса, закрой дверь.

Женщина молча выполнила указание Мэтта и, приложив некоторые усилия, захлопнула огромную стальную дверь бункера, где они находились.

— Садись, Биг Босс, — с отвращением произнес Мэтт, — сейчас мы будем беседовать.

— Я не знал, что это...

— Молчать, — отрезал Мэтт. — Мелли, будь так добра, свяжи этого ублюдка. Я не хочу, чтобы ты напрягалась.

Мелисса как раз закончила проворачивать вентиль, который наглухо закрывал дверь помещения, бывшего когда-то банковским хранилищем. Умельцы из бригады перевесили дверь по приказу еще прошлого командира, который был до Томми, и превратили достаточно просторную комнату в своеобразный бункер, в котором, в случае чего, можно было укрыться. Второй выход из бункера был сейчас завален, не выдержал последнего рейда столичного гарнизона, который сравнял Гетто с землей.

Закончив с дверью, Мелисса последовала указанию старого командира, взяла с земли тонкий металлический трос и направилась к мужчине, называемого Большим Боссом.

— Трос? — спросил Мэтт.

— Веревок я тут не вижу, командор.

— Ладно, — ответил мужчина. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Босс смирно сидел на стуле, стараясь не делать

лишних движений, бункер теперь закрыт изнутри, на помощь ему не придут.

Перед его глазами еще стояли картины того, что может сделать эта парочка, если их разозлить.

А объявив за головы Мэтта и Мелиссы награду, Биг Босс их здорово разозлил. И вот теперь, спустя всего несколько часов, дичь сама пришла к охотнику. И это была очень опасная и очень озлобленная дичь.

Пока пленник размышлял о своем будущем, Мэтт заприметил дыру в стене, в которой услужливо виднелась арматура. Потянув за нее, чтобы убедиться, что конструкция стоит прочно, он рванул Большого Босса со стула и припер его спиной к стене.

— Маловат будешь, ну да ладно, — сказал сам себе Мэтт. — Мелли.

Женщина молча подошла и протянула командиру полутораметровый обрезок троса. Мэтт, демонстративно насвистывая, сделал из него петлю.

Мужчина нерешительно наблюдал за тем, что делает старый командир. Мэтт жестом указал ему развернуться, сложил руки пленника за спиной и продел их в петлю. Затянув потуже, он обернул трос восьмеркой вокруг запястий пленника, над петлей, и после резко потянул свободный конец на себя и вверх. Человек, называющий себя Биг Боссом, вскрикнул от рывка, усиленного, ко всему прочему, боевой броней, и согнулся в три погибели, стараясь как можно выше поднять руки и ослабить давление на плечевые суставы.

Мэтт удовлетворенно посмотрел на позу, в которой застыл его пленник, а после намертво привязал трос к арматуре, торчащей из стены.

— М-да, — сказала себе под нос Мелисса, — такого

я еще не видела.

— Ну, за неимением альтернатив пришлось импровизировать, — ответил ей Мэтт. — Конечно, стоило бы этот мешок дерьма подвесить под потолком, как боксерскую грушу, но и так сгодится. Как думаешь?

— Думаю да, — ответила спутница Мэтта. — Сгодится.

Биг Босс пыхтел от натуги. Арматура, к которой привязал второй конец троса Мэтт, находилась на высоте почти двух метров, не меньше. Стоял Босс к стене не вплотную, но сделать даже шаг назад он не решался — если потеряет равновесие, был велик риск того, что он выломает себе плечевой сустав, а, возможно, и оба сразу. В нынешней ситуации в Гетто это было сродни приговору. Хотя он вообще не питал иллюзий насчет своего будущего — командир Мэтью и эта загадочная особа, которая сражалась вместе с ним, вряд ли оставят его в живых.

В это время Мэтт, прогуливаясь по комнате, шевелил мусор под ногами носком ботинка. Босс не видел этого, максимум, что было доступно его взору — ноги женщины, которую командир Мэтью называл Мелиссой. Но слышал он все отчетливо.

Спустя минуту шум разворачиваемого мусора стих — Мэтт нашел, что искал. Он присел на корточки и извлек кусок бетона, с торчавшей из него арматурой. Костюм на руках Мэтта все еще был переведен в режим рукопашного боя и командир двумя мощными ударами «кастета», наращенным броней на его правой руке, освободил сталь из бетонного плена.

Он покачал прутom вверх-вниз, как бы оценивая, достаточно ли тот тяжел для задуманного.

Удовлетворенный своей находкой, Мэтт развернулся, пересек помещение, взял стул и уселся на нем задом наперед, сложив руки на спинке и положив на них подбородок.

— Ну что, Биг Босс, побеседуем? — Спросил он пленника и потыкал в него арматурой. — Знаешь, твое лицо мне знакомо. Я видел тебя, когда был здесь в последний раз. Ты был одним из информаторов Томми, так?

Биг Босс попытался поднять голову и посмотреть на старого командира, но у него ничего не вышло — трос был слишком коротким.

— Да, был.

— Да, сэр.

— Что? — Не понял пленник.

— К людям, которые могут воткнуть тебе в ухо кусок арматуры, нужно обращаться «сэр», понятно?

Биг Босс молчал.

— Я не слышу! — Повысил голос Мэтт.

— Да, — пленник сделал паузу, но продолжил, — сэр. Я понял.

— Отлично. — Мэтт поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. — Так вот, Биг Босс, — кличку нового главаря гетто Мэтт не сказал — выплюнул, выражая все презрение к людям такого сорта, на которое он был способен, — мы думали прийти к тебе сами, с миром, так сказать, но ты решил показать, какой ты крутой. Ты крутой, Босс?

Пленник промолчал.

— Не думаю, что ты крутой, — продолжил Мэтт, — не может быть крутым человек, который жизнь прожил под кличкой «Мелкий».

Называющий себя «Большим Боссом» от последних слов Мэтта вздрогнул, но попытался не подать вида.

— Ну и как тебя угораздило из Мелкого стать Большим Боссом, а? — Продолжил Мэтт. — Чего молчишь? Язык проглотил?

Старый командир тяжело поднялся со стула, подошел к привязанному к стене мужчине и, коротко замахнувшись, ударил его арматурой под колено. Пленник взвыл и чуть было не потерял равновесие, но на ногах удержался.

— Что такое? — Ледяным тоном сказал Мэтт. — Мы только начали нашу беседу.

Следующий удар пришелся по ягодицам. Мелкий заскулил, как собака — Мэтт не сдерживался и позволял броне усилить его движения. На брюках мелкого стала проступать кровь — арматура рассекла ткань и кожу на его заднице.

Мелисса молча наблюдала за действиями старого командира, но никак не вмешивалась. Ему было виднее.

— Пожалуйста, командор Мэтью, не надо! — Захлебываясь соплями провыл Мелкий. — Я все вам расскажу, я все вам расскажу!

Мэтт был непоколебим.

— Конечно расскажешь, — он еще раз ударил арматурой, теперь по спине Мелкого, — вот только поможет ли тебе это?

Еще удар. Крик.

— Командор Мэтью, пожалуйста!

Мэтт схватил Мелкого за грязные, спутанные волосы и рванул его голову вверх с такой силой, что, казалось, он ломает пленнику шею. Однако, Мелкому повезло — его шея выдержала.

— Значит так, — начал командор, — меня не интересуют ни твои делишки, ни то, что ты можешь мне предложить. Меня интересует только одно — выжил ли бригадный врач во время штурма?

Мелкий, весь в слезах и с красным от напряжения лицом всматривался в лицо старого командира, пытаюсь понять, сумеет ли он сохранить себе жизнь, если поможет ему, или нет.

— Ты же слышал о Стальном Генерале, Мелкий? Ты же и брал его, тогда, с месяца два назад, на его квартире. Знаешь, что Стальной генерал делал с дезертирами и пленными, которые отказывались говорить? — Мэтт прижал острый конец арматуры к шее Мелкого, там, где проходит артерия. — Он их пытал. У нас, когда война была еще в разгаре, даже инструмент для этого был специальный. Боже, как они кричали, Мелкий, как они кричали. Один здоровяк орал сутки кряду, пока Оливер ломал ему кость за костью — тот знал, когда будет следующая атака, во всяком случае, мы так полагали. — Старый командир убрал арматуру, отпустил волосы пленника и присел перед ним на корточки, заглядывая Мелкому в лицо снизу вверх. — А знаешь, кто его всему этому научил? — Мэтт покрутил в руках стальной прут. — Я, Мелкий. Я научил Оливера пытать людей. Как научил его бриться, пить, и не связываться с сифилисными девками. Оливер мне как сын и лучший друг одновременно, Мелкий, поэтому я сохранил ему, дезертиру, жизнь. И сейчас моему другу нужен врач. Так что отвечай мне и живо. Бригадный врач выжил?

Кровь из рваных ран на ягодицах стекала по ногам Мелкого. Рук он уже не чувствовал, так они затекли, а в

голове, как пойманная в силки птица, металась только одна мысль: «Я должен что-нибудь сказать! Я должен ему что-нибудь сказать!»

— Командор Мэтью, может мы смогли бы... — начал пленник.

— Ты не понял? — Мэтт схватил Мелкого за нижнюю губу и, сжимая ее между большим и указательным пальцами, начал выкручивать против часовой стрелки. Мелкий закричал от боли. — Где. Бригадный. Врач?

— Он погиб! Погиб! Сдох ваш врач! Еще во время штурма сдох!

Мэтт отпустил губу Мелкого, встал на ноги и немного размялся.

— Ладно, Мелли, есть там кто за дверью? Проверь. Нам пора.

Мелисса молча кивнула и, закрыв глаза, стала «прислушиваться» к тому, что происходит снаружи. Мэтт же повернулся обратно к Мелкому, отбросил арматуру и, застыв на секунду, как бы прицеливаясь, сцепил руки в кулак и занес их над головой. Он собирался одним ударом в основание шеи сломать этому ублюдку позвоночник, либо просто обе руки разом. В любом случае, Последствия такого удара даже для более крепкого мужчины, чем Мелкий, были бы смертельны. Не сейчас — так потом.

Мелкий видел движение тени на стене и осознав, что сейчас на его спину или голову опустится кувалда под названием руки старого командира, заверещал как свинья:

— Пойдите! Пойдите! Есть врач! У меня есть! Есть врач!

Мэтт замер с поднятыми руками.

— Откуда же? Бригадный мертв, сам сказал.

Мелкий всхлипнул, потряхнул головой и продолжил:

— От вояк пришел заказ! Есть у меня там друзья! С пару дней назад одного старика из столицы похитили с ребятами! Я лично на дело ходил! Командор, я не знаю, кто он, но клянусь, он откликнулся на «доктора»! Командор Мэтью, пожалуйста, не надо!

— Мелли? — Мэтт, подняв бровь, кивнул женщине на пленника. — Проверь. Можешь не церемониться.

Женщина почти мгновенно ворвалась в сознание человека, горделиво называющего себя Биг Боссом. Сминая и круша то, что не представляло для них интереса, она выудила необходимые воспоминания и информацию.

— Не врет. Я знаю, где его держат, — сказала она Мэтту как закончила.

— Хорошо, спасибо, — ответил ей старый командир. — Ну что же, — теперь он обращался к Мелкому, — нам пора.

— Вы меня отпустите, правда же? — Пролепетал Мелкий.

— Нет, — сказал Мэтт, поднял руки, сцепленные в замок, и со всей доступной ему силой опустил их на шею Мелкого.

* * *

Майк Ивор не понимал, где он находится. Когда хирург открыл глаза, перед ним была только серая, старая, обшарпанная стена с кусками не то обоев, не то какой-то наскальной живописи его предшественников,

если они тут и вправду были. Понять, что было не так со стеной, не позволяло весьма скудное освещение — свет проникал в комнату только через узкое горизонтальное окно-бойницу под самым потолком.

Одна из пружин матраца, на котором лежал Ивор, больно впивалась в бок. Старый ученый попытался поерзать на месте, разминая затекшие конечности, однако понял, что тело до сих пор ему не принадлежит — все его попытки закончились только неуверенными рывками рук, ноги не слушались вовсе.

«Что произошло?» — спрашивал себя Ивор. Последнее, что он помнил — беседа с Харрисом, а потом — тьма. Через минут десять судорожных попыток выудить хоть что-то из своей памяти, Ивор вспомнил, как поднимался по лестнице дома на свою старую служебную квартиру. Он вспомнил мужчину, назвавшего его «доктором», а после все — темнота.

Более-менее придя в себя спустя некоторое время, Майк Ивор кое-как сел на старом матраце, хотя удобного в этом было мало — колени были почти на уровне подбородка, так как матрац просто лежал на земле, о каркасе под ним не было и речи — и начал беглый осмотр себя и помещения, в котором очнулся. Пока хирург и не пытался встать — ноги он все еще чувствовал плохо.

Комната два на три, матрац под его тощей старческой задницей, ведро в углу и окно-бойница, вот все, что было ему доступно. Одежда на хирурге осталась та же, что и в день встречи с Харрисом, но плащ был безнадежно испорчен: он помялся, был грязным, а на правом плече Ивор нащупал немалую по размерам дырку — по всей видимости, когда его,

бессознательного, волокли сюда, плащ за что-то зацепился или просто пошел по шву. Или старая ткань не выдержала, сейчас это было не так уж и важно.

Спустя некоторое время в камере, иначе помещение назвать язык не поворачивался, стало светлее. Насколько понял мужчина, причина была довольно прозаична: очнулся он на рассвете, сейчас было ранее утро. Но день вступал в свои права, а вместе с его наступлением, что логично, становилось и светлее. Майк ожидал, что кто-нибудь придет к нему, будет пытаться задавать вопросы или еще что-то, но за дверью было подозрительно тихо.

Это была хорошая, добротная дверь. Убедившись в том, что никто не стоит за ней в карауле, Майк попытался выбить ее несколькими ударами ноги, держась при этом рукой за стену, однако, его попытки привели только к рождению гулко-го эха, волнами прокатывающемуся по комнате и, по всей видимости, по коридору за самой дверью. О побеге через узкое окно-бойницу под потолком не могло даже идти и речи, слишком узкое оно было для такого крупного мужчины, как Майк Ивор. Строго говоря, пролезть в него сумел бы только ребенок лет десяти, не больше.

Время тянулось, подобно старой, загустевшей краске, которую безалаберный маляр оставил на жарком летнем солнце, а после, спохватившись, пытался привести в чувство. В таких случаях маляры используют растворитель, но ничего похожего на его аналог в камере Ивора не было, а размышления о его дальнейшей судьбе, которые нет-нет, да и одолевали старого хирурга, не придавали ни сил, ни оптимизма, ни помогали скоротать время в камере.

Так прошел день, а за ним ночь. Ивор был голоден, его мучила жажда, а от ведра, в которое ему все же пришлось справить нужду, ощутимо разило. По уму, его стоило чем-нибудь прикрыть, например, чем-нибудь из одежды, за неимением альтернатив, но погода за окном давала о себе знать, поэтому Ивор решил пренебречь удобствами ради сохранения тепла и здоровья — в его возрасте любая простуда могла иметь тяжелейшие последствия.

По подсчетам Ивора он провел в камере не меньше двух суток. Старик старался как можно больше спать, чтобы минимизировать расход энергии, но время от времени ему все же приходилось вставать со старого матраса, который служил ему кроватью, и вышагивать из одного угла камеры в другой, стараясь разогнать кровь по телу и хоть как-то согреться.

«Съесть бы сейчас чего горячего, насколько легче бы было. Или выпить чаю, или, хотя бы, воды. Много бы я сейчас отдал за стакан воды» — подумал как-то старик, пытаясь набрать хоть немного слюны, чтобы смочить пересохшее горло. От нехватки жидкости дико болела голова. Сверху накладывалась интоксикация от той дряни, что ему вкололи там, в подъезде дома. Но ничего не попишешь, рано или поздно, кто-нибудь явится сюда, чтобы, как минимум, казнить его за измену.

На третьи сутки Майк сквозь сон услышал за дверью шаги. А вот и палач.

Сделав над собой не дюжее усилие, старик встал, отряхнул брюки и поправил плащ, в который кутался, в попытках сохранить тепло.

Шаги двух пар ног замерли напротив его двери — в

постоянной тишине слух Ивора обострился. Неизвестная пара, а в этом старик был уверен железно, что там именно двое, а не трое, четверо или всего один человек — двое, на полминуты притихла, а после добротную металлическую дверь сотрясла серия мощных ударов. Казалось, в дверь ломится чудовище или ее пытаются выбить при помощи кувалды.

Через четыре очень долгих и жутких для Ивора удара все стихло, а дверь, слегка покосившаяся, со скрипом открылась вовнутрь, опрокинув при этом отхожее ведро.

* * *

После штурма «резиденции» Биг Босса, который на поверку оказался всего-то барыгой-Мелким, Мэтт и Мелисса вернулись в дом, где в спешке оставили Оливера.

Их товарищ все еще был жив. Мелисса поставила уколы антибиотиков и «боевого», а Мэтт сменил батареи костюма — рукопашный режим высушил старые почти досуха, в последние полчаса пути заряда еле хватало на поддержание формы, а о защите от огнестрельного оружия не было даже и речи.

Мэтт прикрыл глаза и вспомнил события последних двенадцати часов. Убитый им парнишка, убитые мародеры, а потом, спустя всего несколько часов после его возвращения, когда на поиски остатков бригады ушла на этот раз Мелисса, возле дома, где они остановились, началось смутное движение. Мэтт вспоминал, как прислонил к стене над Оливером старую дверь, стараясь укрыть раненного от осколков и чужих

глаз, как схватил карабин и рванул на улицу — это был штурм.

Мэтт, будто заботливая птица-мамаша отвлекал внимание хищников на себя, уводя прочь от «гнезда», где без сознания, терзаемый жаром и воспалением, лежал его друг и боевой товарищ.

Патроны заканчивались слишком быстро, но подросла Мелисса, с ней стало проще. Мэтт отдал винтовку ей, включил еще незнакомый ему режим «рукопашного боя» на броне и они стали прорываться вперед — к штабу Биг Босса, ведь именно он объявил награду за головы тех, кто расправился над тремя его «скаутами».

«Броню создал какой-то больной психопат» — подумал Мэтт, когда увидел, что происходит с костюмом в этом режиме. Воротник, будто живой, поднялся выше, закрыв шею и подбородок, вплоть до ушей. В районе костяшек, броня собралась в плотные острые клинья, на подобие кастетов, а на внешней стороне рук появились острые, но мелкие зубцы, больше похожие на пилу. На коленях также появились шипы, а пила спереди — в районе голени. В целом, изменения были минимальны, но теперь Мэтт мог «голыми» руками крошить черепа и оставлять рваные, смертельные раны или разрывать бронежилеты.

Мэтт перебирал их припасы в поисках каких-нибудь тряпок. Ему нужно было протереть костюм, потому, что почти весь он был в пятнах чужой крови, а броня на руках и вовсе приняла равномерный багровый отлив.

— Как он? — спросил он Мелиссу, когда уже почти закончил вытирать кровь. Пятна оставались, но теперь он, хотя бы, был не таким грязным.

- Пока жив, но нам нужно снова идти. Нужен врач.
- Ясно. Давай поедим быстро и пойдем.
- Да.

Старый командир отбросил окровавленную тряпку, неведомо кому до этого принадлежавшую, которую до этого нашел в углу, и полез в другой рюкзак, в поисках сухих армейских пайков, ругаясь на темноту. Наскоро, обжигаясь, они поели, прикрыли горящего в лихорадке Оливера дверью, организовав ему «шалаш», как это сделал перед боем Мэтт — решение было вполне удачным и велосипед выдумывать не стали, и вышли наружу.

Светало.

— Сколько нам идти? — спросил Мэтт.

— Час, может чуть больше. В принципе, тут не далеко. — Ответила Мелисса.

Старик на секунду задумался.

— Ладно, давай быстрее, броня слишком бросается в глаза.

Когда уже совсем рассвело, они были на месте. Здание охраняло всего трое бойцов, с которыми Мелисса расправилась без труда — им не нужен был лишний шум. Они спустились на цокольный этаж, и отправились на поиски нужного им помещения. Мелисса была убеждена, что врач, о котором говорил Мелкий, находится где-то здесь.

— Я увидела в голове этого подонка еще кое-что. — Тихо сказала женщина. — Он должен был передать этого человека военным сегодня вечером, так что нам очень повезло, в своем роде, что на нас была объявлена охота. Приди мы с миром, возможно, никогда бы не узнали о его существовании. Мелкий очень боялся

заказчика похищения.

— Все что ни делается, делается к лучшему, — философски ответил Мэтт. — Пойдем, Мелли, я беспокоюсь за Оливера.

Женщина молча кивнула в ответ и они продолжили поиски.

Возле одного из поворотов коридора Мелисса на секунду замерла, а после жестом указала на него Мэтту.

— Сюда, я его слышу.

Старый командир молча двинулся за своей спутницей, которая теперь шла первой. С каждым шагом двигалась она все более и более уверенно, так как чувствовала, что они приближаются к своей цели.

Возле очередной двери Мелисса остановилась, а Мэтт увидел, что снаружи она заперта на мощный навесной замок. Молча обойдя женщину, он потянулся, пару раз вдохнул-выдохнул поглубже и обрушил удар руки-кастета на петлю. Дверь выдержала, но крепление погнулось. Спустя еще несколько ударов петля, в которую была продета дужка замка, не выдержала и вывалилась из крепления в стене. Мэтт схватился за ручку и толкнул вперед дверь, которая со скрипом, но открылась.

Перед ними, в маленькой, дурно пахнущей комнате, стоял крупный, мощный старик в когда-то светлом и аккуратном, а теперь грязном и порванном плаще. Возможно, он был ровесником, а то и старше самого Мэтта. Держался мужчина с ледяным спокойствием, но Мелисса ощущала тщательно скрываемый страх, который исходил от него. Освещение в комнате было препаршивым, как, собственно, и в коридоре, который только кое-где освещался пробивающимися сквозь

трещины в стенах лучами холодного осеннего дня, поэтому разобрать больше деталей не представлялось возможным. Первым заговорил Мэтт:

— Доброго дня, сэр. Мы тут ищем одного человека, медика.

— Кто вы? — Спросил старик. Мэтт все еще стоял за дверью и ни его, ни лица Мелиссы видно не было. — Вы из армии?

Мэтт на секунду не понял, с чего были сделаны такие выводы, но тут вспомнил, во что был одет.

— Нет, сэр, не из армии. Вы врач? Может быть хирург?

— Не из армии? — Повторил следом за Мэттом мужчина. — Да, я хирург. — Ответил он после секунды раздумий. — Позвольте представиться. Доктор Майкл Ивор.

Мелисса вздрогнула. Ивор сделал два шага вперед.

— А с кем имею честь общаться я? — Спросил он.

— Командир сил сопротивления, — ответил Мэтт, протягивая хирургу руку, которую тот без раздумий крепко пожал, — Мэтью Харрис. Можно просто Мэтт.

Глава 16

— Вставай, жалкий ты кусок дерьма!

Олли получил чувствительный удар по ребрам еще до того, как успел открыть глаза. Его командир, Стью — именно его ботинок повстречался с ребрами парня — нависал над ним, будто скала, и орал что есть мочи:

— Ты думаешь, тебя тут за даром кормят?! Мы выдвигаемся через час, понятно?!

Стью был мерзким малым. Всего на пару лет старше, этот сын продавца бытовой техники и районной шлюхи мнил себя Господом Богом, хотя старшие всего-то поручили ему присматривать за молодняком. Но Стью, как человек маленький и, соответственно, ума не слишком далекого, пользовался своей властью настолько, насколько позволяли ему негласные правила лагеря. А правила эти гласили: «Все ради свободы, все ради сопротивления!». Поэтому, с присущим маленьким людям ожесточенным рвением, Стью «оттягивался» «ради сопротивления» на своих подопечных, как мог.

Олли никогда не любил эту туповатую кричалку, которая неслась из глотки каждого зазывалы, работающего за банку рыбных консервов и жесткую лепешку с песком вместо муки, и завлекающую все новых и новых людей в их и так переполненный лагерь.

— Я два раза повторять не буду! — Стью стал снаружи, у входа в палатку, подбоченился и всячески старался этой позой показать, насколько он важен по сравнению с Оливером.

— Иду-иду, дай штаны на задницу натянуть...

Олли нехотя вылез из-под тряпок, служивших ему

одеялом, и потянулся за старыми потертыми штанами, лежащими в ногах. Он так и не смог отделать от этой вредной, учитывая нынешние времена, привычки — раздеваться перед сном.

«В одежде спят только бомжи!» — твердила его покойная матушка каждый раз, когда заставляла его в постели в том виде, в котором он сбежал утром из дома. Сейчас мать была мертва, но ее слова прочно засели в голове парня, поэтому он при каждой возможности избавлялся хотя бы от брюк.

По субъективным ощущениям Оливера спать раздетым было и в правду приятнее, плюс ко всему — гигиеничнее. Но вот такие моменты, как этот, со Стью, очерняли весь его позитивный опыт. Сейчас «старший над младшими» смотрел на него как на идиота.

— А если атака, ты что, с голым задом пойдешь?

— Стью, отвали. — Огрызнулся Оливер, уже затягивая ремень.

— Да как ты со мной разговариваешь, щенок! — Сын продавца бытовой техники и районной шлюхи уже наклонился, чтобы опять ввалиться в палатку подопечного, но в этот момент лагерь накрыл минометный огонь. Один из снарядов разорвался прямо рядом со Стью, превратив того в наполовину кровавое, а наполовину обугленное месиво.

Накрыло и палатку Оливера. Парень упал на спину и стал захлебываться собственной кровью, стремительно наполнявшей пробитые осколками и сломанными ребрами легкие.

«Ну вот и все», — подумал он...

— Командир! Командир Оливер! Время! — громкий шепот вкупе с тряской за плечо вырвали Оливера из

тяжелой дремы, в которую он погрузился всего несколько часов назад.

Пробуждение было тяжелым, сродни похмельному. Он рывком сел, неслабо напугав бойца, который его будил, и дезориентировано провел руками сначала по груди, а после и по лицу, которое в его сне посекло осколками.

Оливер хорошо помнил тот день, который ему приснился. Они были на марше и попали в засаду. Тогда и вправду по ним работали армейские минометы, без разбора превращая бойцов, рекрутов, женщин и детей в фарш. Но это было после полудня, а не утром. Станный сон.

— Командир, разрешите доложить. — Боец уже вскочил на ноги и вытянулся перед Оливером по струнке.

Слава Стила неслась впереди него. Беспринципный, молодой и жестокий командир, выполняющий любые приказы и задания всеми доступными методами, а теперь еще и вхожий в штаб, он внушал некоторым молодым солдатам благоговейный страх.

— Докладывайте. — Он уже поднялся на ноги и отряхивал траву с куртки, на которой устроился вздремнуть перед операцией. Разведка несколько дней назад сообщила, что с юга в сторону Столицы под конвоем идет колонна. Там могут быть инженеры, оборудование или просто оружие — что-то из того, чего так сильно не хватало сейчас правительству и армии для строительства нового города, который, по планам, станет крепостью.

— К югу замечена автомобильная колонна, сэр. Двигается со средней скоростью. По прикидкам

разведчиков будут здесь через двадцать минут.

— Саперы успели закончить?

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Свободен.

Оливер перехватил свой выдавший виды Кольт М4, который так и не успел поменять в арсенале на что-то более приличное после своего повышения, зачем-то проверил, заряжен ли подствольный гранатомет — он делал это всегда, потому что именно это «излишество», как называли его многие другие бойцы и командиры, не раз спасало ему жизнь в сложных ситуациях — и двинулся к дороге, где его бойцы устроили засаду.

Как сто, как двести или тысячу лет назад, засада была устроена у поворота, среди лесополосы. Саперы еще несколько часов назад заложили фугасы, чтобы подорвать головную машину колонны, а каждый боец знал свое место и задачу.

— Майки, подойди. — Оливер окликнул единственного черного парня в его отряде. Во время этнических чисток за ними развернулась настоящая охота со стороны армии. Майк выжил и даже дослужился в сопротивлении до сержанта, что не нравилось многим, но не Оливеру: главное — исполнительность, а кожа может быть хоть фиолетовой.

— Все на местах?

— Да, сэр, так точно, сэр. — Затараторил сержант.

Оливер поморщился. Он уже устал делать замечания Майку и просить его говорить медленнее, особенно когда тот докладывает, но сейчас на препирательства и воспитание бойца, старше его самого, ко всему прочему, не было времени.

— Что по составу колонны?

— Сама колонна состоит из дюжины-полтора «эмок», сэр. На таране двадцать восьмой «Страйкер», за ним еще две двадцать семерки или шестерки, точно не разглядели. Между «эмками» штуки три RG-33, на щите идет еще пара «Страйкеров», но не двадцать восьмые, шестые или седьмые.

— Что по RG? Укомплектованы?

Сержант перемялся с ноги на ногу.

— Так точно, сэр. На каждом по станковому M2 или модификации. Сумерки, сэр, плохая видимость.

— Сколько у них бойцов?

— Две-три дюжины, больше в RG не засунуть. Ну и пара-тройка бойцов на броне.

Оливер на секунду задумался, прикидывая возможное развитие событий.

— Так. Первыми начинают подрывники. Дальше все как обычно: заградительный огонь, гранаты, зачистка. Только Бога ради, никакого дыма на этот раз, хорошо? Я хочу взять эти грузовики, думаю, там оружие. А вот гранаты и патроны не беречь. Все, кто сумеет выйти из тридцать троек должны очень быстро стать покойниками. Понятно? — Оливер внимательно посмотрел в черные, глубоко посаженные глаза сержанта.

— Я понял вас, сэр, никакого дыма, гранаты не беречь.

— Хорошо, иди, доведи до сведения.

Сержант что-то пробурчал в рацию, закрепленную на разгрузке, после крутанул на носках и, придерживая автомат на плече, легкой рысью двинулся в заросли кустарника. Буквально за пару мгновений его огромная спина растворилась в листве, будто он пошел

не на обход позиций, а просто испарился в воздухе.

Спустя пятнадцать минут из-за поворота появился первый «Страйкер», бодро шедший на скорости в миль тридцать-тридцать пять. В некотором отдалении от него показались еще два колесных БТР с бойцами на броне, а после уже вытянулась и колонна, кое-где перемежаемая «тридцать тройками».

— Питер, все готово? Прием. — Оливер отпустил рычаг своей рации, ожидая ответа.

— Так точно, командир. — Прохрипело из динамика.

— Тогда начинайте сами, без команды.

— Принял.

Оливер знал, что подрывникам лучше самим решать, когда и как взрывать, поэтому в это он не лез. Сам же он пока расположился у корней одного из деревьев на небольшом холмике, рядом с пулеметчиком.

— Когда подорвут таран, твоя задача выкосить солдат на броне, ты понял?

— Да, сэр. — Боец перепроверил, крепко ли стоит его M240 на сошках и положил руку на приклад. — Все будет в лучшем виде, сэр.

— Отлично.

Заряда, заложенного саперами, хватило бы, чтобы подорвать даже танк, который Оливер очень не хотел, но все же опасался встретить на таране колонны. Поэтому у легкого колесного «Страйкера» не было ни единого шанса. Взрыв разворотил машину, которая по инерции проехала еще несколько десятков метров.

В целом, все прошло гладко. Его бойцы как по команде забросали остановившиеся, и уже открывшие десантные люки RG-33, гранатами, а стрелки сняли станковых пулеметчиков за «Браунингами».

Небольшие проблемы возникли только с парой водителей и щитовым «Страйкером», но и с этим бойцы сопротивления разобрались. Как только стрельба стихла и зачистка колонны была окончена, Оливер подошел к одному из грузовиков и отбросил в сторону брезент, закрывающий кузов.

На полу лежали люди. Некоторых убило во время перестрелки шальной пулей, кому-то повезло больше. Присмотревшись, Оливер понял, что внутри были только женщины, дети и старики.

«Твою мать!», — подумал он. — «Это еще что такое?! Где оружие?! Где припасы?!»

Он поднял ствол своей М4:

— А теперь живо говорите, что вы тут делаете.

— Командир! Тут люди! Никакого оружия!

— Знаю! — Рывкнул в ответ Оливер. — Выгружайте их! А вы, — теперь он обратился к тем, кто находился в машине перед ним, — отвечайте давайте! Кто такие?! Живо!

Одна из женщин подняла голову и, внимательно посмотрев на него, заговорила:

— Мы ехали в столицу. — Она сделала долгую паузу, бросила взгляд на карабин и дисковый магазин, а после через силу добавила, — сэр.

— Почему вас везли так, будто бы тут полные фургоны оружия?

Ответа не последовало.

— Вылезайте! Давайте! Живо!

На выгрузку оставшихся в живых и раненых ушло всего пара минут. Дорога наполнилась гулом и детским плачем, стоя на коленях под дулами автоматов, старики молча, с ненавистью смотрели на бойцов

сопротивления, женщины плакали и прижимали к себе детей.

— Что будем делать, командир? — Это был сержант. Оливер еще раз окинул взглядом толпу, взятую в неплотное кольцо.

— Бойцы! Построиться! — Рывкнул Оливер.

Сержант поменялся в лице. Он знал, что будет дальше.

Оливер же подошел к толпе и заговорил, громко и четко, чтобы каждый его услышал:

— Всем лечь на землю! Лицом вниз, руки на затылок! — После того как основная масса пленных выполнила указание, он дождался, пока женщины уложат детей, прижимая их головы к земле, и продолжил:

— По законам военного времени вы признаетесь виновными в содействии преступной армейской хунте, захватившей власть в стране, и проговариваетесь к смерти. — Над дорогой повисла тишина, нарушаемая редкими всхлипами женщин.

— Командир... — Шепнул Оливеру на ухо Майкл. — Командир, тут же только женщины и дети да пара полуслепых стариков, командир!

— Да, сержант, — Оливер отвечал громко, чтобы его слышали все, — тут только женщины и дети. Сестры, жены и будущие матери солдат преступного режима! Это война и они были бы рады увидеть каждого из нас в могиле! Выполняйте приказ!

Сержант не двинулся с места.

— Хорошо. Пусть будет так. — Оливер развернулся к негру спиной. — Отряд, слушай мою команду! Приготовить штыки! Беречь патро...

Оливер уже почти закончил как увидел чей-то силуэт в подлеске, чуть позади, за толпой лежащих на земле пленных.

Он неосознанно сделал шаг вперед. В этот момент одна из женщин рванулась к нему и, попытавшись выхватить из его рук карабин, нажала на спусковой крючок подствольного гранатомета, которым Стальной Генерал так и не воспользовался в бою.

Снаряд ударил в грудь пленной, мгновенно взорвался и опрокинул Оливера на спину. Последнее, что он увидел перед смертью — это темное ночное небо на фоне звуков начавшейся на обочине бойни...

— Оливер! Ты что, заснул?! — Мэтт прошел в свой кабинет и бросил планшет с отчетами на стол.

Стальной Генерал потянулся в кресле и начал разминать затекшую в неудобной позе шею.

— Да уже вторые сутки на ногах, даже это паршивое кресло кроватью кажется. — «И паршивые сны снятся» подумал он, но ничего не сказал.

— Ты мне тут не зубоскаль, — Мэтт был не в духе, — у нас есть проблемы с дисциплиной, конкретно в твоём корпусе. Что можешь сказать в свое оправдание?

Оливер потер глаза и дезориентировано уставился на сидящего напротив Мэтта. Из его головы не шел этот странный многоуровневый сон, но с каждой секундой бодрствования он становился все дальше и призрачнее.

— С дисциплиной? — Он прикинулся, что не услышал вопрос Мэтта, чтобы выиграть еще немного времени. — Ну что я могу сказать, ты же знаешь, что все они считают себя смертниками. Вот и живут на полную катушку.

— Они не смертники, — хмуро парировал Мэтт. — Не

моя вина в том, что все, кто идут с тобой в бой, долго не живут. А в первую очередь — твоя.

— Но мы же выполняем задачи, которые ставит штаб. Конкретно ты, Мэтью.

Лидер сопротивления откинулся на спинку своего кресла и сложил руки на груди.

— Оливер, — продолжил он после небольшой паузы, — мы оба прекрасно знаем, что на одно твоё задание с потерями пять проходят без жертв. Ты можешь это донести до личного состава? Сам?

— Мэтт, старик, ты считаешь, что это как-то подействует на моих бойцов? Хочешь дисциплины — хватит забрасывать нас в тыл или на диверсии каждый раз. Самоубийственное задание? Всегда есть бойцы Стила! — Оливер стал заводитьсь. — Ты думаешь мне легко терять людей? Ты вообще понимаешь, сколько труда уходит на то, чтобы найти и подготовить замену на место хотя бы одного погибшего? В прошлый раз, после гибели Питера, я почти полгода не мог найти себе толкового подрывника, который бы не угробил бы нас всех, перепутав клеммы! Давай нам задания по охране и патрулированию и парни быстро успокоятся!

— Тихо ты, сам успокойся. — Мэтт был слегка удивлен подобной бурной реакции. — Будут тебе задания по патрулированию, если так хочешь. Только твои головорезы быстро начнут проситься на передовую, ты же сам знаешь.

Оливер вздохнул, встал со своего места и начал прохаживаться по кабинету Мэтта.

— Знаешь, сколько в моей ударной группе семейных?

— В смысле?

— Ну, сколько бойцов имеют семьи? — Уточнил Оливер.

Мэтт на секунду задумался.

— Не знаю. Думаю, как минимум половина, у тебя там, вроде как, не мальчишки уже.

Оливер остановился у книжного шкафа и, водя пальцем по корешкам, ответил:

— Ни одного, Мэтт. В моей ударной группе нет ни одного семейного. Никто не хочет оставить любимую женщину вдовой, а если ты служишь в корпусе Оливера Стила, то билет на тот свет тебе уже выписали. Понимаешь? Отсюда и проблемы с дисциплиной: свое жалование они спускают на алкоголь и азартные игры. Некоторые даже боятся, что кто-то от них просто залетит. Отсюда, кстати, и слухи, что я гомик и набираю в корпус, преимущественно гомиков.

Мэтт фыркнул, подавляя смешок, но Оливера уже было не остановить. Он задорно, с горящими как у мальчишки глазами, вскочил на табурет в углу и, будто перед ним целая площадь слушателей, нараспев начал:

— Гомосексуалисты сопротивления! Вступайте в корпус Оливера Стила, известного так же как Стальной Генерал, а в определенных кругах, как Генерал Стальная Задница! Вас ждет дружный мужской коллектив из нигеров, латиносов, нигеров-гомиков, латиносов-гомиков и просто ваших белых братьев по заднепроходному делу! Вступайте в корпус Оливера Стила, экономьте на шлюхах!

— Оливер, бога ради, тебя же слышно на два этажа вверх и вниз, успокойся! — Мэтт вытирал слезы. Он знал о проблеме бойцов Оливера и их страхах, но

проститутки, несколько раз оскорбленные невниманием членов ударной группы и самого Оливера к собственным персонам, решили отыгаться на их репутации. А, как известно, чем нелепее слух, тем прочнее он сидит в головах людей.

— Да пусть и слышно. — Истеричный задор Оливера куда-то пропал и он вновь был спокоен и задумчив. — Просто надоело, что на моих ребят давят.

— Ну, они просто следуют примеру своего командира. — Мэтт наклонился вперед через стол и заглянул своему подчиненному и другу в лицо. — Как давно ты сам-то был с женщиной? А?

— Да без понятия. — Оливер избегал встречаться взглядом с Мэттом и только отмахнулся от командира. — Разве это так важно?

— Конечно, важно! — Мэтт чуть не вскочил со своего места. — Ты напряжен, как пружина и бойцы, поверь мне, чувствуют это в тебе! Найди ты себе уже какую бабу, можно и с норовом, да хоть лысую! К которой будешь возвращаться после заданий и не вылезать из койки пару дней! А то от твоего взгляда у нас тут половина стен оплавилась уже, а если потери есть — так я вообще тебя видеть боюсь. — Мэтт хитрил, потому что не боялся самого черта, но сейчас ему нужно было продавить Оливера. — Так что слушай мой приказ, боец! Найди себе женщину и начни уже жить как человек, а то ты и твой корпус превращаетесь из высококлассных диверсантов в злобных цепных псов. Усек?

— Да все у моих бойцов нормально, только ударники сами себе на уме.

— А ты, насколько я помню, и сам не из штаба их

действия координируешь, а с этими самыми ударниками первым идешь. Так что поговори с парнями, чтобы вели себя тише, или...

— Что «или»? — Перебил Оливер. — Чем ты напугаешь смертника?

Мэтт замялся.

— Просто поговори с ними.

— Хорошо.

Этим вечером Оливер напился, как никогда. Сегодня все пили за счет Стального Генерала, то есть пили до беспамятства. Вместе с бойцами «ударки» они орали песни в одном из баров так, что с потолка осыпалась бы штукатурка, если бы она там была.

В какой-то момент Оливер оказался у барной стойки, чтобы заказать еще выпивки себе и своим парням, на что бармен послал его к черту и посоветовал пойти проспаться.

— Да как ты со мной разговариваешь, дерьма кусок! — Оливер схватился за свой пистолет, который, как один из командиров, мог носить всегда с собой, и рванул его из кобуры. — Я тебе сейчас объясню, как надо разговаривать с Генералом Стальная Задница!

Он попытался потрясти оружием перед собой и что-то еще сказать, но увидел в зеркале за спиной бармена серую фигуру, стоящую в дверном проеме. В этот момент пистолет выскользнул у него из рук, ударился курком об пол и выстрелил, разметав мозги владельца по потолку.

Глава 17

— Ты нам поможешь?

Деймос на секунду замер, будто слушая один лишь ему доступный эфир.

— Так ты нам поможешь или нет? — Повторил свой вопрос Мэтт.

Их взгляды пересеклись. Оба предельно спокойные, но Мэтт при этом еще и собранный, а Деймос — вялый и расслабленный.

— Доктор Ивор, насколько он слаб?

Майк, стоявший за спиной Мэтта, только развел руками:

— В целом, Оливера я стабилизировал, но он в глубокой коме. Что делать — не имею представления. А вот у тебя, Деймос, по всей видимости, есть какая-то идея.

Старый хирург старался не выдавать своего раздражения, но получалось у него плохо. Его не было в исследовательском центре буквально несколько суток, а за это время Анна умудрилась полностью потерять контроль над их главным испытуемым, Адикия переметнулась на его сторону, а Астрея находится неведомо где и он даже не знает, жива ли старшая из сестер.

— Да, доктор. Есть одна идея. — Деймос подался немного вперед, внимательно глядя Ивору в глаза. — Вопрос в том, пойдет ли Мэтью Харрис на это.

— На что я пойду?

Деймос встал со своего места и прошелся по кабинету Ивора, в котором они втроем держали

своеобразный «совет», хотя скорее это стоило бы назвать переговорами.

— Состояние комы изучено слабо. Где сейчас находится разум Оливера Стила — большой вопрос. Вы не знаете, что вам делать, а я — знаю. Взамен мне нужно кое-что от вас, — Деймос кивнул на Майка, — доктор Ивор.

— И что же?

— Чтобы вы открыли хранилище с ЕР-22, Майк. Хотя нет, это я могу сделать и сам. От вас требуется другое — рассчитать максимальную нелетальную дозу препарата для меня.

— Любая дополнительная доза приведет к твоей дестабилизации, — вспыхнул Ивор, — ты и так показал максимум возможного для человека!

— Мне нужно больше.

— Для чего же? — спросил Ивор.

— Да, для чего? — вступил в разговор Мэтт.

Деймос остановился у шкафа, и в который раз стал просматривать корешки книг.

— Доктор Ивор, вы и сами знаете, для чего. И да, у меня есть еще одно условие — вы все объясните Оливеру и Мэтту после моего ухода, — он развернулся на каблуках и в несколько медленных, размеренных шагов подошел к старому хирургу, который был значительно выше его, — вы же готовы к исповеди, да, Майк?

— Что он... — начал Мэтт.

— Да, готов. — Ивор не моргая смотрел Деймосу в глаза, пытаясь понять, что тот задумал. Спустя секунду к нему стало приходить понимание.

— Да, Майк. Я помню о Генри Джонсоне.

— Но...

— Я уже дестабилизирован, старик. Маленький укол болеутоляющего от сиделки после падения и вуаля, мы тут, вдвоем, уютно обсуждаем судьбу этого мясника, Стального Генерала. Кстати, — тут Деймос повернулся уже к Мэтту, — все пройдет не так и просто, как ты думаешь. Шансов на успех мало, плюс твой друг подвергнется определенному риску.

— Какому же?

Деймос, слегка улыбнувшись, ответил:

— Нашему доброму Доктору Ивору придется рассчитать максимальную допустимую дозу ЕР-22 и для Оливера. Это ослабит барьеры вокруг его разума и, возможно, у меня получится вернуть на эту сторону не дебила, а полноценного человека.

* * *

Он опять проснулся. На этот раз мир вокруг встретил его незнакомой комнатой, белыми больничными стенами и матовым светом потолочных ламп.

Оливер попытался встать, но резкая боль в левом боку опрокинула его обратно на койку.

— Тише, солдат, тише, — мужчина, сидевший у изголовья его койки и, до этого момента находившийся вне зоны видимости, встал, передвинул свой стул так, чтобы Стальной Генерал мог его видеть и опять уселся на свое место, — ты еще слабоват для таких подвигов.

— Где я?

— Важнее — когда ты.

— Что? Как я здесь оказался? Я был со своими бойцами в баре, а потом... Кто ты такой, черт подери?!

В ответ мужчина только ухмыльнулся.

— Я должен вернуться к бойцам, что это за место?

— Твои бойцы уже давно мертвы, Стальной Генерал. И, вполне возможно, скоро ты к ним присоединишься.

Незнакомец встал со своего места и прошелся по комнате, в которой они находились.

— Знаешь, Оливер, меня всегда интересовало, откуда в тебе эта звериная жестокость? Когда я еще учился в академии, ты уже был страшилкой для курсантов, в особенности для тех, кто планировал быть на острие атаки в качестве боевых офицеров. Знаешь, что о тебе рассказывали? Что ты и твои головорезы не берете пленных, что у тебя есть специальный нож, которым ты оскопляешь попавших в твои руки солдат, а после бросаешь их умирать. Что ты расстреливаешь женщин и детей, вырезаешь целые семьи, живущие за пределами городов, если они сотрудничают с армией в обмен на еду и боеприпасы. Сейчас же, видя перед собой тебя, стареющего и беспомощного, мне сложно поверить, что ты был тем самым мясником, о котором вполголоса говорили в коридорах, а в пьяном угаре особые смельчаки или идиоты обещали пристрелить тебя, как бешеного пса. Так кто ты, Оливер Стил?

Оливер понимал, что оказался в плену.

— Почему я вообще должен отвечать на твои вопросы?

— А ты куда-то торопишься?

Оливер, до этого державший голову приподнятой, тяжело откинулся на подушку и посмотрел в потолок.

— Как тебя зовут хоть?

— Генри. Можешь звать меня Генри.

— Хорошо, Генри. А что ты сделаешь потом? Пристрелишь меня или вы, армейские собаки, устройте показательную казнь — вздернете «Кровавого Мясника» или какое там мне прозвище вы придумали?

— Ты и вправду считаешь, что ты в плену? Твой друг, Мэтт, находится в этом здании, пьет чай с моим начальством и ждет, пока ты встанешь на ноги. Считай, что опять вытянул счастливый билет — мы не армия. Уже не армия.

«Ну, хотя бы это радует, — подумал Оливер, — даже если этот кусок дерьма лжет, стоит выиграть время. Может быть, что-то придумаю».

— Ты хочешь знать, правда ли все, что обо мне говорят?

— Конечно, ведь говорят очень много.

Оливер улыбнулся.

— Я сам слышал эти байки от других бойцов. Слышал, что моим именем пользовались на допросах — грозились отдать на «обработку» бригаде Стального Генерала, если не заговорят... — На секунду Оливер умолк, а после продолжил:

— И знаешь, что самое ужасное во всем этом?

— В том, что ты не такой?

— Да, — кивнул Оливер, — я хуже. Моя ударная группа была отрядом самоубийц, но самоубийц, умеющих держать язык за зубами. Они многое унесли за собой в могилу. — Мыслями Оливер был уже далеко. — Вот только никого не интересует предыстория. Все думают только о последствиях — моих зверствах. Знаешь, как развлекались отряды солдат на территории, подконтрольной нам, сопротивлению? Отряды, где

старший чин — желторотый лейтенант или разжалованный до сержанта офицер-ублюдок. Они грабили, насильовали, убивали. Считали, что очищают землю, якобы принадлежавшую им, от мусора и предателей. Ты когда-нибудь видел изнасилованную и порезанную ножами одиннадцатилетнюю девочку?

Генри молчал.

— Мы нашли ее на одном из заданий. Зашли в дом, в поисках укрытия — знали, что там живет семья из четырех человек. Честные люди были, работали, пытались заниматься хозяйством, но не хватало. Отец семейства выменивал у нас одежду и консервы на свежие овощи. О, ты не представляешь, какие он выращивал помидоры! А как консервировал! Так вот, как-то мы заходим мы к нему, а на пороге находим его жену с простреленным лицом. Она, видимо, сразу бросилась на солдат, как увидела — не хотела даваться живой. В гостиной лежал Стив и его старший сын с перерезанными глотками, а наверху мы нашли их младшую дочь — она еще была жива. Солдаты порезали ей лицо и только-только появившуюся грудь, выбили все зубы, изнасиловали так, что порвали, все, что можно было порвать женщине, и бросили умирать. Думали, не перенесет потери крови.

— Она выжила? — Спросил Генри.

Оливер помолчал, но через некоторое время ответил на вопрос:

— Мы дали ей умереть. Это было милосерднее, чем заставлять ее жить дальше, после всего, что произошло.

Оливер опять прервался.

— А потом мы отправились на поиски этих уродов. Мэтт меня чуть не отправил под трибунал за

неподчинение приказу, за игнорирование миссии, пока не узнал, почему мы отклонились от маршрута. На поиски ушло почти три дня, но мы их нашли. Я был с лучшими из своей группы — восемь человек, а их было всего трое.

— И что вы сделали?

Оливер тяжело прикрыл глаза, вспоминая ту ночь.

— Часового мы взяли тихо, двое других спали. Нормальный бы человек не смог спать неделю, если бы просто наблюдал за тем, что они вытворяли с девочкой, а эти спали. Мы их взяли, стали обыскивать. И тут один из моих парней нашел в одной из сумок этот нож. Это был керамбит, вещь, по сути, бесполезная, скорее так, аксессуар, чтобы хвастаться им перед другими солдатами. Штык-нож намного полезнее. Но это был непростой керамбит, а с серрейторной заточкой. Видел когда-нибудь?

— Нет.

— Это когда на режущей кромке пропиливают зубья, как у пилы, только не разводят в стороны. Страшная вещь. — Оливер умолк, переводя дух.

— И что потом?

— Когда я увидел этот нож, я понял, что оставило эти рваные раны на лице и руках девочки. А решение оскотить солдат пришло спонтанно, мы думали их просто расстрелять после допроса. Мы привязали их к крыльцу и этим ножом я лично подсек всех троих под корень, а сам нож оставил воткнутым в балку, как послание тем, кто найдет тела.

Генри молчал.

— Видимо, с тех пор все считают, что у меня при себе всегда подобная игрушка, которой я без разбора

кастрирую пленных. — Оливер прервался, будто бы что-то пытался вспомнить. — Ты слышал эту историю в Академии, так?

— Да.

— А когда закончил? — Оливер немного приподнялся на локте, чтобы лучше видеть собеседника.

— Да лет пятнадцать назад, может шестнадцать, уже не упомнишь.

— Понятно.

Оливер еще несколько секунд, не моргая, смотрел на мужчину, который представился как Генри, а потом опять заговорил:

— Пятнадцать лет, да, Генри? Проблема в том, что это произошло всего полтора года назад.

Стальной Генерал рванул с койки и повалил своего собеседника на пол. Он попытался замахнуться левой рукой, но острая вспышка боли в боку скрутила его и не дала ударить самозванца.

Генри лежал и улыбался.

— Ну чего же ты, бей. Ты же Оливер Стил, великий и беспощадный Стальной Генерал! — Он сбросил с себя Оливера и поднялся на ноги. — О твоей жестокости слагали легенды десятилетиями, Оливер Стил. И были бы у тебя сейчас силы, ты, как медведь, задрал бы меня голыми руками. Человек очень хрупкое создание и ты это прекрасно знаешь. Человека очень сложно и одновременно очень просто убить. Что ты чувствуешь, когда убиваешь? Ничего? Так ты всем всегда говорил? Нет. Ты получаешь от этого удовольствие, потому что в твоей груди полыхает пламя ярости. Парадокс: для того, чтобы не свихнуться окончательно, тебе нужно убивать,

но убивать не просто, а по приказу. Ведь именно поэтому ты стал преданным цепным псом Мэтта Харриса, да? Ведь он спас тебе жизнь, вознес тебя до бригадного командира, а ты, в ответ — делал любую грязную работу, прикрывая свои дела тем, что борешься с кровавым режимом, являешься солдатом сопротивления! Ты просто бандит, убийца и садист, Оливер Стил.

— Бандит? Садист? — Оливер попытался улыбнуться, но слишком сильно болел бок. — Убийца? Да. Бандит? Может быть. Садист — нет. Знаешь, сколько раз женщины просили меня пустить им пулю в затылок, только чтобы не попасть в плен? А знаешь почему? Потому что лучше было умереть от руки своего товарища, чем сгнить в яме, чем попасть к армейским палачам. И кто после этого садист? Я? Да, приговор у меня был всегда один — смерть, но это была слишком легкая смерть для слишком многих, смерть от пули, которую они не заслуживали.

Оливер медленно поднимался: сначала на колени, а потом, тяжело опираясь на кровать — на ноги.

— Кто ты такой, Генри, — имя мужчины Оливер не сказал — выплюнул, — и почему ты еще меня не пристрелил?

— Важно не кто я, а где я. — Генри поднял с пола стул и обратно уселся на него. — Садись, Оливер, — он кивнул на койку позади Стального Генерала, — тебе тяжело стоять, я же вижу. Мы здесь намного дольше, чем ты можешь себе представить. И, скажу тебе, я не в восторге от подобного соседства.

— Что ты имеешь... — Начал было Оливер, но Генри его перебил:

— Лагерь сопротивления сорок лет назад. Атака на обоз с семьями ученых — двадцать семь лет назад. Пьянка с бойцами твоей бригады лет двадцать назад... И еще много, очень много воспоминаний.

— Воспоминаний? Что ты несешь...

Генри ничего не ответил, еще раз внимательно посмотрел в глаза Оливеру, а потом, хлопнув себя ладонями по коленям, ответил:

— Ладно, давай иначе.

Он встал со своего места, и Оливер понял, что он тоже стоит, но уже не в больничной рубашке, а плотно облегающем костюме, которого он раньше никогда не видел.

Стены палаты затряслись, прикроватная тумбочка и сама койка запрыгали на месте, будто началось землетрясение. Оливер попытался найти хоть какую-то точку опоры, опасаясь нового приступа непонятной боли в боку, но с удивлением обнаружил, что может абсолютно свободно двигаться без каких-либо последствий. Он уже хотел опять спросить Генри, что происходит, но тут стены и потолок обрушились.

Они оказались посреди ночного леса.

— Что, черт подери, тут происходит?!

— Тише, не шуми, — ответил Генри, — это твой последний шанс, Стальной Генерал. Пойдем. — Не дожидаясь ответа, Генри развернулся и пошел куда-то вглубь леса.

Оливер, стараясь не отстать, двинулся следом. Минут пять они шли в полной темноте, пока вдали, меж деревьев, не показался огонек костра.

— Кто там? — Спросил Оливер.

Генри промолчал и продолжил идти, постепенно

сбавляя шаг.

Они были уже совсем рядом. За пожухлой, осенней листвой кустов Оливер смог рассмотреть сидящих у огня: двое мужчин, один из которых уже был стариком, и женщина, все в таких же костюмах, как и он сам. Женщина что-то говорила, а мужчины внимательно слушали.

— Что, черт подери, тут происходит.

— Смотри.

В этот момент, с другой стороны костра, из таких же зарослей, в каких скрывались они с Генри, выскочило несколько оборванцев и с криками открыли огонь по троице у костра. Оливер, было, дернулся помочь обороняющимся, но Генри схватил его за плечо и с силой, непонятно откуда взявшейся в этом худощавом человеке, остановил.

— Смотри, — повторил он, — смотри внимательно, Стальной Генерал.

Вот старик хватает автомат и очередью срезает нескольких атакующих, остальные поднимают оружие и непонятно почему кончают собой. Мужчина, сидящий к Оливеру спиной, начинает заваливаться и падает на землю.

— Не узнаешь? — спрашивает Генри.

— Кого? Кто все эти люди? Генри, что, черт подери, тут происходит?

— ОЛИВЕР! ОЛИВЕР! — закричал в этот момент старик у костра, отбросил автомат, и рванул к лежащему на земле товарищу.

Бок обожгло. Стальной Генерал коснулся костюма и почувствовал под пальцами разорванную ткань и теплую, сочащуюся из свежей раны кровь. Он стал

оседать на землю, но Генри подхватил его и поставил обратно на ноги.

— Ты понимаешь, где мы?

Оливер попытался сфокусироваться на лице мужчины, но его черты поплыли, переливаясь в причудливых гримасах.

— Это все уже было? — К нему стало приходить осознание нереальности происходящего.

— Да.

— Я сплю?

— Да.

— И мне нужно проснуться?

— Да, — в третий раз ответил Генри, — ты должен проснуться, Оливер. Или ты останешься тут навсегда — в плену воспоминаний.

Он еще раз посмотрел на свой бок: порванная ткань диковинного костюма, несколько отверстий от самопальной шрапнели, кровь, но никакой боли.

— Кто ты? — Спросил он Генри.

Его собеседник преобразился. Сейчас перед ним стоял уже совершенно другой человек, одетый в камуфляжные брюки и черную футболку.

— Как тебя зовут?

— Я не лгал, меня зовут Генри. Но лучше зови меня Деймос, — сказал мужчина и хлопнул Оливера по плечу.

...В глаза Стального генерала ударил матовый, но слишком яркий после ночного леса, свет потолочных ламп. А рядом, держа его за плечо, сидел мужчина, назвавшийся во сне Деймосом.

— Как тебя зовут? — Спросил Деймос.

Оливер мучительно долго, как ему показалось, попытался сфокусироваться на собеседнике и понять, что

тот у него спрашивает, а после попробовал ответить. Но вместо привычных слов из его горла вырвалось только сухое хрипение.

Деймос чему-то удовлетворенно кивнул, взял с тумбочки заранее приготовленный бумажный стакан с водой и поднес его край к губам раненого.

Сначала Оливер почти ничего не почувствовал — но с каждым глотком он все сильнее и сильнее ощущал вкус воды.

— Пей, пей. Это полезно, говорят. Капельницы тоже не лишними были, но куда там им до воды, да? — Деймос улыбался, по-доброму.

Он дождался, пока Оливер допьет и отставил стакан в сторону.

— Ты помнишь, кто ты?

— Да.

— Ты серьезно всех напугал, старикан. А еще меньше мне понравилось сидеть в твоей голове.

— В смысле? — Оливер не понял, о чем идет речь.

Деймос рассмеялся.

— Ну серьезно, ты же вроде не тупой. Я такой же, как и Мелисса — оператор, если угодно. Только посильнее.

— Оператор? Так я все же в плену?

— Ну, только если в плену собственной совести, — пошутил Деймос, — правда, я всегда был уверен, что такие люди как ты умеют договариваться с этой госпожой. Тебя разрывают противоречия, Оливер Стил. Я пробыл в твоей голове целую вечность и прожил с тобой слишком многое, слишком много узнал о твоём подсознании, о твоей сути.

— И в чем же она? — Оливер слабо понимал, что

несет этот мужчина. — В чем по-твоему моя суть?

— Ты образован?

— Достаточно.

— Тогда ты должен был слышать о либидо и мортидо? В курсе этого?

— Может быть.

— Либидо есть движитель человека, его позитивное начало, хотя кто-то приписывает ко всему этому дерьму еще и сексуальность, я этого мнения не разделяю, — Деймос встал со своего места и пошел за стаканом и графином с водой, которые стояли на столике в другом конце палаты.

— А ты важный гость, — усмехнулся он, — когда я валялся и пускал слюни, стекла у меня в палате не было. Только бумажные стаканчики в руках медсестры, и строго по часам. Будешь? — Он поднял гладкий, пузатый графин повыше, как будто Оливер его и так не мог разглядеть.

— Не откажусь.

Деймос ловко перевернул сначала один стакан, который стоял на подносе кверху дном, затем второй, взял их, и вместе с графином двинулся обратно на свой стул.

— Пока я был в твоей голове, твое сознание одолевали видения, которые подсовывала тебе как раз твоя подкорка. И знаешь, что я там увидел? Ты жаждешь умереть Оливер Стил, потому что так и не смог договориться со своей совестью. Ты целиком состоишь из мортидо, его квинтэссенции, стремишься к саморазрушению, вместо созидания. В тебе горит пламя ненависти, в первую очередь к себе. Поэтому каждый раз в своих видениях ты умирал.

Чем дольше Оливер слушал его, тем больше понимал, о чем идет речь. Сначала скромно, будто опасаясь чего-то, воспоминания о его снах поскреблись в памяти, вызывая неприятный фантомный зуд; выскальзывая из поля зрения каждый раз, когда ты пытаешься на них посмотреть, они, будто привидения, неспособные говорить в полную силу и напугать тебя до мокрых штанов, но способные двигать мелкие предметы пока ты не видишь, вызывали чувство тревоги и дискомфорта. Но чем дольше говорил Деймос, тем сильнее становились призраки воспоминаний о его, Оливера, снах. Поднимаясь в полный рост, выпрямляя скрученные спины, распрямляя плечи, поднимая головы, они рвались вверх из закутков подсознания, наружу, во всех своих мельчайших, хоть и сюрреалистичных деталях.

Он умирал. Глупо, нелепо, сотни раз. Он умирал по своей воле, по воле случая, по чужой вине. Он умирал во сне каждый раз, когда в реальности почему-то оставался в живых.

— Тень... — Пробормотал Оливер. — Это моя совесть?

Деймос расхохотался.

— Совесть? Она была слишком занята тем, что убивала тебя, раз за разом. Нет, друг мой, тень — это не твоя совесть. Это я, пытавшийся подобраться к тебе в чередке этих бредовых фантазий. Скажу откровенно, занятие это было весьма утомительное. — Он поднял графин, который все еще держал в руках, и наполнил на три четверти прозрачные, с мелкими точками разводов на стенках от высохшей воды, стеклянные стаканы. Один протянул собеседнику, другой же залпом

осушил сам и наполнил опять, но так и оставил стоять на прикроватной тумбе.

— Чего же ты хочешь, Оливер Стил?

— Я? Спокойно дожить то, что мне отмерила судьба. Без войны, убийств и прочего дерьма, — Оливер оперся на локоть и глотнул воды, — но я настолько сильно во всем этом увяз, что уже понял — включать заднюю поздно. Даже в Гетто меня умудрились найти, хотя, по всей видимости, никогда особо и не теряли.

— Дожить свой век? Может быть, тебе нужен шанс?

Оливер попытался засмеяться, но резкая боль в боку не позволила этого сделать.

— Шанс на что, парень? Сколько тебе? Тридцать? Тридцать пять? Мне уже за пятьдесят и все свои шансы я упустил. В нынешнее время редко кто живет так долго, да еще и среди солдат.

Оба замолчали.

Первым нарушил тишину Деймос.

— Наверное, я не правильно выразился. Тебе нужно искупление?

— Искупление чего? — Оливер уже лежал и смотрел в потолок, на тусклый матовый свет ламп.

— Всего.

— Не интересно, — из него вырвался смешок, который он не смог подавить.

Деймос опять умолк, а через несколько минут пошел на «следующий круг».

— Хорошо. Тогда за тобой должок, Стальной Генерал, за то, что вытащил тебя из комы. Как собираешься расплачиваться?

— Говори уже, что тебе от меня нужно, — Оливер не отрывал взгляда от ламп.

— Мне нужно, чтобы выйдя отсюда, ты меня нашел.
А когда найдешь — убил, — ответил Деймос.

Глава 18

Она попалась. Попалась глупо.

Опасаясь погони, Астрея почти не пользовалась своим модулем, иначе Деймос нашел бы ее слишком просто. Она так привыкла к своим способностям, что теперь чувствовала себя слепой и беспомощной. Как оказалось, для этого были все основания.

Она пришла в сознание. Щурясь, пытаюсь привыкнуть к яркому, бьющему прямо в лицо свету нескольких ламп на стене, девушка стремилась понять, где оказалась.

Последнее, что помнила старшая из сестер — она выходит из здания, где располагалась подпольная лаборатория. Потом — удар по голове, топот тяжелых армейских ботинок.

— Цель захвачена, как поняли, прием, — пока один из бойцов рапортовал, двое других заламывали ей руки за спиной, чтобы затянуть запястья в браслетах мягких наручников.

Астрея попыталась приподнять голову, чтобы понять, кто на нее напал. Один из бойцов это заметил и еще одним аккуратным, но сильным ударом приклада по затылку вырубил ее окончательно.

И вот, сейчас она тут, в руках неизвестно кого.

Голова болела нещадно, особенно в месте удара, но первое, что пыталась сделать пленница — просканировать окружающее пространство при помощи модуля Ока. К ее удивлению, дотянуться она не смогла ни до одного разума, даже мысли мужчины, стоявшего перед ней, оставались для нее скрыты, не говоря уже о

ментальном контроле.

— Прежде чем ты начнешь свои попытки пробиться в мой разум — голос был хорошо поставлен, в нем слышалась властность, — смею заметить, что, для начала, стоит меня выслушать. Плюс ко всему, ты все равно не сможешь выйти отсюда, девочка. Помещение экранировано, так что найти помощников извне у тебя не выйдет.

Астрей только фыркнула.

— Но вы же как-то должны выйти отсюда.

— Может быть, — ее таинственный собеседник развернулся и, прихрамывая на левую ногу, двинулся за стул у другой стороны стола этой загадочной допросной.

Только когда мужчина уселся, Астрей смогла его рассмотреть: высокий лоб, темные волосы, внимательные, серые, глубоко посаженные глаза.

— Итак. Насколько я понял из отчета разведки, ваш позывной — Астрей, правильно?

— Это имя.

— Простите?

— Астрей — это имя. Меня так зовут.

Мужчина даже не шелохнулся.

— Знаете, я видел много Джонов, Майклов, Гарри, но ни одного Зевса, Аполлона, а, тем более, Астреи. Вы знаете, что значит ваше имя? Откуда оно взялось?

— Имя как имя, — девушка попыталась поднять со стола руки, но обнаружила себя намертво прикованной к вваренной в стол металлической петле, сквозь которую были продеты ее эластичные браслеты-наручники.

Вырваться не было ни единой возможности.

Оставалось лишь беседовать.

— Согласно греческой мифологии, Астрея — дочь Феиды и Зевса, — мужчина откинулся на спинку стула и стал стягивать с рук черные кожаные перчатки, — богиня справедливости. Ты же, судя по сводкам — просто очередной урод, убивающий всех без разбора, — ее собеседник подался вперед, — я прав?

Астрея отвернулась, насколько позволяли наручники, так ничего не сказав, и опустила лицо вниз.

— Хорошо. Пусть так.

Он отбросил в сторону полу плаща, под которой была незнакомая Астрее серая, но, это не вызывало сомнений, военная форма, и вытащил из кобуры пистолет.

— У тебя очень простой выбор, Астрея. Либо ты меня убедишь в том, что с тобой можно вести диалог, либо я пристрелю тебя прямо здесь. Знаешь, мои полномочия позволяют мне выносить приговор единолично, бонусы военного времени, которое для нас так и не завершилось.

— Я не собираюсь говорить не пойми с кем, пусть у тебя в руках и ствол, — в груди девушки стала закипать ярость. Она никого не боялась раньше — не дрогнет и сейчас.

«Деймос не в счет. Он не человек» — поправила собственные мысли Астрея.

— Да? — Взгляд серых, с ледянисто-голубым отливом глаз, казалось, сейчас просверлят в ней дыру. — То есть, ты меня не боишься? — Он поднял пистолет и направил на голову допрашиваемой.

— Все правильно понял.

Немного поразмыслив, мужчина опустил пистолет и

продолжил:

— И что же нужно, чтобы ты заговорила? А, Астрейя?

— Для начала было бы неплохо представиться, мое то имя ты знаешь.

Он засмеялся.

— А ты не так проста, как кажешься, девочка. Ладно, будь по-твоему. Меня зовут полковник О'Коннелл.

— Очередной солдафон, — Астрейя попыталась размять затекшие от неудобной позы плечи, — да еще и ирландец.

— Пусть и солдафон, если тебе так комфортнее, и да, ирландец, — О'Коннелл взял в руки трость, которая до этого стояла под столом и была скрыта от взгляда Астрейи, и подошел к девушке, — я многое о тебе знаю, Астрейя. Знаю о том, как ты и твоя сестра попали в программу проекта Око, знаю о модулях, операциях, о твоём потенциале. Я знаю, кто лоббировал и финансировал разработку тебя, как бойца. Я знаю даже прошлое твоего создателя, Майка Ивора. Но есть одна небольшая, досадная проблема.

— И какая же? — Астрейя подняла голову и внимательно посмотрела на своего собеседника.

— Картина не сходится, Астрейя. Вся эта история с вашим сверхсекретным «оружием возмездия», или какими еще эпитетами не называли политики проект Око, как один большой пазл. Только проблема в том, что в нем не хватает деталей. И дашь мне их ты.

— С чего это?

О'Коннелл крутанул в руках трость, будто бы думая, огреть Астрейю круглым медным набалдашником, или немного обождать.

Время тянулось мучительно, долго, будто стало резиновым. Полковник смотрел на свою пленницу, пленница смотрела на полковника. Эта игра в гляделки продолжалась добрых минуты две, пока О'Коннелл не прервал тишину, до этого нарушаемую лишь их дыханием.

— Меня интересует один факт. Как не удивительно, все ниточки ведут в одну точку, как бы я не старался дернуть за них иначе.

Полковник опять запустил руку за полу плаща, в котором так и сидел, хоть находился в помещении, и вытащил небольшой офицерский планшет. Коснувшись несколько раз экрана, он протянул его Астрее.

— Я уже давно ищу своего старого друга, — О'Коннелл запнулся, откинулся на спинку стула и положил трость на колени, — бывшего друга и коллегу, он пропал несколько месяцев назад и мне кажется, что ты сможешь мне помочь, а он, в свою очередь, сможет помочь мне в поиске ответов.

Астрейя внимательно выслушала О'Коннелла и только потом взяла из его рук протянутый ей планшет. С экрана на нее смотрел мужчина средних лет в капитанской форме, смотрел строго, но уверенно.

— Ты видела его раньше в центре?

— Вы говорите, это ваш бывший друг?

— Да.

— Никогда его раньше не видела, — ответила Астрейя и еще раз, для уверенности посмотрела на экран планшета.

Вне всяких сомнений, с фотографии на нее смотрел Деймос.

— Почему вы считаете, что этот человек сможет вам

помочь? — Астрейя говорила настолько аккуратно, насколько была способна в данной ситуации.

Полковник О'Коннелл только усмехнулся и, потянувшись вперед, забрал обратно свой планшет.

— Может быть потому, что именно от него ты сломя голову сбежала, бросив сестру?

Астрейя была ошеломлена. Она абсолютно не понимала, что за человек сидит перед ней и откуда он так много знает, ведь очевидно, что Деймос всячески будет скрывать сам факт своего существования, не говоря о способностях, само собой, до определенного момента, ведь на его бы месте она поступила бы именно так. Девушка уставилась на свои руки с потрескавшейся от химикатов кожей на пальцах, поломанными ногтями и, что огорчало ее сейчас больше всего, с браслетами наручников на запястьях. Даже без модуля Ока она была тренированным бойцом, который бы с легкостью справился с хромым полковником.

— У тебя есть время подумать, пока у меня есть другие дела, — прервал молчание О'Коннелл.

Он встал со своего места и, опираясь на трость и никак не скрывая собственную хромоту, двинулся к девушке, достал из кармана плаща небольшой раскладной нож, и пока Астрейя пыталась понять, что происходит, перерезал одним резким движением браслеты, которыми та была прикована к петле в столе.

— Лично мне лучше думается, когда я хожу, хотя сейчас это и непросто. Думай, Астрейя, мне кажется, тебе нужны друзья, — сказал он и вышел за дверь.

Спала Мелисса плохо. Хотя она и провела в центре почти полгода, пока тренировалась использовать свой модуль и находилась под наблюдением врачей, сейчас, после простора поверхности, это место казалось ей бетонной могилой. Огромной бетонной могилой.

Она нехотя встала с казенной постели и в одной футболке пошла умываться: единственное преимущество базы — не приходится спать в одежде.

Уже в ванной она заметила на полу использованный одноразовый станок, который, по всей видимости, остался от прошлого постояльца помещения. Мелисса подняла его, покрутила в руках, а после положила на край раковины.

Забытый кем-то станок вызвал в ее сознании лавину воспоминаний о том времени, когда она еще не повстречала Мэтта и Оливера, когда не отправилась на странное задание, данное ей лично советником Харрисом, когда она просто была приписана к разведывательному департаменту...

— Поднимайся, у нас много работы, — он всегда вставал тихо, без будильника, будто бы в его голове, под темной густой шевелюрой есть свой собственный.

В ответ Мелисса смогла выдать только что-то нечленораздельное. Поспали они совсем немного и, хотя она была тренированным и сильным бойцом, ей было уже далеко не двадцать, чтобы всю ночь предаваться утехам, а на утро чувствовать себя как ни в чём не бывало.

Но на нем это никак не отражалось, хотя, вполне возможно, дело было исключительно в его самообладании и ответственности.

— Может, поваляемся еще? — Она задавала этот

вопрос каждый раз, когда оставалась у него на квартире, а не шла в казарму, и каждый раз получала один и тот же ответ.

— Мелли, милая, ты же знаешь, что мы должны быть в отделе в восемь, вставай.

— Именно поэтому ты припираешься туда каждый раз к семи тридцати, да?

Мужчина сел на край кровати и, откинув прядь рыжих волос, поцеловал ее в лоб.

— Я прихожу раньше, чтобы не вызывать подозрений.

— Господи, да каждая секретарша в департаменте уже знает, что ты спишь со мной, — Мелисса подобрала одеяло и опять закрыла глаза, — но, как видишь, никто нам ничего за это не сделает.

Мужчина долго и внимательно посмотрел на нее, немного раздраженно вздохнул и начал говорить то, что уже не раз объяснял своей подруге:

— Пойми, Мелли, это — статус-кво. Пока мы не афишируем наши отношения, и пока они не мешают нашей службе, командование закрывает на это глаза. Потому что мы полезны. Но как только возникнут какие-либо сомнения в нашей лояльности, в нашей исполнительности и субординации — последствия могут быть крайне тяжелыми. Сколько молодых ребят из моего отдела погорело на романах и интрижках с коллегами, — он поднялся с кровати и, тяжело хромая на левую ногу, двинулся к стулу, где были аккуратно сложены его форма и стояла трость с тяжелым круглым медным набалдашником.

Мелисса всегда удивлялась тому, что наука смогла сделать из нее телепата, способного подчинять волю

других людей, но не может излечить хромоту ее любимого мужчины.

Они говорили об этом. Ричард получил ранение еще в молодости, в бытность лейтенантом. Тогда медики смогли спасти ногу, но он потерял большой кусок мускулатуры, а неправильное заживление наградило его хромотой и тростью. Его не списали в утиль, как происходит со многими ранеными, а перевели на штабную работу, где его и заприметила контрразведка.

— Не смотри на меня, как на калеку, — даже не оборачиваясь, бросил Ричард.

— И откуда ты знаешь, что я на тебя смотрю? — Мелисса всегда удивлялась его способности «видеть затылком», как выражался сам Ричард.

— Я тебе уже говорил — спиной чувствую.

Он снял со стула вещи и начал одеваться. С носками и брюками он немного повозился из-за ноги, но после, Мелисса как зачарованная наблюдала, как ее любовник превращается в высокого, статного полковника контрразведки. Вслед за до блеска вычищенными сапогами и рубашкой настал черед галстука — еще одного архаизма, пережитка прошлого, без которого, впрочем, Ричард и вовсе не появлялся на людях, после — серый китель с орлами полковника и значком разведки на лацкане, и, наконец, трость.

Мелисса ненавидела эту трость. Как бы много она отдала, чтобы увидеть Ричарда расслабленным, вольно шагающим ей навстречу, а не сосредоточенно ковыляющим, хотя, признать, не без достоинства и определенной грации, породы, присущей ему.

Для себя она решила, что все дело в осанке. В отличие от других калек, которые ей встречались по

жизни, назвать так своего возлюбленного даже до начала их отношений язык бы у нее не повернулся. Ричард создавал впечатление именно офицера, причем офицера боевого, человека честного и достойного, а немалую роль в этом образе играла именно осанка. Еще в их первую встречу, когда она прибыла после учебы в расположение его департамента и попала к полковнику Ричарду О'Коннеллу «на ковер», Мелисса обратила внимание, как ровно тот держит спину, даже с учетом поврежденной ноги.

Но в тот, первый день, она очень удивилась, что командовать ей будет человек, едва ли старше ее самой (как оказалось, разница в возрасте у них всего три года в пользу Ричарда), да еще и хромой. Обычно в армии таких не держали.

— Вставай Мелли, как раз успеешь к восьми, — он подошел к кровати, чтобы поцеловать ее на прощание.

Мелисса как можно выше поднялась на локте, чтобы Ричарду не пришлось слишком низко наклоняться, что было для него проблематично из-за ноги.

— Хорошо, ключи отдам потом.

После того, как хлопнула дверь квартиры, она еще минуту лежала, просто глядя в потолок, а после одним движением встала с кровати. Когда умывалась, она заметила, что Ричард забыл выбросить одноразовый станок, которым побрился утром. Он остался на краю раковины.

Прямо как тот, что сейчас лежал перед ней...

Дернув головой, будто сбрасывая оковы воспоминаний, Мелисса плеснула ледяной водой в лицо. На сборы ушло еще меньше времени, чем на умывание — ей надо было на медицинский этаж, где

сейчас лежал Оливер.

Он чем-то напоминал ей ее Ричарда, но в тоже время они были абсолютно не похожи. Оба обладали внутренним стержнем, силой, но если Ричард был покалечен только снаружи, то Оливер, в большей степени, был калекой душевным.

Каждый раз, оказываясь рядом со Стальным Генералом, она ощущала, под каким гнетом дел собственных рук тот находится.

«Нет более страшного судьи, чем ты сам», — подумала Мелисса, выходя из лифта.

Оливер встретил ее слабой улыбкой и приветственно поднятой рукой.

— Ну как ты? — Спросила Мелисса и села на край койки, откинув в сторону одеяло.

— В целом — неплохо, но сейчас я бы не отказался от хорошего куска мяса, — Оливер был, на удивление, в хорошем настроении, — жрать охота, не передать.

— Хорошо, попробую что-нибудь для тебя придумать. Ты как, ходишь уже?

— Да, — Оливер самостоятельно сел на койке, хотя и немного поморщился от боли в процессе, — я не знаю, чем меня тут колют, но дрянь забористая. Сколько людей мы бы спасли, будь у нас, в свое время, хотя бы половина таких лекарств.

Мелисса ухмыльнулась.

— Ну, что тебе сказать, это же лучший из лучших госпиталей.

— Ага, только над нами метров триста земли, а так да, лучший из лучших.

— А как голова?

— Болит, — признался Оливер.

Доктор Ивор беспокоился за него после проведенных инъекций EP-22, а, так как афишировать нахождение их маленького коллектива тут, под землей, было бы самоубийством, наблюдать за его ментальным состоянием приставили Мелиссу. Деймос же пообещал, что пока он тут, никто даже не обратит на их существование внимания. Свое слово он сдержал. Мэтт спокойно перемещался по этажам, а все встречные, даже операторы, которые находились на обучении у прочих специалистов, либо не замечали его, либо принимали за какого-то своего старого знакомого, о существовании которого, в прочем, почти сразу же и забывали.

Мелисса задумалась о Деймосе. Его мощь поражала воображение. Она покинула центр еще до того, как была проведена операция и не застала период его тренировок с сестрами. А еще он вселял в нее ужас.

«Да уж, меткое имечко ему подобрали», — подумала она.

Вообще, процесс подбора имен был весьма странной процедурой. Несколько операторов коллективно анализировали ассоциации, возникающие у испытуемого в ходе просмотра видеоряда, а после, исходя из его реакции, подбирали имена. Использовались названия, животные, имена богов. Правда, процедуру проходили только те, кто пережили амнезию или серьезную травму головы — к сожалению, идеального рабочего материала у Майка Ивора не было, но и люди без прошлого — это намного удобнее. Но были и личности, которые добровольно отказывались от старых имен. Например, сестры.

«Астрея и Адикия, Адикия и Астрея...», —

прокрутилось у нее в мыслях.

Мелисса же пошла добровольцем, так как шансы на летальный исход были минимальны, да и особого выбора у нее не было. Что может женщина в армии? Таскать бумаги и чай толстозадым членам штаба? Не для этого она прошла в молодости, наравне со всеми, отбор, не для этого столько лет тренировалась и пыталась выслужиться.

И вот, теперь она тут, непонятно по какую сторону баррикад.

«Что задумал этот хлыщ, Харрис? И где, черт побери, Ричард?»

Она опять погрузилась в воспоминания, в тот день, когда Ричард убедил ее согласиться на авантюрную, секретную миссию, которую спустил сверху в их департамент советник Харрис.

«Милая, пожалуйста, мне нужно, чтобы кто-то из тех, кому я доверяю, взялся за это дело», — сказал он ей тогда.

Как оказалось, доверял Ричард только двум людям: ей и самому себе.

Никакой связи, никаких контактов. Он только пообещал ей, что когда придет время, он сам найдет ее. А еще Ричард сказал, что не верит Харрису.

По своему опыту работы с ним, Мелисса могла с уверенностью сказать, что из уст Ричарда это звучит для человека как приговор.

«Я не верю Харрису, Мелли. Он что-то затевает, что-то, что разваливает наше и без того смертельно раненное государство изнутри. Мне кажется, что он стравливает всех нас», — сказал ей как-то вечером Ричард.

«Стравливает? Армию и разведку?», — спросила она.

«Бери выше, — он наклонился за бутылкой, плеснул себе еще бренди и откинулся в своем любимом кресле, — стравливает армию, Совет, даже сопротивление друг с другом. Ты не представляешь, как много усилий за эти годы я приложил, чтобы достичь перемирия с мятежниками и утрясти уйму вопросов внутри страны и столицы в частности, где сейчас проживает почти половина населения. Но каждый раз я натыкался на чью-то невидимую руку, которая делала все в точности, да наоборот. Не верь Харрису, Мелли».

И вот, сейчас она тут, в центре, вместе с его, Харриса, старшим братом — Мэттом, почти предательница, и единственное, что еще связывает ее со страной, которой она служит — это Ричард.

— Эй, Мелли, ты тут?

Женщина вздрогнула и вернулась в реальность — в палату Оливера.

— У тебя был вид, будто хоронить кого-то собралась.

В ответ Мелисса только вяло улыбнулась.

— Нет, Оливер, все в порядке. Спать будешь?

— Да, не откажусь, тут катастрофически нечем заняться, — ответил он.

— Хорошо, тогда после процедур будить тебя не буду.

Мелисса коснулась разума Стального Генерала и погрузила того в глубокий, здоровый сон.

Вообще, в спящем состоянии человеческий разум наиболее уязвим для операторов. Никаких барьеров, только голое подсознание. Именно в нем сейчас и

находилась Мелисса, пытаюсь найти признаки поражения EP-22, которые грозили Оливеру. Благо, далеко за примером ей ходить не пришлось — Деймос на мгновение приоткрыл для нее свое сознание, и теперь она точно знала, что нужно искать.

Хаос.

«Как он до сих пор остается в здравом уме?», — работа с Оливером не требовала высокой концентрации и просматривая его разум, Мелисса частенько отвлекалась на собственные мысли, «Там же камня на камне не осталось. Как?»

Однако, факт остается фактом — Деймос не был психом в полном смысле этого слова. Психопатом — вполне, учитывая, что они узнали от него самого, а после и от младшей из сестер — Адикии. Еще один вопрос — о чем они говорили с Оливером.

Стальной генерал только сказал, что у них очень мало времени и им надо спешить, а все остальное он объяснит потом. Мелиссу так и подмывало вломиться в ту часть его сознания, где хранятся воспоминания и узнать, что же тогда произошло в палате, но каким-то пятым чувством она понимала, что не стоит.

Плюс ко всему, в нынешнем состоянии Оливера она могла банально навредить ему этим. Во всяком случае, Мэтт не проявил никакого беспокойства, а значит, она последует его примеру.

* * *

Астрея провела в камере добрых пять, а может все восемь часов. Тяжело наблюдать за ходом времени в

помещении без окон и часов.

В какой-то момент дверь бесшумно открылась и на пороге показался О'Коннелл.

От своего плаща разведчик избавился и сейчас был в сером кителе, на плечах которого тускло поблескивали «орлы», определяющие его звание.

Астрейя попыталась коснуться его разума модулем Ока, но опять наткнулась на пустоту. Создавалось впечатление, что полковника просто не существует, так как она была абсолютно уверена — сейчас ее модуль работает и она пытается им воспользоваться.

— Чего такое напряженное лицо? — О'Коннелл, все так же опираясь на свою трость, двинулся к своему стулу. — А, я, наверное, знаю. Ты не можешь попасть вот сюда, — он постучал указательным пальцем по виску, — ну так все в порядке, не бойся. Пространство этой комнаты наполнено электромагнитными помехами. Для человека и даже для оператора — абсолютно безвредными, но, как видишь, делающими тебя, в некоторой степени, слепой. Кстати, у нас есть и мобильная версия излучателя, иначе бы мы тебя не взяли там, в промзоне, — добавил он, предвосхищая следующий вопрос старшей из сестер.

Он уселся на стул и жестом предложил Астрейе последовать его примеру.

— Присаживайся, дорогая, надеюсь, ты хорошо подумала за то время, что меня тут не было.

Астрейя внимательно посмотрела на мужчину, но на свой стул села.

— Полковник... — Начала она.

— Можно просто Ричард, ты не моя подчиненная, во всяком случае, пока, — он лукаво улыбнулся.

— Хорошо, — согласилась Астрея, — Ричард, перед тем, как я окончательно решу, помогу я вам или нет, ответьте мне на один вопрос.

— И какой же?

— Что вы сделаете с этим человеком, фото которого вы мне показывали, когда найдете? И почему вы его вообще ищите?

— Это не один, а два вопроса, — усмехнулся Ричард, — ладно, будь по-твоему. Начну с последнего: почему я его ищу? — Полковник поддался вперед и с его лица слетела всякая веселость — сейчас он был предельно серьезен, — потому что он с неделю назад бесследно пропал из исследовательского центра, где находился последние месяцы.

— Что?.. — Астрею начало немного колотить от таких новостей.

«ОН СНАРУЖИ?!»

— А на первый вопрос ответ прост — я сделаю то, чего потребуют обстоятельства.

— Но он же ваш друг.

— Своего друга, Генри Джонсона, я похоронил несколько месяцев назад.

— Его зовут Генри?

— Да, — О'Коннелл был немного удивлен, — а ты как его звала?

Девушка на секунду умолкла, а потом тихо, слегка дрогнувшим голосом ответила:

— Деймос. В центре ему дали имя Деймос.

О'Коннелл молча наблюдал за Астреей.

— Как я вижу, — наконец сказал мужчина, — вселять ужас он и вправду умеет.

Глава 19

— Поверьте мне, умеет, — согласилась Астрейя, — так что потребуется от меня?

О'Коннелл покрутил в руках трость, размышляя, что ответить на этот вопрос.

— Понимаешь, — начал он, — согласно распоряжению Совета, операторы распределялись тонким слоем по всем силовым структурам государства. К сожалению, приписанный к нам боец, которому я могу доверять, сейчас на задании. У нас есть еще пара телепатов, но им я не верю.

— А мне, значит, верите?

— Конечно, нет, — О'Коннелл улыбнулся, — но я уверен в том, что выбирая между мной и Генри, ты останешься на моей стороне. Ты же на моей стороне?

— У меня есть выбор?

— Нет.

— Тогда не вижу смысла отвечать на этот вопрос.

Астрейя встала со стула и прошла по камере, где ее держали.

— Так с чего начнем, полковник?

О'Коннелл оценивающе посмотрел на девушку, опять размышляя, правильно ли он поступает.

— Для начала, тебе стоит привести себя в порядок.

О'Коннелл тоже встал и, подойдя к двери, дважды в нее постучал.

— Ричи, открывай, все в порядке.

Дверь, запираемая электромагнитами, бесшумно открылась.

— Пойдем, — Ричард призывно махнул Астрее

рукой, — у нас много дел.

* * *

После того, как Мелисса закончила проверку сознания Оливера, она посидела у его кровати еще некоторое время.

Разглядывая черты лица Стального Генерала, женщина пыталась вообразить, кем бы мог стать этот человек, не попади он в жернова гражданской войны. Архитектором? Инженером? Врачом? Рабочим? Сейчас, зная Оливера, было сложно представить его в какой-то иной ипостаси, отличной от хладнокровного убийцы и командира целого ударного корпуса, но если постараться абстрагироваться от всего, что знаешь, воображение начинает подсовывать забавные варианты.

Оливер учитель? А, может быть, работник на ферме? Почему бы и нет.

Перед глазами Мелиссы предстал образ, где Стальной Генерал, без такой серьезной седины и морщин, занимается поливкой рассады в одной из столичных теплиц. Или настраивает капиллярную систему. Или разгружает мешки с удобрениями и плодородной почвой, которую свозили из уцелевших южных оконечностей страны.

«Кем бы ты мог быть, если бы не война?», — задавалась вопросом Мелисса, вглядываясь в безмятежное лицо спящего. «Кем бы могли стать мы все, Оливер?».

Она еще раз напоследок коснулась сознания Оливера, чтобы удостовериться, что спит он глубоко и

без сновидений, и вышла из палаты.

Впереди ее ждала сама неприятная часть дня — Деймос настоял на ее присутствии в кабинете Ивора, где он, Адикия, Мэтт и сам доктор Ивор для чего-то собирались вместе.

С Деймосом Мелисса пересекалась всего пару раз, и она не могла назвать эти встречи приятными. Общаясь с другими коллегами-операторами, она чувствовала родство с ними, касание их разумов и их силу, чего не наблюдалось за людьми, не прошедшими инъекций EP-22.

Деймос же был похож больше на стихию, чем на родственное существо. Дестабилизированный, он напоминал вулкан, готовый к извержению, который какой-то шутник заткнул огромной винной пробкой. Пробка трещала, раздувалась готовая вечно сдерживать напор стихии, но в тоже время в любой момент могла и пробить своим выстрелом небесный свод, который возвестит начало апокалипсиса. Рядом с ним Мелисса чувствовала себя голой и беззащитной: даже не концентрируя на ней свое внимание, Деймос испускал волны силы, которые, казалось, можно было пощупать руками. Когда же он говорил с Мелиссой, ей хотелось съежиться и забиться в угол — настолько ничтожной она себя ощущала рядом с ним.

«Мы ничего не можем ему сделать, но что будет, когда он окончательно свихнется?» — эта мысль билась в голове женщины, пока она шла по коридору.

— Все будет в порядке, поверь мне.

Погруженная в размышления, Мелисса не заметила, как ее нагнала Адикия.

— Что?

— Я говорю, что все будет в порядке. Про Деймоса. — Повторила младшая из сестер.

— Это ты к чему сейчас?

— К тому, что ты сильно фонишь, — Адикия легонько стукнула Мелиссу кулаком в плечо, будто бы они были закадычными друзьями, — успокойся, Деймос не так страшен, как кажется на первый взгляд.

— Пока не так страшен, — поправила Адикию Мелисса. — А что будет, когда он окончательно съедет с катушек?

Адикия в ответ лишь пожала плечами.

— Не факт, что мы доживем до этого момента, — через некоторое время добавила младшая сестра.

Последняя ее реплика отбила у Мелиссы всякое желание говорить дальше. Так, молча, они и дошли до кабинета Ивора.

Внутри уже почти все были в сборе. Мелисса надеялась увидеть еще и Анну Прайс, но та валялась в лазарете со сломанной челюстью. Как она слышала, это был прощальный подарок старшей сестры Адикии — Астреи.

— Отлично, — сказал Деймос, вставая со своего места — за рабочим столом Майка Ивора, который он беспардонно оккупировал в отсутствие последнего, — вас мы и ждали, девочки.

— Ждали для чего? — Не выдержала и спросила Мелисса.

Мэтт бросил на нее короткий осуждающий взгляд, Деймос усмехнулся, а Ивор и вовсе не подал виду.

— Для прощания, конечно же! Для чего еще? — Деймос подошел к Мелиссе и взял ту за плечи. — Мне будет очень жаль покидать вас, но придется. Нас с

Адикией ждут впереди великие дела. Да, Адикия?

Девушка неуверенно кивнула в ответ.

— Если вы собирались просто уйти, то зачем нас всех нужно было собирать здесь? — Включился в беседу Мэтт.

Деймос отпустил Мелиссу и стал в центре кабинета, повернувшись лицом к старому командиру.

— Знаете, Мэтью, меня давно гложет вопрос, лежащий в плоскости морали и этики. А все собравшиеся тут просто эксперты в данной области. — Деймос окинул взглядом помещение, на мгновение задерживаясь на каждом из присутствующих. — Имею ли я право убить человека, если это плохой человек? Скажи мне, Командор Мэтью Харрис, как ты поступал с плохими людьми?

Мэтт не успел ответить, а Деймос уже продолжил:

— Ты их казнил, сам, либо с помощью своего цепного пса, Оливера Стила, ведь так, старик? Но что определяло человека как плохого? Имеем ли мы право делать столь субъективные выводы, которые ложатся в основу смертного приговора. Что есть хорошо, а что плохо?

— Я не понимаю, к чему ты клонишь? — Мэтта эта дребедень стала порядком раздражать.

— Нет, старик, ты меня не заткнешь, — Деймос был невероятно весел, что добавляло жути ситуации, ведь каждый осознавал свою ничтожность на фоне его способностей, — я воспользуюсь своим правом сильного и закончу, а ты слушай и отвечай на мои вопросы. Что есть хорошо, а что плохо? Хотя, я упрощу задачу: кого ты казнил и почему?

— Хватит этого эфемерного дерьма, — достаточно

резко ответил Мэтт, — ты сам все прекрасно понимаешь. Это была война, а на войне есть только один закон: либо ты, либо тебя.

— Именно! — Деймос ликовал. — Либо ты, либо тебя. Единственный закон, который имеет право на жизнь, да, старик? Скольких ты убил, следуя своей логике?

Мэтт встал со своего места и подошел вплотную к Деймосу. Сейчас ему было все равно кто он и на что способен.

— Да что ты в этом понимаешь вообще?! Убил? Все эти люди, которых я поставил к стенке, заслуживали этой участи. Сопротивление никогда не казнило без суда! А как еще поступать с убийцами, насильниками и мародерами, когда в твоих лагерях голодают дети, а? Когда твои бойцы месяцами питаются сублимированным дерьмом, которое только поддерживает в теле жизнь? Кормить ублюдков? Пытаться их исправить? В этом мире ты либо рождаешься и живешь человеком, либо подыхаешь как собака — в петле или прикованный к столбу перед рядом расстрельной команды! Все!

— Оу, спокойнее, — Деймос фамильярно похлопал Мэтта по плечам, чем еще сильнее вывел того из себя, — но ты не думал о том, что решаешь за других? Или считаешь полевой суд сопротивления самым честным и гуманным?

— Каждый всегда решает сам за себя, — ответил Мэтт, — а мои решения или решения моих подчиненных казнить или помиловать — лишь ответная реакция на действия других людей.

— Тогда почему там, — Деймос кивнул на дверь, — в палате лежит самый массовый убийца в современной

истории? Почему Оливер все еще на этом свете, а, старик? Он совершил злодейств на целую сотню, еще останется, но все еще жив.

В комнате повисла тишина.

— Ладно. Подумай над этим после моего ухода. А вы, — теперь Деймос обращался к Ивору, — Майк, помните наш уговор? Готовы излить душу?

Ивор тер ладони, будто бы готовясь к чему-то.

— Да, помню.

— Отлично. Тогда, нам пора, — он внезапно протянул Мэтт руку, — я не говорил, что ваши приговоры были несправедливы. Я лишь хотел, чтобы вы задумались, почему и зачем вы принимали подобные решения.

Мэтт долго смотрел Деймосу в глаза, пытаясь понять, чего тот добивался этим нелепым спектаклем, но руку пожал.

— Вам же, доктор, руку жать не буду, сами понимаете, — веселым тоном продолжил Деймос.

— Понимаю.

— И куда вы направитесь? — Спросил Мэтт.

— В самое сердце этого гнилого государства, само собой, — с улыбкой ответил Деймос. — Ладно, девочка — обратился он уже к Адикии, — наши вещи готовы?

— Да, у лифта, — сказала все это время хранившая молчание Адикия.

— Ну что ж, Мэтт, Мелисса, оставляю вас наедине с Михаилом. А мы пойдем.

— Михаилом? — Повторил себе под нос Мэтт, но дверь за Деймосом и Адикией уже захлопнулась.

— Что все это значило, Майк? — Спросил старый

командир уже у хирурга. — Какого черта это было? Что за Михаил?

Ивор ничего не ответил. Он встал, подошел к своему столу и достал из нижней полки упаковку чая.

— Мелли, дорогая, сходи за кипятком и стаканами. Нам предстоит долгий разговор.

Майк понимал, что не смеет ослушаться Деймоса. Он все еще чувствовал его присутствие в своей голове.

* * *

— И что это было?

Они вышли из исследовательского центра, играючи миновав КПП и несколько уровней проверок допуска, и сейчас двигались пешком в сторону города по добротной асфальтированной дороге.

— Опять спектакль? — Повторила на иной манер свой вопрос Адикия.

— Можно сказать и так, — кивнул в ответ Деймос. — Мне нужно было хотя бы немного понять, что за человек Мэтт.

— Разве для этого тебе было недостаточно заглянуть в его сознание?

Деймос улыбнулся и поправил лямку вещмешка.

— Адикия, уж кто, так ты должна понимать, что сознание — как река. Оно постоянно течет, изменяет форму в зависимости от заданного ему «русла» обстоятельств. Невозможно понять человека за одно прикосновение к ему разуму, это недоступно даже для меня. Черт, надо было все же надеть броню, что-то я об этом не подумал.

— А я говорила, — упрекнула Деймоса Адикия.

— Да, говорила. А я не послушал.

— Сейчас было бы намного проще идти.

— Но без брони мы будем вызывать меньше внимания в городе, а внимание — это последнее, что нам сейчас необходимо, — заметил Деймос.

Адикия ничего не ответила.

— Так что там с сознанием Мэтта? Что ты увидел?

Деймос задумался.

— Знаешь, ничего особенного. Просто сильный духом и волей, но смертельно уставший старик. Его век подходит к концу, он это понимает, но ничего не может с этим поделать, как и все мы. — Он опять поправил лямку. — Все мы когда-нибудь умрем.

Остаток пути они прошли молча. Минуя окраины, состоящие из безликих бетонных коробок для рабочих, они вышли к торговому кольцу, опоясывающему Столицу.

Город занимал огромную площадь. Центральное кольцо небоскребов, в котором находились различные ведомства, лаборатории и организации, как государственные, так и частные, прорезало небо и производило эффект монолитной стены. Внутри делового сектора находился правительственный: здание совета и резиденции его членов, корпус контрразведки, часть столичного гарнизона, отведенная под охрану власть имущих.

На внешней стороне делового сектора кипела жизнь. Там размещались дома, где проживали клерки и военные, бары, кафе и редкие рестораны для элиты этого мира. «Кольцо Жизни», как называли его рабочие, не подпадало под правила комендантского часа, хотя

патрулей на улицах, временами, было больше, чем обычных прохожих. «Кольцо Жизни» было отгорожено от основной массы населения кроме всевозможных КПП и застав еще и «торговым рядом», шириной в несколько километров буферной зоной, где сливались воедино потоки работяг с окраин, ищущих всякие диковины, довоенную технику, антиквариат; все, что можно было продать, можно было и купить на кольце торгового ряда.

Организовался он стихийно. Когда-то, после возведения правительственного центра и внутреннего кольца, эта огромная площадка планировалась, как зона для дальнейшего расширения столицы, однако, рост нападений на госслужащих, их семьи, грабежи и разбой вынудили армию «захлопнуть» внутреннее кольцо и ввести систему допусков.

Примерно три четверти жителей столицы обретались за пределами «Кольца Жизни», в торговом ряду и на рабочих окраинах, с одной стороны от которых еще простиралось и недавно стертое с лица земли Гетто. Некоторые мастера, инженеры и руководители предприятий имели ограниченный допуск внутрь кольца наравне с военными, остальным же приходилось довольствоваться ролью obsługi своих правителей.

Судя по толчее на торговом ряду, было воскресенье.
— Держи сумку крепче, — тихо бросил Адикии Деймос.

Сам же он отточенными, будто привычными для него движениями раздвигал перед собой толпу, не брезгуя и поорудовать локтями.

— Смотри куда прешь! — Какой-то лысый мужчина заорал на Адикию, которая чуть не перевернула его

телегу с кастрюлями. — Руки от товара!

Девушка думала, что ответить, но Деймос схватил ее за рукав и потащил за собой.

— Тут где-то наши, операторы, а ты на километр фонишь, — прошипел ей на ухо Деймос.

— В смысле? — не поняла Адикия.

— В смысле, нервничать меньше надо, — продолжил полусшепотом Деймос, — нам сейчас надо раствориться в толпе, а не светиться на всю столицу.

Адикия даже не успела сообразить, что происходит, а ее товарищ уже втащил ее на один из боковых рядов, на котором стояли палатки, а проход был настолько узок, что двое мужчин с трудом могли разминуться.

С крючков навесов свисало различное тряпье: списанная солдатская форма, новые комбинезоны, перчатки, белье.

— Эй, парень, купи жене туфли! — Наперерез Деймосу бросился какой-то коротышка, держащий в руках пару новых, даже в чем-то симпатичных коричневых туфель на низком каблуке. — Купи жене туфли, мужик! Чего она у тебя в ботинках то! — Не унимался торгош, пока Деймос пытался его обойти.

— Спасибо, неинтересно, — бросил он и попытался обогнуть назойливого торговца, но тот его не пропускал.

— Да ладно тебе! Такая девушка, а ходит черт пойми в чем! — Коротышка хитро подмигнул Адикии, мол, сейчас все будет. — Если нет денег, то давай выменяю чего! У тебя отличный мешок! За него даже две пары дам!

— Не интересно, — прорычал Деймос и оттолкнул торгоша так, что тот чуть было не развернул

собственный прилавок, — давай, идем, — добавил он уже для Адикии.

Пара миновала назойливого продавца и стала пробиваться дальше по торговому ряду.

— Что мы тут вообще забыли? — Адикия абсолютно не понимала, зачем они оказались в эпицентре этой шумящей, галдящей, воняющей потом и самогоном людской массы.

— Почти пришли, — коротко ответил Деймос.

Спустя пятнадцать минут они подошли к КПП, охраняемому дюжиной бойцов, и отделяющему торговый ряд от «Кольца Жизни».

— Добрый день, сэр, — вежливо обратился Деймос к командиру, — мы пройдем?

На лице военного не дрогнул ни один мускул. Он даже не посмотрел на Деймоса и Адикию, а только коротко кивнул и отступил в сторону, параллельно отдавая своим бойцам приказ пропустить их.

Пройдя КПП, пара свернула в первое же кафе, попавшееся им на пути.

Близость торгового ряда оставила на заведении отпечаток. Совсем жесткого табу на вход в эту часть города не было (впереди были еще пропускные пункты), и сюда постоянно заходили более-менее приличные торговцы, инженеры или просто те, кто отправлялся на поиски приключений или антиквариата, по пути обратно, домой. Также постоянными посетителями, по всей видимости, были и солдаты с близлежащих КПП, которые после смены караула заходили на стаканчик-другой самогона или пива.

Сейчас тут было тихо. Наплыв клиентов ожидался, по всей видимости, ближе к вечеру, когда торговый ряд

начнет пустеть, а на пропускных пунктах кольца начнется пересменка.

Неопрятная, но с претензией на прическу, неопределенного возраста дородная женщина за прилавком оценивающе осмотрела вошедших.

Одеты Деймос и Адикия были весьма прилично и больше напоминали солдат в увольнении, чем забредших поглазеть работяг, поэтому работница заведения даже попыталась изобразить улыбку:

— Что будете? — Хриплый, пропитый голос с потрохами выдавал в ней заядлую дебоширку и алкоголичку, но сейчас, на удивление, алкоголем от нее не пахло — только заскорузлым потом.

Деймос бросил взгляд на руки женщины, которые к его удовольствию были абсолютно чисты, как и фартук, и ответил:

— Нам чаю, пожалуйста.

— Есть еще пшеничные булки, свежие.

Деймос знавал свежесть этих булок. Списанные из частей как испорченные, они частенько попадали в руки владельцев подобных заведений за символическую плату. В последующем, эти кирпичи, иначе их назвать не получалось, ставились в духовые шкафы вместе с литрами двумя-тремя воды. Вода испарялась и впитывалась в хлеб, делая его вновь пригодным к употреблению без риска сломать зубы. Правда, от запаха плесени это не избавляло, но волновало это покупателей мало: не то время, чтобы воротить нос.

— Да, дайте две.

— С вас три сорок, — сказала женщина и заняла выжидающую позицию.

Деймос с сожалением вспомнил времена, когда был

офицером. Тогда, в капитанской форме, зайдя в любое заведение внутреннего кольца, он просто делал заказ и его тот час обслуживали. Платили офицерам хорошо, тем более капитанам и выше по званию, так что сомневаться в платежеспособности подобных людей смысла не было, а вот подмочить репутацию в офицерских кругах ни одно заведение не желало.

Женщина все так же стояла, ожидая оплаты вперед, изредка постукивая ногтем по куску пластика, на который высыпали мелочь.

— Секунду, — ответил Деймос и запустил руку во внутренний карман куртки. Оттуда он извлек стопку сложенных вдвое купюр и нашел в них пятерку. Отдавая ее женщине, Деймос обратил внимание, как алчно блеснули ее глаза.

Собираясь в город, Деймос проверил работников центра на факт владение наличными. Хотя зарплаты у многих были весьма внушительными — плата за молчание — наскреблось всего три сотни долларов, большая часть из которых — мелочью. Со стороны же эта «котлета» выглядела так, будто в руках у тебя не меньше десяти тысяч.

— Сейчас все устроим в лучшем виде, — лебезя сказала женщина и уже развернулась в сторону кухни.

— Простите, — тихо сказал Деймос, — сдача.

— Что?

— Я дал вам пятерку, — сказал он слегка улыбаясь.

— И что? — Работница кафе уже думала перейти в наступление.

— Вы сами сказали, что счет — три сорок.

— Ах! Да! — Она попыталась изобразить удивление

и нехотя вывалила на пластмасску четыре монеты мелочи. — Совсем забыла! — Фальшиво улыбаясь продолжила продавщица.

Деймос только вяло улыбнулся и кивнул в ответ.

Они с Адикией устроились за столиком недалеко от входа, аккуратно затолкав вещмешки под стол. Уже через несколько минут на их столе стояли стаканы с коричневой жижей, называемой тут чаем. Хлебнув немного, Деймос был приятно удивлен: конечно, настоящего чая тут отродясь не водилось, но этот сбор цветов и трав пришелся ему по душе.

— Тут точно есть мята, — сказал он.

— Что? — Не поняв, переспросила Адикия.

— Говорю, в чае есть мята, — повторил Деймос, — весьма неплохо.

— Угу, — согласилась Адикия, — если ты о том, о чем я думаю, то да, неплохо.

— Ты не пробовала ничего мятного на вкус?

— Как-то не доводилось, — ответила она.

Еще через пару минут им на стол поставили тарелку с двумя влажными, горячими булками.

— Давай перекусим и пойдем, — сказал Адикии Деймос.

— Куда? — Спросила девушка.

Деймос прожевал кусок безвкусной, почти резиновой булки и запил чаем.

— Власть развращает, ты же знаешь?

— Конечно знаю, — ответила девушка.

— Значит путь у нас один, — продолжил игриво Деймос, — мы пойдем играть в карты.

Мелисса взяла на пищеблоке чайник, три стакана и направилась в кабинет Ивора.

То, как ушли Деймос и Адикия, не укладывалось у женщины в голове.

«Начал распинаться про казни и внезапно свинтил в закат... У нас будут серьезные неприятности».

Установка, которую дал работникам и жильцам центра Деймос, была еще активна, но Мелисса понимала, что рано или поздно ее, а тем более Мэтта и Оливера начнут замечать. И если для Мелиссы это не грозило ничем серьезным, так как она была оператором, то ее товарищи находились в серьезной опасности.

«Скоро надо будет уходить», — подумала она.

Когда она вернулась, Мэтт и Майк уже говорили.

— Значит, вас зовут Михаил, так? — спросил Мэтт в тот момент, когда мелисса вошла в кабинет.

— Да, — ответил Ивор, — мое настоящее имя — Михаил Иворинец, которое после прибытия в Штаты трансформировалось в Майка Ивора.

— Но у вас совсем нет акцента, — удивился Мэтт, — никогда бы не сказал, что вы иностранец.

— На оттачивание произношения ушло много времени, — усмехнулся хирург, — но у меня его было достаточно.

Он обратил внимание на Мелиссу и указал на край стола, куда следовало поставить ее «добычу».

— Так что вы должны нам рассказать? — Задал еще один вопрос Мэтт, — на чем настаивал Деймос?

— Даже не знаю, с чего начать. — Старый хирург достал из пачки шепотку чая и рассыпал по стаканам, будто тянул время. — Много всего, на самом деле. Но сначала я задам встречный вопрос: Мэтью, вы знаете,

что стало с вашим младшим братом?

Мэтт поменялся в лице. Джеймса он похоронил много лет назад и старался о нем не вспоминать.

— Только не говорите, что этот ублюдок все еще жив, — процедил старый командир.

— О да, — ответил Ивор, залив стаканы кипятком и накрывая их папкой для бумаг, — он жив. Правда, я не до конца уверен, что знаю, почему именно вы так отреагировали на упоминание о нем.

Мелисса посмотрела на Мэтта. Старый командир будто бы вмиг постарел лет на десять. Сейчас, в приглушенном освещении кабинета все морщины на его лице были видны лучше обычного, что добавляло ему возраста.

— Расскажите сначала вы, Мэтью, кто такой ваш брат, — продолжил Ивор.

Мэтт вдохнул, собираясь с силами, бросил взгляд на Майка, который неведомо откуда знает о существовании его брата, на Мелиссу, будто оценивая, может ли он настолько ей верить, чтобы рассказывать об этой части своего прошло, и начал:

— Мы с Джеймсом стояли у истоков движения сопротивления, — сказал Мэтт, — вы, верно, помните, Майк, то время, когда за кражу кило риса расстреливали на месте. Насмотревшись на эти зверства тогдашней хунты, мы и стали организовывать партизанское движение...

Мэтт прервался, вспоминая те далекие-далекие времена.

— Джеймс всегда был слабым. Не духом, нет, физически. Не знаю, в кого он пошел, наверное, в нашу мать, а не в отца, как я, но его тщедушность только

разжигала в нем злобу и жажду власти. А если помножить все на нравы того времени — он очень быстро из милого парня превратился в исчадие ада.

Мэтт потянулся, снял папку и взял один из стаканов.

— В какой-то момент я перестал понимать, сопротивление мы или просто банда мародеров, но ничего не мог с этим поделать. Тогда я уже повстречал Оливера и сконцентрировался на его продвижении, чтобы иметь в совете командиров против Джеймса лишний голос, но он сам ушел.

— Сам ли? — Спросил с намеком Ивор.

— Ну как, сам. В определенный момент его методы пересекли невидимую черту, грань, после которой нет пути назад. И я поставил его перед выбором: либо я его расстреляю, либо он проваливается и я его больше никогда не вижу. Он выбрал второе. А после его место в штабе занял Оливер.

— То есть, прародителем ударного корпуса был Джеймс? — С удивлением спросил хирург.

— Да, — ответил Мэтт, — Оливер изначально просто принял командование... — Мужчина запнулся, — еще зеленый был, для такой ответственности, я им просто заткнул дыру в рядах командующего состава. Почему вы вообще спросили о Джеймсе?

Ивор молча взял свой стакан с чаем и сделал несколько больших глотков.

— «Око» — неоднозначный проект и мы бы никогда не получили то, что есть в этом центре, да и сам центр, без мощного покровительства сверху. — Ивор поставил стакан и продолжил, — точнее, без очень влиятельного покровителя, скажем, одного или нескольких членов Совета.

— Вы хотите сказать... — Начал Мэтт, но Ивор его перебил:

— Да, Мэтью. Этот покровитель — Джеймс Харрис и, судя по описанию, это именно ваш младший брат.

Мэтт вскочил, при этом опрокинув стул, выхватил из кобуры пистолет и направил на Майка Ивора.

— Ах ты мразь! Ты же знал с самого начала, кто я такой, еще там, в подвале, где я тебя нашел!

Мелисса лишь молча наблюдала за происходящим, абсолютно не понимая, чью сторону должна в данной ситуации занять.

— Да, — согласился Ивор, — я знал. Скажу больше, именно Джеймс привел вас в столицу, обратно, после того, как ты нашел в Гетто Оливера.

Пазл происходящего в последние недели стал складываться у Мэтта в голове в единую картину.

— Ах, ты су... — Начал старый командир.

В этот момент Ивор коротко кивнул Мелиссе с одним им понятным намеком.

Женщина подчинилась.

Она ворвалась в разум Мэтта и не дала тому нажать на спусковой крючок.

— Молодец, Мелли, я всегда знал, что Джеймс умеет выбирать людей, — Ивор встал со своего места и вытащил из одеревеневшей руки Мэтта пистолет, — он вам больше не понадобится, Мэтью.

— Что ты делаешь, тварь, — прохрипел старый командир. Говорить было невероятно тяжело, но Мелисса, все же, позволяла ему это делать, — и ты, сучка, зачем, — теперь он обращался к женщине, еще минуту назад которой он доверял как боевому товарищу.

— За прошедшими событиями вы упустили, сэр, — слегка дрогнувшим голосом ответила Мелисса, — что ни один оператор не стал бы помогать командованию мятежников просто так. Извините, но у меня был приказ, от них, — она кивнула на Ивора, подразумевая последнего и Джеймса Харриса, — мне очень жаль, сэр, но я — солдат.

— Умница, — Ивор улыбнулся женщине и обратно уселся в свое кресло, спрятав пистолет Мэтта в ящик стола, — я обещал Деймосу, что все расскажу вам, Мэтт. Этот приказ до сих пор бьется в моей голове, и я не могу ему противиться, но при этом каких-либо других указаний наш божок не давал.

Глава 20

Деймос и Адикия укрылись в одном из жилых домов внутреннего кольца, верхние этажи которого оказались заброшены.

Девушка уже давно и крепко спала в углу, подложив под голову вещмешок, но к Деймосу сон не шел.

— Неплохо вы тут развлекаетесь, — Генри появился как обычно, из ниоткуда.

Деймос обратил внимание, что с течением времени, чем больший урон ЕР-22 наносил его мозгу, тем реальнее было его альтер эго, его прошлая личность. Сейчас ему казалось, будто Генри, именно так, по имени, он теперь звал свою галлюцинацию, еще недавно представляющую из себя обугленный труп, скоро сможет двигать предметы.

— И чего мы тут сидим? — Опять заговорил он. — Ты же знаешь, что времени у нас не очень много, а потом, дружище, мы сольемся в экстазе единения.

Генри схватил сам себя за плечи, будто обнимая, и покрутился из стороны в сторону.

— Ты же ждешь этого, Деймос?

— Не то что бы очень сильно, — ответил последний.

Галлюцинация разразилась истерическим хохотом, который эхом прокатился по пустой квартире.

«Это лишь в моем сознании, Адикия не услышит», — подумал Деймос.

— Конечно же в твоём сознании, капитан! Вот только задумайся: а, может, ты настолько поехавший шизофреник, что сейчас разыгрываешь мини-спектакль, спешно меняясь местами с самим собой, а то, что ты

сидишь там, у окна — это и есть основная часть галлюцинации? — Генри хитро прищурился, растворился в воздухе и медленно, будто бы нарочно, материализовался уже вплотную к своему «хозяину».

— Не хочешь умирать? Мужик, да ты шутник.

— С чего это?

— Те, кто не хотят умирать — не идут на службу в армию, твердоголовый ты мой, — ответил Генри, — а ты до целого капитана выслужился!

Деймос промолчал.

— Что ты задумал? — Генри прищурился, будто пытался что-то выведать. Это выглядело вдвойне странно, учитывая, что у них с Деймосом была одна голова на двоих.

— К чему вообще эти вопросы? Ты же все и сам знаешь.

— У шизофреников принято говорить самим с собой, кажется, — ответила часть его сознания, — а ты же шизофреник?

— Заткнись, — огрызнулся Деймос.

Генри только покачал головой и оторвался от пола, взмывая вверх. Ловко перевернувшись, призрак коснулся ногами потолка, пару раз топнул и стал прохаживаться по комнате, будто бы привыкая к новому положению в пространстве.

— Мы же договаривались не нарушать законы физики, — заметил Деймос.

— Да класть я хотел на эти договоренности, мужик, — ответило видение, — ты раскис, ты сомневаешься в том, что мы должны сделать!

Генри отошел в угол потолка и прислонился к стене. Всецелой своей позой он старался показать, что так оно и

должно происходить, чем еще больше раздражал Деймоса. Даже его одежда тянулась вверх, а не сползала вниз, будто бы для этой части его сознания действовало собственное гравитационное поле, удерживающее галлюцинацию в подобном положении.

— Мы можем вмешаться в ход жизни других людей, Деймос, — сказал Генри, — я тебе уже говорил, что судьба, взамен утраченной жизни и рассудка, дала тебе в руки Золотого Короля — фигуру, которая изменит жизнь миллионов. Но я вижу, что ты не уверен в себе, ты отталкиваешь меня, игнорируешь меня всякий раз, когда я пытаюсь направить ход событий в нужное нам русло. К чему были все эти сюсюканья в центре? Зачем ты потребовал от меня вытащить Оливера Стила с того света? Еще одна подстраховка на тот момент, когда ты растворишься, и останусь только я?

Плод воспаленного сознания Деймоса спрыгнул с потолка на пол и опять подошел к своему «хозяину».

— Рано или поздно, Деймос, ты канешь в лету, и останусь только я — как единственно достойный к существованию! Я чувствую, как трещит скорлупа твоей ментальной защиты, барьером, воздвигнутым твоим новым «Я», Деймосом, от своего истинного «Я» — меня. Ты, созданный чтобы подчинять миллионы, диктовать волю своих кукловодов, сейчас даже боишься коснуться разума Адикии, чтобы узнать, спит она или нет!

— Адикия меня не боится, я это знаю, — ответил Деймос, — и она спит, для этого мне использовать Око не нужно. Генри, я не боюсь использовать свою силу, просто еще рано.

— Серьезно, спит? А ты возьми и коснись ее, как тогда, на активации! Я же знаю, что ты наслаждался

этой мощью, этой садисткой, абсолютной властью, дарованной тебе самим провидением! Что такое, Деймос? Каждый человек внутри — изощренный садист. А ты давно переступил эту грань. Мы можем погрузить этот город в сладостный, утопический сон, стать властелинами мира, двумя богами в одном теле, если ты прекратишь отказываться от меня, прекратишь убегать!

Деймос молча посмотрел в окно. Перед его взглядом лежали высотки Внутреннего Кольца. На крупных улицах горели фонари, где-то кипела жизнь. Тут он планировал провести пять дней, дожждаться пятницы, тогда-то все и начнется. Но, по всей видимости, это будут очень долгие пять дней. Возможно, самые долгие пять дней в его жизни.

Главное, чтобы Адикия ничего не заподозрила.

— По мне, стоит волноваться не тебе, а Адикии, — злобно процедил Генри. — Мне казалось, в какой-то момент, что ты принял меня, принял свою участь. Я согласился с твоим изначальным планом, но сейчас ты вытворяешь непонятно что! Ты хочешь повлиять на судьбу мира, но даже не можешь воспользоваться модулем Ока! — Генри перешел на крик, — вместо тренированного бойца, ты сейчас больше похож на мальчишку, которому в руки с небес упал автомат, когда все остальные воюют палками и камнями! Ты не знаешь предела своей мощи, а он есть! Откуда тебе знать, Деймос, что если Адикия, Астрейя и еще пяток операторов не загонят тебя под ментальный «пресс», ты это выдержишь?

— Чего ты от меня хочешь? — Устало спросил Деймос.

— Я хочу, — уже спокойнее ответил Генри, — чтобы

ты начал пользоваться своим модулем так, как полагает телепату. Судя по расчетам Ивора, времени у нас предостаточно — еще две недели, а надо всего пять-шесть дней. Так что хватит прятаться и игнорировать собственный модуль!

Деймос дрогнул. После активации он подавил восприятие, даруемое ему модулем Ока, и сейчас чувствовал себя полуслепым: как если бы он всегда смотрел из под полуопущенных век, боясь широко открыть глаза.

«В чем-то Генри прав. Почему и нет?» — подумал Деймос.

Он расслабился, вдохнул несколько раз поглубже и потянулся Оком во все стороны.

Волна образов захлестнула бывшего капитана. Мысли тысяч, десятков тысяч людей в домах вокруг, их сны, надежды, эмоции. Деймос чувствовал себя в центре ревущего потока, который со всех сторон окружал его.

Он сделал еще одно усилие, увеличив радиус охвата.

«Дальше! Дальше!» — подначивал голос Генри, звучащий прямо в голове Деймоса, — «Хватит прятаться!»

Чем глубже Деймос проникал в сознание людей, не важно, спящих или бодрствующих в округе, тем более агрессивным становится поток. Он ощущал затаенную ярость, злость, алчность, подавленные желания и тяжелые воспоминания тех, чьего разума он касался. Река мыслей пыталась смести его, раздавить, уничтожить.

Вот, яркой стрелой промелькнул один из его

собратьев, оператор, вот еще один. Но, в отличие от бездумной реки сознания простых людей, эти поняли, что столкнулись с чьим-то вторжением. Деймос чувствовал, как они пытались дотянуться до него, найти, понять, кто это и где находится.

Его захлестнула волна паники: если они обнаружат его раньше времени — всему конец. Даже до конца не осознавая, что он делает, Деймос мысленно хлестнул две яркие нити чужого сознания, до которых нечаянно прикоснулся.

Те моргнули, будто старые лампочки, и погасли.

* * *

— Куда мы направляемся?

Астрее приходилось стараться, чтобы не отстать от О'Коннелла. Пусть полковник и был хромым, но передвигался с прытью, которой бы позавидовал любой полностью здоровый молодой мужчина.

— Сначала — зайдем к технарям, а после займемся делами, — даже не повернув головы, ответил тот.

Судя по тону, Астрея поняла, что продолжать расспросы бессмысленно. Модуль понемногу восстанавливал свою работу после перегрузки, которую ему устроили в камере. Для Астреи это выражалось в покалывании в районе шеи и начале легкой головной боли. Но теперь она вновь могла ощущать присутствие людей вокруг себя.

Единственное, что ее тревожило — она не слышала О'Коннелла, будто бы его здесь и не было.

«Прямо как с Деймосом», — подумала девушка и

содрогнулась от собственных мыслей. — «Это невозможно, я абсолютно в этом уверена. Он — не Деймос, нет».

Они дошли до лифта и, поднявшись на несколько этажей, продолжили свой путь по извилистым коридорам департамента. Когда Астрея уже начала думать, что хождения по этому лабиринту никогда не закончатся, О'Коннелл свернул в последний раз, и они уперлись в большую металлическую двустворчатую дверь.

Полковник остановился и впервые посмотрел на Астрею с того момента, как они вышли из камеры.

— Спрашиваю в последний раз: ты со мной? Если ты сомневаешься, то можешь вернуться в свою камеру, я не буду тебя осуждать.

— И что со мной будет потом?

О'Коннелл на миг задумался.

— Твою судьбу решит военный трибунал, когда все закончится.

— А если я пойду дальше?

— Тогда ты сможешь остаться в департаменте. Преданных людей тяжело найти и я приложу все усилия для того, чтобы тебя не тронули.

— Ну, тогда выбор очевиден, — сказала она.

Полковник улыбнулся и покачал головой.

— У меня весьма жесткие методы, — предупредил О'Коннелл уже толкая рукой дверь.

— После операции по вживлению имплантата и встречи с Деймосом уже ничего не страшно, — ответила девушка.

О'Коннелл ничего не ответил и вошел в помещение, следом за ним ступила внутрь и Астрея.

— Это — наши технические специалисты, — не без тени гордости О'Коннелл представил девушке трех мужчин и женщину в гражданской одежде, — я слышал, ты принимала участие в рейде на Гетто?

— Да, — ответила та.

— Так вот, новые боевые костюмы, в большей степени — их заслуга, — сказал О'Коннелл, — они кое-что приготовили и для тебя, да, парни?

Невысокий мужчина, которого бы Астрея никогда не назвала старшим, утвердительно кивнул за всех.

— Да, сэр, — добавил ученый, — мы все подготовили. У вас не возникло проблем с пупсом?

— С каким пупсом? — спросила Астрея, потому что ей показалось, что она ослышалась.

О'Коннелл молча снял китель, бросив его на спинку ближайшего стула, и стал расстегивать рубашку. Взору ничего не понимающей Астреи предстал своеобразный тонкий металлический ошейник, плавно переходящий на плечи, с бодро светящимся зеленым индикатором.

— Что это?

— ППУСЭП — сказал по буквам за О'Коннелла один из работников лаборатории, — Персональное Переносное Устройство Создания Электромагнитных Помех, хотя между собой мы его зовем анти-операторским ошейником.

До девушки стало доходить, хотя и медленно.

— Так именно из-за него...

— Ага, — задорно, как мальчишка ответил наслаждающийся ситуацией О'Коннелл, — поэтому я без всякой опаски выпустил тебя из камеры. Согласись, эти парни — волшебники. Кстати, почти не трет, — добавил он уже для ученого.

— Сделаем подстежку помягче, — ответил один из мужчин.

— Да, — согласился полковник, — было бы неплохо.

— То есть, — вмешалась в их милую беседу Астрейя, — ты хочешь нацепить на меня намордник?

— Нет, — ответил О'Коннелл, — кое-что менее громоздкое, чем у меня, но не менее эффективное. Присаживайся, — он отодвинул один из стульев и указал Астрее сесть.

Работники лаборатории без лишней суеты извлекли из одного из ящиков тонкий металлический обруч.

— Это, — начал один из ученых, — парное устройство к ППУСЭП полковника О'Коннелла. Работает оно на дистанции от десяти, до пятидесяти, в теории семидесяти, метров в зависимости окружающей обстановки, наличия перекрытий и прочих препятствий. При создании данных устройств мы использовали одну из наших разработок в области топливных элементов...

— Покороче, пожалуйста, — прервал ученого О'Коннелл.

— А, да, конечно, — осекся мужчина, — в общем, функция у него одна — сдерживание. Ошейник после активации будет постоянно принимать биометрические данные с ППУСЭПа полковника О'Коннелла. При отсутствии данных в течение более минуты он перейдет в режим ликвидации. Также полковник может активировать режим ликвидации в ручном режиме несколько раз в нужном порядке повернув головой в разные стороны.

— То есть, я теперь заложница? — Астрейя была в бешенстве. Как она вообще могла поверить разведке?

— Не совсем так, — О'Коннелл уже застегнул

рубашку и надел обратно китель, — это — страховка на случай предательства. Я же тебе не верю, помнишь?

— Хорошо, — девушка хотела вскочить и врезать по этой самодовольной роже, — а что произойдет, если включится этот, как его? Режим ликвидации?

Ученые замялись, лицо О'Коннелла осталось непроницаемым.

— Тебе оторвет голову, — наконец-то сказал он. — Внутри ошейника — заряд взрывчатки. Шансы выжить — нулевые.

— Прекрасно! Просто восхитительно! — Астрейя была вне себя. — И ты хочешь, чтобы я позволила нацепить мне на шею бомбу? Серьезно?

— Да, — О'Коннелл не был сейчас похож на человека, который шутит, — и ты его наденешь, Астрейя. Только так и никак иначе. По городу уже разгуливает один оператор-маньяк, мне не хватало, чтобы второй после него по силе телепат шлялся непонятно где.

Их битва взглядов продолжалась буквально мгновение, в которой победил О'Коннелл. Астрейя молча сбросила куртку, в которой была все это время и подняла волосы.

— Давайте только быстро, — сухо бросила она ученому.

Замок ошейника щелкнул где-то сзади, на уровне того места, где был вшит модуль Ока, и Астрейя почувствовала прохладу металлического корпуса этого смертоносного устройства на своей шее.

«Вот и все. Я сама засунула голову в капкан. И он захлопнулся», — подумала она.

После того, как сотрудники лаборатории закончили калибровку, Астрейя вышла в коридор, где ее терпеливо

ждал О'Коннелл.

— Довольны? — она запустила палец между металлическим обручем и шеей, будто пытаюсь его растянуть.

— Ну, не то, чтобы очень, — ответил полковник, — ведь меня может зацепить осколками.

Он насладился выражением лица Астреи, а потом негромко, но абсолютно искренне рассмеялся.

— Да ладно тебе, просто води себя хорошо, и я лично сниму с тебя эту дрянь, — попытался он успокоить девушку, — пойдем.

Они молча двинулись по коридорам департамента, теперь куда-то вниз. На миг в голове Астреи мелькнула мысль, что сейчас ее вернут в камеру, но это было не так: помещения были ей незнакомы, а мысли живых людей — все дальше, чего не наблюдалось на «тюремном уровне», как девушка окрестила для себя этаж, где ее содержали.

— Куда мы идем? — Спросила она полковника.

— В морг.

— Я уже устала от ваших шуточек, полковник О'Коннелл.

— А кто сказал, что я шучу?

Через несколько минут они и в самом деле оказались в морге. Их встретил старый патологоанатом, которому О'Коннелл просто пожал руку.

— Стив, покажи последних, что я осматривал, моей помощнице, — он даже не потрудился представить Астрею, хотя, видно, и не было нужно.

Патологоанатом жестом приказал следовать за ним, к холодильным камерам, в которых держали трупы. Он открыл две из них, находящихся на уровне пояса и

извлек на свет тела мужчины и женщины средних лет.

Астрее они показались чем-то отдаленно знакомыми, хотя она и не могла понять, откуда.

— Стив? Повтори то, что рассказал мне.

Старый работник морга по-хозяйски обошел тела и лекторским тоном начал:

— Двое, мужчина и женщина, тридцать два и тридцать лет соответственно. Умерли пять дней назад, в ночь с воскресенья на понедельник. Причиной смерти я бы назвал обширный инсульт, но, честно сказать, настолько серьезных поражений я не видел никогда. Оба служили в вооруженных силах. При вскрытии обнаружены инородные предметы в области шеи.

— В шее? — Повторила следом Астрея, — вы хотите сказать, они были операторами?

— Какими еще операторами, девочка? — Переспросил патологоанатом.

— Это она так, не обращайтесь внимания, — встрял О'Коннелл, — что еще скажете?

— Ну, скажу, что это все было очень странно, вот что я скажу, — ответил старик, — они были достаточно молоды и абсолютно здоровы. Такие странные случаи, да еще и два одновременно...

— Думаете, совпадение? — С надеждой спросила Астрея, хотя в глубине души она прекрасно понимала, зачем они здесь.

— Что ты, девочка, — рассмеялся врач, — я слишком долго живу и работаю в этом месте, чтобы верить в совпадения. Не знаю как, — он потер переносицу, — но кто-то их убил. Каким образом — вопрос хороший, но других вариантов не вижу.

— Спасибо, Стив, — сказал О'Коннелл, —

отслеживай подобные случаи, пожалуйста, я дам все необходимые распоряжения.

Медик коротко кивнул в ответ и отточенным, привычным движением отправил поддоны с телами обратно в холодильные камеры.

Они вышли из морга и через пять минут Астрея уже сидела в мягком гостевом кресле в кабинете О'Коннелла.

— Ну и что ты думаешь? — Спросил полковник, который уже устроился на своем месте, примостив трость к краю стола.

— Это был Деймос, больше никому, — ответила Астрея.

— Почему ты так решила?

Астрея промолчала, думая, что же ответить О'Коннеллу.

— Астрея, мы в одной лодке, — доверительно заверил разведчик, — рассказывай.

— Хорошо, — согласилась девушка, — вы спрашивали, почему я решила, что это именно Деймос? Сила операторов разделяется на несколько категорий, в зависимости от уровня синхронизации с модулем Ока. Чем выше уровень — тем четче интерпретируются мозговые волны оператора в приложении к цели и тем мощнее сигнал. Грубо говоря, модуль не тратит своих мощностей на выравнивание сигнала и устранение помех, а работает исключительно как антенна. Мой уровень синхронизации составляет 83%, моей сестры — 78%, Деймос же, насколько я слышала, синхронизирован на 97,3% с модулем Ока.

— И что это значит? Цифры же совсем невелики.

Астрея горько улыбнулась.

— Вы не понимаете, полковник О'Коннелл, после отметки в 60% синхронизации каждые пять процентов увеличивают силу оператора вдвое, — Астрей поерзала в кресле, хотя называть так тех, кто преодолел 50% барьер пригодности — некорректно.

— Что ты имеешь в виду? — О'Коннелл сейчас был похож на гончую, которая взяла след; он всем своим видом пытался показать, что абсолютно спокоен, но что-то в выражении его лица выдавало крайнюю заинтересованность и даже мальчишеское нетерпение.

— По выкладкам доктора Ивора и доктора Прайс, подопытные получали определенный перечень возможностей в зависимости от уровня синхронизации. Нулевой уровень — до вживления модуля Ока — возможность чувствовать чужое присутствие. Меня тестировали, как добровольца. В абсолютно темной комнате я могла точно сказать, сколько людей находится в помещении кроме меня. Со временем, стала еще различать пол и настроение находящихся рядом.

— Серьезно? — Полковник уже не скрывал эмоций и было видно, что он удивлен, — и это только нулевой уровень? А сколько их всего?

— Всего уровней пять, — ответила Астрей, — каждый последующий включает в себя предыдущий, но с лучшими характеристиками. Достижение «уровня» зависит от первоначальных когнитивных способностей подопытного, того, как прошел курс инъекций EP-22 и того, насколько успешно модуль синхронизировался с мозгом и нервной системой.

— Нервной системой? Зачем? Рассказывай детально, с чем мы имеем дело. Я, конечно, получил документацию для служебного использования, но она

была больше похожа на руководство по эксплуатации оператора, чем на описание технологии.

— Сейчас объясню, — ответила Астрея. — По поводу нервной системы. Мозг — сложная штука, так что модуль создан так, что может при фокусировке интерпретировать любые действия оператора. Мы с моей сестрой разрабатывали методику боевого применения для повышения эффективности в экстремальных ситуациях, например, в условиях рукопашного боя.

— То есть, — встрял полковник, — ты можешь одновременно ударить рукой и модулем?

— Грубо говоря — да, — согласилась Астрея, — большинству операторов нужно замереть на месте и сконцентрироваться на использовании модуля, тогда как мы с сестрой можем атаковать одновременно и физически, и ментально. Я специализировалась на мощности удара, Адикия же предпочитала «игры разума».

— В смысле?

— Представьте себе, что вы ушли в рукопашный бой и кулак противника летит вам в челюсть, что вы сделаете?

— Ну, — полковник задумался, — была бы нога цела — поднырнул бы и ударил по корпусу, а так поставлю блок.

— Вот, — продолжила девушка, — на самом деле удар в челюсть — это морок. Пока вы видите летящий в челюсть кулак, нога моей сестры уже ломает вам коленный сустав. А удар ногой у нее поставлен будь здоров.

О'Коннелл в ответ только издал какой-то звук,

похожий на кряканье.

— А ты, я так понимаю, наводишь панику на противника?

— Ну, можно сказать и так, — сказала Астрея, — мы отрабатывали эту технику только друг на друге, так что пробиться через ментальный блок было проблематично, но я думаю, что мы бы справились вдвоем с целой ротой. Солдаты бы видели что угодно: танковую атаку, взрывы, стрельбу, могли бы вообще оказаться в окопах, а на деле — беспорядочно бы метались из стороны в сторону, полностью уверенные в том, что ведут бой.

Полковник задумался.

— Так вот как вы сровняли с землей Гетто, — наконец сказал он, — а я все ломал голову, как армия провернула эту операцию без нас, да еще и с минимальными потерями. Вы же с сестрой участвовали в рейдах, а потом и в зачистке.

Астрея согласно кивнула.

— У них не было ни единого шанса. Мы просто обходили здание за зданием и уничтожали противника без всякого сопротивления.

— Мило, — заметил полковник, — а что ты там говорила про уровни?

Астрея немного помолчала, подбирая слова, а потом продолжила:

— Первый уровень — оператор после вживления модуля Ока способен читать мысли. Кому-то это дается максимально легко, кому-то надо концентрироваться, я с сестрой слышу их всегда. А Деймосу же, как я подозреваю, еще надо напрягаться, чтобы не слышать. Второй уровень — внедрение. Ты способен вести ментальный диалог с кем-то, не обладающим

способностями телепата, но это очень затратно в плане усилий, проще просто говорить. Третий уровень — контроль тела. Тут уже все сложнее. Я бы могла продемонстрировать, но вот это мешает, — она ткнула пальцем на грудь полковника, где под кителем и рубашкой скрывался ППУСЭП, — но одно знать следует точно — свободно это делать могут только две трети операторов. Учитывая, что нас всего около полусотни — человек тридцать. Остальные же могут брать под контроль только одну цель и то, с большим трудом.

— А у тебя какой предел целей? — Поинтересовался полковник, — сколько одновременно можешь контролировать?

— Не знаю, — Астрейя пожала плечами, — во время зачистки Гетто приходилось перехватывать контроль одновременно у дюжины, наверное.

— Ясно, — полковник взял трость и начал крутить ее в руках, — а еще два уровня?

— Четвертый — это контроль сознания и обращение к памяти, — сказала девушка, — но, заметьте, чтение ментальных мыслей и копошение в памяти — разные вещи. Последнее намного сложнее. Почти никто не может залезть глубже того, что лежит на поверхности. О воспоминаниях детства или полузабытых — я вообще молчу.

— Но ты же на это способна?

— Конечно, — в голосе Астреи мелькнула нотка гордости, — до появления Деймоса я была сильнейшим телепатом программы.

— А что пятый уровень?

Тут девушка помрачнела.

— Доктор Ивор считал, что это невозможно, потому

что никак с разумом не связано, но я теперь считаю иначе. Пятым уровнем он называл контроль бессознательных функций организма. Я могу заставить солдата задержать дыхание и задохнуться, рано или поздно, приложив определенные усилия, но я не могу заставить остановиться его сердце. Или поднять артериальное давление так, чтобы добиться поражения мозга...

— Ты хочешь сказать?..

— Да, — перебила догадку полковника Астрей, — я считаю, что Деймос, с его уровнем синхронизации, способен на воздействие пятого уровня при должной фокусировке.

— А есть какие-нибудь доказательства? Ты сама видела?

— Конечно есть, — ответила девушка, — даже два. Они лежат внизу, в морге.

В кабинете повисла тишина.

— Значит, близко к нему не подобраться, он всех слышит. Это надо держаться на удалении в метров сто... — начал полковник.

— Сто метров — активный радиус Адикии, — опять перебила О'Коннелла Астрей, — мой — уже сто пятьдесят. Так что в случае с Деймосом я бы говорила о сознательном километре, а то и двух-трех.

— Ты серьезно?!

— Серьезнее некуда, — ответила девушка.

Это плохо. О'Коннелл слышал о снайпере, который мог положить пулю на дистанции в тысячу пятьсот метров, возможно, сумеет и на двух, если будет безветренная погода. Как ликвидировать цель, да еще и в мегаполисе, если она может засечь тебя еще до того,

как вы выйдете на прямой визуальный контакт?

Куда не кинь — всюду клин.

— А ты можешь противостоять Деймосу в ментальной схватке?

Астрея задумалась.

— В плане сил наше сражение будет больше похоже на борьбу муравья с ботинком, — ответила девушка, — я же говорила, что после порога в, примерно, 65% синхронизации с модулем, каждый последующий процент значительно усиливает телепата. У нас с Деймосом разбежка в почти пятнадцать. Я не уверена, справятся ли с ним вообще все участники программы вместе взятые, с учетом меня и Адикии, а она лишь чуть слабее меня.

— Дерьмо, — выругался О'Коннелл.

Его складный план по поимке и ликвидации, если понадобится, Генри, сейчас трещал по швам. Он потратил уйму времени на отлов Астреи, а сейчас оказывается, что она бесполезна.

«Ладно, не совсем бесполезна», — одернул сам себя Ричард, — «она — второй по силе существующий телепат, это же должно нам хоть как-то помочь».

В этот момент дверь в кабинет распахнулась и внутрь зашел его помощник, которого О'Коннелла постоянно подмывало назвать адъютантом, но он сдерживался. В современном же мире живем.

— Полковник!.. — Начал было молодой мужчина, но, увидев в кабинете незнакомую женщину, осекся.

— Говори свободно, все в порядке, — сказал О'Коннелл, подразумевая, что Астрея не посторонняя.

Помощник продолжил:

— Есть вести по вашим наводкам, полковник! — Он

протянул О'Коннеллу планшет и несколько бумаг, — первое — советник Харрис выехал за границы Столицы, мы посчитали это подозрительным и решили сообщить.

— Молодцы, все правильно, — похвалил подчиненного Ричард, — известно, куда направился?

— Да, сэр, — ответил мужчина, — в исследовательский центр, за которым вы так же приказали вести наблюдение.

О'Коннелл только покачал головой.

— Любопытно, — пробормотал он себе под нос, просматривая бумаги донесения и запись на планшете, — а что второе?

— Сэр, — продолжил мужчина, — системы видеонаблюдения засекли мужчину, который был идентифицирован как капитан Генри Джонсон.

— Где-то на окраине? — н'Коннелл был доволен собой, все удочки в плане слежки, которые он закинул, сейчас клевали.

«Адъютант» сглотнул.

— Никак нет, сэр, в пределах внутреннего кольца.

— Что?! — Рывкнул Ричард и вскочил со своего места, — как давно?!

— Около двух часов назад, сэр.

— Почему так долго не сообщали?!

— Сэр, мы перепроверяли данные, так как капитан был в паре с женщиной, а вы говорили, что он будет действовать в одиночку. Плюс ко всему, место весьма странное...

— Что за место?!

— Центральное казино, сэр, — ответил мужчина.

— Твою мать! — н'Коннелла было не узнать. Сейчас в нем кипел адреналин, и от сдержанного и

рассудительного разведчика не осталось и следа.

— Что такое? — Поинтересовалась Астрейя, — что мог Деймос забыть в казино?

О'Коннелл тяжело опустился в кресло.

— Генри, сукин ты сын, хитер.

— Да что такое-то?! — не выдержала Астрейя.

— В центральном казино внутреннего круга раз в две недели собираются некоторые высокопоставленные армейские чины и члены совета. Поиграть в карты, выпить и развлечься с женщинами после игры, — ответил О'Коннелл, — вечеринка эта особо не афишируется.

— А откуда он о ней узнал? — Спросила Астрейя.

— Я, — О'Коннелл потер пальцами глаза, — это я как-то раз, с год назад, привел туда Генри как своего друга. Нам срочно нужно туда ехать, Астрейя.

Ричард встал со своего места и, дав несколько коротких указаний своему помощнику, подхватил плащ и двинулся к двери.

— Ты идешь? — спросил он у Астреи.

— Не думаю, что это хорошая затея, — ответила девушка.

— Что-то мне подсказывает, что к тому моменту, как мы приедем, его там уже не будет, — ответил О'Коннелл, — но мы должны оказаться там первыми. Возможно, Генри оставит какое-то послание о своих намерениях.

— Ладно, — согласилась Астрейя и вышла вслед за полковником, — а что с тем вторым, Харрисом и центром? Как я понимаю, это наша операторская база?

— Да, — ответил О'Коннелл, — но это подождет. Сначала — казино.

Глава 21

Советник Харрис наконец-то смог поймать момент, когда его отъезд из столицы не вызовет подозрений.

Пока армейские шишки собирались в казино, Джеймс приказал своему водителю готовить машину и выскользнул из города никем, как он думал, незамеченным.

Известия от Майка взбудоражили его: кто бы мог подумать, что Мэтт и Оливер Стил окажутся в, фактически, подконтрольном ему исследовательском центре. Правда, радость была не полной, учитывая бегство Деймоса, но за долгие годы он научился радоваться и мелочам.

«Нигде нельзя успеть вовремя», — подумал Джеймс разглядывая высоты столицы из окна автомобиля.

Электродвигатель не издавал ни единого звука, и тишину салона нарушало только шуршание шин по асфальту дороги. Пейзаж менялся. На смену центру и Кольцу Жизни пришел торговый ряд, а следом за ним и общая и промышленная зоны столицы.

— Скоро будем на месте, сэр — отчитался водитель.

Харрис ничего не ответил, только коротко кивнул.

«Сколько лет прошло? Тридцать? Тридцать пять? Я уже и не помню, как он выглядит».

Машина плавно затормозила у КПП, где водитель предъявил правительственный допуск высшего уровня, а уже через пять минут Харрис спускался в лифте под землю.

На нужном этаже его уже ждал Михаил.

— Доброго дня, советник Харрис, —

поприветствовал его Ивор.

— Здравствуй, Майк, — ответит тот, обнимая при этом товарища, — видишь, мы ошибались, еще увиделись.

— Да, — согласился Ивор, — чаю?

— Нет, спасибо, много дел, — ответил Харрис, — где наш гость?

— За мной, советник.

Даже тут могли быть лишние глаза, поэтому им следовало соблюдать осторожность.

Майк повел Харриса гулками коридорами этого подземного улья. Шли они не меньше десяти минут и, чем ближе Джеймс приближался к Мэтту, тем больше росло его нетерпение.

— Почти пришли, — бросил через плечо Ивор.

Они свернули по коридору в последний раз и Майк остановился у одной из дверей.

— Это изолятор, — сказал он Джеймсу, — планировался для содержания буйных подопытных, если таковые будут, но, как видишь, пригодился и для иных целей.

— Да, неплохо, — сказал Джеймс, — внутри ведется съемка?

— Конечно, — ответил Майк, — но я обо всем позаботился, с момента твоего приезда ничего не пишется.

— Отлично, — Харрису не нужны были лишние доказательства его присутствия здесь, — был бы тебе благодарен, если бы ты нас оставил.

Ивор очень внимательно и дольше необходимого посмотрел на Харриса, а после вложил в руку советника ключ-карту.

— Этот уровень изолируется, так что сбежать Мэтью не сможет.

— Хорошо, понял, — ответил Джеймс, — иди, Майк, дальше я сам. И пришли эту девушку, Мелиссу, на всякий случай. Я-то не боец, в отличие от Мэтта.

Хирург согласно кивнул, хлопнул Джеймса по плечу и двинулся назад, по коридору, к комнате охраны уровня.

Харрис все стоял у двери. Он слышал, как затихли вдали шаги Ивора, но внутрь так и не вошел.

«Соберись, Джейми! Вперед!», — мысленно подбадривал сам себя Харрис.

Он поднес карту к считывающему устройству и дверь, запираемая электромагнитом, открылась с тихим характерным звуком. Он толкнул ее и сделал шаг внутрь.

— Здравствуй, Мэтью.

* * *

— Умница, — Ивор улыбнулся женщине и обратно уселся в свое кресло, спрятав пистолет Мэтта в ящик стола, — я обещал Деймосу, что все расскажу вам, Мэтт. Этот приказ до сих пор бьется в моей голове, и я не могу ему противиться, но при этом каких-либо других указаний наш божок не давал.

— И что дальше, доктор? — процедил Мэтт.

— Ну, я расскажу, что должен, а потом мы изолируем вас с Оливером до прибытия вашего уважаемого брата, Мэтью, — ответил Ивор.

— Проще пристрелить на месте, — Мелисса чуть

ослабила контроль, и говорить Мэтту стало проще, но тело все еще его не слушалось.

— Как знать, — Ивор немного подумал о чем-то своем, а затем продолжил, — поймите меня правильно, Мэтт, в отличие от вас, грязных партизан, которые без разбора убивали и убивают всех, кто станет у вас на пути, я нашел более изощренный путь.

— И какой же? — Спросил Мэтт.

— Он перед вами, — Ивор кивнул на Мелиссу, — операторы, телепаты, контроль сознания. Это общество, сформированное после глобального катаклизма, голода, гражданской войны, теперь разрывают сотни противоречий. Люди не могут найти себе места в этом мире, идут за призрачными идеями прошлого, вместо того, чтобы поднять голову и признать — этот мир никогда не будет прежним. Все великие империи создавались крепкой рукой диктатуры, не важно, как она себя преподносила людям. Только единоличная власть увлеченных людей способна привести человечество к величию.

Ивор встал из-за стола и пересел поближе к Мэтту.

— Вам ли не знать, что мы сотворили с планетой, Мэтт? Вы еще застали тот агонизирующий мир, который пытался усидеть на двух стульях одновременно: свободы и прогресса. Балом правил капитал, как, собственно, и сейчас это происходит, но каждый тянул одеяло сам на себя. И опять история нам подсказывает, что ни к чему хорошему это не приводит. Персидское царство, Римская Империя, Татаро-монголы, Российская Империя, Советский Союз, Третий Рейх — все эти государства были великими, но стали страницами истории, как только вперед выходили чьи-то личные

интересы. Диктатура, Мэтт — это единственный эффективный путь для объединения человечества. Она может иметь разные лица, разные степени свободы, но суть одна — никто не должен быть себе безраздельным хозяином, потому что человеческий эгоизм не имеет границ. И человек, скорее, чем уступить другому место под солнцем, уничтожит это место, чтобы оно не досталось никому. Именно эта черта человеческой природы и поставила наш вид на грань выживания не так давно. Но, как видите, командор, мы выжили, а некоторые, например я и ваш брат еще и усвоили преподнесенный всем нам урок.

— К чему вся эта демагогия? Диктатура? Она уже существует, — ответил Мэтт, — армия контролирует все и всех.

— Нет, Мэтт, вы не правы, — возразил старый хирург, — они не контролируют самое главное — сердца. Ты можешь владеть телом человека, но никогда не постигнешь его душу. Проект Око же способен изменить это.

— Правда? — Мэтт рассмеялся, — тот я вижу, что все три ваших главных телепата тут, под контролем, в особенности, Деймос.

Лицо старого хирурга дрогнуло, но он быстро взял себя в руки.

— Да, кое-что пошло не так, но пока я жив — я смогу создать новых Деймосов и новых Астрей и Адикий — это лишь вопрос времени.

— И как же вы собираетесь их контролировать? Как можно контролировать то, что может залезть к тебе в разум?

— О, вы не знали? — Ивор рассмеялся. — Самое

ценное, что есть у человека — его жизнь. Я лишь ученый, но не волшебник, Мэтью, а модуль Ока — это инородное тело, да еще и имеющее контакт с нервной системой и мозгом.

Мэтт ничего не понимал.

— О, ты ему не говорила, Мелисса? — Ивор был приятно удивлен, — Мэтью, отторжение модуля телом никто не отменял. Без антибиотиков и надлежащего ухода у оператора есть несколько недель, а потом — Ивор хлопнул перед лицом тыльной стороной одной ладони о другую, — все, конец. Странно, вы что, не заметили, как Мелисса раз в несколько дней делала себе укол, чтобы не загнуться? И в тоже время у нас есть еще одна подстраховка — мы можем просто выжечь модуль Ока при помощи ЭМИ, причем на весьма солидной дистанции. Да, для этого нужна мощная установка, но это возможно. И даже если оператор после этого выживет, он будет не опаснее мелкой дворняги.

Старый командир был ошарашен.

— Я считал, что мы сможем договориться с Деймосом, его психопрофиль подходил для подобной работы, но, нет так нет, им займутся люди вашего брата. А я создам новых «ведущих» для проекта Око.

— Вы никогда не сможете сломить волю всех людей, — ответил Мэтт, — и их намного больше, чем вы думаете.

Ивор только заулыбался на эти слова.

— Да, — ответил он, — я понимаю, что некоторые поддаются контролю меньше, чем прочие, но любые барьеры можно ослабить. Вы знаете, сколько жителей столицы в возрасте до тридцати лет хотя бы раз

употребляли новый наркотик, который в народе называют «Ангельской пылью» или просто «пылью»? Попрошу не путать со старым добрым кокаином. Знаете, сколько?

Мэтт промолчал.

— По последним данным — сорок процентов. А ведь молодежь — эта главная инертная масса любого общества. Все перевороты и революции начинались с крови молодых, глупых юнцов, жаждущих перемен. Пыль же, которую разработали под моим чутким руководством и в основе которой лежит небольшая концентрация EP-22, открывает их разумы. Захватим контроль над низами — и недовольству неоткуда будет расти, все просто, командор. А над кем не захватим — уничтожим, совместно с армией. Джеймс всегда опасался, что не все в командовании примут данный путь, но у меня лично есть некоторые договоренности — они точно займут нашу сторону, когда придет время. Да, возможно, начнутся беспорядки, но у наших врагов, где бы они ни были: среди населения, в правительстве или в армии, нет ни единого шанса.

— Геноцид собственного народа? — В груди Мэтта закипала ярость, — ради какой-то эфемерной цели, изначально провальной идеи контроля над обществом?

— Это не мой народ, — Ивор повысил тон, — мой народ остался на другом континенте, где благополучно и сгинул по вине тех, кто ставил свои интересы выше всеобщего блага. Мы это делаем не из жажды власти, Мэтью, мы это делаем ради выживания человечества как вида, потому что иначе мы утратим все то, что было изобретено и получено за последнюю тысячу лет — вернемся к натуральному хозяйству. Сохранение

цивилизации и прогресса — вот наша главная цель, Мэтью.

Пленник ничего не ответил, а только силился понять, серьезно ли сейчас говорит Ивор, или просто над ним издевается. В конце концов, Мэтт пришел к выводу, что нет — старый хирург не шутил и верил в то, что говорит.

— И вы, конечно же, вдохновитель всего этого, да, доктор? — Спросил он Ивора.

— Ну, — хирург закинул ногу за ногу, — ваш брат приложил немало усилий для того, чтобы развить эту концепцию претворить ее в жизнь. Скажем так: проект Око — наше совместное детище. Ладно, — Ивор встал, опираясь ладонями на колени, — мне стало легче, а значит, я рассказал достаточно. Мелисса, — он обратился уже к женщине-телепату, — проводи командора Мэтта в изолятор, а после перенесите туда же и этого мясника, Оливера Стила, только в отдельные комнаты. Хорошо?

— Да, доктор Ивор, — согласно кивнула Мелисса, — я все сделаю.

— Вот и славно, — хирург вернулся за свой стол, — что с вами делать решит уже советник Харрис, — добавил он для Мэтта, — но я бы не сильно надеялся на братскую любовь.

* * *

— Привет, Джеймс. А ты потолстел.

— Да, — согласился советник Харрис, — а еще и полысел.

— Мне с этим повезло больше, — ответил брату Мэтт, — зачем ты пришел?

— Мы давно не виделись, Мэтью.

— Сколько лет прошло?

— Я уже не помню. Около тридцати, я думаю, — ответил советник.

— Я уж и тем более.

— Михаил сказал, что ты в курсе нашего предприятия?

— Да, ваш подопытный дал ему весьма ироничную установку перед тем, как покинуть это место, — подтвердил Мэтт.

— Вот оно как. Я присяду?

— Да, конечно, — Мэтт подвинулся на койке, освобождая место для брата.

Джеймс Харрис уселся рядом.

— У тебя теперь есть все шансы стать внеочередным главой совета, Джейми, — сказал Мэтт, — ты поймал двух первых врагов государства.

Джеймс рассмеялся.

— Мэтью, ты же прекрасно понимаешь, что последние лет десять вы с Оливером уже, скорее, просто персональные враги отдельных личностей, чем враги народа. Активные бои то завершились давно.

— Это да, давно, — согласился Мэтт.

Он был предельно спокоен. Дни ожидания привели к тому, что он осознал — живым он наружу уже не выйдет. Джеймс не позволит.

Они немного помолчали.

— Я устал вести эти двойные и тройные игры, Мэтью, ты даже не представляешь, насколько сильно я устал, — Джеймс потер ладонями лицо, будто пытаясь

снять с себя груз, о котором говорил. — Ненависть вояк к тебе и твоему альтернативному, как я для себя это называю, взгляду на социальное устройство, меня, временами, просто поражало. Любые попытки достигнуть мира разбивались об их твердолобость.

— Вояки? — Мэтт был удивлен, — я всегда считал, что армию контролирует совет.

— Как бы ни так, — рассмеялся Джеймс, — эта структура настолько плотно срослась с толстосумами, контролирующими капитал, что превратилась из государственной структуры в частную. Я тоже обрел некоторое влияние на ряд членов совета, но на фоне армии эти достижения блекнут.

Мэтт пытался переварить сказанное. Он всегда считал, что его главные враги сидят в овальном зале Совета, однако, все оказалось намного прозаичнее.

— Эта страна вообще всегда была подвержена симбиозу власти и капитала, а не имея контрактов на закупку оружия, техники и продовольствия последний чувствовал себя не лучшим образом, — добавил Джеймс.

— А устроить чистку? Разоблачить, сместить? — Спросил Мэтт.

— Не все так просто, братец. Это как рубить головы гидре: отсечешь одну, и на ее месте вырастет две. Выжечь этих паразитов можно только одним ударом.

— И для этого был создан проект Око? — Спросил Мэтт, — серьезно? Исходя из того, что рассказал мне твой партнер, Ивор, это замена шила на мыло.

Джеймс покачал головой.

— Мэтью, помнишь, что ты мне всегда говорил, когда мы были молоды?

— Никому не верить?

— Именно. Майк Ивор просто выполняет свою функцию, ничего более. Операторы — завидный инструмент. Полностью зависимые от медицинской помощи и легко устранимые, они, в то же время, были лакомым кусочком для армии. Переданные в части как жест доброй воли, дани от меня армейскому командованию, они выполняют функцию троянских коней.

Мэтт окончательно запутался.

— Подожди, что ты хочешь этим сказать?

— Гидру можно победить, только уничтожив ее целиком и сразу, — ответил Джеймс, — но давай я начну сначала. Капитан Генри Джонсон, которого ты знаешь как Деймоса, работал на меня несколько лет назад. После того, как ко мне пришел Майк Ивор с документацией по проекту Око, с записями Никитинского и собственными выкладками, я начал искать альтернативные источники информации. И знаешь, Мэтью, я их нашел. Данные об экспериментах русского профессора попали к разведке еще до засухи. И, что самое удивительное, вместо разработки собственных телепатов, тогдашние руководители приняли решение для начала развернуть противоментальный щит. По всему восточному побережью была создана сеть «глушилок» волн, испускаемых операторами. Для обычных людей безвредные, но для телепатов — штуки весьма неприятные.

— И что из этого?

— Не перебивай, — ответил Джеймс, — мои инженеры сказали, что оборудование отлично

откалибровано и, при некоторых модификациях, его можно переделать в ретрансляторы операторского сигнала. Капитан Генри Джонсон был одним из руководителей поисковой группы, они находили законсервированные объекты с оборудованием и переправляли в столицу.

— И что дальше? Ну есть у вас ретрансляторы, но зачем?

— Для посылы достаточно чистого и четкого сигнала нужен был оператор с высоким уровнем синхронизации, чтобы приказ выполнялся точно. Мы проводили тестирование сотен солдат, но, как оказалось, подходил мало кто. А вот Генри показал идеальные результаты.

— То есть он добровольно пошел на это? — Мэтт был поражен, — его же превратили в, насколько я знаю, психопата.

— Да, — согласился Джеймс, — кое-что пошло не так, но, учитывая то, что Генри ушел из Центра, я верю в то, что он все еще в здравом уме.

— И о чем же вы договорились, а?

Джеймс сложил руки на коленях и смотрел перед собой.

— Мэтт, у Генри, Деймоса или как ты там его называешь, есть собственная миссия — начать новую революцию. Только Майк считает, что она будет направлен на создание покорного, преданного нам, и конкретно ему, общества под контролем операторов, но на самом деле цель проста: одним ударом уничтожить армейское командование и всех, кто с ним связан. Нанести армейской «гидре» такой удар, после которого власть реально перейдет к Совету. Для этого капитан Джонсон воспользуется сетью ретрансляторов, чтобы

начать одновременную атаку по всем фронтам.

Мэтт представил, как в один момент по всем частям, к которым были приписана полусотня операторов, начинается бойня.

— Ты хочешь утопить Столицу в крови, Джейми?

— Это будет совсем не невинная кровь, Мэтт, — ответил советник.

Они услышали за дверью чьи-то далекие шаги.

— А, вот и Мелисса, — сказал Джеймс.

— Да, по ее вине я оказался запертым, — буркнул Мэтт.

— Не все так просто, Мэтью. Она хороший солдат, правда, тоже ведет двойную игру, но я был не против.

— В смысле?

— Ее подослал ко мне Ричард О'Коннелл, полковник контрразведки, фактически, царь и бог своего департамента. Он землю носом рыл, чтобы понять, что происходит в стране, правда, рыл не в ту сторону — под меня. Но я ему это прощаю, — Джеймс улыбался, — если ты скажешь ей, что тебе нужно увидеть Ричарда — она приведет тебя к нему, а там и решите, что делать дальше.

— Слушай, я конечно все понимаю... — Мэтт был озадачен.

— Времени мало, Мэтью, не перебивай, — оборвал его Джеймс, — я считаю, что Михаил играет на два лагеря: мой и армии. Мелисса сможет закрыть только один разум от других операторов, так что выйдешь отсюда ты. Я уже ни на что повлиять не могу, все равно не сегодня, так завтра, за мной придет военная полиция, они уже близко, а установить мир между сопротивлением и Советом без тебя будет невозможно.

Он хлопнул Мэтта по плечу и продолжил:

— Я очень устал, брат, а тебе пора идти. Найди О'Коннелла и помогите Генри. А я дам тебе небольшую фору.

Пока Мэтт пытался сообразить, что происходит, Джеймс потянулся за чем-то под пиджаком и через мгновение в его руке тускло блеснул пистолет. Советник приставил ствол к голове, чуть выше уха.

— Пока, Мэтью, — сказал Джеймс и нажал на спусковой крючок.

* * *

Мелисса была немного удивлена тем, что ее послали к изоляторам, в которых содержались Мэтт и Оливер.

— Ничего особенного, просто советник Харрис решил подстраховаться, — сказал Ивор, глядя на нее с экрана терминала связи, — спускайся сюда и проследи, чтобы все прошло нормально.

И вот сейчас она шагала по длинному коридору к комнатам, где почти неделю назад заперла людей, которые считали ее своим боевым товарищем.

Мерзкое чувство.

«Во что ты меня впутал, Ричард?», — подумала женщина, — «Я в предатели не записывалась».

Уже у самой двери она услышала хлопок выстрела. Мелисса резко толкнула дверь и ворвалась в комнату.

Мэтт сидел на кровати с абсолютно ошарашенным выражением лица, а рядом с ним лежал советник Джеймс Харрис. Мелисса думала атаковать старого командира при помощи модуля Ока, но в последний

момент заметила, что тот был безоружен. Пистолет лежал в руке советника, а оказалась она здесь через пару секунд после выстрела.

— Что, черт подери, тут произошло? — Закричала она на Мэтта.

— Не знаю, — ответил он, — мой брат просто взял и вышиб себе мозги.

— Не придуривайся, командор! Это ты его застрелил?!

— Ты же можешь проверить, зачем спрашиваешь? — Огрызнулся Мэтт.

Его голос был полон боли и горечи, и Мелисса поняла, что в каких бы отношениях ни были эти двое, они были братьями. Женщина коснулась разума Мэтта и увидела все произошедшее: тусклый блеск пистолета, прощание и выстрел.

— Да ладно... — тихо сказала она.

— Мелли, — Мэтт стал приходить в себя, — Советн... Джеймс перед тем как... Сделать то, что сделал, упоминал какого-то Ричарда, полковника, кажется. Ты его знаешь.

Этот вопрос вогнал Мелиссу в еще больший ступор.

— Да, знаю.

— Отлично, — сказал Мэтт, — помоги нам с Оливером выбраться отсюда и сведи с ним, это очень важно, понимаешь? Иначе мой брат застрелился зря.

«Ричард, откуда он знает про Ричарда? Советник Харрис ему сказал? Но почему? Ричард же предупреждал, что ему нельзя верить».

— Ты поможешь нам?

Мелисса только кивнула в ответ. Она достала из нагрудного кармана пиджака покойного ключ-карту с

фотографией Доктора Ивора, удовлетворенно цокнула языком и, показав добычу Мэтту сказала:

— Это наш билет отсюда. Сейчас заберем Оливера, он в соседней комнате, и наружу.

— Займись, — ответил Мэтт, — а я догоню.

После того, как Мелисса вышла за дверь, Мэтт подошел к телу.

— Что же за игру ты затеял? — Обратился он к покойнику, — и куда она тебя привела?

Он наклонился, достал из еще теплой, будто принадлежащей все еще живому человеку, руки пистолет и в последний раз посмотрел на брата.

— Пока, Джеймс.

Глава 22

Несколько дней прошли тихо. Генри больше не донимал Деймоса, хотя он и чувствовал его постоянное присутствие. Использование модуля тоже не прошло даром – он не мог нормально спать.

Даже когда ему удавалось отключиться, его разум находился на грани между сном и явью. Видения из прошлого, настоящего и, как ему казалось, из будущего, гигантской волной захлестывали его сознание каждый раз, когда Деймос закрывал глаза.

Боль, страх, гнев. Эмоции, чувства тех, чьего разума коснулся Деймос, когда в полную силу воспользовался модулем по науськиванию своего альтер эго, теперь следовали за ним.

Вот мальчик, которого избивают на улице ради его новых ботинок; женщина, которой из военной части пришла похоронка, бездушно отбитая когда-то в канцелярии и ждущая своего часа в стопке заготовок; пьяный отчим, стягивающий штаны со своей рыдающей, и уже даже не отбивающейся от него, тринадцатилетней падчерицы; и еще сотни трагедий, как малых, так и больших, происходящих в ту ночь, среди населения города. Этого огромного, на ладан дышащего чудовищного организма, который называют «общество».

Он бы мог прекратить все это. Потянуться к хулиганам и заставить их в ужасе бежать от мальчишки, которого они еще минуту назад пинали ногами, успокоить женщину и дать ей сил жить дальше, парализовать отчима и вложить в руку девчушки нож. Он бы мог заставить слезть с «пыли» молодую

наркоманку, которая губила собственный острый и пыливый ум этим зельем, мог бы заставить бесхребетных тиранов прекратить бить своих жен, которые делают это потому, что на большее в этой жизни не способны, мог бы заставить воров и убийц начать честную жизнь.

«Но зачем? Это их выбор».

Деймос не знал, его это мысли или это Генри, пробиваясь наружу, говорил с ним.

И чем дольше он пребывал в плену этих видений, тем больше понимал, насколько тщетны его попытки хоть что-то изменить.

— Деймос?

Из бредового сна его вырвал голос Адикии и легкое прикосновение холодной женской ладони к его лицу.

— А? Что? – Он был дезориентирован, будто пьян.

— Ты стонал во сне, — девушка выглядела обеспокоенной, — что-то не так.

Деймос промолчал в надежде, что она уйдет, но Адикия даже не шелохнулась, все так же стоя на коленях рядом с ним и ожидая ответа.

— Что происходит? – Опять спросила она.

Он потер глаза, будто бы это мог избавить от видений, и, собравшись с мыслями, ответил:

— Помнишь, на днях, я воспользовался модулем?

Она молча кивнула в ответ.

— Так вот, — продолжил Деймос, — то, что я увидел, преследует меня, Адикия. Это дерьмо следует за мной по пятам.

— Что следует? – Спросила она.

— Чужие жизни, — Деймос тяжело встал с матраца, который служил ему постелью, и подошел к окну, —

судьбы тех, чьего разума я коснулся. Их мысли, страхи, переживания. И знаешь что в совокупности я чувствую сейчас?

Адикия понимала, что это риторический вопрос.

— Я чувствую отчаянье, Адикия. Им пропитано все: все мысли, тревоги и даже надежды. Люди, живущие тут, вокруг, в, казалось бы благополучном секторе Столицы, находятся в отчаянье.

— Это что-то меняет?

— Нет, — Деймос покачал головой, наблюдая за ночными огнями города, — только укрепляет меня в мысли, что мы все делаем правильно.

Адикия встала с пола, подошла к своему товарищу и положила руки Деймосу на плечи.

— Ты уверен в том, что задумал? Я хочу сказать, что чувствую, даже без модуля, что ты считаешь себя уже мертвым.

Деймос только улыбнулся и накрыл одну из ладоней Адикии своей рукой.

— Это приговор, девочка, от него не сбежать, — наконец ответил он, — вполне возможно, что я умер еще до того, как сиделка вколола мне обезболивающее. А может и тогда. Я не знаю.

— Когда мы начнем действовать? Время уходит, — тихо сказала она.

— Завтра вечером, — ответил Деймос, — и, я думаю, к воскресенью мы управимся.

В комнате вновь повисла тишина.

— Я боюсь тебя, Деймос.

— Я тоже себя боюсь.

На следующее утро они наскоро перекусили, и Адикия достала из вещмешков боевую броню для себя и

Деймоса. На калибровку и настройку режимов ушло около получаса, а еще час – на проверку оружия.

— Зачем нам огнестрел? – Спросила девушка. – Я, как бы, не сомневаюсь в твоих решениях, но все же.

Деймос оторвался на секунду от снаряжения магазина и посмотрел на свою спутницу.

— Понимаешь, — начал он, нам стоит приберечь силы, а показывать всем и каждому на что мы способны – времени не хватит. А пистолет – быстро и понятно, кто здесь главный.

— Не знаю, по мне, только привлекает лишнее внимание.

— Я уверен, — ответил Деймос, — что ты сможешь отвести от нас любопытные взгляды. Сможешь ведь?

Адикия только фыркнула в ответ.

— Вот и славно, — продолжил мужчина, — ты готова?

— Да.

Они выдвинулись как только начало темнеть. В запасе у Деймоса и Адикии было еще некоторое время до начала комендантского часа, да и затеряться в толпе праздно шатающихся по центральным улицам зевак не составляло труда. Единственное, что вызывало беспокойство у Адикии – это батареи костюмов на спине, топорщащиеся из под курток, но Деймос убедил ее, что никто не обратит внимания.

Нервы девушки были на пределе. Они шли уже почти час и с каждой минутой ее волнение возрастало. Деймос же, напротив, оставался предельно собранным и спокойным.

В тот момент, когда она уже хотела спросить у него, где это чертово казино, они повернули и в глаза Адикии

ударил свет пестрой неоновой вывески.

Деймос остановился.

— Готова? – Спросил он свою спутницу.

Адикия сглотнула.

— Да, готова.

— Врешь же.

— Почему это? – Удивленно спросила она.

— К такому вряд ли можно быть готовым, — задумчиво ответил Деймос и начал переходить улицу.

В чем-то он был прав. Одно дело – зачистка Гетто от преступников и прочего мусора, а другое – казнь высшего командования армии.

* * *

Они неслись по улицам ночной Столицы на служебном автомобиле Ричарда. Несколько раз Астрее казалось, что полковник вот-вот отправит их обоих на тот свет, но он чудесным образом входил в очередной поворот, ловко вращая руль.

— Никогда бы не подумала, что кто-то умеет так водить, — держась крепче за сиденье, сказала после очередного виража девушка.

— Вождение – моя слабость, — ни на секунду не отводя взгляд от дороги ответил О'Коннелл.

— Это имеет мало общего с вождением, — заметила Астрей, — скорее, с полетами.

— Да, — рассмеялся полковник, — с очень низкими полетами.

Астрей думала, что бы еще такого ответить этому самоубийце, но ей пришлось зажмуриться – прямо

перед ними проехал грузовик, и она могла поклясться чем угодно, что еще пять сантиметров, и они столкнулись бы.

«Везет же мне на психованных мужиков».

— Полковник, мертвыми мы Деймоса не остановим, — вслух сказала она.

— А никто умирать не собирается. Во всяком случае, в машине, — ответил О'Коннелл и рванул руль влево.

Автомобиль с визгом ушел в занос и Астрей уже, было, простилась с жизнью, но, открыв глаза, обнаружила, что они остановились. Прямо перед ней всеми цветами радуги горела неоновая вывеска казино.

— Приехали, — О'Коннелл уже вылез из машины и смотрел на здание перед собой, — давай, шевелись.

* * *

Небольшое мысленное усилие Адикии, и они беспрепятственно прошли мимо администратора, охраны казино и просочились в зал.

Внутри было накурено и достаточно тихо. Несколько охранников, лениво прохаживающихся вдоль стен, снующие официантки с бутылками и стаканами на подносах и около двадцати человек в форме и гражданском за столами для покера, блекджека и у рулетки.

— Милая, — обратился Деймос к Адикии, — возьми мне фишек на все.

Адикия абсолютно не понимала что происходит.

— Что?

— Говорю, — так же спокойно повторил Деймос,

протягивая ей деньги, — сходи в кассу и возьми мне фишек. На все.

— Хорошо, — Адикия взяла протянутые ей деньги и двинулась к окошку у себя за спиной, в котором продавали фишки.

Деймос же осмотрелся, вглядываясь в лица сидящих за столами, и двинулся к блекджеку, где крупье ловко выкладывал карты.

— Господа, — он поздоровался с присутствующими и сел за свободный стул, — не против?

Пять пар глаз неодобрительно уставилось на него.

— Молодой человек, — сказал седой, заплывший жиром, похожий на бульдога генерал, — это закрытая вечеринка и я не припомню, чтобы вас приглашали.

Он уж было хотел повернуться и махнуть рукой охране, но Деймос его остановил и заставил смотреть прямо ему в глаза.

— А я считаю, что мне здесь самое место, — ответил телепат.

Он не захватывал контроль за военным целиком и сейчас наслаждался его приступом паники.

В этот момент к столу подошла Адикия и протянула Деймосу разноцветную стопку.

— Сколько тут? — Спросил он у девушки.

— Почти триста долларов, — ответила она.

— Сойдет. Ну что ж, господа, сыграем? — Он поставил все, что у него было и кивнул крупье, чтобы тот начал раздавать.

Карты были розданы, но Деймос даже не посмотрел на свои.

— Генералы, — обратился он к двум мужчинам, сидящим рядом с ним, — как ваша рука? Везет?

В зале уже давно повисла гнетущая тишина. Стихли даже чуть слышные разговоры за другими столами, а к Деймосу и Адикии спешно приближались охранники, которые до этого находились в служебных помещениях и не попали под воздействие младшей из сестер.

— Деймос... — Адикия видела, как один из мужчин уже доставал телескопическую дубинку, а другой — шокер. Стрельба в замкнутом помещении никому не была нужна.

— Да, я в курсе, — задорно ответил Деймос, но даже не шелохнулся, а все так же продолжал в упор смотреть на вояк, вальяжно, в пол оборота развалившись при этом на стуле.

Когда один из охранников уже был совсем рядом, Деймос рванул со стула и, даже не прибегая к помощи модуля Ока, перехватил руку с занесенной вверх дубинкой и ударил охранника под дых. Мужчина согнулся и захрипел, хватая ртом воздух, но Деймос даже не собирался останавливаться. Он схватил его за голову и с такой силой приложил того о край стола, что все присутствующие отчетливо услышали хруст ломающегося носа, а зеленое сукно мгновенно окрасилось брызгами крови.

Адикия не стала утруждать себя рукоприкладством и просто взяла контроль над вторым охранником, достала из его руки шокер и вырубил его одним коротким разрядом в шею.

— Что такое, господа? — Деймос наклонился, чтобы поднять с пола дубинку, — какие-то проблемы?

Он с силой ударил по руке охранника, которой тот ухватился за край стола в попытках подняться на ноги. Мужчина упал на пол и взвыл от боли. Не дожидаясь

новых попыток встать, Деймос пнул его по лицу, от чего бедолага потерял сознание.

Убедившись в том, что им больше никто не помешает, Деймос вернулся за свой стул, не выпуская при этом дубинку из рук.

— Ну, на чем мы остановились? – Обратился он к военным. – Ах, да, как там у вас дела с картами?

— Что здесь происходит? – Все присутствующие были изрядно пьяны, но безумность происходящего стала добираться до них сквозь хмель, — вы кто такой?

— Вы меня не знаете – Деймос нехорошо улыбнулся, — и не должны знать. Но я вас знаю даже лучше, чем следовало.

Он схватил ближайшего мужчину в форме за руку и положил его ладонь на игровое сукно, с силой удерживая за запястье.

— Давайте сыграем в игру, генерал, — улыбаясь сказал Деймос. – Сейчас уважаемый крупье задумает любую карту, найдет ее в колоде и положит на стол рубашкой вверх. Если я угадаю, что это за карта — я сломаю вам руку. Если не угадаю – я уйду. Как вам договор?

В этот момент один из военных вскочил из-за стола и попытался выхватить пистолет из кобуры, спрятанной под штаниной, но Адикия почти мгновенно захватила над ним полный контроль.

— Опрометчиво, — хмуро сказал Деймос, — не подержите? – Он протянул дубинку генералу, чью руку схватил, сам же встал со стула, достал пистолет и выстрелил бунтарю в голову.

По залу прокатились возгласы и легкая волна паники, которая, однако, почти мгновенно была

подавлена слегка побледневшей Адикией.

Деймос же, как ни в чем не бывало, вернулся за свой стул, забрал из одеревеневшей руки генерала дубинку и вновь прижал его ладонь к сукну стола.

— Ну, так что, генерал, вас устраивают правила нашей маленькой игры?

Не дожидаясь какого-либо ответа, Деймос кивнул крупье, который не посмел его послушаться и стал спешно перебирать колоду в поисках приглянувшейся карты.

— Ну что, вы готовы? – Обратился Деймос к крупье.

Тот только нервно кивнул в ответ и выложил на стол карту рубашкой на стол.

— Какова вероятность того, что я угадаю карту? – Спросил Деймос у генерала, но, не дожидаясь его ответа продолжил, — правильно, один к пятидесяти двум. То есть, вероятность составляет всего сколько? Меньше двух процентов?

Деймос покрепче перехватил пухлое запястье и разложил пальцы военного, зажатые в кулак, концом дубинки по столу.

— Меньше двух процентов, генерал, — он смотрел своей жертве прямо в глаза, даже не моргая. – Там пиковая девятка, переворачивай, парень.

Крупье, бледнея еще сильнее, хотя, казалось бы, это невозможно, перевернул карту. Это была именно пиковая девятка.

Деймос взглядом предложил генералу посмотреть на стол, а сам замахнулся и с силой ударил по руке военного. По залу прокатился звук ломающихся костей и крик.

— Представьте, я выиграл! – Задорно сказал Деймос

на весь зал, оглядываясь, чтобы убедиться, что все до единого из присутствующих наблюдают за ним, — а давайте повторим! Крупье!

Парень опять взял в руки колоду и спешно вытянул карту, а Деймос раскладывал по столу другую руку генерала.

— Ну что же вы как маленький скулите! – Прокричал Деймос ему в лицо, — сейчас ваши шансы еще выше! Меньше процента вероятность того, что я вновь угадаю! Крупье! Там пиковый туз!

Он даже не стал дожидаться момента, когда перевернут карту и еще одним мощным и хлестким ударом сломал военному вторую руку.

На столе лежал трефовый валет.

— Упс! – Деймос посмотрел на стол, а потом на генерала, — это не пиковый туз, я зря сломал вам руку! Кстати, в вашем возрасте переломы заживают крайне тяжело и долго.

Он встал со своего места и взял скулящего от боли мужчину за плечо.

— А знаете, почему я смухлевал? – Спросил он у военного и всех остальных присутствующих, — потому, что я считаю, что если вам можно, то почему этого не могу сделать и я?

Адикия наблюдала за происходящим. Она догадывалась, что здесь произойдет, но даже не представляла, что Деймос выпустит наружу эту свою темную сторону, сторону, которая чуть не убила ее и сестру во время первой активации. Она отчетливо, будто в замедленной съемке, видела, как опускается рука Деймоса с зажатой в ней дубинкой, как тяжелое основание рукояти пробивает височную кость мужчины

и как тот замертво падает со стула на пол.

Деймос лишь посмотрел под ноги, окинул взглядом зал и еще несколько раз, с силой, замахиваясь, ударил свою жертву по голове.

— Ну что ж, — сказал он, выпрямляясь, — один есть, осталось еще семнадцать.

* * *

Полковник О'Коннелл спешно вошел в двери казино не дожидаясь замешкавшуюся Астрею. Первое и самое неприятное – охрана даже не отреагировала на него: будто болванчики, двое рослых амбалов в форме просто стояли и смотрели в пространство перед собой.

— Дело дрянь, — сказал он сам себе под нос, что, однако, не помешало услышать это вошедшей следом за ним Астрее.

— Они под контролем, — сказала девушка, на секунду будто прислушалась к чему-то и неуверенно добавила, — под контролем моей сестры, видимо...

— Адикия здесь? — О'Коннелл выругался про себя, — где они?

— Дальше, в зале, — кивнула на дверь перед ними Астрея.

О'Коннелл ни секунды не раздумывая подошел к дверям и толкнул тяжелые створки.

От картины, представшей перед ним, неподготовленного человека могло и вырвать, но полковник сдержался.

По всему залу лежали окровавленные тела мужчин и женщин, по всей видимости, их спутниц. Некоторые

были застрелены, у кого-то сломана шея, но большинству разmozжили головы.

Когда они вошли, Деймос как раз заканчивал. Весь в чужой крови, он орудовал выскальзывающей из рук дубинкой по голове последнего высокопоставленного военного в этой комнате, который еще подавал признаки жизни. Чуть поодаль от него, у стены, стояла Адикия.

Деймос нанес еще один мощный удар, от которого у бедолаги проломился череп, вытащил из его кармана платок и выпрямился в полный рост.

Сейчас вытирая кровь с лица и рук, он был похож на какое-то древнее, злобное божество, которое только что получило свое.

— Кто тут у нас? Астрея? – Тяжело дыша, но громко сказал он. – И кто-то еще.

— Здравствуй, Генри, — сказал полковник, — я смотрю, ты без дела не сидишь.

Деймос внимательнее посмотрел на О'Коннелла и в его взгляде появилось узнавание.

— О, Ричард! Какими судьбами? Это, знаешь, как мне сказали, закрытая вечеринка.

О'Коннелл сделал пару шагов вперед, чего Деймос от него абсолютно не ожидал: он отдал ему приказ остановиться на месте и не двигаться, но полковник его полностью проигнорировал.

— А, я вижу, у тебя есть какой-то козырь в рукаве, — сощурившись сказал Деймос, — я тебя совсем не слышу.

— Да, есть такое, — ответил Ричард, — что ты творишь, Генри?

— Я не Генри, больше не Генри, — ответил Деймос,

— и я делаю то, что считаю нужным, что необходимо.

Ричард еще раз осмотрелся.

— Забить до смерти два десятка человек — это необходимость?

Деймос отбросил в сторону окровавленный и уже бесполезный платок и поудобнее перехватил дубинку.

— Да, — ответил он старому другу, — и они еще легко отделались.

— Генри, — начал О'Коннелл но запнулся, — Деймос... Ты пойдешь со мной. Я знаю, что что-то творится и у тебя есть какая-то цель, но поверь мне — оно того не стоит.

Деймос рассмеялся и сделал несколько шагов по направлению к полковнику.

— А то что? Пристрелишь меня? — Он откровенно веселился. — Ох, любопытный Ричард. Тебе все и всегда нужно знать и держать под контролем. Но сейчас ты ни черта не понимаешь, не знаешь, что происходило и происходит у тебя под носом, — Деймос снял тяжелую и черную от крови куртку и бросил на один из столов, — хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Не хочу, — сказал О'Коннелл, — а требую.

— А ты заставь, — улыбаясь ответил Деймос, — ты мой друг и я не хочу тебя убивать, даже больше: я хочу, чтобы ты всенепременно выжил, Ричард. Но ты же упрям, тебе нужны ответы, что хранятся в моей голове. И поэтому ты тоже не можешь меня убить, даже с учетом того, что я совершил, — он указал рукой на зал, — так что, исходя из того, что разум твой от меня скрыт и заставить тебя отойти в сторону я не могу, я предлагаю альтернативу — заставь ты меня пойти с тобой.

— Что он нес... — Начала Астрейя, но Ричард жестом прервал ее.

— Ты ведешь себя как дешевый злодей, Генри, — сказал он, — я уверен, что мы можем обойтись и без рукоприкладства.

Деймос расхохотался и, раскинув в стороны руки, ответил:

— Посмотри вокруг, Ричард! Без рукоприкладства? Я забил этим, — он потряс дубинкой в руке, — два десятка человек, а ты говоришь, что можно обойтись без рукоприкладства. Что ты там наплел Астрее? Что ты убьешь меня? Как бы ни так! Даже скрытые чем-то — твои мысли для меня всегда были как открытая книга! Власть и контроль! Информация превыше всего! Ты никогда меня не убьешь, даже если я сотру в пыль половину этого города, пока не узнаешь то, что тебе нужно!

Он вмиг стал предельно серьезен и собран.

— Снимай свой плащ, Ричи, и попробуй остановить меня, не убив при этом, или отойди в сторону.

— Полковник, — начала Астрейя, — вы же не хотите...

— Не хочу, — перебил ее О'Коннелл, — но у меня есть выбор?

Ричард уже начал раздеваться, как в этот момент Деймос рванул к нему с занесенной для удара дубинкой.

Астрейя уже видела, как она опускается на голову полковника и ломает тому череп, но все обошлось: разведчик успел вскинуть вверх руку с тростью и заблокировать ею удар. Деймос не растерялся и пнул своего противника по здоровой ноге, от чего полковник потерял равновесие и завалился на бок.

Схватку завершил один сильный и точный удар в челюсть, от которого О'Коннелл почти отключился.

— Запомни, Ричард: в следующий раз я тебя убью, — тихо сказал Деймос, — пойдём, Адикия.

Он прошёл мимо Астреи, будто бы её тут и не было, а следом за ним из зала вышла и младшая из сестер. На мгновение взгляды девушек пересеклись, но Адикия опустила глаза и прибавила шаг.

Когда двери за ней захлопнулись, Астрея почувствовала, что Деймос отпустил свою хватку, и она вновь принадлежит сама себе. Она бросилась к все еще плохо соображающему О'Коннеллу и помогла ему подняться на ноги.

— О чем вы думали, полковник?! Вы вообще хоть чем-нибудь думали?

— Ты считаешь, что у нас был выбор? – Спросил ее Ричард, — если ты не обратила внимания, то твоя сестрица держала пару стволов в руках, в любой момент готовая нашпиговать нас свинцом, — он слегка качнулся и потрогал челюсть, — вроде целая. Так вот, пусть уходят. Мои парни не дадут им теперь раствориться в толпе, в этом городе камеры есть даже в канализации.

Астрея только выругалась про себя. В голове все еще гудело после вторжения Деймоса и она нехорошо себя чувствовала.

В этот момент за дверью послышался топот ботинок и крики.

— О, вот и кавалерия, как обычно, — Ричард даже не был удивлен, — всегда эти олухи опаздывают.

Дверь в игровой зал распахнулась от удара и внутрь стали вбегать бойцы с оружием наготове и нашивками военной полиции на правом плече. Астрею и Ричарда

быстро взяли в плотное кольцо.

— Вечер добрый, господа, — О'Коннелл сделал шаг навстречу главному, что стало понятно из того, как перед ним расступились бойцы, и протянул ладонь для рукопожатия.

В ответ командир военной полиции ударил полковника в живот и повалил на пол, а один из бойцов огрел Астрею прикладом по затылку, от чего та потеряла сознание.

— Ричард О'Коннелл собственной персоной! — Прохрипел командир из-под маски, которая закрывала большую часть лица.

— Ты что творишь?! — Пытаясь восстановить дыхание ответил О'Коннелл, — это нападение на полк...

— В наручники его, — бросил мужчина подчиненным, — ты ответишь за то, что здесь произошло перед военным трибуналом, полковник, — он присел на корточки и заглянул О'Коннеллу в лицо, — когда пришел вызов, что двое, мужчина и женщина, — он кивнул на Астрею, — захватили казино, я меньше всего ожидал встретить здесь тебя, да еще и в компании какой-то девицы. Но, признаюсь, я приятно удивлен, О'Коннелл. Мы всегда знали, что ты копаешь под нас, но убийство почти двадцати человек из высшего руководства... Даже не знаю, может мне стоит пристрелить тебя прямо сейчас, чтобы не утруждать трибунал?

Ричард был в бешенстве, потому что такого поворота он не ожидал. Теперь на него повесят все, что только можно, и пристрелят как собаку. Он посмотрел на Астрею, которая все еще находилась в отключке.

— Нет уж, — процедил Ричард, — будь добр, вези в

камеру.

— Не сомневайся, отвезу, — ответил военный и еще одним ударом, на этот раз в голову, вырубил полковника.

Глава 23

Его состояние было больше похоже на тяжелое похмелье. После того, как их заперли в этих палатах, Мелисса перестала помогать ему, и Оливер чувствовал, что что-то идет не так.

Он в очередной раз пытался уснуть, потому что заняться тут было катастрофически нечем, как за стеной послышался хлопок, очень похожий на выстрел.

«Что, черт побери, там происходит?»

Оливер подозревал, что где-то рядом держали Мэтта и сейчас его переполняли нехорошие предчувствия. Когда через минуту дверь открылась и на пороге оказалась Мелисса, эти предчувствия переросли в уверенность.

— Ну, что? Все? — Оливер сел на койке, держась за край, чтобы не показать дрожи в руках.

— Нет времени, — бросила женщина, — обувайся, мы уходим.

Такого поворота Стальной Генерал не ожидал. Пока он, заторможенный, пытался переварить происходящее, на пороге показался Мэтт с пистолетом в руках.

— Оливер, чего сидишь?! — Прикрикнул на него старый командир, — нам пора валить отсюда! Мелли, — теперь он обратился к женщине, — ты же сможешь нас вывести? Через операторов?

На мгновение женщина застыла, а потом медленно ответила старику:

— Командор... Ваш брат был прав: я могу вывести только одного из вас.

— Хорошо, — Мэтт уже принял решение, — Оливер,

— поднимай свою задницу и вали отсюда с Мелиссой, а я что-нибудь придумаю. Какой радиус у обычного оператора? – Спросил он у женщины.

— У тех, что сейчас есть в центре, метров пятьдесят. Это на чтение мыслей. На контроль метров двадцать, — ответила та.

— Хорошо, — Мэтт удовлетворенно кивнул, — значит, я смогу держать оборону тут, в конце коридора?

— Теоретически, — ответила Мелисса.

— Тогда проваливайте отсюда, — Мэтт не был настроен на долгие прощания, — выведи Оливера, Мелли, и найдите этого Ричарда.

— Слушай, — в разговор встрял Оливер, который все еще сидел на койке, — я тебя тут бросать не собираюсь.

Командор Мэтью Харрис только усмехнулся.

— Олли, — он так его почти никогда не называл, во всяком случае, последние двадцать лет, — я – старик. Осталось мне не долго. А если хотя бы половина того, что рассказал мне Джеймс перед тем, как вышибить себе мозги – правда, то будет очень много работы. И даже половину ее я осилить не смогу – банально не доживу.

— Что за Джеймс?.. – Начал Оливер, но Мэтт его прервал.

— Мелли, помоги нам, — попросил он телепата.

Мелисса согласно кивнула.

— Сосредоточьтесь на вашем разговоре, командор, — сказала она, потом перевела взгляд на Оливера и ворвалась в разум обоих, перебрасывая воспоминания Мэтта Стальному Генералу.

На все про все ушло не больше семи-десяти секунд.

Когда Мелисса закончила, Оливер, слегка озадаченный, уже был полностью в курсе.

— И что, ты так всегда могла? – Удивленно просил он у Мелиссы.

— Ну, да. Это не самая желательная процедура, но сейчас у нас нет на разговоры времени, — ответила телепат. — Командор, — продолжила женщина уже обращаясь к Мэтту, — я не думаю, что вам придется тут остаться. Мы можем спуститься в оружейную, взять пару стволов, гранат и попробовать прорваться с боем.

— Так и поступим, — отрезал Оливер, зашнуровывая в это время второй ботинок, — Мелли, мы с тобой пойдем первыми, Мэтт, — обратился он к командору, — ты прикрываешь.

Уже через пару минут все трое подошли к пункту охраны уровня. Обычные люди ничего не могли противопоставить Мелиссе: они без всякого сопротивления вырубили и разоружили пару охранников.

— Куда дальше? – Спросил у женщины Оливер, проверяя, заряжен ли трофейный пистолет.

— Лифт. Сначала на тренировочный уровень, там залы, оружейная и тир, а потом наверх.

— Тут вообще есть лестницы? – Спросил Мэтт, — что-то мне не хочется, чтобы нас поймали в капкан под названием «лифт».

— У нас есть это, — Мелисса подняла вверх ключ-карту доктора Ивора, — у нее должен быть блокирующий приоритет над всеми прочими командами, он же тут главный.

— Да, правда, было бы неплохо еще и ее хозяина достать, — заметил Мэтт.

Мелисса о чем-то задумалась, а потом наклонилась обратно к охраннику, лежащему без сознания.

— Идите, — сказала она мужчинам, — я сейчас вас догоню.

Мелисса не обманула и вернулась как раз в тот момент, когда лифт пришел на их этаж. Она вошла в кабину первой, приложила к считывающему устройству ключ Ивора и, получив подтверждение, нажала на кнопку нужного этажа.

— Там должны быть и костюмы, — сказала она, — я слышала, что они использовались при зачистке Гетто.

Мэтт и Оливер переглянулись.

— И пожалуйста, Оливер, — добавила Мелисса, — на этот раз не выключай боевой режим.

— Ага, — буркнул в ответ Стальной Генерал, — не буду.

Перед глазами все плыло. Оливер был будто пьян, дезориентированный, он слабо понимал куда они двигались. Коридоры, двери, помещения – все слилось в какой-то единый, нескончаемый тоннель. Вот, все трое в оружейной, облачаются в боевую броню, проверяют батареи, калибруют костюмы.

— Пошевеливайтесь, господа, у нас не так много времени.

Мэтт справился первым и уже стоял у оружейной стойки. Сначала его взгляд упал на штурмовые винтовки, но, правильно рассудив, что он уже слишком стар для того, чтобы бегать с тяжелым стволом наперевес, старый командир потянулся к пистолетам-пулеметам.

Он выбрал что-то отдаленно напоминающее модификацию хорошо знакомого ему MP7: тот же

выдвижной приклад, компактный в сложенном виде, коллиматорный прицел.

— Может, что-то потяжелее? – Спросила Мелисса, которая уже завершила калибровку костюма и подошла к стойке.

— Тут коридоры повсюду, узкие пространства, — заметил Мэтт, — это, — он поднял оружие чуть выше, — будет намного удобнее.

Он еще раз осмотрел оружейную комнату, посмотрел на тир за стеклом и, уже думал было начать искать магазины к его новому «другу», но взгляд зацепился за стальную плиту на стрельбище.

— Мелли, — обратился он к телепату, — скажи, а может случиться так, что ключ Ивора не сработает?

Женщина на секунду задумалась.

— Ну, — неуверенно начала она, — охрана может изменить протокол и переписать его учетную запись, но на это может потребоваться немало времени.

— А если успеют? – задал еще один наводящий вопрос Мэтт. – Успеют до того, как мы выберемся из этой ямы?

Мелисса категорически отказывалась понимать, к чему клонит старый командир.

— Командор Мэтью, вы к чему?.. – Начала женщина но Мэтт ее прервал и указал на стену стрельбища.

— Видишь плиту?

— Ну, — ответила Мелисса.

— А отверстия в ней? – Спросил Мэтт.

Мелисса присмотрелась и заметила рваные отверстия в стальной плите, на которую указывал командор.

— Странно, — ответила женщина, — тут только

стрелковое оружие.

— Как думаешь, — продолжил Мэтт, — двери в центре толще этой плиты?

Женщина задумалась.

— Не думаю, — ответила она.

В этот момент к ним присоединился Оливер.

— Эй, оцените обновку, — сказал Стальной генерал и повернулся к товарищам спиной.

Взгляду Мэтта и Мелиссы предстал уже привычный вид боевой брони, но кое-что было не так: под аккумуляторами на лопатках было еще два пустых слота, куда, по всей видимости, можно было пристегнуть дополнительные батареи.

— Это еще что такое? Усиленная версия? – Мелисса была озадачена.

Мэтт же осмотрел оружейную и двинулся к столам стрельбища в том же зале. На одном из них, прямо напротив плиты, которая привлекла его внимание, лежало что-то, крайне похожее на противотанковое ружье. Но это было что-то другое. Первое отличие – у пушки на столе напрочь отсутствовал ствол: вместо него вперед хищно выпирали две параллельные, горизонтально расположенные планки с зазором между ними, где-то в четверть дюйма.

Подошедшие к нему Мелисса и Оливер тоже были удивлены находкой.

Все трое переглянулись, после чего Мэтт взял странную пушку в руки.

— Если идеи, что это такое? – Спросил он своих товарищей, — потому что я считаю, что вон те дырки, — он кивнул на стальную плиту, — оставила эта «малышка».

Малышкой оружие назвать можно было с большой натяжкой. Почти полтора метра в длину, крупный магазин и приклад, диковинный двойной ствол придавали внешнему виду пушки внушительности.

— Командор, что это? – Мелисса тыкнула по плечу Мэтта, где горело какое-то оповещение на контрольной панели брони.

«Несовместимый тип устройства»

Светло-красная надпись на плече недвусмысленно давала понять, что броня старого командира отреагировала на оружие в его руках.

— Подождите, кажется, у меня есть идея, — Оливер развернулся, и двинулся обратно к стенду с бронекастюмами. Там он взял два аккумулятора и вернулся с ними к Мелиссе.

— Зацепи, — коротко попросил он телепата.

После того как Мелисса вставила в пазы дополнительные батареи и защелкнула их, Оливер потянулся за пушкой в руках Мэтта.

— Давай сюда, — сказал он старому командиру.

Как только ладонь Оливера легла на рукоять, индикаторный светодиод на правой стороне пушки загорелся зеленым, как и оповещение на броне Стального Генерала.

«РСН-04 готов»

Что за РСН-04? – Мэтт был немного озадачен.

— Сейчас узнаем, — ответил Оливер.

Он отстегнул магазин пушки и, к удивлению всех троих, внутри они увидели снаряженные серебристые болванки, по форме напоминающие букву «П», а не привычные всем патроны.

— Ага, — удовлетворено сказал Стальной Генерал,

— так я и думал.

— И что же ты думал? – Спросил Мэтт.

— Это рельсотрон, — ответил Оливер, — и я очень удивлен, что его можно оторвать от земли.

— Это типа электромагнитная пушка? – Спросил Мэтт.

— Не электромагнитная. Стреляет-то она железными болванками, — поправил Оливер, — но очень быстрыми болванками.

Он вскинул оружие и прицелился в металлическую плиту. Рычаг сбоку был переведен в режим «АУТО», а второй, назначение которого Оливер не знал, в положение №1.

Стальной генерал прицелился и нажал на спуск. В это мгновение из ствола с хлопком и пламенем вырвалась очередь снарядов, которая оставила ряд рваных, с небольшое яблоко, отверстий в плите.

— Мать божья, — пробормотал Мэтт, — эта хрень стреляет очередями?

— Сам в шоке, — ответил Оливер.

Он и в самом деле был удивлен тем, как работает рельсотрон. Покрутив оружие в руках, Стальной Генерал перевел рычаг из положения №1 в положение №2, от чего возле магазина загорелся еще один индикатор, на этот раз красный.

Оливер осмотрел стол, на котором они нашли оружие и взял один из магазинов, в котором были заряжены болванки большего размера: на глаз, сопоставимые с калибром снайперской винтовки.

Как только он отстегнул магазин и вставил новый, винтовка зажужжала, и зазор между рельсами ствола увеличился почти втрое.

— Да ладно, — сказала Мелисса, — универсальная винтовка под разные калибры?

— Может быть, — ответил Оливер.

Индикатор на боку рельсотрона, который в прошлый раз сигнализировал о готовности стрелять, все еще горел красным. Оливер потянулся к рычажку режима стрельбы и как только он перевел его с «АУТО» на полуавтоматический огонь, оружие сообщило, что готово к стрельбе – светодиод загорелся зеленым.

Оливер поднял винтовку на уровне пояса и вновь нажал на спусковую скобу, но ничего не произошло.

— Э? – Удивился стальной генерал.

— Может, нужно стрелять из стойки, а не от бедра? – Заметила Мелисса.

— Нет времени разбираться, — отрезал Мэтт, — нам хватит и того, что эта штуковина может в первом режиме. Оливер, дотащишь?

— Ну, — начал Стальной Генерал, вставляя обратно магазин с более легкими снарядами и переводя рельсотрон в первый режим, — в костюме то все – пушинка, даже я сам, так что думаю – справлюсь.

— Хорошо, — кивнул Мэтт, — Мелли, бери себе что-нибудь и валим отсюда.

Мэтт, не дожидаясь товарищей, двинулся к стенду с оружием и опять взял в руки модификацию MP7. Там же он нашел себе поясной подсумок, в который положил пару магазинов, две ЭМИ и одну осколочную гранату. На мгновение его взгляд задержался на пистолете, из которого Джеймс покончил с собой – компактный Sauer P228, отличный выбор для того, чтобы носить под одеждой. Его Мэтт решил оставить здесь, и потянулся за обычным глоком, который повсеместно использовался в

правительственной армии.

Мелисса решила идти налегке: взяла несколько гранат, а автомату предпочла второй пистолет и дополнительные магазины.

— А я готов, — сказал Оливер, наблюдавший за сборами.

Стальной генерал нашел на столе еще два дополнительных магазина с болванками меньшего калибра, которые уже переключались в его подсумок. Пистолет он решил не менять — трофейный Glock, который он снял с охранника, его полностью устраивал.

— Может, возьмешь что-нибудь посolidнее, — сказал Мелиссе Мэтт.

— Мое главное оружие здесь, — женщина постучала пальцем себе по виску, — стрелять, чуть что, будете вы.

— Ну ладно, — согласился мужчина, — пойдемте.

Все трое двинулись к лифтам и, как и в прошлый раз, воспользовавшись картой Ивора, беспрепятственно стали подниматься на верхние уровни.

— Странно, что нет никаких серен или тревоги, — заметил Оливер.

— А зачем лишний шум? — Ответил Мэтт.

— Ну да, — согласился Оливер, — что-то в этом есть.

К удивлению всех троих наверху горячий прием им не устроили, даже наоборот — на поверхности не было ни души.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал Мэтт и поудобнее перехватил автомат, — давайте, за мной. Мелисса — прикрывай, Оливер, будь готов стрелять.

— Всегда готов, — огрызнулся Стальной Генерал, — не маленький.

Боевая броня снижала нагрузку, но он все еще был слаб.

— Нам нужен транспорт, давайте осмотримся. Оливер, возьми, — Мэтт протянул другу свой пистолет, — может, пригодится. Не верю я до конца этой штуковине, — он кивнул на рельсотрон в руках Стального Генерала.

Помещение верхнего уровня представляло собой огромный ангар с КПП на выходе. Тут размещались припасы, которые готовили спустить вниз, в центр, запасы топлива для резервных генераторов, мебель, оборудование и все в таком духе. Однако, ни одного автомобиля на ходу видно не было: все те, что нашли беглецы, стояли без колес или с открытыми капотами и явно нуждались в ремонте.

Через десять минут осмотра все трое опять собрались вместе.

— Ну что? — Первым спросил Мэтт.

Как и ожидалось, никому из них не повезло.

Мэтт уже раздумывал снять колеса с одного из грузовиков и попробовать завести тот, что выглядел лучше всего, но один из грузовых лифтов пришел в движение.

— Кажется, к нам едут гости, — заметил Оливер.

Он был прав. У КПП также началось какое-то движение и как только лифт придет наверх, все трое окажутся зажатыми в тиски.

— Так, — Мэтт стал продумывать их дальнейшие действия, пока было время, — Мелли, сколько народа у КПП?

— Человек пять-шесть, больше не слышу.

— Мы займемся ими, — сказал Мэтт. — Оливер,

встретишь гостей из лифта? С этой своей игрушкой?

— Конечно, — ответил Стальной Генерал, — только не увлекайтесь там слишком сильно, мне может понадобиться помощь.

— Справишься. Пойдем, Мелли, — сказал Мэтт, — Оливер, как закончишь здесь, отходи к КПП, пойдем пешком.

— Хорошо.

Через пару секунду Мэтт с Мелиссой скрылись за ближайшими ящиками, а Оливер стал выбирать позицию. К сожалению, напротив грузового лифта не было ничего, за чем он бы мог укрыться, поэтому Стальной Генерал просто опрокинул пару коробок, в которых, судя по всему, была мебель в разборе, и устроился за ними.

Наверх он положил рельсотрон, упер приклад в плечо и проверил, хорошо ли видно двери.

Двери было видно хорошо.

Оливер перевел оружие в полуавтоматический режим по три снаряда за выстрел и стал ждать момента, когда лифт поднимется на этаж и он начнет открываться.

«Ширина проема метров десять, то есть, там может поместиться около восьми человек в ряд. Если они с бронещитами, то, скорее, будут стоять «коробкой» на человека четыре. В любом случае, бить надо в центр. Я прошью двери лифта? А если не прошью? Есть пистолеты. Надо было взять у Мэтта гранату. Ладно, справлюсь».

Лифт остановился на этаже и как только створки дрогнули, Оливер нажал на спусковой крючок.

Рельсотрон стал выплевывать болванки, которые на

огромной скорости прошивали металлические двери лифта как бумагу. В какой-то момент их заклинило, но Оливеру с лихвой хватило того, что он успел увидеть.

Снаряды, выпущенные оружием в его руках, разрывали бойцов охраны на части. Даже пройдя сквозь металл, лишь немного замедленные, они, будто деформированное стальное облако врезались в бронежилеты и людскую плоть. Оторванные руки и ноги, огромные, зияющие дыры в груди и животах. Несколько раненных еще стонало, тихо оседая по стенам, но было понятно, что жить им осталось всего несколько минут – слишком жуткими были раны.

Оливер еще раз нажал на спуск, но ничего не произошло. У него было еще полмагазина, но индикатор на рельсотроне сообщал о нехватке мощности, а панель управления броней предлагала прижать приклад к плечу для подачи дополнительного питания на устройство.

«Так вот как ты работаешь», — подумал Оливер. Сначала он и не заметил контактных площадок на прикладе и просто решил, что это издержки прототипа. Стальной Генерал прижал приклад к плечу, после чего индикатор на оружии зажегся привычным зеленым светом. Он дал последнюю очередь по лифту, оборвав страдания раненных, забросил рельсотрон на плечо, достал пистолет и двинулся в сторону КПП, к Мелиссе и Мэтту.

Помощь этим двоим была не нужна. Телепат без особых усилий по очереди захватывала контроль над охранниками, выводила их на открытое место, где с ними несколькими выстрелами расправлялся Мэтт.

— Последний далеко, командор, — бросила Мелисса

как раз в тот момент, когда к ним подходил Оливер, — я сама.

Через несколько секунд из-за угла послышался выстрел.

— Все, — кивнула женщина и обернулась, услышав шаги Стального Генерала, — у тебя как дела, Оливер?

Стальному Генералу стало немного не по себе.

«Она только что, судя по всему, заставила человека вышибить себе мозги, а выглядит так, будто выпила чашку чая».

— Все нормально, за нами никого нет, — ответил он вслух.

Он решил опустить кровавые подробности того, на что способен рельсотрон.

— Если так, — сказал Мэтт, — то поднимаем свои задницы и валим отсюда. Мелисса, где тут ближайшее КПП или место, где можно раздобыть транспорт?

Женщина задумалась.

— Тут недалеко есть военная база, закрытая. В последнее время используется как тюрьма для смертников и преступников-военных. Думаю, там сможем что-нибудь раздобыть, — ответила она.

— Хорошо, — сказал Мэтт, — сколько по времени ходу?

— Где-то с час.

— А если жечь батареи?

— То минут двадцать.

— Отлично, — сказал Мэтт, — Оливер, перезаряжаемся и бежим к базе, понял?

— Что уж тут непонятного, — ответил Стальной Генерал, — и еще я, вроде как, разобрался до конца с этой штуковиной, — он похлопал по плечу, на котором

висел рельсотрон.

— Ладно, готовимся и за дело, — сказал Мэтт и потянулся в подсумок за новым магазином.

Когда они вышли за пределы КПП, уже стемнело. Стараясь сильно не шуметь, все трое перевели броню в «маршевый» режим и бегом, который был больше похож на огромные прыжки, двинулись в направлении, указанном Мелиссой.

Через десять минут, после пересечения очередного подлеска, где-то в километрах пяти показались огни базы.

— Все в норме? — Остановившись, спросил у товарищей Мэтт. — Оливер? Ты как?

— Нормально, — прохрипел Стальной Генерал, — жить буду.

Бежать даже в броне было невероятно тяжело. Перед глазами мужчины все дрожало, а кровь стучала в ушах так, что ему казалось, что он вот-вот оглохнет.

«Главное, чтобы швы не разошлись», — подумал он.

— Ладно, привал окончен, отдохнешь у базы, пока мы с Мелиссой осмотримся, — сказал Мэтт, — давай, старик, ты справишься.

И они опять побежали.

Когда до базы оставалось километра полтора, Мелисса заметила огни автомобильной колонны, вынырнувшей справа от них из-за поворота. Автомобили двигались с невысокой скоростью, и у троицы было время добраться до дороги и обдумать ситуацию.

— Можем попробовать захватить один из грузовиков и двинуться в сторону города, — сказал Оливер.

— Они бронированные, даже стекла — возразил

Мэтт.

— А у нас есть рельсотрон.

— Думаешь, пробьет?

— Тут проблема не в том, чтобы пробить, а в том, чтобы машину не угробить, — ответил Стальной Генерал.

Командор задумался.

— Мелисса, а ты сможешь взять над водителем контроль?

— Простите, командор Мэтью, — ответила женщина, — но цель в движении, слишком мало времени, да и я устала.

— Ладно, — сказал Мэтт, — значит, будем атаковать. Сколько их там? Три? Два джипа и грузовик, да? Значит, таран и щит в расход, возьмем среднюю.

Все трое еще раз проверили свое оружие, Мэтт и Мелисса подготовили гранаты, а Стальной Генерал устроился с рельсотроном чуть поодаль, чтобы принять головную машину.

Когда грузовики подъехали поближе, Мэтт с Мелиссой вырвали по чеке каждый из своей гранаты и бросили прямо под первую машину. Как прикинул старый командир, она и грузовик как раз успеют проехать, а взрыв уничтожит последнюю, третью.

Оливер перевел рельсотрон в режим одиночного огня и ждал взрыва.

Пять секунд с момента, как они выпустили из рук гранаты, показались Мэтту вечностью. Он крепко сжимал рукоять автомата и готовился к бою.

— Командор, — начала Мелисса, — там...

В этот момент гранаты взорвались, повредив задний мост последнего джипа, от чего тот ушел в занос, едва

не перевернулся и почти сразу загорелся.

Почти синхронно с взрывом гранат начал работать рельсотрон Оливера. Стальной Генерал точными, одиночными выстрелами нашивал кабину и двигатель, пока джип не вильнул и не остановился посреди дороги. Водитель грузовика пытался объехать препятствие, но Мэтт уже вскочил на ноги и, настигнув машину в два огромных прыжка, запрыгнул на подножку, одним мощным, усиленным боевой броней ударом локтя буквально вынес бронированное стекло из рамы и дал по кабине с водителем и солдатом рядом с ним длинную очередь.

Все закончилось.

— Командор, — к Мэтту бежала Мелисса, — я не уверена, но в кузове кто-то есть.

Оливер был еще далеко — добивал раненных в головной машине, поэтому Мэтт знаком дал Мелиссе команду следовать за ним.

То, что издалика казалось обычным грузовиком, на деле оказалось бронированным автозаком и, судя по тому, что шел он в, фактически, военную тюрьму, внутри кто-то мог быть.

— Мелли, слышишь что-нибудь? — Спросил Мэтт.

— Там будто кто-то есть, но я не могу к нему пробиться, — ответила Мелисса. — Может, без сознания. А, может, кузов экранирован.

— Ладно, — Мэтт проверил, сколько патронов осталось в магазине, и опять поднял автомат, направив его на машину, — на счет три резко открывай створки, поняла?

Женщина молча кивнула и поудобнее перехватила свой пистолет.

— Раз, два, три!

* * *

Солдаты особо не церемонились: двое схватило Ричарда, который почти сразу стал приходить в себя после нокаутирующего удара, под руки, еще двое подняли все еще бессознательную Астрею. Волосы на затылке девушки стали темнеть от крови, которая уже тонкими струйками стекала по шее, и полковник надеялся, что это просто рассечение.

«У девчонки кусок железа в шею зашит. А если повредили?», — подумал О'Коннелл. Их выволокли на улицу и потащили к бронированному грузовику, который, по всей видимости, использовался для перевозки заключенных.

Один из солдат попытался отобрать у Ричарда его трость, но мужчина вцепился в нее намертво и процедил в ответ:

— Отберешь, и как доедем, тебе придется тащить меня на себе, понял?

Боец ничего не ответил, но попытки вырвать трость оставил. Так Ричарда прямо вместе с ней и забросили внутрь грузовика, а следом, будто мешок, закинули и девушку-телепата.

Первым делом, после того, как створки захлопнулись, Ричард подполз к своей помощнице и проверил, жива ли она.

Пульс был, но не слишком сильный.

«Второй удар по голове за сутки», — подумал Ричард, — «да уж, не завидую я ей, как очнется».

Он был неимоверно рад тому, что их погрузили в одну машину, так как объяснить солдафонам, что при отдалении от него на пятьдесят метров Астрее оторвет голову не представлялось возможным. Во всяком случае, вдаваться в подробности происходящего прямо сейчас Ричарду очень не хотелось.

Машина тронулась и, судя по пейзажу через маленькое, решетчатое окно под потолком, двигались они прочь из столицы, за город.

«Неужели я проиграл?», — Мрачные мысли одолевали полковника, — «Генри провел меня как мальчишку, да еще и так подставил. Надо было стрелять и дело с концом».

Астрей все не приходила в себя. Когда Ричард в очередной раз поднялся с пола чтобы посмотреть, где они находятся, пейзаж за окном радикально изменился: вместо бетонных высоток столицы вокруг простирались только пустоши, перемежаемые редкими подлесками и небольшими рощицами.

«Уже за городом. Черт побери, Астрей, пора просыпаться!», — подумал полковник.

Он попытался привести девушку в чувство, хлопал по щекам, звал, но она приходит в себя отказывалась.

«Да, второй удар по голове за сутки...», — опять подумал полковник.

Когда он уже почти смирился с тем, что его спутница не сможет им помочь, где-то сзади, за их машиной, прогремел взрыв. Через секунду грузовик резко вильнул в сторону, от чего О'Коннелл вместе с Астреей, будто куклы, полетели в другую сторону кузова.

Машина остановилась. Ричард очень чувствительно приложился плечом о стену грузовика, но было в этом

происшествии и кое-что хорошее – Астрея стала приходить в себя.

Она тяжело поднялась на ноги и дезориентировано стала оглядываться по сторонам, пытаясь понять, где находится.

— Эй, ты как, Астрея? — Начал О'Коннелл, — на нас напали, но я думаю...

— Напали? – Перебила девушка, — кто? Как напали?

Полковник не успел ответить. В этот момент кто-то одним резким движением открыл створки кузова.

Астрея не желала быть жертвой в третий раз за двадцать четыре часа. Обратившись к своему модулю, она, сконцентрировавшись, обрушила всю свою силу на человека, который стоял рядом с машиной и, как думала Астрея, пытается проникнуть внутрь.

«Напали, да?», — билось в травмированном сотрясении сознании девушки, — «очень зря».

Неровный свет от горящей позади машины бил Ричарду в глаза и он не мог понять, что происходит. Прежде чем он успел хоть что-то сказать Астрее, та усилием мысли поставила нападавших – их было двое – на колени.

Женщина – это единственное, что смог различить О'Коннелл, подняла руку с пистолетом и приставила к собственной голове. С мужчиной все было немного сложнее – у него в руках был автомат, ремень которого тот перебросил через плечо, что и мешало ему выполнить процедуру с той же легкостью.

— Астрея, подо... — начал Ричард, но в этот момент женщина под контролем Астреи нажала на спуск.

Прогремел выстрел. Ричард видел, как с обратной от

ствола стороны ломается череп неизвестной, как из пролома, вслед за прошедшей навывлет пулей вылетает небольшой фонтанчик из смеси крови, осколков костей и мозгов, как под весом собственного тела она падает лицом вниз.

— Подожди! – Все же закончил полковник, — Они напали на армейскую колонну, может, помогут! Зачем сразу стрелять!

— Что? – Астрея все еще до конца не понимала, где находилась, — колонну?

— Да! – Прокричал Ричард, — отпусти его, только смотри, чтобы он нас не пристрелил!

Полковник встал и, подняв над головой руки, чтобы показать, что безоружен, тяжело выбрался из кузова машины наружу.

Глава 24

Томми боялся выходить из здания. После рейда на Гетто бывший предводитель тамошней банды зализывал раны и старался не выходить из своего укрытия без лишней надобности.

— Шеф, как вы? – В комнату вошел Эрик, его новый помощник, один из тех немногих, кто сумел выбраться по старой канализации за пределы развалин.

— Нормально, — Томми встал со своего места, чтобы размять затекшие мышцы.

После рейда он начал пить, и пить много. Почти две недели беспробудного пьянства, по ощущениям, чуть не свели его в могилу, но Томас сумел взять себя в руки.

А теперь он жаждал только одного – отомстить.

Несколько ночных набегов на военные базы и они сумели обзавестись достаточным количеством взрывчатки, чтобы сравнять с землей половину города. Но, что самое печальное – Джо так и не вернулся и никаких вестей ни от командира Мэтью, ни из головного лагеря не поступало.

— Лучше скажи мне, — спросил Томми у Эрика, — у нас все готово?

Боец застыл. Как только Томми вышел из запоя, он дал понять, что побег из Гетто был лишь отсрочкой их смерти, а не чудесным спасением. Вопрос только в том, как они все умрут. Некоторые ушли сразу, еще пара человек – через несколько дней. Томми никого не держал, потому что не мог заставить своих людей умирать за его идеи.

— Готово-то готово, вот только странные вещи

творяются.

— Что ты имеешь в виду? – спросил Томми.

— Мне тут шепнули, что пару недель назад кто-то зверски убил Мелкого, — ответил Эрик, — привязали к стене и ударом по спине сломал половину костей. Если бы я не знал, что вы, шеф, были тут все это время, я бы подумал, что это вы расправились с этой крысой. Кто бы это ни был, он был чертовски силен. И зол.

— Да? Прямо половину костей?

— Такое чувство, что ему на шею кувалду опустили, — ответил Эрик, — Да и его подонков перебили поголовно, в Гетто сейчас очередной передел власти.

Томас сел обратно за стол.

— Туда ублюдку и дорога, — наконец сказал он, — без таких как Мелкий этот мир станет чуточку чище, хотя я не верю, что его хоть что-то может спасти.

Ему хотелось выпить. Опять погрузиться в сладостный дурман алкоголя, где смазывается граница между реальностью и надеждами. Где они не уничтожены телепатами, где его друзья, а главное – Джо, все еще с ним.

Он хлопнул себя ладонями по коленям, поднялся и, махнув рукой Эрику следовать за ним, и отправился в помещение, которое они называли оружейной.

На сколоченных из старой фанеры и ящиков столах аккуратно лежала подготовленная его людьми взрывчатка: стопки зарядов с дистанционными взрывателями и две дюжины поясов смертника. Чуть поодаль, у стены, стояло украденное оружие и боевые костюмы. Удивительно, но они даже сумели раздобыть прототип, который налазил на их гиганта-командира, чем последний был крайне доволен.

Эрик замер за спиной шефа, ожидая его вердикта, но Томми молчал.

— Сегодня у нас что? Пятница? — Наконец прервал молчание Томми, — собери парней в столовой, нам надо еще раз обсудить свой план. И попрощаться.

Уже через пятнадцать минут все были в сборе. Малыш Томми окинул взглядом помещение, вдохнул поглубже и начал.

— Парни, думаю, что почти для всех присутствующих это будет последний день. Если кто-то не готов погибнуть, считает, что все наладится и он сможет найти себе место в этом городе – я никого не держу и не виню.

Томми замолчал, ожидая хоть какой-то реакции. Никто даже не шелохнулся – все, кто хотел уйти, уже ушли. Остались только те, кто потерял во время штурма Гетто все: семьи, любимых и, главное, надежду.

— Хорошо, — гигант еще раз окинул взглядом комнату, — тогда будем считать, что все вы готовы. Парни – не лезьте на рожон. Пусть наша атака будет и самоубийственной и цель у нас одна – посеять хаос и разрушения, помните: чем дольше выбудете оставаться в живых, тем больше сможете сделать. Все уже разбились на пары?

Бойцы в комнате согласно загудели.

— Хорошо, тогда давайте собираться. Времени мало, до комендантского часа осталось всего часов пять.

* * *

Деймос и Адикия не спеша шли по улицам Столицы.

— Видишь вот это? – Деймос ткнул пальцем на один из громкоговорителей на уличном столбе.

— Да, конечно, — ответила девушка, — по ним оповещают о начале комендантского часа или о каких-то ограничениях.

— Ага, — Деймос задумался, — поэтому сейчас мы идем в расположение гарнизона.

Чем ближе было к центру, тем больше солдат встречалось им на пути. Деймос позволил Адикии отдохнуть и отводил им глаза самостоятельно и без всяких усилий. Будто два призрака, никем не замеченные, они прошли через КПП и двинулись к зданию штаба.

— Что мы тут забыли вообще? – Спросила Адикия, хотя и сама уже догадалась.

— Пульт управления системой оповещения города, конечно же. Как ты относишься к бунтам?

Адикия поежилась.

— Будет много крови, солдаты просто сомнут бунтовщиков.

— Не сомнут, если будут предоставлены сами себе, — ответил Деймос и немного прикрыл глаза.

Адикия видела, как солдаты караула замерли, а уже через несколько секунд, держа в руках штык-ножи, вскрывали себе вены. Зрелище было настолько жуткое, что девушка просто опустила голову и продолжила двигаться вслед за Деймосом.

Они прошли по коридорам и лестницам, залитым кровью, и наконец-то оказались в комнате управления.

Деймос сбросил на пол труп дежурного и похозяйски сел в кресло. Несколько движений и над его головой зажглась лампа, сигнализирующая о том, что

микрофон включен.

— Здравствуйте, жители нашей прекрасной Столицы, — он говорил громко, четко и уверенно, — я обращаюсь ко всем вам, а в первую очередь, к тем, кто обитает за пределами «Кольца Жизни». Сегодня ночь чудес, друзья. И я призываю вас, каждого, кто дорожит своей свободой и жизнью своих детей и родных, отправиться к ближайшему КПП. Убивайте солдат, жители столицы! Убивайте жирующих на вашем горе ублюдков, живущих в небоскребах центра! Не бойтесь ничего! Штаб столичного гарнизона уничтожен, никто не придет этому мусору, называющему себя вашими защитниками, на помощь.

Убивайте мародеров и прочий сброд! Я даю вам возможность сделать этот город чище и лучше, я даю вам возможность добиться справедливости для себя и своих родных.

Сколько ваших друзей, знакомых, родственников сгнило в камерах? Сколько жен было безнаказанно изнасиловано и убито мразями в форме?

Я знаю, недовольство ваше зреет уже давно и сегодня у вас есть шанс отомстить! Вставайте, выходите на улицы, берите дубины, обрезки труб, делайте бутылки с зажигательной смесью! Разбирайте стены и превращайте их обломки в грозное оружие! Армия – не божественный пантеон, они лишь люди! И кровь армейского сброда такая же красная, как кровь каждого из вас!

Я – не сопротивление. Я – не провокатор. Я – один из вас, обманутый и растоптанный нынешним режимом!

Я жду вас у здания Совета, в самом центре этого муравейника, который гордо называют столицей!

Приходите сегодня ночью, и мы вместе провозгласим новый порядок!

Он окончил свою речь и отключил микрофон. В комнате повисла тишина — Адикия не решалась заговорить. Они ожидала чего-то подобного, но всегда считала, что они справятся с Деймосом вдвоем, по локоть в крови, но вдвоем. Сейчас же он пытался превратить этот многомиллионный город в пылающий ад.

— Ты думаешь, — наконец-то сказала она, — это сработает?

— Скажу больше — я уверен, что сработает, — Деймос встал с кресла и подошел к девушке, — в одну из ночей, там, в нашем укрытии, пока ты спала, я коснулся разума людей вокруг. И знаешь, что я увидел? Я увидел боль, ненависть, страх.

Он вышел в коридор, но остановился и опять заговорил:

— А это дает шанс. Дает им шанс перестать чувствовать себя жертвой, отомстить. На площади перед зданием совета у нас будет много гостей.

Деймос опустил руку в карман и достал два шприца с ЕР-22. Максимальная не летальная доза, которая к утру сведет его с ума.

Он посмотрел на яд в своих руках, снял колпачки и, воткнув иглы прямо через штанину себе в ногу, и стал медленно опускать поршни.

— Вот и все, — он заодно улыбнулся Адикии, — у нас есть часа три-четыре, может, пять. А дальше да поможет тебе Бог, милая.

Не дожидаясь ответа, он просто пошел по коридору на выход.

«Да, помощь мне не помешает», — подумала Адикия.

* * *

Оливер видел, как Мэтт с Мелиссой открыли двери кузова и, уже было решил бежать к ним, но заметил, как его товарищи медленно опускаются на колени. Он уже думал окрикнуть их, чтобы отвлечь внимание нападавших и дать Мэтту шанс, как прогремел выстрел.

Оливер увидел, как Мелисса заваливается на бок и медленно, будто в замедленной съемке, падает на землю.

Времени на раздумья не было. Оливер рывком поднял рельсотрон, в магазине которого еще оставалось несколько болванок, и стал нашивать кузов примерно в том месте, где, как он думал, может находиться противник.

В какой-то момент Мэтт дернулся, внезапно встал на ноги и поднял свой автомат. Видимо, Оливер кого-то достал.

Первое, что увидел Стальной Генерал, подойдя к машине – труп Мелиссы. Он еще тешил себя надеждой, что она была просто ранена, но прекрасно понимал – она, как и он с Мэттом, была в боевой броне и единственное место, куда ее можно было ранить – голова.

В месте выхода пули череп женщины был разворочен и никаких надежд на то, что она могла выжить, не оставалось.

Рядом с ней, на земле лежал мужчина, не по погоде

легко одетый, а в самом кузове хрипела, захлебываясь собственной кровью, какая-то девушка. Болванка рельсотрона прошла через грудь, еще одна — почти оторвала руку и то, что она еще была в сознании и цеплялась за жизнь, было чудом.

— Назови мне хоть одну причину не пристрелить тебя прямо сейчас, кусок ты дерьма, — сказал сквозь зубы Мэтт мужчине, лежащему на земле.

По всей видимости, он был более удачлив, чем его спутница, и остался цел.

Девушка в кузове конвульсивно дернулась в последний раз и затихла.

— Меня зовут Ричард О'Коннелл, — мужчина стал медленно подниматься, держа руки как можно выше, чтобы не спровоцировать Мэтта и Оливера.

— Как-как? – Удивленно спросил Мэтт, — Ричард О'Коннелл? полковник Ричард О'Коннелл?

— Да, — озадаченно ответил тот/ Казалось, этот старик знает его, но Ричард никак не мог понять, откуда.

— Ты его знаешь? – спросил Оливер.

— Слышал, — тихо ответил Мэтт, — мне о нем сказал Джеймс перед тем, как застрелиться. Мелли его... — Командор осекся, — была его подчиненной.

О'Коннелл все меньше понимал, что происходит.

— Мелли? Мелисса? – Переспросил Ричард.

Мэтт только угрюмо кивнул на труп рядом с ним.

Полковник подорвался, чуть не упав из-за больной ноги, и бросился к трупу. Когда он перевернул тело лицом вверх, Ричард понял, что это была она. Его Мелисса.

Он тихо прижал тело женщины к груди, не издав ни

звука.

«Подчиненная? Не уверен», — подумал Оливер.

— Мелли, милая, — О'Коннелл отбросил прядь рыжеватых волос и посмотрел в мертвые, остекленевшие глаза женщины.

— У нас нет времени на прощания. Полковник, нам надо уходить, поедете с нами — Мэтт взял Ричарда под руку и мягко поднял его на ноги, заставив отпустить тело Мелиссы, — это война, — продолжил он, — на войне солдаты гибнут, а она была именно солдатом. Пойдемте.

Ричард уже почти взял себя в руки и пошел следом за Мэттом. Старый же командир кивнул Оливеру на труп в машине, намекая, что его тоже надо выгрузить.

— Оливер, поедешь в кузове, прикроешь. Там на базе началось какое-то движение, надо валить, — добавил он вслух.

Стальной генерал согласно кивнул, подошел к машине и, схватив тело Астреи за ноги, будто мешок стащил его на землю, уложив рядом с трупом Мелиссы.

— Она была телепатом? Как и Мелли? — Спросил Оливер у О'Коннелла.

— Да, наверное, одним из самых сильных.

— Понятно, — сказал Мэтт. Теперь он окончательно понял, что произошло пару минут назад. — Ладно, грузимся и валим.

Поднимаясь в кузов, Оливер чуть было не поскользнулся в луже крови, но на ногах устоял. Мэтт и Ричард выбросили из кабины трупы водителя и солдата и устроились на их местах. Мэтт уже заводил двигатель, когда Стальной генерал постучал кулаком в кабину.

— У меня мало снарядов, да и батареи посажены!

— Прокричал он Мэтту.

— Значит, береги патроны! Нам этот ствол еще пригодится! — Прокричал в ответ Мэтт и стал разворачивать грузовик, — значит, вы полковник контрразведки, так? — Уже спокойно обратился он к Ричарду, который тихо сидел на пассажирском месте, погруженный в собственные мысли.

— Да, — ответил он Мэтту.

— Джеймс Харрис советовал мне найти вас, — Мэтт решил не афишировать факт того, что советник был его братом.

— А вы вообще кто такие?

Мэтт секунду помолчал. Он наконец-то развернул машину и они стали набирать скорость. Они отъехали всего метров на пятьдесят, как сзади, на месте засады, прогремел взрыв.

— А это еще что такое?! — Прокричал Оливеру Мэтт.

— Не знаю! — Послышалось из кузова, — но на дороге чисто.

— Ну и черт с ним! — Ответил командор, — следи, чтобы не было погони!

— Понял!

Ричард молча наблюдал за этими переговорами. То, что сработал ошейник Астреи, он решил не распространяться.

— Так кто вы такие? — Повторил свой вопрос полковник.

— Меня зовут Мэтью, я командир сил сопротивления, а там, в кузове, Оливер Стил.

— Стальной Генерал? — Ричард был удивлен, — Я слышал, что он ушел из партизан.

— Да, пытался, — ответил Мэтт, — но я его нашел и

попытался вернуть. Правда, возвращать уже некуда.

— В смысле?

— Мелисса как-то сказала нам, что армия провела полномасштабную операцию. Гетто и наши лагеря на севере были уничтожены.

— Я ничего об этом не слышал, а слышал, что вы, Мэтью, пропали без вести.

— О, у нас есть предатели? – Спросил Мэтт.

— Скажем так, все это было на уровне слухов, — уклончиво ответил О'Коннелл. Ему не хотелось говорить, что у него были свои доносчики в стане сопротивления.

— Советник Харрис сказал, что нам стоит найти вас. Вы сможете помочь в вопросе примирения сопротивления и правительства.

Ричард только улыбнулся.

— Для того, чтобы примирить эти два лагеря, нужно будет отправить на тот свет как минимум половину всех чиновников и лидеров. Хотя, — заметил он, — Деймос отлично с этим справляется.

— Деймос?

— Вы знакомы?

— Да, — медленно ответил Мэтт, — мы встречались в исследовательском центре Майка Ивора. Там латали Оливера, пару недель назад его тяжело ранили бродяги.

— Вот оно что, — Ричард обдумывал услышанное, — и когда он ушел оттуда?

— С неделю назад, после этого нас почти сразу взяли под стражу, только сегодня сбежали.

Ричард внимательно посмотрел на Мэтта. Он еще не решил, стоит ли доверять этой парочке. Но если они и вправду Командор Мэтью и Оливер Стил – придется.

— Так, а что уже натворил Деймос? – Стараясь не отвлекаться от дороги, спросил Мэтт.

— Он вломился на закрытую вечеринку армейского командования в одном из центральных казино, — ответил О'Коннелл.

— И что?

— Забил телескопической дубинкой два десятка человек.

— Один?

— Ну, я с его способностями я даже удивлен, что он прибегнул к столь грубым методам.

— А кто он такой вообще? – задал еще один вопрос Мэтт.

— До того, как попасть на стол к Ивору, он служил в армии, был капитаном, — ответил Ричард.

— Ого.

— Да.

Машина сделала последний поворот и выехала из лесополосы, за которой показалась Столица. Сначала ни Мэтт, ни Ричард не поняли, что не так, но присмотревшись, заметили – город был охвачен огнем пожаров.

* * *

Томми и его бойцы уже разбрелись по разным частям города и, пряча в сумках взрывчатку, а под одеждой оружие, нацелились каждый на свой блокпост.

Солдаты были расслаблены – кто осмелится на них напасть?

Но Малышу Томми не повезло. Конкретно на его

точке стоял молоденький лейтенант, видимо, сразу после академии. Он еще не пресытился сонными дежурствами и гонял бойцов, чтобы те не слишком сильно расслаблялись.

— Проклятье, — прошипел Томми себе под нос, — угораздило же.

Вот-вот должен был начаться комендантский час, и времени менять позицию у него не было.

Их план был предельно прост: все одновременно начинают атаку на семь блокпостов на юге и юго-востоке «Кольца Жизни». Томми и еще два мини-отряда под руководством Эрика отвлекают на себя внимание, имитируя прорыв к центру, остальные же распределяются по «Кольцу» и закладывают снаряды под ключевыми зданиями и небоскребами, до которых смогут добраться. Пояса смертников были, как называли их техник, «последним аргументом». Начиненные устойчивым пластидом, они спокойно могли выдержать как и воздействие огнем, так и прямое попадание — детонировали они исключительно от электрического разряда.

Один из динамиков на столбе возле КПП тихонько зашипел, сейчас будет объявление о наступлении комендантского часа через пять минут. Гигант уже потянулся к автомату, спрятанному под курткой, готовый атаковать.

Но вместо привычных слов, Томми услышал кого-то слабо похожего на армейского диктора или автоматическую запись.

— Здравствуйте, жители нашей прекрасной Столицы, я обращаюсь ко всем вам, а в первую очередь, к тем, кто обитает за пределами «Кольца Жизни».

Сегодня ночь чудес, друзья...

Чем дольше Томми слушал голос, несшийся из динамиков по всему городу, тем больше не мог поверить в происходящее.

«Кто это? Что, черт возьми, происходит?»

Чувствовалось, что эта воодушевляющая речь неизвестного скоро закончится, и Томми понимал: или сейчас, или никогда.

Он достал гранату, вырвал чеку и бросил в сторону КПП. Пока же она находилась в полете, Томми выхватил автомат и дал очередь по солдатам, которые в это время замерли, раскрыв рты, и слушали речь неизвестного.

Двоих Томми срезал сразу – костюмы использовались, в основном, для рейдов и вылазок спецподразделений, а солдаты столичного гарнизона носили обычные бронежилеты. Кроме молоденького лейтенанта – все командиры уже перешли на новый тип снаряжения.

Недолго думая, он бросился к КПП, сокращая дистанцию между собой и противником.

У солдат не было ни единого шанса. Сам по себе, сильный и огромный, как бизон, да еще и в боевой броне, Томми мог расправиться с ними практически голыми руками. Через минуту, пересчитав трупы и сменив магазин, бывший главарь банды Гетто понял, что лейтенант от него где-то укрылся. Нашел он его в небольшой будке при КПП, в которой и заперся юнец. Не слишком церемонясь с замком, Томми просто выбил дверь одним ударом ноги, и, прикрывая локтем голову от пистолетных пуль, пока у лейтенанта не закончились патроны, подошел к парню и выбил из его рук оружие.

— Ты кто такой? – Лейтенант был в истерике, —

тебя казнят, тварь! Понял?! Казнят!

Томми не очень любил истеричек, особенно, если это были истерички-мужчины. Он схватил лейтенанта за голову и одним резким движением сломал ему шею.

— И что дальше? – Уже труп ответил Томми, — ты-то умер раньше.

Когда он вышел наружу, вокруг КПП уже собралась небольшая толпа мужчин самого разного возраста.

— Если вы хотите последовать совету голоса из динамиков, — прокричал Томми, — то берите оружие и амуницию и вперед! За мной!

Он даже не стал оборачиваться, развернулся и пошел вперед – вглубь города, к центру.

Уже на повороте улицы он заметил, как люди у КПП снимают с солдат бронежилеты, ботинки, оружие и двигаются вслед за ним.

«И вправду ночь чудес», — подумал Томми.

* * *

Шум в голове Деймоса нарастал – ЕР-22 начал действовать.

Ивор пытался отговорить его от этой затеи, но Деймосу нужно было выжать из своего мозга все, что только возможно – он не ставил себе цель выжить.

— Давай возьмем где-нибудь машину, — сказал он Адикии, — сэкономим время.

Девушка согласно кивнула.

Спустя три квартала им все же повезло: они нарвались на очередной патруль, который медленно колесил по этому району на открытом армейском джипе.

— Подержи их, дальше я сам, — сказал Деймос и двинулся в сторону машины, которая уже начала сбрасывать ход и, в итоге, остановилась посреди перекрестка.

Деймос подошел к машине, вытащил из кобуры солдата, сидящего на переднем сидении, пистолет и знаком попросил Адикию вывести их на дорогу.

Как только четыре солдата ступили на асфальт, Деймос пустил по пуле в голову каждого и уселся на переднее сидение.

— Мне повести? – Спросила подошедшая Адикия.

— Да, садись, — ответил Деймос, — что-то в голове гудит.

— Может, слишком рано вколол? – В голосе девушки слышалась тревога.

— Да вроде нет, в самый раз. Препарат должен подействовать.

Адикия только молча кивнула и села на место водителя.

— Куда? К зданию Совета?

— Да, давай только быстро.

— Хорошо.

Машина резко повернула в сторону центра и они понеслись по пустынным улицам Столицы.

Кое-где они встречали солдат, мимо которых проносились на большой скорости, где-то видели стычки между жителями и патрулями. В какой-то момент где-то на севере прогремел взрыв после которого на секунду моргнули уличные фонари: кто-то взорвал одну из электростанций.

— Почти приехали, сказала Адикия Деймосу и, не дождавшись ответа, попыталась посмотреть на своего

спутника.

Но ее тело ее не слушалось. Адикия понимала, что машину стало клонить в сторону, но Деймос — а так просто захватить над ней контроль мог только он — просто не обращал внимания на происходящее.

«ОТПУСТИ! ОТПУСТИ МЕНЯ! МЫ РАЗОБЬЕМСЯ!», — мысленно закричала Адикия в надежде, что Деймос ее услышит.

— Что такое? – спросил он.

— Я не могла даже дернуться! Ты меня чертовски напугал! – ответила Адикия.

— Значит, ЕР-22 начинает действовать даже быстрее, чем я думал, — ответил мужчина. – Я их слышу, Адикия. Голоса тысяч людей вокруг меня, я их слышу. И знаешь, это очень тяжело.

Девушка с опаской посмотрела на Деймоса.

— Ты держись, — сказала она и взяла его за руку, — мы почти приехали.

Она была права: уже через несколько минут перед ними показалось КПП правительственного сектора. Адикия увидела направленные в их сторону стволы и думала свернуть на другую улицу, чтобы не попасть под град пуль, но Деймос сжал ее руку и сказал:

— Не сворачивай, я разберусь.

Когда до КПП оставалось еще метров четыреста, и по ним вот-вот должны были открыть огонь, Деймос сосредоточился на солдатах.

Некоторые побросали оружие и бросились прочь, кто-то упал замертво, другие – забились в истерику и будто дети легли на асфальт, поджав под себя колени.

Адикия даже не хотела знать, что с ними произошло. Ей хватило того, что она почувствовала на своей шкуре.

В любом случае, проехали эту одну из последних преград они без всяких проблем.

Не прошло и пяти минут, как телепаты увидели здание Совета. Освещенное прожекторами, с охраной вдоль ограды, оно больше напоминало неприступную крепость, чем административную постройку.

— Что теперь? – Спросила Адикия Деймоса.

«Просто езжай прямо», — прозвучало прямо у нее в голове. Деймос все сильнее терял контроль над своими способностями – было намного проще общаться с девушкой мысленно, чем пытаться оградить ее разум от вторжения, — «я все устрою».

Глава 25

Когда до КПП оставалось полсотни метров, Деймос опять обратился к Астрее.

«Останови», — прозвучало в голове девушки.

Вторжение телепата в разум Адикии было все сильнее, и Деймос понимал, что нужно торопиться.

Вот, в очередной раз он увидел происходящее глазами своей спутницы: тонкие, но сильные руки на руле, взгляд, мечущийся по застывшим солдатам КПП, поглядывание на него, Деймоса, сидящего рядом.

— Что такое, старик? – Его альтер-эго, извращенная форма Генри Джонсона, все также сидела на заднем сидении.

Он сопровождал их все это время: начиная с того дня, как Деймос убил нескольких своих братьев по неосторожности.

Генри шел рядом с ними по улицам города, он бесновался в казино и подначивал Деймоса бить сильнее, но не убивать армейских псов слишком быстро; будь его воля, он бы пытал их всю ночь. Генри убеждал Деймоса убить Ричарда, потому что тот может стать ему помехой, но пока он не был главным, кроме проклятий и подначек ничего сделать не мог – Деймос ему не позволял.

Но после инъекции ЕР-22 все стало хуже. Телепату казалось, что его галлюцинация стала обретать физическую форму. Умом он понимал, что солдаты в штабе вскрывались самостоятельно, по его команде, но его глаза видели другое. Генри с ножом в руках убивает караульных. Генри с ножом в руках убивает работников

штаба, заливая коридоры реками крови. Генри услужливо сбрасывает тело дежурного с кресла и любезно указывает на освободившееся место Деймосу.

Мелькающая, двоящаяся в глазах картинка происходящего сводила его с ума во второй раз.

Где грань между реальностью и галлюцинацией? Когда он перестанет понимать, что происходит вокруг? И чем это закончится?

«Чем это закончится?» — подумал Деймос, с усилием ограждая собственные мысли от окружающих, — «Адикия пустит мне пулю в лоб».

— Или не пустит, — заметил Генри, — ты чего такой кислый?

«Отвали», — огрызнулся Деймос.

— Что? — Переспросила Адикия, повернувшись к нему в кресле.

Они уже почти остановились, и ей не нужно было следить за дорогой.

— Ничего, — вслух ответил телепат, — рвется просто всякое наружу.

Девушка была обеспокоена, но ничего не сказала.

— Что, хочешь устроить представление, да? — Опять полезла с вопросами галлюцинация, — и даже зрителей позвал.

«Заткнись и сиди тихо», — слишком много сил уходило на то, чтобы сосредоточиться на происходящем, оградиться от шума мыслей тысяч людей вокруг.

Его радиус заметно увеличился, а вместе с этим приближалось абсолютное безумие.

— Ой, да ладно тебе, безумие! — Фыркнул Генри, — рассматривай это как освобождение. Превращение в

бога. Что в этом дурного?

«Никогда не хотел быть богом», — подумал в ответ Деймос.

— А я — хотел.

— Деймос, — это была Адикия, — что дальше?

Они стояли на месте уже не меньше минуты, теряя драгоценное время.

«Да, секунду», — ответил ей телепат.

Пытаясь игнорировать галлюцинацию, которая о чем-то язвительно продолжала распинаться, Деймос сфокусировался на территории вокруг здания Совета. Ретрансляторы должны быть где-то рядом.

Вот, он дотянулся до солдат, охраняющих один из них, совсем рядом, в метрах двухстах. Он бросил взгляд на ближайший небоскреб.

Дальше все было просто. Деймос отдал команду старшему офицеру и тот, где-то там, на крыше, чеканя шаг пошел к установке, которую ему доверили охранять.

Он видел происходящее его глазами. Ничем не примечательное устройство, больше похожее на вышку связи, небольшая панель управления. Откинуть крышку, включить питание, перевести в активный режим.

Их модули — его и Адикии — отреагировали почти сразу же. Девушка вскрикнула от неожиданности, а Деймос ощутил, что может с легкостью дотянуться до следующего, и следующего, и следующего за ним ретранслятора.

Редкой сетью, установленные по всему городу, в зоне действия одного устройства находилось еще минимум два.

«Да, Джеймс постарался», — подумал телепат.

Сложно было только с первым. Еще минут пять-десять ушло на активацию башен по всему городу. Как только щелкнул последний рубильник, Деймосу показалось, что захлопнулся капкан: теперь Столица в его власти.

На него нахлынуло чувство спокойствия и правильности происходящего. Отошли в сторону тревоги, опасения. Он на правильном пути.

— Что происходит? — Адикия была полностью дезориентирована. Она, как и ее сестра, привыкла к тому, что слышит мысли окружающих, чувствует их присутствие, но происходящее было за гранью — ретрансляторы многократно увеличили радиус ее модуля Ока и сейчас ее разум захлестнул огромный поток, с которым Деймос боролся все это время. — Кто это?! — Она, к своему ужасу, увидела незнакомого ей мужчину в военной форме, который непонятным образом оказался на заднем сиденье.

Девушка чувствовала, что с ним что-то не так: как тогда, когда Анна Прайс только познакомила ее и Астрею с Деймосом, она его не слышала. Сзади никого не должно было быть. Но был.

— И что ты теперь будешь делать, Деймос? — Спросил Генри.

— О чем он говорит?! — Закричала Адикия.

Она выскочила с водительского места и застыла возле машины.

Они оба, Деймос и незнакомец на заднем сиденье, будто бы были частью одного целого, обладали непонятным сходством, и это еще больше ее пугало.

— Ты наконец-то понял, что я пытался до тебя

донести? – Спросил Генри Деймоса.

— Да, — сказал в ответ своей галлюцинации телепат и вышел из машины вслед за Адикией, — я понял.

Он подошел к девушке и положил руки ей на плечи.

— Он мой друг, не пугайся, — сказал он Адикии.

— В смысле, друг?

— Скажем так, он – часть меня, — ответил Деймос.

Адикия посмотрела телепату в глаза, вспоминая их разговор.

«Ты поймешь, когда придет время, Адикия. Начнутся странности, которые ты не сможешь игнорировать, которые нельзя будет игнорировать», — сказал он ей тогда, — «главное – не упusti этот момент».

— Прости, — сказал Деймос, после чего ворвался в сознание Адикии, перехватывая контроль над ее телом, и со всей доступной ему силой сжал пальцы на горле девушки.

* * *

Они добрались почти до самого центра. В какой-то момент Мэтт принял решение идти дальше пешком: вокруг становилось слишком много народу, а их транспорт привлекал ненужное внимание. До правительственного сектора оставалось все пара кварталов.

— Знаешь, — сказал Оливер, спрыгнув на землю из кузова, — нам с тобой это слабо поможет. Мы в боевой броне, старик. А вот ему — опасно, — он кивнул на полковника.

— Найти куртку проще, чем увернуться от гранаты

под колесами, — ответил Мэтт, — сейчас что-нибудь придумаем. Ричард, ты как?

О'Коннелл был в одном кителе. Это гарантировало ему защиту от холода, но сейчас он был просто ходячей мишенью для бунтовщиков.

— Нормально.

— Тебе бы снять это, — Оливер кивнул на китель.

— Можно поступить проще, — ответил Ричард и несколькими короткими движениями сорвал погоны, нашивки, а следом снял галстук.

— Все равно у тебя рожа разведчика, — покачал головой Оливер, — надо поискать одежду.

Одежда ждать себя не заставила. Из ближайшего поворота вынырнула группа из пяти молодчиков, на вид лет двадцати, не больше. Вооружены они были плохо: цепи, обрезки труб, у одного в руках был нож.

С одного взгляда на них становилось ясно, что этот сброд уже где-то успел «подогреть» кровь алкоголем, так что сейчас они ощущали себя реальной силой, чуть ли не Законом.

Мэтт было потянулся за своим автоматом, который еще лежал в машине, но О'Коннелл знаком дал ему понять, что шум поднимать не стоит: автоматический огонь привлечет к ним лишнее внимание. Оливер же сразу потянулся за своим ножом и перевел броню в боевой режим.

— Кто тут такой у нас? — Сказал один из бунтовщиков, по степени наглости, по всей видимости, предводитель своего маленького войска, — вы че тут забыли? Это что на тебе, — он кивнул на Ричарда, — форма? Мы тебя сейчас...

Договорить он не успел. Оливер, который стоял

немного позади О'Коннелла, метнул свой нож.

Парень осекся, посмотрел на рукоять клинка, который вошел ему в грудь по самую пята – сила броска была просто чудовищной – и упал на колени.

— Э, Микки, ты чего?! – Закричал один из банды.

Оливер не стал терять время и в несколько шагов подбежал к противнику, схватился за торчащую из груди рукоять и с силой вырвал клинок наружу.

До бунтовщиков наконец-то дошло, что именно произошло с их предводителем, и они сделали именно то, чего ожидал от них Стальной Генерал – бросились в атаку, крича и беспорядочно размахивая тем, что они называли «оружием».

В это время в драку включился Мэтт. Пока Оливер поймал в захват одного из нападавших и, наклонив, раз за разом всаживал ему в живот и грудь нож, старый командир парой точных ударов отправил двоих в глубокий нокаут.

Когда Стальной Генерал уже думал отпустить свою жертву, ему на плечи опустилась цепь, слегка задев затылок.

«Чуть выше и труп», — подумал Оливер.

Он выпустил буквально выпотрошенного им бунтовщика и повернулся к последнему оставшемуся стоять на ногах противнику, который уже замахивался цепью для второго удара.

Оливер не стал уклоняться – боевая броня гарантировала ему безопасность. Вместо этого он пошел нападавшему навстречу, поймал и намотал на левую руку цепь, которая уже летела к его голове, и, резко дернув на себя, всадил нож в живот парня.

На все про все ушло секунд двадцать.

О'Коннелл молча наблюдал за происходящим. Из него, хромого, без трости или брони, боец был никудышный, а огнестрельного оружия Мэтт ему так и не дал.

— Держи, — Оливер сдернул куртку с последнего нападавшего, который еще был жив и, лежа на земле, захлебывался собственной кровью, и бросил Ричарду, — должна подойти.

Спереди куртка была липкая и почернела от крови, но полковника это не смутило – ему и вправду нужно было спрятать свою форму, а других вариантов не было.

Следом за ним приоделись и Оливер с Мэттом. Теперь все трое не так бросались в глаза. Оливер казался горбатым из-за четырех аккумуляторов на спине, но при неверном ночном освещении заметить это было сложно.

— Нам надо разузнать, что тут, черт возьми, происходит, — сказал Ричард, — предлагаю двинуться в центр, к моему департаменту. Не думаю, что его можно было бы взять с одними цепями и трубами.

— Если восставшие смяли КПП и пару казарм – то по рукам сейчас гуляет немало оружия. Плюс банды с заводских окраин, — возразил Оливер.

— Я согласен с Ричардом, частично – подал голос Мэтт, — в любом случае нам надо следовать за бунтом – в центр. Они попытаются захватить здание Совета.

* * *

— Ты же понимаешь, что я уже не часть твоего сознания, а ты сам, Деймос? – Генри прохаживался по

площади, наматывая круги перед телепатом.

Он, как ребенок, старался не наступать на стыки плит под ногами, время от времени, то укорачивая, то наоборот, удлиняя свой шаг.

В этом было что-то завораживающее. Деймос наблюдал за ним через слегка опущенные веки, расслабленно выпуская галлюцинацию из виду, когда та оказывалась у него за спиной. Он не знал, пропадает ли Генри, или его мозг услужливо продолжает вести лишь одному ему видимую фигуру дальше, вперед, пока она вновь не покажется в поле зрения.

— Чего ты ждешь, Деймос? Ретрансляторы включены, весь этот город – сердце истерзанного государства, один из последних островков цивилизации, у тебя вот тут, — он сжал кулак и поднес к лицу мужчины. — Они все в нашей власти.

— В моей, — лениво ответил Деймос.

— Что?

— Не в нашей, в моей власти, Генри.

Галлюцинация расхохоталась.

— Черт, наступил, — Генри поднял ногу со стыка и сделал шаг назад, — а ты шутник, Деймос. В тот момент, когда ты придушил эту соплячку, я уже было подумал, что вот он, наш момент единения, но нет. Откуда в тебе этот гуманизм? Вспомни, как твоя нога встретила с ребрами Астреи! Что ты почувствовал?

— Не знаю.

— А я знаю, — Генри ухмыльнулся, — я знаю, старик. Это возбуждает. Насилие возбуждает, Деймос. И факт этого не делает тебя уродом, нет. Насилие в крови у нас, как у вида, у всех людей. Возможность причинять страдания, отнимать жизнь – высшее наслаждение для

человека.

Деймос ничего не ответил.

— Серьезно? Будешь отмалчиваться? – Генри наслаждался ситуацией, — глупо пытаться сбежать от внутреннего диалога, мужик. Ты ведь понимаешь, что я прав? В тот момент, когда ты избивал старшенькую, ты был самым собой – человеком, а не покорным скотом, загнанным и запертым в клетке морали слабаков. Признай это, Деймос! И признай то, что именно поэтому ты убил Адикию.

— Я просто понял, что она будет мне мешать, — ответил сам себе мужчина, — как сейчас мешаешь ты. Вот только у тебя нет тела, с тобой проще.

Он закрыл глаза и огородился от того участка разума, где обитало его альтер-эго. Это было непросто: он чувствовал, как ярость его галлюцинации сотрясает эти тонкие ментальные стены, как Генри пытается прорваться в его мысли.

Мгновение, еще одно, и Генри затих. Затаился до того момента, когда сможет достучаться. Но тогда уже все будет неважно.

К этому времени на площадь стали подходить первые бунтовщики, призванные им к зданию совета через громкоговорители. Пора начинать.

Деймос развернулся и пошел к крыльцу здания Совета, символизирующего современную власть. Низкие, частые ступеньки раздражали – будто построенные для карликов или немощных стариков — из последних, впрочем, и состоял в основной своей массе совет – они были слишком низкими для того, чтобы наступать на каждую, но слишком широкие, чтобы комфортно шагать через одну.

Но ничего не попишешь.

Пройдя где-то две трети, он остановился и уселся на одной из ступенек лицом к площади.

Десять, двадцать, сотня. Робкие ручейки людей с фонарями, факелами, ножами, кастетами, обрезками труб и просто камнями в руках формировались в полноценные реки, текущие с трех сторон: с центральной улицы, по которой он и прибыл сюда, а также вдоль ограды, по правую и левую стороны.

Они все останавливались в метрах двадцати от лестницы, подчиняясь его воле – для этого даже не приходилось прикладывать каких-либо усилий.

Вот они, его гости.

Деймос посмотрел на толпу. Убийцы, насильники, воры. Кто-то был одет в хороший костюм, на ком-то были лохмотья жителя окраин. Тут были клерки, рабочие, солдаты, водители, бродяги.

Оповещение при помощи громкоговорителей по всему городу сделало Деймосу услугу – заронило мысль в головы тех, кто мог принять его предложение. Ему же, после активации ретрансляторов, оставалось лишь подтолкнуть эти частички к тому, чтобы они беспрекословно подчинились его воле.

Толпа гудела. Он слышал призывы уничтожить гарнизон, а семьи солдат – казнить. Он слышал алчные разговоры о том, чем они, присутствующие, смогут поживиться в здании Совета, ведь всем известно: эти мрази, власть имущие, даже нужду справляют на золотых унитазах, подтирая задницы шелковыми салфетками.

Алчность, злоба, гнев.

Масса перед ним сейчас имела мало общего с

людьми: воодушевленные бунтом, эти отбросы были больше похожи на злобных псов, чем на людей.

Деймос закрыл глаза, погружаясь в бушующую реку чужих сознаний.

Вот, неплохо одетый и зарабатывающий мужчина, он вырос в Кольце Жизни и там же надеялся состариться и умереть. Он избивает жену, а когда напьется, по ночам насилует своего десятилетнего сына.

Вот амбал, который проломил на той неделе одному бедолаге череп ради пары ботинок.

Бывший главарь банды Гетто, гигант, который отдавал приказы казнить людей за неповиновение, а иногда и собственноручно исполнял вынесенный им же приговор.

Вот шлюха, которая опаивает клиентов и выпускает им кишки, если видит слишком тугой кошелек. Сама по себе она не злая, но ничего не может с собой поделаться – ради дозы пыли она пойдет на все.

— Да, неплохая публика, — пробормотал Деймос себе под нос.

Он касался разума каждого, кто стоял перед ним, кто еще шел сюда, выходя из переулков и вливаясь в людской поток.

Сколько их? Сотни? Тысячи? Десятки тысяч?

Он машинально мотнул головой, будто вырываясь из сознаний тех, кого призвал к себе, и пошел дальше – в город.

Столица спала. Те, кто был ему неинтересен, даже не замечали происходящего, только чуть раньше укладывали спать детей и ложились сами. К сожалению, их было намного меньше, чем он рассчитывал.

А вот огоньки сознаний Оливера Стила и Мэтта

Харриса. Они тоже шли сюда, к нему.

Внутри что-то дрогнуло. Он вспомнил то, что увидел в голове Оливера, его жизнь, которую они вдвоем проживали раз за разом.

«Это потом», — подумал Деймос. Площадь перед зданием Совета уже была переполнена. «А сейчас – суд».

Глава 26

Майк перебирал документы, когда к нему зашла Анна.

— Доктор Ивор, — начала женщина, — вас ждет начальник охраны, — она запнулась, — по поводу побега...

— Пусть ждет, — бросил в ответ хирург, — у меня тут есть дела поважнее.

— Так ему и передать?

— Да, так и передай, — не поднимая головы, ответил он, — кстати, — Ивор наконец-то оторвался от бумаг, — ты закончила с моим поручением? Да и вообще, чего в дверях стоишь? Проходи. — Он указал рукой на кресло для посетителей.

Анна немного помялась в дверях, но, не смея перечить своему начальнику, мягко прикрыла за собой дверь и села на предложенное ей место.

— Доктор Ивор, — начала она после небольшой, но очень тяжелой для нее паузы, — вы мне поручили разобраться с личными делами, точнее... — Она запнулась, не зная, как продолжить, — Ну, вы понимаете.

— Я поручил тебе провести чистку дел подопытных, — Ивор раздраженно отложил в сторону очередную папку, сложил перед собой руки и чуть подался к Анне, — ты это хотела сказать?

— Да.

— Мне казалось, что никаких проблем не должно было возникнуть, — он сцепил пальцы рук в замок и легонько стукнул руками по столу, от чего Анна

вздрагнула, — но, как я понимаю, они возникли?

— Понимаете, Майк...

— Доктор Ивор.

— Что? — Анна была дезориентирована.

— В первую очередь, я твой начальник, Анна.

— Да, доктор Ивор, — поправились женщина, — понимаете, у меня возникли вопросы при работе с базой данных.

— Что именно?

— Может, какая-то ошибка, — Анна нервничала, — но там восемьдесят пять записей об объектах, хотя Деймос был последним подопытным... Я нашла лишнюю, она идет вне хронологии и совершенно пуста. — Анна умолкла, но по взгляду хирурга поняла, что может продолжать. — Так вот, я хотела спросить вас, Доктор Ивор, вы не знаете, что за она?

Майк откинулся на спинку своего кресла и опять взял в руки папку, еще недавно отложенную в сторону.

— Понятия не имею, — не глядя на Анну ответил он, — может, сбой какой.

— Понятно.

— Иди лучше работать, Анна, у нас тут полнейший бардак, — сказал Ивор как раз в тот момент, когда Анна собиралась к нему обратиться, — у всех нас очень много работы.

Женщина согласно кивнула, вышла из кабинета и все так же аккуратно прикрыла за собой дверь, пока доктор Михаил Иворинец провожал ее взглядом.

* * *

— Что-то не так, — тихо сказал Оливер.

— Да ладно? — Сязвил Мэтт, — ты про бунт, про долбанных телепатов или в целом про нашу жизнь?

Оливер уже был готов сострить в ответ, но его прервал Ричард:

— Тише вы, оба, — Полковник был моложе этих двоих, но трепета перед старшими за ним никогда не наблюдалось, — мы почти на месте.

— Слушай, — обратился Оливер уже к Ричарду, — а ты уверен, что твои игрушки там будут?

— Да, — О'Коннелл оглянулся по сторонам, — я отдал приказ сделать минимум пять рабочих образцов, если какой-то не сработает.

Он еще раз проверил, что вокруг никого нет, и короткой перебежкой пересек улицу. Мэтт и Оливер не отставая последовали за ним.

— Может, — начал старый Командор, пусть лучше кто-то из нас двоих идет первый? Мы в броне, как-никак, а на тебя только старая куртка какого-то оборванца.

Ричард только мотнул головой.

— Если я первым попадусь на глаза охране, — сказал он, то они могут успеть узнать меня, а если на бунтовщиков — вы прикроете. Так?

— Хреновый план, — буркнул Мэтт.

— Лучше нет, — ответил О'Коннелл.

— Ладно, пошли дальше, вроде чисто, — встрял Оливер.

До входа в здание добрались они без всяких проблем. Пройдя через фойе, все трое уперлись в металлическую служебную дверь. Оливер уже было поднял рельсотрон, для того, чтобы разворотить замок и

половину стены, но Ричард его остановил.

— Ты что забыл? Это мое здание.

Полковник пошарил во внутреннем кармане, откуда извлек ключ-карту.

Одно движение и дверь открылась с легким щелчком.

— Прошу за мной, — бросил Ричард и, ковыляя, пошел вперед, даже не оглядываясь.

Спустя пару минут все трое оказались в его кабинете.

— Мало похоже на лабораторию, — протянул Мэтт и, как бы невзначай, поудобнее перехватил свой автомат.

От Ричарда это движение не укрылось.

— Если что, — начал он, открывая шкаф, чем вызвал еще большую тревогу у своих спутников, — я — калека, и мне бы не помешали мои вещи.

В этот момент мужчина извлек из недр шкафа еще одну трость, а следом и плащ.

— Ты бы хоть предупреждал, — сказал Мэтт, снимая палец со спускового крючка.

— И что бы вы мне ответили? — Возразил Ричард. — Что-то в стиле «мужик, у нас тут очередная революция, а ты за тростью пойдешь?!» Так?

— Ладно, — подал голос Оливер, — если я правильно понимаю происходящее в городе, то времени у нас в обрез. Ричард, до лаборатории далеко?

Разведчик уже надел плащ и доставал из полки стола запасной пистолет и пару магазинов.

— Две минуты.

— Хорошо, — ответил Оливер, — давай, собирай все необходимое тебе дерьмо и идем.

Как и опасался Ричард, в лаборатории не было ни

души, впрочем, с чего бы сотрудникам оставаться на своих местах вечером в пятницу. К тому же, они и так ждали его достаточно долго в прошлый раз, когда активировали ППУСЭП и ошейник Астреи.

В груди Ричарда кольнуло. Он опять вспомнил, как погибла девушка. И Мелисса. Мелли. Ему казалось, что из-за шока он не может понять, как все сложилось именно таким образом, но сейчас, спустя уже несколько часов ему все еще не верилось; будто чья-то незримая рука столкнула его лбами с лидерами сопротивления, но отобрала у него тех, кто мог реально хоть что-то противопоставить мощи Деймоса.

«Могли ли они?», — Подумал Ричард. — «Нет. Вправду, могла ли Мелли чем-то помочь сейчас? Ведь даже Астрея признавала, что на фоне Деймоса она — это муравей на фоне ботинка».

«Могла ли Мелли помочь?», — Поддержал внутренний диалог Полковник, — «Она хотя бы могла остаться в живых».

— Полковник О'Коннелл?

Это был Мэтт. Он вырвал Ричарда из ступора, в который он впал, погружаясь в мысленный спор с самим собой.

— Да, — Ричард устало потер переносицу, — немного задумался.

— Где эти ошейники? — Спросил Оливер.

Ричард уверенно прошел к стеллажу у стены и, ознакомившись с парой ярлыков, схватился за один из ящиков.

— Помоги, — бросил он стоящему рядом Оливеру.

Когда ящик оказался на столе, все трое склонились над его содержимым.

— Это они? – Спросил Мэтт внимательно глядя на Ричарда.

— Да, — ответил полковник, — снимайте броню и надевайте эти хреновины.

— А поверх никак? – Спросил Оливер.

— Парни, что сделали их, настаивали на контакте с телом, — ответил Ричард. Наверное, можно и поверх, но зачем искушать судьбу.

— А они точно сработают? – Мэтт уже достал один из ППУСЭПов и крутил его в руках.

— Когда я столкнулся с Деймосом в казино, мой – сработал, — ответил полковник.

Его спутники ничего не ответили и молча стали деактивировать боевую броню.

* * *

— Чего ты ждешь?

Деймос был крайне удивлен тому, что Генри удалось пробиться через его ментальный блок. Возможно, он недооценил силу своей галлюцинации, а, может, дело было в ЕР-22. В любом случае, он опять был не один.

— Чего ты ждешь? – Повторил свой вопрос Генри.

— Начну я на десять минут раньше или на десять позже – какая разница? – Ответил ему Деймос.

— Я слышал, что дела надо заканчивать как можно раньше, — Генри был крайне недоволен, но, как казалось Деймосу, пытался сдерживаться.

Слишком ответственный момент.

Он погрузился в поток сознания толпы. Встреча с Оливером окончательно оформила в сознании Деймоса,

чем он будет руководствоваться при вынесении приговора. Конечно, у него есть собственные ориентиры, ценности, но не сказать, что слишком уж жесткие. Но их хватит для того, чтобы выжечь каленым железом эти гнойники на теле общества.

— Долго возишься, — Генри был рядом с ним, в мыслях толпы.

Деймос даже не успел понять, что происходит, как окружающий его поток окрасился нитями боли и насилия.

— Что ты делаешь?

— Да ладно? — ответил Генри, — ты и сам понимаешь, что я делаю. Стравливаю их, как бешенных собак. Деймос, у нас нет времени возиться с ними.

Он его не чувствовал, он потерял контроль над ним. Отделившись от Деймоса, Генри, будто художник, который пишет широким мазком, сводил людей в толпе с ума.

Мазок тут, мазок там.

Толпа на площади пришла в движение. Люди, до этого мирно и сонно стоявшие на площади, усыпленные волей Деймоса, сейчас превращались в озверевших монстров, бросающихся друг на друга.

Но Генри площадью не ограничился.

— А почему остальной город спит?

Деймос чувствовал, как Генри проникает в сознание простых людей, превращая их в зверей с лишь одной установкой — убивать.

Свести весь город с ума одним махом — задача непосильная даже для Генри. Он точно выбирал отдельные районы столицы, те, где дела шли хуже, чем в других, и наносил свой удар.

— Хватит! – Деймос направил всю свою мощь, всю силу, которой обладал, для того чтобы обхватить этот поток людских сознаний, усмирить, подавить.

Вот, мужчина роняет занесенный над супругой нож. Останавливаются драки, опускаются дубины и цепи.

В какой-то момент ему показалось, что все удалось.

Почти.

Нити, принадлежавшие его собратьям-операторам стали гаснуть одна за другой. Кто-то целенаправленно истреблял их, как тогда, когда он испугался пары в патруле. Он попытался сконцентрироваться, найти «охотника», но резкая боль в левом боку вырвала его из потока.

Деймос опустил взгляд и увидел рукоять штык-ножа, торчавшую из под ребер. Он был очень похож на тот, которым Генри в его галлюцинациях убивал солдат караула. Сначала Деймосу показалось, что это опять видение, галлюцинация, но боль была слишком реальной.

— Что?.. – Он начал терять сознание.

Уже лежа на ступенях, тяжело дыша, он увидел над собой чью-то фигуру.

— Вот, собственно, и все, капитан, — сказал мужчина, склонившись над ним, — пора в отработку.

— Что? Ты кто? Что? – стараясь не заскулить от боли прохрипел Деймос.

— Ты меня не узнаешь?

Лицо незнакомца поплыло, и через секунду над ним уже стоял Генри. Из плоти и крови.

— Генри?

— Нет, Генри – это ты. А я – это я.

Деймос попытался подняться на локте, но мужчина

ткнул его пальцами в лоб, опрокидывая обратно на ступени здания Совета.

— Лежи-лежи, отсюда открывается хороший вид на то, что ты сделал.

— Это не я, — прохрипел Деймос, — я не хотел этого насилия.

— Ну, чисто технически, — протянул мужчина, — ты. Твой модуль.

Он поднялся на ноги и, повернувшись к Деймосу спиной, окинул взглядом площадь.

— Знаешь, капитан, скольких сил мне стоило терпеть тебя? Твою рефлексю, нерешительность? Твою возню с Оливером Стиллом неведомо зачем? Обладай я возможностью вторгаться в разумы простых людей, я бы стал королем мира. Но я, к сожалению, могу крутить только такими как ты – операторами.

Он бросил взгляд на телепата.

— Отсюда и вся эта возня с тобой. Михаил до конца не верил, что у нас все получится. Ты не представляешь, как ему приходилось выкручиваться, чтобы обмануть Джеймса Харриса, что я просто с твоей помощью истреблю правительство и армейскую верхушку, как много сил он потратил на то, чтобы найти хоть кого-то, схожего со мной по полу, возрасту и прочим параметрам. Как иронично – его самый главный актив – я, вышел с дефектом. Стопроцентная синхронизация с модулем Ока, но с модулем, неспособным работать на нужных частотах. А второй раз операцию не переносил никто.

Он развернулся и присел на ступеньки, рядом с истекающим кровью Деймосом.

— И тут появляешься ты. Идеальный кандидат:

мужчина, мой ровесник, почти стопроцентная синхронизация, но уже с усовершенствованным, рабочим модулем. У нас даже рост совпадает. Ты и вправду думал, что сходишь с ума? Что EP-22 плавит твои мозги и ты говоришь сам с собой? Ивор давно избавился от побочных эффектов. Да, обезболивающие или сам EP-22 несколько расширяют сознание, сокращают продолжительность жизни, но уж точно не сводят с ума, как было в ранних экспериментах профессора Никитинского, нет.

— Документы... — Прохрипел Деймос, — я сам видел эти документы.

Мужчина, которого Деймос считал своим альтер-эго последние недели, только улыбнулся, и они оба оказались в комнате телепата в исследовательском центре. Ножа в боку не было, как и боли.

— А все ли, что ты видишь – правда? – Спросил он Деймоса, похлопал его по плечу и двинулся к выходу.

Уже стоя в коридоре и проверяя свой пистолет, «Генри» обернулся и добавил:

— Счастливо оставаться, капитан Джонсон.
И закрыл за собой дверь.

* * *

— Боже, что тут происходит?

Как только Мэтт, Оливер и Ричард вышли на улицу, они оказались посреди ада.

Если на пути в управление им попадались редкие банды, то сейчас в Столице началась полномасштабная война. На первый взгляд казалось, что все сражались

против всех, но через несколько минут они поняли – город разделился на монстров и жертв.

Ричард бы никогда не поверил, если бы ему сказали, что человек может зубами вырвать гортань другому, но увидел это лично.

— Нам нужен транспорт, — заметил Мэтт.

— Нет, — отсек Ричард, — нас сомнут.

— Еще варианты? – Спросил Оливер.

— Переждать в управлении? – Предложил Мэтт. — В здании должен быть осадный протокол, опустим бронированные рольшторы и переждем все это.

Мимо них с воем пробежала группа безумцев, но троица осталась незамеченной.

— Не вариант, — когда опасность минула, ответил Ричард, — вы же встречались с Генри... Деймосом, я имею в виду, с Деймосом. Это его рук дело.

— И как ты прикажешь нам найти одного единственного телепата в этом хаосе? – Резонно спросил Оливер.

Ричард задумался.

— Он должен быть в центре. Здание Совета – символ нынешней власти и если бы я хотел погрузить город в хаос, то начал бы оттуда – из самого центра Столицы.

Мэтт высунулся из-за угла и оценил обстановку.

— Это самоубийство, — сказал старый командир, — нас даже боевая броня не убережет, а ты и вовсе хромой.

Ричард пытался решить сейчас, наверное, самую сложную задачу, которая когда-либо стояла перед ним.

— Ладно, — разведчик все же решился, — возможно, меня отдадут под трибунал, но это уже

маловероятно. Под зданием управления есть тоннель. Он ведет в самый центр. Предусмотрен на случай эвакуации правительства.

— И где он выходит? — Поинтересовался Оливер.

— Прямо в здании Совета, — ответил Ричард, — правда, там мог сработать протокол безопасности и ход может быть перекрыт, но это наш единственный вариант избежать прогулки по улицам.

После короткого обсуждения вариант Ричарда был принят единогласно.

Так же осторожно, как они выбрались наружу, все трое вернулись в холл управления. Ричард повел Оливера и Мэтта какими-то служебными коридорами и лестницами. Оливеру казалось, что они никогда не дойдут до тоннеля и его не существует вовсе, но наконец-то они оказались в небольшой комнате с дверью под магнитным замком.

— Там есть охрана? — Спросил Мэтт.

— Не должно, но будьте начеку.

Оливер поудобнее перехватил рельсотрон, а Мэтт проверил свой автомат.

— Готовы? — Спросил Ричард.

Мужчины молча кивнули.

О'Коннелл приложил свой ключ-карту к считывающему устройству, дверь с легким щелчком открылась, после чего полковник заглянул в образовавшийся проем.

— Прошу за мной, — шутливо сказал он и сделал шаг внутрь. Следом за ним двинулись и Оливер с Мэттом.

Узкий, плохо освещенный коридор вел неизвестно куда. Иногда петляя, с поворотами под прямым углом,

он создавал впечатление лабиринта, а не пути экстренной эвакуации.

— Ты здесь был раньше? – Спросил Оливер Ричарда.

— Нет, — тихо ответил мужчина, — только у самого входа. Сюда строго ограничен доступ, даже для меня. На каждую сработку ключа надо было писать целый отчет, с какой целью тот или иной сотрудник заходил.

— И часто?

— Раз в год, на осмотре генератора и запасов. Что-то починить, что-то поменять и назад. Обход всего маршрута время от времени делала служба безопасности, не мы.

Оливер стал терять ощущение времени. Шли они пять минут или уже пятнадцать? Понять это можно было бы по степени усталости, но боевая броня четко выполняла функцию поддержки – он все еще был относительно свеж и полон сил.

За очередным поворотом троица внезапно уткнулась в дверь.

— Секунду, — сказал Ричард и приложил свой ключ к считывающей панели.

Ничего не произошло.

— Что за... — Пробормотал себе под нос разведчик и еще раз попробовал открыть дверь.

Ничего.

— Черт! – О'Коннеллу этот путь дался нелегко, и перспектива возвращаться обратно его мало радовала, — видимо, тут мы не пройдем.

Оливер оценил взглядом дверь.

— Отойди, — сказал он полковнику, — отойдите оба за угол.

— Собираешься взрывать? Ты нам потолок на голову

обрушишь, этому ходу лет столько же, сколько и городу.

— Нет, — ответил Стальной Генерал, — просто выбью замок.

Ричард бросил взгляд на рельсотрон в руках Оливера, а потом и на самого мужчину.

— Думаешь, эта пушка справится?

— Ну, с бронированным грузовиком же справилась, — ответил Стальной Генерал, — отойдите подальше.

Когда Мэтт и Ричард укрылись за углом, Оливер поднял рельсотрон и прицелился в точку, где, по его мнению, находился магнитный механизм замка.

— Ну, только не подведи... — Пробормотал он сам себе под нос и нажал на спуск.

Болванка устремилась к двери и без какого-либо сопротивления прошла в ней рваное отверстие. Для верности Оливер запустил еще пару снарядов выше и ниже того места, куда попал в первый раз.

— Готово! — Крикнул он своим спутникам. — Мэтт, подойди, помоги!

Уже вдвоем они схватились за еще горячие края в отверстиях и, приложив все имеющиеся силы, рванули дверь на себя. Та поддалась и с некоторым усилием, но все же открылась.

— Добро пожаловать в святая святых, Стальной Генерал, — шутливо сказал Оливеру Мэтт, — мы в здании Совета.

— Знаешь, не сильно и хотелось.

— Давайте выйдем отсюда, — встрял Ричард, — Генри должен быть где-то рядом.

Оливер и Мэтт молча двинулись следом за полковником по узкой лестнице, ведущей куда-то вверх.

Через несколько узких лестничных пролетов и пару дверей, троица оказалась в одном из служебных коридоров здания Совета.

— Ты здесь вообще ориентируешься? – Спросил Мэтт Ричарда.

— Немного, — ответил полковник, — все правительственные постройки имеют схожие планировки. – Он осмотрелся, будто выбирая, в какую сторону идти, — сюда.

Пока они шли, Оливер рассматривал залитые светом мраморные коридоры этого дворца. Тяжелые, резные двери еще дореволюционной эпохи, тяжелые хрустальные люстры и идеально чистые ковровые дорожки. Это место настолько контрастировало с тем, что было снаружи, что Стальному генералу казалось, что он попал в другой, параллельный мир.

«И к чему все это богатство?», — подумал он. – «Ради полутора десятка стариков?»

За очередным поворотом они натолкнулись на охрану, точнее, на тех, кто раньше охранял это здание.

Двое мужчин в форме избивали третьего. Когда один из охранников занес руку для очередного удара, Оливер увидел, что голова несчастного уже давно превратилась в кровавое месиво, но убийцы и не собирались останавливаться.

Чтобы сориентироваться им с Мэттом потребовалось всего мгновение. Оливер аккуратно опустил на пол рельсотрон, а Мэтт перебросил автомат за спину. Ричард же просто сделал шаг назад – он понимал, что мало чем сможет помочь этим двоим.

Все кончилось быстро.

Оливер одним ударом кулака по голове убил

первого охранника, а со вторым расправился Мэтт, просто свернув тому шею; эти двое были так увлечены, что даже не заметили приблизившихся к ним нападавших.

— Все? — К ним подошел Ричард, державший наготове пистолет.

— Вроде да, — ответил Мэтт, — я все не могу понять, что тут, черт возьми, происходит.

— Без понятия, — Ричард все еще смотрел на охранника, которого убил Оливер. Кости черепа бедолаги деформировались вовнутрь и, если бы О'Коннелл своими глазами не видел, как тот умер, то решил бы, что его убили ударом кувалды.

— Эй! Помогите! — В конце коридора показался мужчина средних лет. По всей видимости, он от кого-то убегал, периодически оглядываясь через плечо.

— Стоять! — Крикнул Мэтт и поднял автомат.

— Не стреляйте! Я нормальный! — Мужчина был уже совсем рядом, — за мной гонятся эти безумцы, двое или трое! Вы же из армии, так? Помогите мне!

Ричард положил руку на ствол Мэтта и опустил его к земле. В это время мужчина уже спрятался за спинами троих.

— Ну и где они? — спросил Мэтт вглядываясь в конец коридора в надежде увидеть тени или услышать какой-то шум.

Оливер краем глаза заметил за спиной какое-то движение, но было поздно.

Гроыхнул выстрел. Пуля, вошла в затылок Мэтта и прошла навылет сквозь всю черепную коробку старого командира. Еще две пули получил в спину Ричард, который так и не понял, что произошло.

Стальной Генерал попытался развернуться, но чувствовал, что не успевает. Нападавший уже сделал два шага назад, и теперь пистолет в его руках был направлен в лицо Оливера.

Первые две пули попали ему в грудь, но Оливер понимал, что вечно везти ему не может: следующая пуля точно войдет ему в голову.

Оливер рванул вперед, прогремел третий и последний выстрел. Стальной Генерал в прыжке сбил мужчину с ног и вместе с ним упал на пол.

— Твою мать, — прохрипел Ричард. В руке полковник сжимал табельный пистолет, который забрал из кабинета — Оливер, ты жив?

Выстрел О'Коннелла оставил во лбу неизвестного аккуратное отверстие, из которого медленно сочилась кровь.

— Да, — Стальной генерал не мог поверить, что остался жив, — а ты не думал, что подстрелишь меня?

— Шансы были, но ты же выжил, — Ричард попытался подняться, но боль в спине опрокинула его обратно на пол, — я ног не чувствую, Оливер.

— Подожди, — Стальной генерал первым делом бросился к Мэтту, хотя понимал, что все зря.

Он перевернул командира сопротивления лицом вверх.

— Ну что же, — морщась сказал Ричард, — теперь ты командир сопротивления, так, Оливер?

Стальной генерал ничего не ответил.

— Что это вообще было? Что за бред? — Оливер не мог понять, что с ними произошло, и почему этот человек напал на них.

— Я не знаю, — ответил О'Коннелл, — хотя,

кажется, я видел его.

— Где?

Ричард помолчал, бросил еще один взгляд на тело рядом и ответил:

— Сегодня, в казино. Где был Деймос. Я тогда еще подумал, что он странно одет для охранника. Слушай, — продолжил полковник, — подай мне автомат Мэтта, а сам иди дальше, найди Генри и пристрели его к чертовой матери, это он заварил эту кашу. А как закончишь, возвращайся.

Оливер согласно кивнул, снял с трупа своего друга оружие, а из медкомплета на костюме достал пару шприцов, и все протянул разведчику.

— Один снимет боль, а второй — замедлит кровотечение. Понял?

— Да я в курсе, — ответил Ричард, — вали уже.

Стальной Генерал молча поднялся, взял пистолет из которого был убит Мэтт и, не оглядываясь, трусцой побежал по коридору.

Ричард понимал, что за ним вряд ли кто-нибудь вернется.

<

* * *

Через несколько минут Оливер добрался до главного холла. Он огляделся и, уже было думал пойти обратно в глубь здания, как услышал крики.

Нет, это была вакханалия звуков.

Стальной Генерал уже взялся за тяжелую дверную ручку, как его ударило током по плечам. ППУСЭП не

выдержал двух попаданий, пусть и через костюм, и приказал долго жить.

«Ну отлично», — подумал Оливер, — «только этого не хватало».

На миг Стальному генералу показалось, что голоса стали громче. Он лишь мотнул головой, будто отгоняя наваждение, и открыл дверь, ведущую на улицу.

Картина, развернувшаяся перед ним, ужасала. Вся площадь была превращена в огромную массу из извивающихся, дерущихся тел.

Оливер чуть было не вернулся внутрь, как заметил тело, лежащее ниже на ступеньках.

Это был Деймос.

Даже отсюда было видно, что кто-то пырнул его ножом и оставил так умирать. Очень хотелось укрыться внутри здания Совета, но Стальной Генерал смог убедить себя, что необходимо проверить, жив Деймос, или его и в правду кто-то убил. Он подошел к телу, отложил в сторону рельсотрон, и опустился рядом с телепатом на колени.

В тот момент, когда Оливер взялся за рукоять ножа, чтобы вытащить его и, если нужно, добить Деймоса, тот захрипел и открыл глаза.

* * *

Капитан Генри Джонсон сидел на краю койки, тупо уставившись в одну точку перед собой.

«Генри?», — он все еще называл неизвестного телепата своим именем, — «как ему удалось провести меня?»

Деймос бросил попытки вырваться из этой ментальной западни. Он не знал, как много времени провел здесь, относительно реального мира – прошла секунда? Или десять минут? Он еще жив или уже вот-вот отдаст концы от потери крови?

На эти вопросы у него не было ответа.

«Сила вмешаться в судьбы других, Золотой Король...», — с горечью вспоминал капитан, — «какой же я был идиот, что считал, что это были мои мысли, моего подсознания».

Он лег на койку, закрыл глаза и приготовился умереть тут, запертый в собственном разуме, как левый бок чем-то обожгло.

Открыв глаза, Деймос увидел склонившегося над ним Оливера Стила.

— Не надо, — прохрипел телепат.

— Что? – Оливер ошарашенно замер, не зная, что делать дальше. Он все еще может контролировать себя, или уже находится под контролем Деймоса?

«Не надо», — прозвучало уже в голове Оливера, — «то, что ты видишь, сделал не я».

— А кто тогда? – спросил Оливер.

В ответ Деймос послал ему образ «Генри», такой, каким он видел его в последний момент. В нем Оливер безошибочно узнал того ублюдка, что застрелил Мэтта.

— И кто это такой? – Стальной Генерал сорвался на крик.

«Враг», — думать было тяжело, но Деймос старался.

— Ну, значит одним врагом меньше, — ответил Оливер. Он раздвинул полы куртки и посмотрел на рану.

Крови было много, жить Деймосу оставалось от силы

минут двадцать.

— Тебе немного осталось, мужик, — сказал Деймосу Стальной Генерал.

«Я в курсе», — мысленно ответил телепат.

Деймос собирался с силами для последнего рывка, опять погружался в поток, теперь больше не золотисто-голубой на черном фоне, а бардово-красный от боли и насилия, царящего вокруг.

«Скоро все закончится, а потом — окажи мне услугу», — обратился он к Стальному Генералу и не дожидаясь ответа нырнул в поток сознаний вокруг.

«Почему бардово-красные тона? Или это просто мой мозг так подстраивается?», — отвлеченно подумал он.

Деймос коснулся разума одного, другого, третьего, пытался привести в чувство. Бесполезно. Используя его как проводник, «Генри» одним махом выжег мозги доброй половине города. Сейчас у этих безумцев было больше общего с животными, чем с людьми.

А бешеных зверей следует усыплять.

* * *

— Эй, ты живой? Деймос? — Оливер пытался достучаться до телепата, потому что понимал, что произошло что-то ужасное, непоправимое. Какая-то ошибка. Но Деймос молчал. Хоть он и дышал, казалось, телепат был то ли в глубоком обмороке, то ли при смерти.

В какой-то момент Оливер понял, что что-то изменилось.

Вокруг все смолкло. Сошли на нет крики, стоны и

звуки борьбы.

Когда Стальной Генерал поднял глаза, его взгляду предстала площадь, усеянная телами. Люди лежали друг на друге, в крови и грязи. Кто-то упал, так и не отпустив очередного противника, кто-то тихо сползал на землю и больше не подавал признаков жизни.

Деймос сделал то, что хотел – вычистил Столицу, но погибло намного больше населения, чем он планировал изначально. Под раздачу попали все, а не только чиновники и армейское командование.

Когда последний несчастный, сведенный «Генри» с ума, упал на землю без всяких признаков жизни, Деймос открыл глаза.

— Зачем?.. – Только и смог спросить Оливер.

«Так было нужно. Бешеных собак нужно усыплять или отстреливать. Я выбрал первое», — Оливер мог поклясться, что слышит в мыслях телепата усмешку. – «Только вот еще про одного кусачего пса забыл. Про тебя».

В этот момент сработал инстинкт самосохранения, который так много раз спасал Оливеру жизнь. Не раздумывая, Стальной Генерал надавил на рукоять вниз, поднимая лезвие выше, к сердцу, после чего до упора вогнал нож под ребра Деймоса.

Телепат дернулся в последний раз и затих.

Оливер поднялся на ноги и еще раз посмотрел на город перед ним. Где-то вдали прогремел взрыв заряда, заложенного Томми или кем-то из его бойцов, после которого тонны стекла и бетона похоронили под собой кусочек ада, в который превратилась Столица – последний оплот цивилизованной жизни на континенте. Следом за первым взрывом – еще и еще, пока большая

часть главных небоскребов Кольца Жизни и правительственного сектора не скрылась в облаках пыли и мусора.

Оливеру даже не хотелось думать о том, что будет после. Вряд ли он сможет когда-нибудь уехать в горы и построить там себе небольшой домик, как и хотел. Старый мир рухнул, опять. Придется строить новый.

Он развернулся и пошел обратно, внутрь здания Совета. Сперва нужно было помочь Ричарду.

Эпилог

— Анна, пошевеливайся! Бойцы должны уже грузиться по машинам! – Ивор даже не повернулся на звук открывшейся двери, а все так же, стоя спиной, паковал вещи для переезда в здание Совета. У него была своя маленькая армия, которую минул столичный катаклизм, и целый отряд телепатов – вполне достаточно, чтобы прийти к власти.

Он услышал, как его помощница усаживается в гостевое кресло вместо того, чтобы выполнить его приказ. Раздраженный Ивор повернулся, чтобы вычитать Анну, но первое, что он увидел вместо своей помощницы – дуло пистолета.

— Михаил, — мужчина поудобнее устраивался в кресле, — ты куда собрался?

К чести Ивора, он удержался от того, чтобы сесть на пол, только немного качнулся.

— Как? Я же...

— Михаил, если ты считаешь, что смог провести меня и что твои подчиненные и твои творения – операторы, были тебе преданны, то ты глубоко заблуждаешься. Сядь. – Человек в кресле дернул стволом, указывая хирургу на его кресло.

После того, как Ивор выполнил приказ, гость поддался немного вперед и продолжил:

— Ты плохой политик, Михаил, хотя бы потому, что считал себя умнее и хитрее окружающих.

— Да? – Только и смог спросить Ивор.

«Прodelать такой путь, такую работу, чтобы этот ублюдок прибрал все к своим рукам», — подумал он.

— Да, Михаил. Никогда не считай окружающих людей глупее тебя самого. И никогда не предавай своих партнеров, — сказал мужчина и несколько раз выстрелил старому хирургу в грудь и живот.

— Нам не нужен еще один тиран, Михаил. Нам нужен мир.

Он дождался, пока руководитель центра испустит дух, после чего встал и вышел в коридор.

К нему сразу же подошел один из бойцов.

— Какие будут указания, сэр?

— Срочно заканчивайте погрузку людей, продуктов и медикаментов. В столице много раненых, скоро начнется голод и эпидемии, если не взять все под контроль. И еще, — добавил он, — если кто-то займется мародерством или еще чем-то подобным – расстреливайте на месте. Сейчас дисциплина среди бойцов превыше всего. Донесите до личного состава.

— Так точно, сэр.

— Выполняйте.

Он устало проводил солдата взглядом, пока тот не скрылся за поворотом. Впереди еще рейды на лаборатории по производству «пыли», которые держали армейские шишки. А еще нужно было найти Мэтта и Оливера – он надеялся, что хотя бы один из них выжил, иначе установить мир с сопротивлением будет крайне

сложно.

— Сэр?

Это была Анна Прайс.

— Да?

— Вот все бумаги по проекту Око, что вы просили,
— она протянула ему пухлую папку.

— Больше копий нет? – Спросил он.

— Нет, как и приказывали, все удалено.

— Отлично, — ответил советник Джеймс Харрис и
взял протянутые ему документы, — пойдете, Анна, у
нас много дел.

Эпилог

— Анна, пошевеливайся! Бойцы должны уже грузиться по машинам! – Ивор даже не повернулся на звук открывшейся двери, а все так же, стоя спиной, паковал вещи для переезда в здание Совета. У него была своя маленькая армия, которую минул столичный катаклизм, и целый отряд телепатов – вполне достаточно, чтобы прийти к власти.

Он услышал, как его помощница усаживается в гостевое кресло вместо того, чтобы выполнить его приказ. Раздраженный Ивор повернулся, чтобы вычитать Анну, но первое, что он увидел вместо своей помощницы – дуло пистолета.

— Михаил, — мужчина поудобнее устраивался в кресле, — ты куда собрался?

К чести Ивора, он удержался от того, чтобы сесть на пол, только немного качнулся.

— Как? Я же...

— Михаил, если ты считаешь, что смог провести меня и что твои подчиненные и твои творения – операторы, были тебе преданны, то ты глубоко заблуждаешься. Сядь. – Человек в кресле дернул стволом, указывая хирургу на его кресло.

После того, как Ивор выполнил приказ, гость поддался немного вперед и продолжил:

— Ты плохой политик, Михаил, хотя бы потому, что считал себя умнее и хитрее окружающих.

— Да? – Только и смог спросить Ивор.

«Прodelать такой путь, такую работу, чтобы этот ублюдок прибрал все к своим рукам», — подумал он.

— Да, Михаил. Никогда не считай окружающих людей глупее тебя самого. И никогда не предавай своих партнеров, — сказал мужчина и несколько раз выстрелил старому хирургу в грудь и живот.

— Нам не нужен еще один тиран, Михаил. Нам нужен мир.

Он дождался, пока руководитель центра испустит дух, после чего встал и вышел в коридор.

К нему сразу же подошел один из бойцов.

— Какие будут указания, сэр?

— Срочно заканчивайте погрузку людей, продуктов и медикаментов. В столице много раненых, скоро начнется голод и эпидемии, если не взять все под контроль. И еще, — добавил он, — если кто-то займется мародерством или еще чем-то подобным – расстреливайте на месте. Сейчас дисциплина среди бойцов превыше всего. Донесите до личного состава.

— Так точно, сэр.

— Выполняйте.

Он устало проводил солдата взглядом, пока тот не скрылся за поворотом. Впереди еще рейды на лаборатории по производству «пыли», которые держали армейские шишки. А еще нужно было найти Мэтта и Оливера – он надеялся, что хотя бы один из них выжил, иначе установить мир с сопротивлением будет крайне сложно.

— Сэр?

Это была Анна Прайс.

— Да?

— Вот все бумаги по проекту Око, что вы просили, — она протянула ему пухлую папку.

— Больше копий нет? – Спросил он.

— Нет, как и приказывали, все удалено.

— Отлично, — ответил советник Джеймс Харрис и взял протянутые ему бумаги, — пойдете, Анна, у нас много дел.

От автора...

Сразу хотелось бы поблагодарить всех, кто поддержал меня больше года назад и затребовал продолжения пилотной зарисовки. Еще хотелось бы сказать спасибо тем нескольким тысячам людей, что читали мое произведение в онгоинге и дошли со мной до этого момента — публикации последней части.

Все опубликованное на Geektimes я бы назвал бета-версией Ока. Позади двадцать шесть частей, больше тринадцати месяцев работы, около 700 000 символов и две клавиатуры. Впереди будет еще много редактуры и работы над текстом, но чисто косметической. Возможно, будут расширены некоторые главы и доработаны сюжетные линии, но в целом, тот вариант, что сейчас опубликован, серьезно не изменится. Думаю, до конца года я сумею сверстать книгу для печати и выпустить тираж самиздата, потому что в издательства как-то не верится. Откуда взять средства пока не понятно, может быть, будет запущен проект на какой-нибудь краудфандинг-площадке.

Исходя из правил GT больше публикаций об «Оке» тут (на Geektimes), скорее всего, не будет, так что за судьбой печатного экземпляра можно будет проследить в группе ВКонтакте или через мой Твиттер.

Все вопросы по сюжету и другим темам, если они возникли, можно задать в комментариях, в ЛС и все в той же группе проекта в ВК.

Всем спасибо за внимание и терпение.

- **ВКонтакте:** <https://vk.com/projecteye>

- **Telegram:** <https://telegram.me/projecteye>
- **Twitter:** <https://twitter.com/RageQt>